

Вступление

Скоро минует два столетия с тех пор, как армия и народ Российской империи вступили в смертельное противоборство с ополчением Европы и в изнуряющей схватке рассеяли и уничтожили полчища неприятеля. Вражеское нашествие, докатившееся до древней столицы, в очередной раз густо усеяло многострадальную русскую землю могилами и остовами уничтоженных поселений. И в очередной раз народ, доведенный было до отчаяния, нашел в себе силы выстоять и победить.

Давно уже исчезли следы разорения, изгладились и поросли травой укрепления, сровнялись с землей безымянные захоронения, но отблески пожаров той далекой поры до сих пор берегут сердца нынешних сынов и дочерей Отечества, равнодушных к великой истории великого государства. В летописи этой истории огненными буквами запечатлены события бессмертной эпопеи Отечественной войны 1812 года.

Военная победа над Наполеоном вывела российское государство во главу мировой политики. Русская армия стала считаться сильнейшей армией мира и несколько десятилетий прочно удерживала этот статус. Основой же боевой мощи вооруженных сил являлся старейший род войск — пехота, что и признавалось всеми современниками. «...Вот идет прекрасная, стройная, грозная пехота наша! главная защита, сильный оплот Отечества...

Всякий раз, как вижу пехоту, идущую верным и твердым шагом, с примкнутыми штыками, с грозным боем барабанов, чувствую род какого-то благоговения, страха... Когда колонны пехоты быстрым, ровным и стройным движением несутся к неприятелю!., тут уж нет молодцов, тут не до них: это герои, несущие смерть неизбежную! или идущие на смерть неизбежную — середины нет!.. Кавалерист наскочет, ускачет, ранит, пронесется, опять воротится, убьет иногда; но во всех его движениях светится какая-то пощада неприятелю: это все только предвестники смерти! Но строй пехоты — смерть! страшная, неизбежная смерть!» — отмечала в своих записках Надежда Дурова [73, с. 234-235].

Именно об этом роде войск и пойдет речь на страницах книги, открытой читателем. Исследуя материалы, посвященные Отечественной войне 1812 г., мы подробно рассмотрим вопросы организации, комплектования, обучения и боевого применения пеших войск русской армии. Автор смеет надеяться, что весь комплекс представленных в книге сведений поможет любителю истории приблизиться к пониманию реалий боевых действий и военного быта, а возможно, и внутреннего мира наших предков, что, в свою очередь, послужит укреплению социальной памяти — неразрывной связи поколений соотечественников.

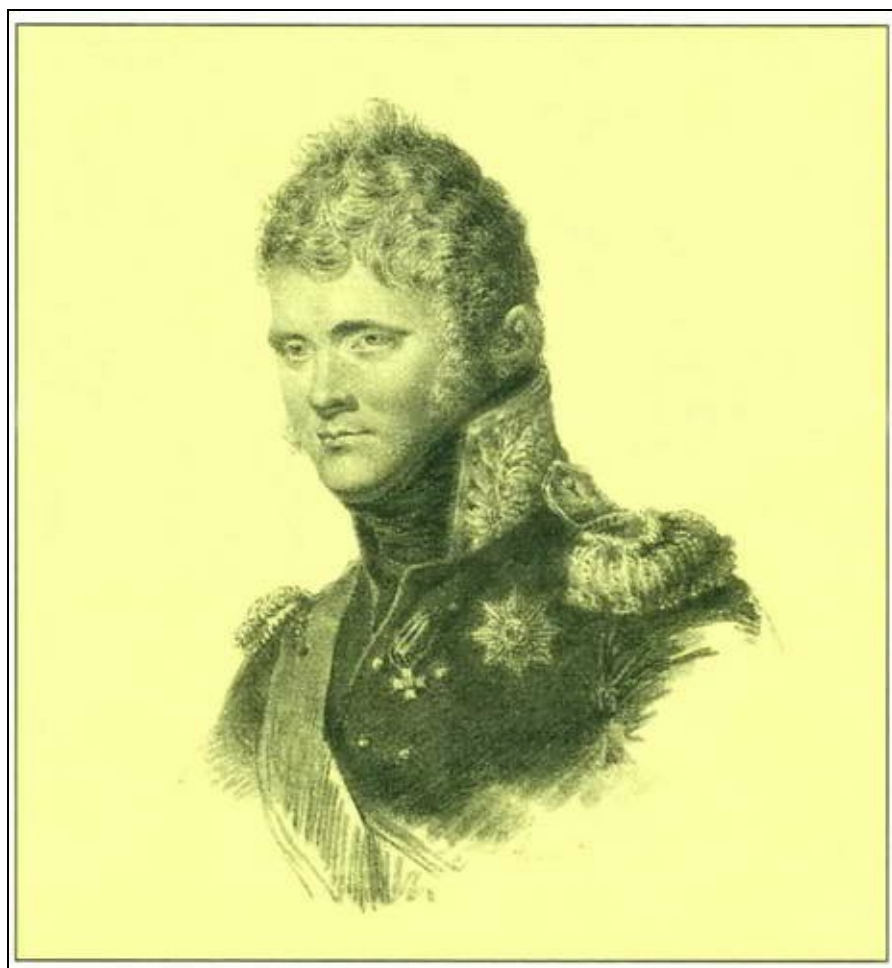
ОРГАНИЗАЦИЯ

Российская армия состояла из регулярных и иррегулярных войск. Русская регулярная пехота в 1812 г. по территориальной локализации службы делилась на полевую и гарнизонную, по основным боевым функциям — на тяжелую (линейную) и легкую, по элитарности и степени приближенности к правящей династии — на гвардейскую и армейскую. Также к пехоте относились инвалидные роты и команды.

Полевая пехота составляла основу военных сил государства и, имея в мирное время определенные места квартирования, направлялась по мере необходимости на тот или иной театр военных действий. Гарнизонная пехота, в соответствии с названием, выполняла функции гарнизонов городов и крепостей и обеспечивала деятельность органов государственной власти в местах постоянной дислокации.

Тяжелая пехота, представленная гвардейскими гренадерскими, гренадерскими, пехотными, морскими и гарнизонными частями и подразделениями, предназначалась, прежде всего, для действий в сомкнутом строю. Легкая пехота — гвардейские и армейские егерские полки и Гвардейский экипаж — целиком обучалась действиям в рассыпном строю, поэтому в егеря старались подбирать относительно низкорослых и подвижных солдат. В целом к 1812 г. функциональные особенности видов пехоты в известной степени нивелировались: если егерские части изначально изучали правила сомкнутого строя, то и многие линейные полки превзошли основы егерского учения.

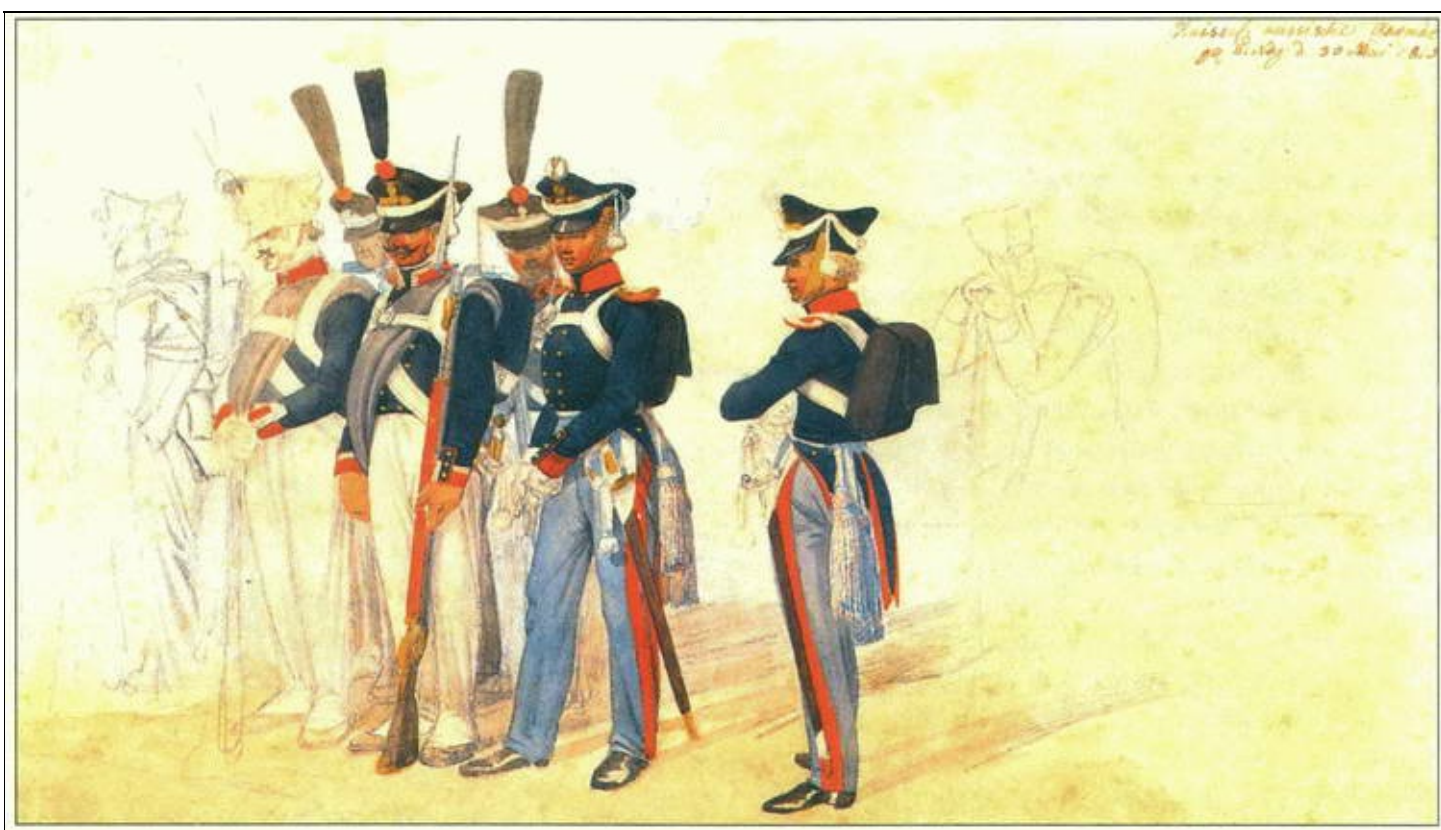
Гвардия, неся службу, непосредственно связанную с охраной императорской фамилии, имела целый ряд преимуществ перед армейскими частями при комплектовании, обучении и снабжении; соответствующим образом повышались и предъявляемые к этим элитным частям требования.

М.И. Кутузов. Миниатюра по гравюре Ф. Боллингера с оригинала Г. Розентреттера. 1-я четверть XIX в.

Практически все полки полевой пехоты имели общую структуру: полк делился на 3 батальона, батальон — на 4 роты. С 12 октября 1810 г. три батальона полка получили единообразную организацию: каждый батальон теперь состоял из одной гренадерской роты и трех рот, называемых во Франции «центральными» (в гренадерских полках это были фузилерные роты, в пехотных — мушкетерские, в егерских — егерские). В строю батальона взводы гренадерской роты — гренадерский и стрелковый — вставляли на флангах, три остальные роты размещались между ними. Первый и третий батальоны считались действующими, а второй — запасным (в поход выступала только его гренадерская рота, а три остальные, выслав людей на доукомплектование действующих батальонов, оставались на квартирах). Гренадерские роты вторых батальонов, как правило, при соединении полков в дивизию составляли два сводных гренадерских батальона (по 3 роты), при соединении в корпус — сводную гренадерскую бригаду (4 сводных батальона), при соединении в армию — сводную гренадерскую дивизию. В полках гвардейской тяжелой пехоты и в Лейб-гренадерском полку все роты считались гренадерскими, и именование «рот центра» осуществлялось просто по номерам.

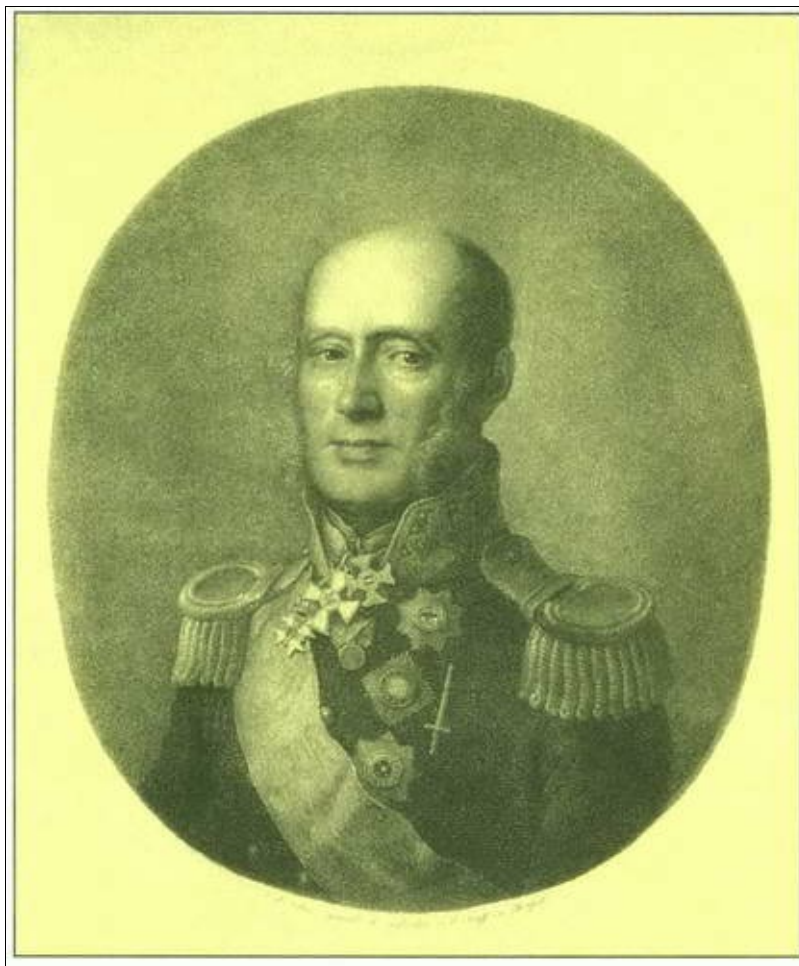
Гренадеры, унтер-офицер и обер-офицеры гренадерской роты. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Гарнизонная пехота делилась на полки, батальоны и полубатальоны. В Московском гарнизонном полку было 6 батальонов, в 2 полках — по 3 батальона, в 9 полках — по 2 батальона. В каждом гарнизонном батальоне числилось по 4 мушкетерских роты.

Гвардейская пехота в 1812 г. включала в себя Гвардейскую пехотную дивизию и лейб-гвардии Гарнизонный батальон. 1-я бригада дивизии состояла из лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семеновского полков, 2-я бригада — из лейб-гвардии Измайловского и новосформированного лейб-гвардии Литовского полков, 3-я бригада — из лейб-гвардии Егерского и лейб-гвардии Финляндского полков и Гвардейского экипажа 1-батальонного состава. В дивизии числилась лейб-гвардии Пешая артиллерийская бригада из 2 батарейных, 2 легких артиллерийских рот и артиллерийской команды Гвардейского экипажа. В поход были выведены все три батальона каждого гвардейского полка; таким образом, это была самая многочисленная пехотная дивизия — в ней насчитывалось 19 батальонов и 50 орудий.

Армейская полевая пехота к началу войны состояла из 14 гренадерских, 96 пехотных, 4 морских, 50 егерских полков и Каспийского морского батальона. В 1811 г. было утверждено расписание дивизий, от 1-й до 27-й, и бригад; при этом 19-я и 20-я дивизии не имели постоянного бригадного разделения. По этому расписанию две гренадерские дивизии (1-я и 2-я) состояли из трех гренадерских бригад каждая, пехотные дивизии — из двух пехотных и одной егерской бригады (пехотные — первая и вторая бригады, егерская — третья). В 6-й дивизии вторая и третья бригады включали в себя по одному пехотному и одному егерскому полку. В 25-й дивизии в первой бригаде числились 1-й и 2-й Морские полки, во второй — 3-й Морской и Воронежский пехотный. 23-я дивизия состояла только из двух бригад, во второй из которых были сведены пехотный и егерский полки. При каждой из первых 27 пехотных дивизий состояла полевая артиллерийская бригада, включающая 1 батарейную и 2 легкие артиллерийские роты. Почти все дивизии, исходя из расписания, имели по 12 батальонов

пехоты и по 36 орудий.

М.Б. Барклай де Толли

Князь П.Х. Витгенштейн. Рисунок Луиде Сент-Обена. 1812-15 гг.

В 1812 г. вступило в силу расписание гренадерских рот вторых батальонов полков. По расписанию при каждой из 27 дивизий (№№ 1-27) состояло по два сводно-гренадерских батальона. В 1-й дивизии первый батальон состоял из рот Екатеринославского, Санкт-Петербургского и Павловского гренадерских полков, второй — из рот гренадерского Графа Аракчеева и Кексгольмского пехотного полков; во 2-й дивизии каждый из двух батальонов состоял из трех гренадерских рот гренадерских полков; в 11-й дивизии — из роты пехотного и роты егерского полков; во всех остальных дивизиях — из двух рот пехотных полков и из роты егерского полка. Сводные батальоны не формировались в приграничных (6, 19, 20, 21, 25-я) и в воевавших с Турцией (8,10, 13, 16, 22-я) дивизиях.

19 марта 1812 г. дивизии были распределены по вновь организуемым армиям: в 1-ю Западную армию поступили 1, 3, 4, 5, 7, 11, 14, 17, 23 и 24-я дивизии; во 2-ю Западную — 2, 12, 26, 27-я. В мае не вошедшие в расписание 9, 15 и 18-я дивизии поступили в состав 3-й Резервной Обсервационной армии. Эта новая армия уже в сентябре была объединена с Дунайской (8,10,13,16, 22-я дивизии) в 3-ю Западную армию. 16 сентября 1-я и 2-я Западные армии объединились в Главную армию.

Расписание пехотных корпусов в это время было нестабильным, в большинстве из них числилось по две дивизии (иногда с дополнением из сводных или запасных батальонов).

Помимо полевых полков в две дивизии — 28-ю и 29-ю — были объединены гарнизоны Оренбургского края и Сибири. Вообще в армейской гарнизонной пехоте состояло 12 гарнизонных полков, 20 гарнизонных батальонов, а также 42 батальона и 4 полубатальона Внутренней Стражи. Почти все гарнизонные части и подразделения в большей или меньшей

степени были задействованы при формировании подкреплений для действующей армии, 4 батальона приняли участие в боевых действиях.

В ноябре 1811 г. рекрутские депо получили батальонную организацию; к каждому пехотному или егерскому полку приписали трехротный батальон из рекрутского депо, названный четвертым (резервным, рекрутским) батальоном полка. Резервных батальонов теперь не имели лишь гвардейские и гренадерские полки, пополняемые лучшими людьми армии. По Указу от 14 марта 1812 г. из 97 запасных батальонов составлялось 8 новых пехотных дивизий с номерами от 30-го до 37-го, а из 123 резервных батальонов — 10 пехотных дивизий с номерами от 38-го до 47-го. В дивизии не вошли запасные батальоны Лейб-гренадерского, гренадерского Графа Аракчеева, Кексгольмского пехотного полков (все три полка, состоявшие при Гвардии, не отделяли вторых батальонов); запасной и резервный батальоны Елецкого полка; запасные батальоны 19-й и 20-й дивизий (резервные батальоны этих дивизий довольно скоро были упразднены). Разделение на дивизии оказалось простой формальностью, и во время войны все запасные и резервные батальоны поступили на комплектование уже существующих частей. Так, перед Бородинским сражением в состав 1-й и 2-й Западных армий влились батальоны Калужского резервного корпуса генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, по большей части компенсировавшие потери полков 1-й армии: 1-й сводный пехотный полк поступил во 2-й корпус, 2-й — во 2-ю армию, 3-й — в 4-й корпус, 4-й — в 6-й корпус, 5-й — во 2-ю армию; 1-й сводный егерский полк — в егерские полки 2-й армии, 2-й — в егерские полки 2-го и 4-го корпусов; резервный батальон 28-го егерского полка — в 3-ю пехотную дивизию, резервный батальон 32-го полка — в 6-й корпус, 4-й батальон Елецкого полка — в 6-й корпус [149, с. 319]. Поселенный батальон Елецкого полка присоединили к полку.

С апреля 1812 г. под руководством генерал-лейтенанта Д.И. Лобанова-Ростовского началось формирование 12 новых номерных полков (1-8-й пехотные, 1-4-й егерские) из рекрутов последнего набора. По месту комплектования полки также именовались: пехотные — 1-й, 2-й Владимирские, 3-й, 4-й Костромские, 5-й, 6-й Рязанские, 7-й, 8-й Тамбовские; егерские — 1-й, 2-й Ярославские, 3-й, 4-й Воронежские. Полки были разделены на 2 дивизии. 2-я дивизия (5-й, 6-й, 7-й, 8-й пехотные и 3-й, 4-й егерские) поступила на пополнение Главной армии 18 и 27 сентября, а 1-я дивизия (1-й, 2-й, 3-й пехотные и 1-й, 2-й егерские) — в декабре. Только 4-й пехотный полк был оставлен для дальнейшего комплектования резервных войск Лобанова-Ростовского.

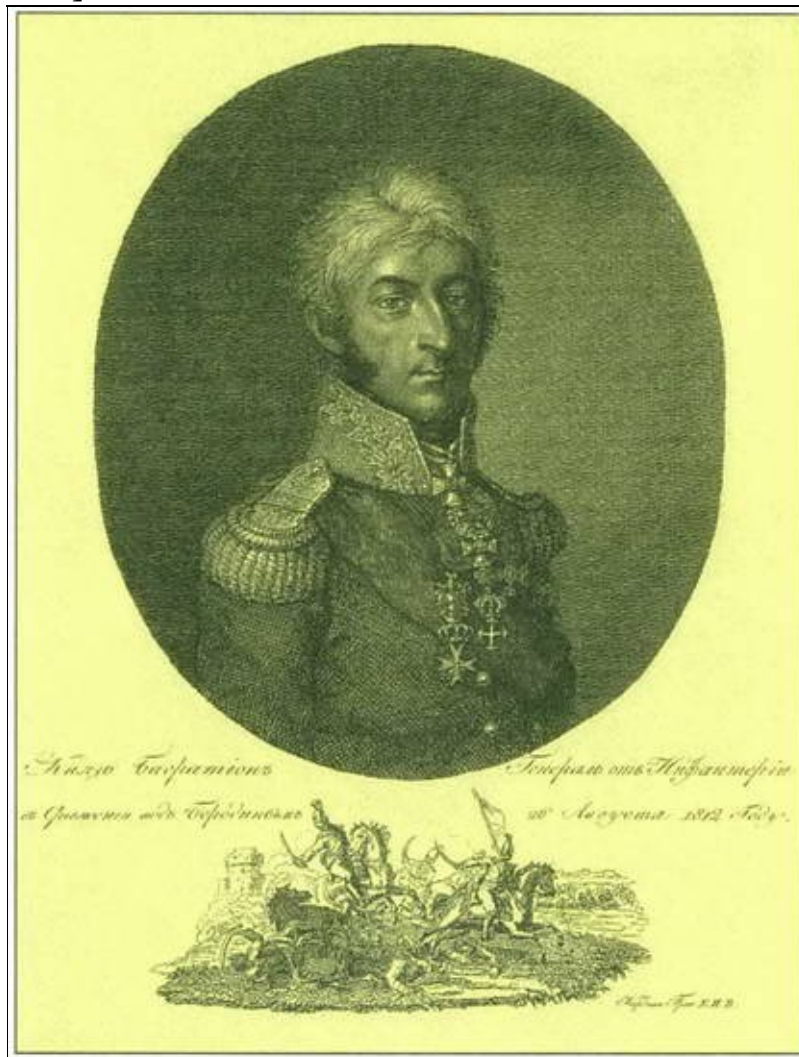
В июне были задействованы депо 2-й линии: на их основе (с добавлением батальонов 2-го и 3-го Морских и Московского гарнизонного полков) под руководством генерал-лейтенанта А.А. Клейнмихеля сформировали 6 новых пехотных полков с номерами от 9-го до 14-го. 12, 13, 14-й полки прибыли к армии в окрестностях Москвы, а 10-й, 11-й — в ноябре [149, с. 319]. 9-й полк, прибывший к армии в сентябре, рассеялся при встрече с неприятелем и был сформирован заново также к ноябрю.

Огромные потери, понесенные армиями при Бородине, повлекли за собой и организационные изменения в полках. Поистине трагический приказ от 29 августа гласил: «Полки, в коих менее 300 рядовых во фронте, сформировать немедленно из двух батальонов в один. Знамена же от сих полков, собрав от каждого корпуса вместе, отправить при 1-м офицере с малой командой до первой станции от Москвы, где оставаться им впредь до повеления...»

По распределении милиционных полков в корпуса собрать всех откомандированных по частям нижних чинов, дабы более иметь людей во фронте...

Г-м корпусным начальникам отрядить немедленно от каждого пехотного, исключая гвардейского корпуса по 1-му штаб-офицеру, для принятия от генерал-лейтенанта Маркова полков из Московской военной силы, поступивших в корпуса...» [44, с. 454, 455].

Следующий приказ пояснял: «Составить из оных (ополченцев. — И.У.) на время продолжения войны 3-ю шеренгу; если же по числу старых рядовых в полках окажется ратников более, нежели на 3-ю шеренгу нужно, то таковых иметь за дивизиями в резервах колоннами, и во время сражения употреблять оных для отводу раненых, а в другое время для разных откомандировок» [44, с. 454].

П.И. Багратион

Генерал от кавалерии, граф А.П. Тормасов

Все сводные гренадерские батальоны 1-й и 2-й армий в сентябре поступили на пополнение гренадерских дивизий и гвардии. Исключение было сделано лишь для одной роты. В приказе по 1-й Западной армии № 94 от 11 сентября говорилось: «Перновского пехотного полка гренадерская рота, состоящая при сводном гренадерском батальоне, во уважение подвигов полка, в прошедшую кампанию против французов удостоившаяся получить знамена за храбрость, не поступает в число расформированных гренадерских рот, но обращается к полку» [44, с. 459,460].

В тарутинском лагере от армии были отделены 9 наиболее пострадавших егерских полков. В каждом из этих полков было оставлено 60 нижних чинов, все музыканты и штаб, остальные чины поступили на пополнение других егерских полков, как правило, тех же дивизий: чины 18-го егерского — в 1-й и 33-й полки, 21-го полка — в 20-й, 30-го полка — в 48-й, 34-го полка — в 4-й, 36-го полка — в 11-й, 40-го полка — в 19-й, 41-го полка — в 6-й, 42-го полка — в 5-й, 50-го полка — в 49-й. При этом ряд оставшихся полков были рассчитаны на 3 батальона. В конце ноября такая же процедура последовала и в отношении линейной пехоты. В распоряжении М.И.Кутузова говорилось: «В каждой пехотной дивизии из 4 пехотных полков один слабейший обратить на укомплектование остальных полков той же дивизии, то есть 3 пехотных и 1-го (одного. — И.У.) Егерского» [149, с. 200].

После начала боевых действий из 10 находящихся в Финляндии полков 6-й и 21-й дивизий (Азовского, Низовского, Брянского, Невского, Петровского, Подольского, Литовского пехотных

и 3, 2 и 44-го егерских) было выделено по одному сильному (численностью в 1000 человек) батальону для действия в составе десантного отряда генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля.

По приказу Императора от 23 октября из 61 166 рекрутов последнего набора сформировали 69 батальонов для пополнения армии Кутузова: 18 батальонов упомянутых егерских полков и 51 батальон для пополнения полков 3, 4, 7, 11, 12, 17, 24, 26 и 27-й дивизий [28].

С сентября же для пополнения некоторых полков также начали формировать «сильные» батальоны: в каждом таком батальоне состояло 80 унтер-офицеров, 1 батальонный барабанщик, 16 барабанщиков, 8 флейтчиков и 920 рядовых. Первые сильные батальоны предназначались для полков 6-й и 21-й дивизий [17], позднее еще один батальон сформировали для Воронежского пехотного полка [17]. В октябре же началось формирование добавочных батальонов для полков Лейб-гвардии и армейских — Лейб-гренадерского, Графа Аракчеева и Кексгольмского [18].

В декабре после завершения активных боевых действий появилась возможность несколько упорядочить пеструю структуру армии, для чего и были предприняты некоторые меры — так, например, запасные батальоны 2-й гренадерской дивизии из армии Витгенштейна поступили на пополнение своей дивизии, отослав знамена и некомплектный обоз в арсенал [149, с. 279].

Всего к концу 1812 г. формировались следующие резервные войска:

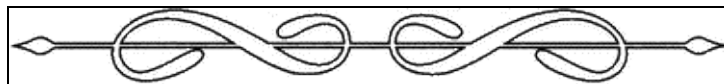
6 батальонов гвардии — Великим Князем Константином Павловичем;

3 батальона для Лейб-гренадерского, гренадерского Графа Аракчеева и Кексгольмского — генерал-майором Башуцким и полковником Жандром;

77 батальонов — генералом от инфантерии князем Лобановым-Ростовским;

48 батальонов — генерал-лейтенантом Эссенем 3-м;

24 батальона — генерал-лейтенантом Клейнмихелем.

ШТАТЫ И ФУНКЦИИ ЧИНОВ

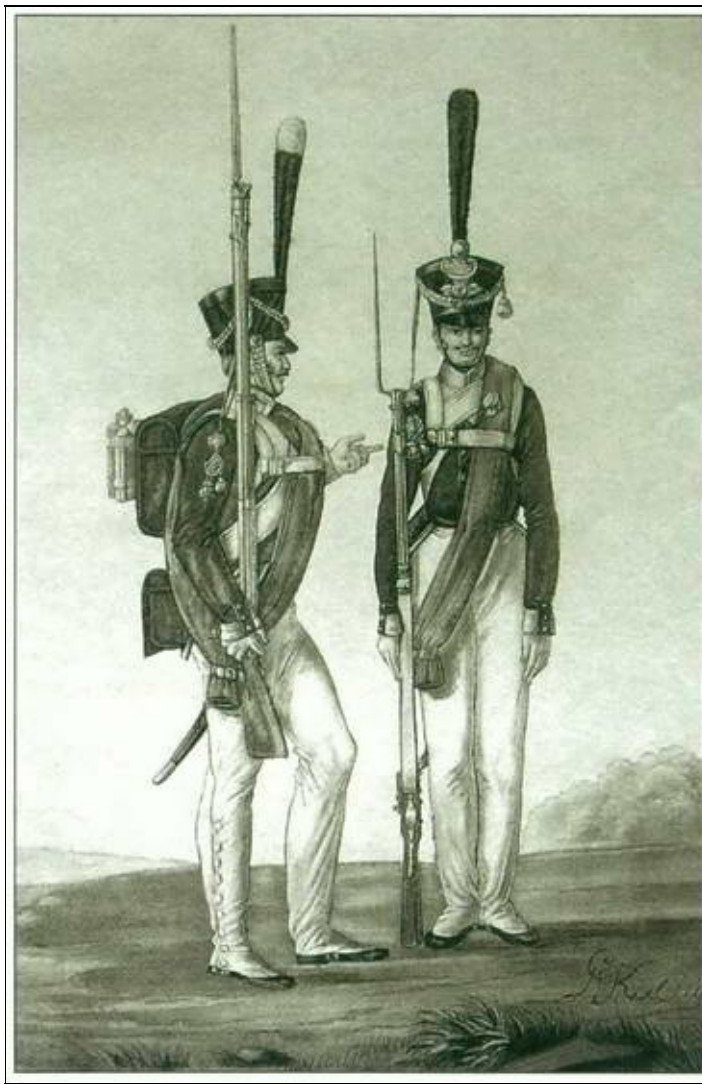
По штатному расписанию в каждом полку или батальоне числились строевые и нестроевые чины.

Расписание военного времени предписывало иметь в каждом гренадерском, пехотном и егерском полку следующее количество чинов: **строевых** — шеф полка, 6 штаб-офицеров, 54 обер-офицера, 120 унтер-офицеров, 1980 рядовых, 9 музыкантов, 1 полковой, 2 батальонных и 36 ротных барабанщиков и 6 ротных флейтщиков; **нестроевых** — 1 аудитор, 1 священник, 2 церковника, 1 штаб-лекарь, 3 батальонных лекаря, 3 фельдшера, 1 надзиратель больных унтер-офицерского чина, 12 ротных цирюльников, 12 лазаретных служителей, 1 вагенмейстер, 6 писарей, 1 ложенной мастер и 12 его учеников, 1 оружейный мастер и 6 ему учеников, 1 коновал, 6 кузнецов, 12 плотников, 47 фурлейтов, 3 профоса. В полках, которым были присвоены наградные трубы, в штате предусматривалось 2 дополнительные музыкантские должности. В Лейб-гренадерском полку по 2 флейтщика числилось в каждой роте, то есть общее количество ротных флейтщиков достигало 24. В Гвардии хоры музыки состояли из большего количества музыкантов, имеющих также и более разнообразные инструменты: в Преображенском полку музыкантов было 40, в остальных гвардейских полках — по 25.

Таким образом, штатная сила русского батальона оценивалась в 700 штыков против 810 штыков комплектного французского батальона. В боевых условиях это означало, что фронт неприятельского батальона был длиннее на 37 рядов. Относительная слабость русского батальона, особенно с учетом постоянного некомплекта, привела к тому, что с 1812 г. начали формироваться «сильные» батальоны из 1000 нижних чинов, а количество ружей в таком батальоне в 1815 г. было доведено до 900. Для понимания реального соотношения боевых сил нужно учитывать и то, что в походе могло участвовать до 5 батальонов французского полка, и в этом случае один такой полк не только превосходил 4-батальонную русскую бригаду, но и мог на равных соперничать с некоторыми русскими дивизиями: например, 2-я сводно-гренадерская дивизия к началу Бородинского сражения насчитывала 4060 нижних чинов, а 27-я пехотная — 4709.

Штаб-офицер и обер-офицер гренадерского полка. Л.И. Киль. 1815 г.

Унтер-офицер и гренадер гренадерского полка. Л.И.Киль. 1815 г.

Различия рот внутри одного батальона пехоты носили престижно-функциональный характер. Основной функцией стрелков была огневая поддержка сомкнутого батальона: стрелки либо сами разворачивались в цепь, либо составляли резерв цепи застрельщиков. Гренадерский взвод служил своеобразным резервом батальона в колонне, а в развернутом строю обеспечивал безопасность правого фланга. При этом гренадерские роты вообще считались, да и были на самом деле, отборными подразделениями, в которые переводили лучших солдат прочих рот, необязательно самых высоких, но непременно отличающихся наилучшим поведением. Рост имел значение лишь при разделении самой гренадерской роты: высокие солдаты комплектовали гренадерский взвод, низкорослые — стрелковый. Офицерам предписывалось обращаться к военнослужащим отборных рот, используя термины «гренадер» или «стрелок», оставляя обезличенные обращения «солдат» или «рядовой» («рядовой») для нижних чинов «рот центра».

Полком командовал шеф, зачастую состоящий в генеральском чине, а командир полка на деле был только старшим офицером, принимавшим на себя командование в отсутствие шефа. В каждом батальоне состояло по 2 штаб-офицера — командир батальона и младший штаб-офицер; к штаб-офицерским относились звания полковника, подполковника и майора. В Гвардии все штаб-офицеры носили полковничьи звания, только в новой лейб-гвардии

Литовском полку полковником был командир полка, а все остальные штаб-офицеры — подполковниками.

Штаб-офицеры распределялись по ротам пехотного полка следующим образом: шеф полка

числился при 1-й гренадерской роте, командир полка — при 3-й гренадерской, командир 1-го батальона — при 3-й мушкетерской, младший штаб-офицер 1-го батальона — при 1-й мушкетерской, командир 2-го батальона — при 4-й мушкетерской, младший штаб-офицер 2-го батальона — при 6-й мушкетерской, командир 3-го батальона — при 9-й мушкетерской, младший штаб-офицер 3-го батальона — при 7-й мушкетерской [10].

Ротой командовал капитан или штабс-капитан, которому помогали поручик, подпоручик и прапорщик. Помимо 48 обер-офицеров, состоящих в ротах, 2 поручика или подпоручика назначались на должности полковых казначея и квартирмейстера, а 4 подпоручика или прапорщика — на должности шефского, полкового и батальонных адъютантов. В ведении казначея состояли «жалованная, амуничная, полковая сумма и амуниция», в ведении квартирмейстера — «провиант и фураж или деньги, на то отпускаемые». Полковой адъютант, казначей и квартирмейстер числились в 1-й гренадерской роте, адъютант 2-го батальона — в 4-й мушкетерской, а адъютант 3-го батальона — в 3-й гренадерской.

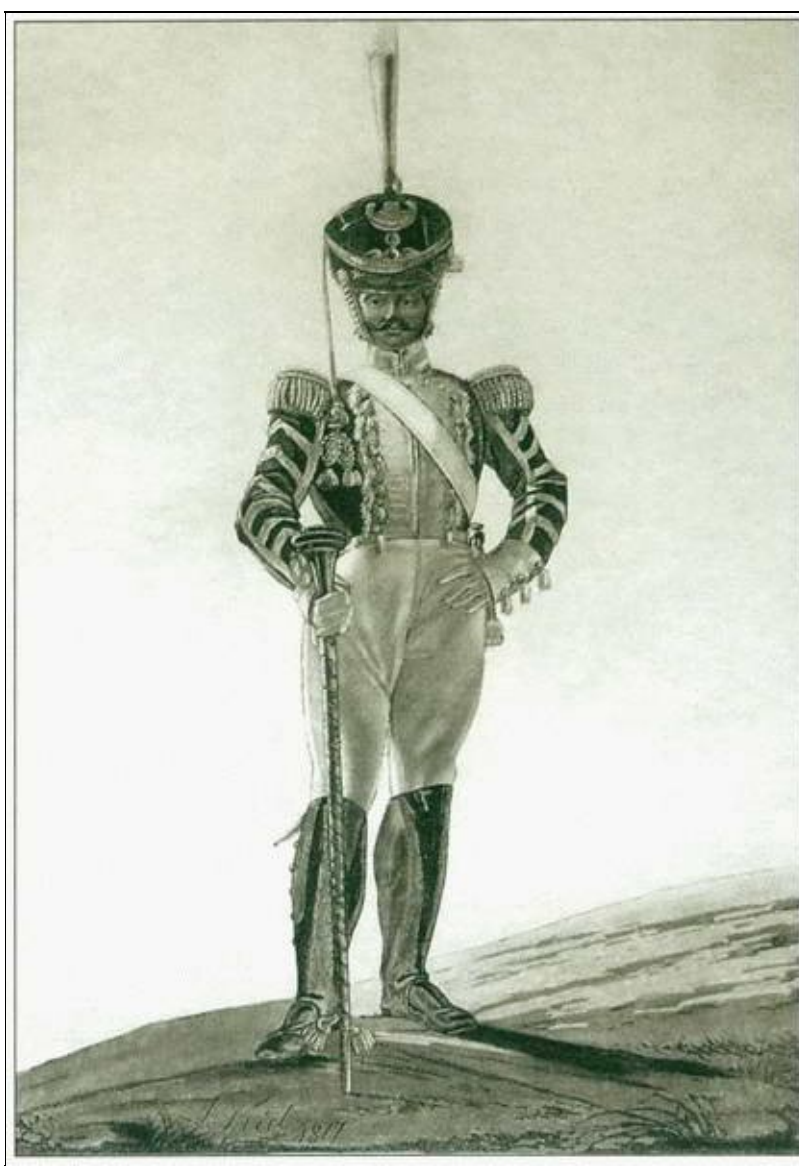
Строевой младший командный состав делился на старших и младших унтер-офицеров и ефрейторов (старшие ефрейторы также назывались вице-унтер-офицерами). К старшим унтер-офицерам относились фельдфебели, портупей-прапорщики, подпрапорщики (в егерских полках — портупей-юнкера и юнкера) и каптенармусы. Должность фельдфебеля состояла в том, «чтоб подавать дневные рапорты от роты Капитану или ротному Командиру и Адъютанту батальонному, сочинять месячные списки и все случающиеся рапорты, принимать и раздавать на роту получаемые деньги, записывать полковые приказы, и все исправлять, что до роты касается» [75, с. 2]. Звания портупей-прапорщиков и подпрапорщиков (портупей-юнкеров и юнкеров) предназначались для дворян, готовящихся к получению офицерского чина; при недостатке таковых в полку их место занимали младшие унтер-офицеры из недворян. В каждой роте старший унтер-офицер, следящий за состоянием оружейных и амуничных вещей, именовался каптенармусом. Про эту должность в Уставе 1797 г. говорилось: «Каптенармусу не ходить на караул, а осматривать ему, когда при роте дела не имеет, в вечеру и поутру, после зорей, свою роту, иметь ему под собою ротное Казначейство, ему же принимать и отпускать все амуничные вещи, и отдавать отчет Капитану, или ротному Командиру» [75, с. 3]. Один из младших унтер-офицеров в роте исполнял должность квартирьера и был обязан «на походе разбивать лагерь..., принимать... В городах и деревнях квартиры, фураж и провиант». Ефрейторы (вице-унтер-офицеры) назначались из самых достойных рядовых и при недостатке унтер-офицеров занимали их места.

Гренадер линейной пехоты (гренадерского или первого по старшинству в дивизии пехотного полка). У солдата зачехлены кивер и ножны тесака (к которым также подвязан чехол с султаном). С тесака снят темляк, а на ручку повешены рукавицы шинельного сукна.

Музыкант и батальонный барабанщик гренадерского полка. Л.И. Киль. 1816 г.

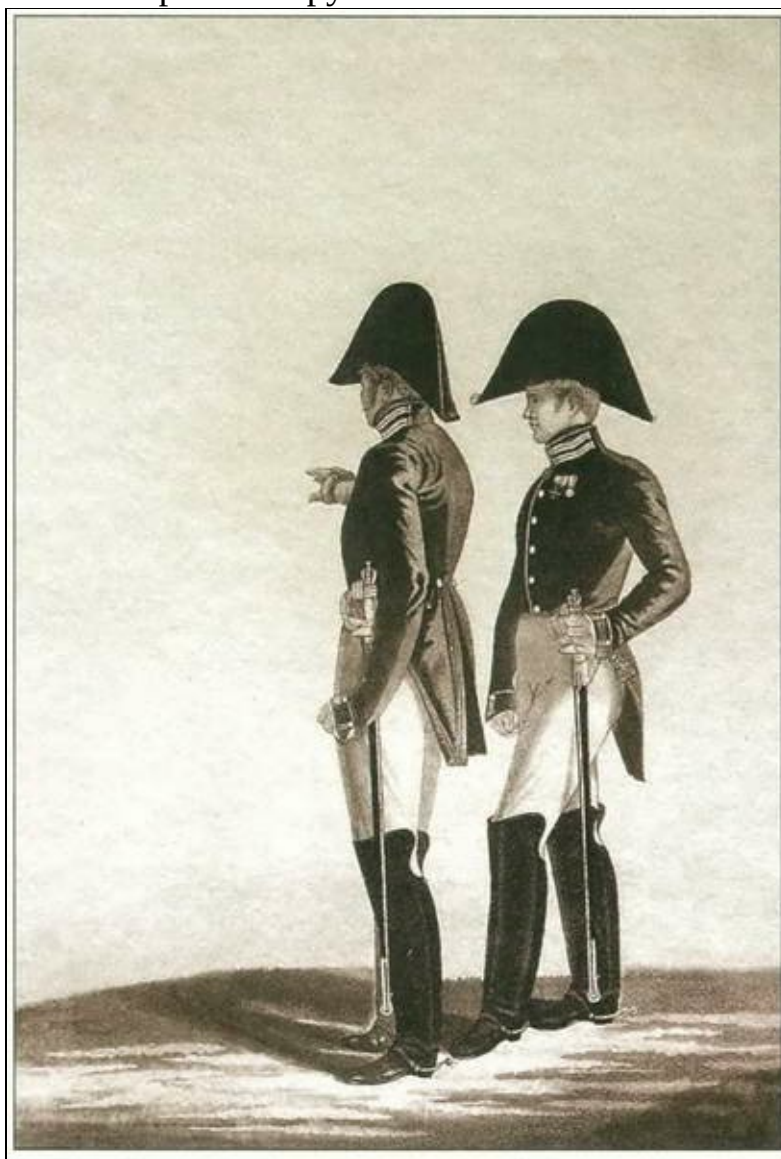
Тамбурмажор пехотного (?) полка. Л.И. Киль. 1817 г.

В хозяйственном отношении рота, кроме гренадерской, как правило, делилась на 3 отделения («артели»), которые не следует путать со строевыми отделениями. В первом отделении, помимо рядовых, числились старшие унтер-офицеры, один младший унтер-офицер, вице-унтер-офицер, один барабанщик, артельщик и цирюльник. Во втором отделении состояли несколько младших унтер-офицеров, вице-унтер-офицер, барабанщик, артельщик, лазаретный служитель, ложник и плотник; в третьем — несколько младших унтер-офицеров, вице-унтер-офицер, артельщик и несколько фурлейтов. В гренадерской роте каждый из взводов делился на 2 отделения, в каждом из отделений состоял барабанщик (в 1-м отделении — батальонный), а в гренадерских отделениях — по одному «флейтщику». Члены артели вели совместную хозяйственную деятельность. В штатах полка специально предусматривались должности для солдат, заведующих хозяйством артелей, — артельщиков: они состояли в числе нижних строевых чинов, но не имели ружей.

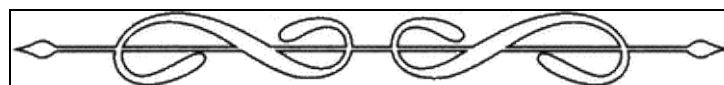
Хор полковой музыки и полковой барабанщик числились в 1-й гренадерской роте, батальонные барабанщики — в тех же ротах, что и батальонные адъютанты. Ротные музыканты, помимо своих основных функций, во время боя выносили раненых, а зачастую выполняли и хозяйственные функции. Полковой и батальонные барабанщики обучали ротных музыкантов и задавали нужный темп движения. В ряде гвардейских полков в 1812 г. были заведены

сверхштатные должности тамбурмажоров.

Аудитор вел судебное делопроизводство, а также заведовал полковым обозом; в его подчинении находились профосы, исполняющие полицейские обязанности, вагенмейстер унтер-офицерского чина, коновал, кузнецы, плотники и фурлейты. Медицинская часть состояла из штаб-лекаря, батальонных лекарей, фельдшеров и цирюльников. За полковым лазаретом следил надзиратель больных и лазаретные служители. Оружейный и ложенной мастера с учениками осуществляли мелкий ремонт оружия.

Военные медики. Л.И. Киль. 1816 г.

Этнический состав пехоты в начале XIX века продолжал оставаться практически однородным: основным источником комплектования пеших войск традиционно служили великорусские губернии Империи. Принц Евгений Вюртембергский, в 1812 г. командовавший русской 4-й пехотной дивизией, очень точно подметил особенности боевого состава русской армии:

«Я имел довольно случаев ознакомиться с русским войском, и достоинства, которые приписывают ему, не преувеличены. Русский рекрут обыкновенно терпелив, очень понятлив, и легче свыкается с своею новою неизбежною участью, нежели сколько бы того можно было ожидать во всякой другой земле от поселян, отторгаемых от обычного мирного образа жизни. Через несколько времени полк

становится для русского солдата новой родиной, и надобно быть самому свидетелем, чтобы судить о степени привязанности, какую полк может вдохнуть в него. При таком нравственном состоянии не покажется удивительным, если солдат хорошо дерется. К начальнику, которого полюбил раз, он привязывается так сильно, что в этом отношении, я думаю, ни одна армия не может превзойти русской. Все это относится до нижних чинов. Офицеры вообще очень храбры; исключения тому видел я в весьма немногих случаях: трусу мудрено удержаться между товарищами, и, может быть, от этого все почти известные мне фронтовые офицеры смелы, даже часто чересчур отважны...» [52, с. 112, 113].

Для пополнения войск использовалась система рекрутских наборов. Рекрутская повинность распространялась на все податные сословия. Как правило, при объявлении набора указывалось, в каких губерниях и сколько рекрутов нужно было собрать. Так, во время 83-го набора брали по 5 рекрутов с 500 душ, во время 84-го набора — по 8 рекрутов с 500 душ. Помимо этих основных наборов, в 1812 г. был проведен и целый ряд дополнительных, причем требования при приеме рекрутов были существенно снижены. Возраст принимаемых людей в 1812 г. колебался в широких пределах — от 18 (в реальности от 17) лет до 40. Обычная ростовая планка в 2 аршина 4 вершка к 83-му набору снизилась до 2 аршин 2 вершков.

Благословение ополченца 1812 года. И.В. Лучанинов. 1812 г.

Уже 83-й набор сопровождался резким снижением требований к поставляемым рекрутам. Военная коллегия разрешала «допустить к приему в рекруты людей, имеющих такого рода телесные пороки или недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию, владеть и действовать ружьем, т.е. не браковать: редковолосых, разноглазых и косых, — ежели только зрение их позволяет прицеливаться ружьем; с бельмами и пятнами на левом глазе, заик и косноязычных, если только могут сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6 или до 8 зубов боковых, лишь бы только были в целости передние, для скусывания патронов необходимые; с маловажными на черепе наростами, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если это ходьбы рекрута не затрудняет; имеющих на левой руке один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем; принимать и кастратов» [145, с. 56]. Те же правила были сохранены и при 84-м наборе. Вместо поставки рекрута с 1811 г. можно было вносить денежную сумму в размере 2000 рублей. Выбор рекрутов непосредственно на местах определялся жеребьевкой, причем те, на кого указывал жребий, при наличии средств могли выставить взамен себя «наемщиков». При этом с 31 января 1811 г. в службу не велено было брать осужденных уголовным судом и телесно наказанных [26, ч. 3, л. 14], что не могло не сказаться положительным образом на качественном

уровне новобранцев.

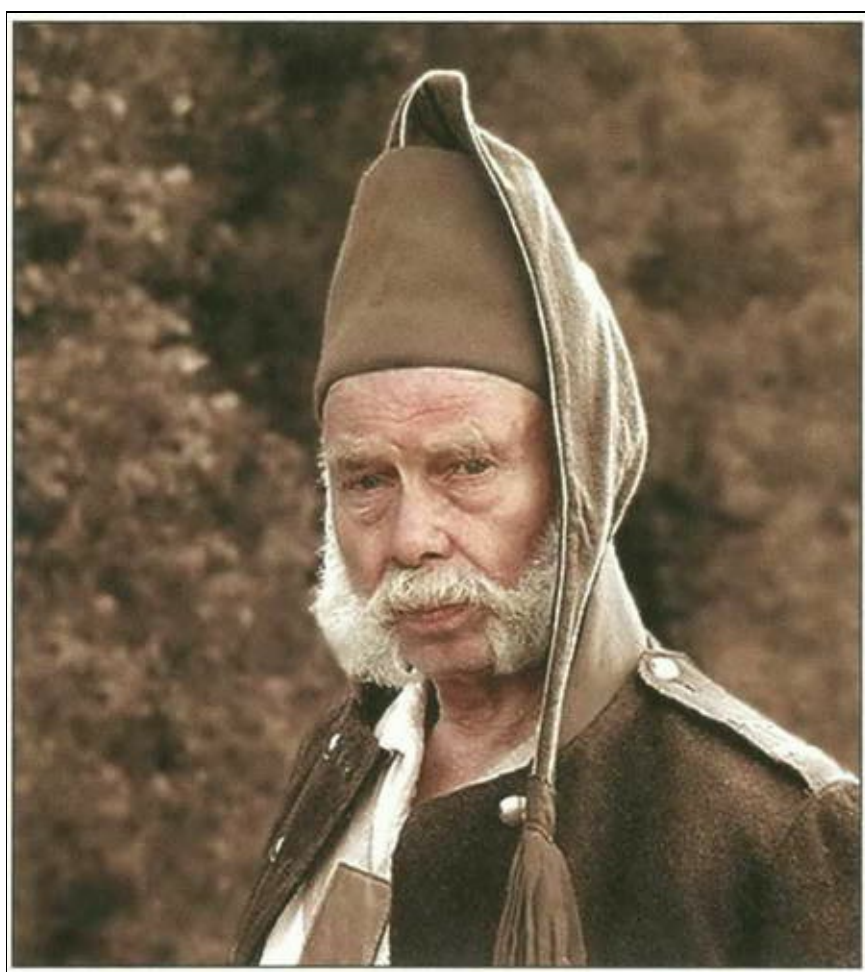
Для рекрутов устанавливался 25-летний срок службы, для солдатских детей — такой же срок, начиная с 18 лет. В армию на добровольных началах могли также поступать вольноопределяющиеся (дети личных дворян, в основном обер-офицеров, а также воспитанники ряда гражданских учебных заведений), выходцы из духовного сословия, российские подданные, свободные от крепостной зависимости и добровольно, представители купечества, военные поселенцы и однодворцы; почти для всех устанавливался срок службы в 15 лет, лишь выходцы из купечества «тянули лямку» 25 лет.

Рекруты собирались в губернских городах, где их освидетельствовал врач. Годным к службе новобранцам «брили лоб», то есть буквально выбривали переднюю часть волос от уха до уха. В дальнейшем такую прическу поддерживали в течение определенного времени; по ней можно было легко отличить бежавшего рекрута. Собранная группа рекрутов, называемая партией, направлялась далее уже в сопровождении армейских чинов. До 1808 г. рекруты приходили к полкам в крестьянской одежде, затем их стали снаряжать по подобию солдат. Рекруту полагались серые, «белые» или «смурые», сшитые из крестьянского сукна: кафтан «солдатского покроя» с обтяжными пуговицами, панталоны, галстук, ранец, фуражная шапка, а с 1811 г. — еще один кафтан, по покрою подобный шинели. Кроме того, новобранца снабжали рубахами, рукавицами, исподними портами, крестьянскими сапогами и портянками («подвертками»). В рекрутском депо, помимо перечисленных вещей, «от казны» выдавали летние панталоны, солдатские сапоги, рубаху, чулки. 10 октября 1808 г. было издано положение о запасных рекрутских депо (дополненное в 1809 г.). Одной из причин организации этих структур была необходимость постепенного морального приготовления рекрутов к службе в строевых частях; в качестве примера приводились кантонисты, которые с детских лет поступали на службу и в дальнейшем легче переносили тяготы армейской жизни. Программа обучения новобранцев в депо была рассчитана на 8-9 месяцев. При обучении начальникам следовало обращаться с ними мягко, достигая результатов не наказанием, а доходчивым объяснением задачи; интенсивность учений была невелика, дабы не изнурять новобранцев. Отличающихся хорошей подготовкой рекрутов всячески поощряли, заменяли им серые рекрутские воротники на красные солдатские и назначали ефрейторами. «Ленивых» заставляли учиться в то время, когда все другие отдыхали; в крайнем случае их назначали в фурлейты (извозчики). Первые два месяца рекруты осваивали строевые приемы без ружья; следующие два — приемы с ружьем и зарядание (шаржирование); еще месяц — движение в строю. Остальное время (еще четыре-пять месяцев) они повторяли пройденное и учились стрельбе.

Обычные наборы проводились в период с 1 ноября до 1 января. С 1 июня по 15 августа рекрутские депо сводили в единый лагерь, где им преподносились азы действия в составе целой роты или батальона. Наконец, к 1 октября команды направлялись из депо к сборным местам дивизий, а люди, отобранные для Гвардии, — прямо в Санкт-Петербург. Вышедшие со сборных мест к войскам люди считались уже не рекрутами, а солдатами.

«Флейщик» Московского гренадерского полка. Реконструкция.

Солдат Павловского полка. Реконструкция. Фотография «Корфильм».

10 сентября 1811 г. при внутренних гарнизонных батальонах в Петрозаводске, Новгороде, Твери, Москве, Калуге, Туле, Орле, Курске, Харькове и Екатеринославе создали 10 новых запасных рекрутских депо 2-й линии (прежние депо были причислены к 1-й линии). Двадцать четыре депо 1-й линии были «прикреплены» к армейским пехотным дивизиям, от 3-й до 26-й следующим образом: к 3-й пехотной дивизии — Вяземское депо, к 4-й — Торопецкое, к 5-й — Холмское, к 6-й — Каргопольское, к 7-й — Стародубовское, к 8-й — Новомиргородское, к 9-й — Изюмское, к 10-й — Елисаветградское, к 11-й — Рославское, к 12-й — Ахтырское, к 13-й — Ивановское, к 14-й — Старорусское, к 15-й — Змиевское, к 16-й — Ольвиопольское, к 17-й — Вельское, к 18-й — Конотопское, к 19-й — Таганрогское, к 20-й — Азовское, к 21-й — Олонецкое, к 22-й — Чигиринское, к 23-й — Ельнинское, к 24-й — Новгородсеверское, к 25-й — Подгощинское, к 26-й — Роменское. Каждое депо теперь считалось резервной бригадой соответствующей дивизии и разделялось на 6 батальонов 3-ротного состава, в свою очередь, именующихся 4-ми резервными батальонами соответствующих полков. Штатная численность депо резко возросла: в каждом батальоне теперь числилось до 500 рекрутов; в состав депо также входили 4 эскадрона.

Армия постоянно пополнялась и сыновьями находящихся на службе или уже уволенных солдат — военными кантонистами. Все дети мужского пола из солдатских семей с 7-летнего возраста забирались в учрежденные в царствование Императора Павла I военно-сиротские отделения при гарнизонах, где их учили строевой службе, грамоте, арифметике, «барабанщичьей науке» и игре на флейте. В 1812 г. в армии числилось около 39 тысяч кантонистов, на службу из них было определено свыше 4 тысяч. В выпущенном в 1810 г.

«Положении о военных кантонистах, находящихся при гвардейских полках» [30] предлагалось несколько возможных «профессий» для подростков 11-18 лет. Прежде всего кантонисты должны были заменить ротных цирюльников и писарей. Ротные барабанщики и флейтчики также набирались из кантонистов не моложе 12 (флейтчики) и 14 (барабанщики) лет.

Лучшие ротные музыканты замещали освобождающиеся вакансии батальонных барабанщиков и полковых музыкантов; полкового барабанщика выбирали из батальонных. Кроме того, кантонисты определялись в качестве цирюльников в госпиталя и отдавались в учение различным ремеслам (сроком на 5 лет). В 18 лет все кантонисты, не показавшие выдающихся способностей в своих профессиях, зачислялись в рядовые.

* * *

В марте 1811 г. были установлены новые правила комплектования нижними чинами гвардейских, гренадерских и кирасирских полков [27]. Все эти отборные части должны были пополняться по возможности уже проверенными на службе людьми, а не рекрутами, обучение которых требовало времени, а моральные качества довольно долго оставались неясными. Практика комплектования отборных частей подготовленными солдатами встречалась и раньше, но строгая система была установлена впервые. Для пополнения гвардейской пехоты все гренадерские, пехотные и егерские полки обязывались впредь ежегодно до 1 декабря направлять в столицу по 4 гренадера и по 2 стрелка, что в сумме давало 936 лучших солдат армии, «отличнейших поведением, ловкостию и знанием своего дела». Каждый из гренадерских полков получал пополнение из «приписанных» к нему двух дивизий; из каждого полка высылались по 6 гренадеров и 9 стрелков. Хуже всего приходилось полкам 19-й и 20-й дивизий: каждая из них комплектовала целый гренадерский полк (соответственно Херсонский и Грузинский); кроме того, чины указанных двух полков пополняли Лейб-гренадерский полк (в 1-й и 2-й дивизиях, комплектуемых лейб-гренадеров, было 12 полков), а открывающиеся в них вакансии заполняли опять-таки из 19-й и 20-й дивизий. Таким образом, каждый гренадерский полк ежегодно высылал от себя по 6 лучших солдат; пехотный или егерский полк — по 21 солдату; полки 19-й и 20-й дивизий — по 36 солдат. Недостающее число людей в гренадерских полках разрешалось пополнять лучшими рекрутами. На комплектование Лейб-гренадерского полка были назначены 1-я и 2-я дивизии, Санкт-Петербургского гренадерского — 6-я и 21-я, Таврического — 3-я и 4-я, Екатеринославского — 17-я и 25-я, Павловского — 11-я и 23-я, гренадерского Графа Аракчеева — 5-я и 14-я, Киевского — 10-я и 26-я, Астраханского — 9-я и 22-я, Малороссийского — 7-я и 24-я, Сибирского — 15-я и 13-я, Фанагорийского — 12-я и 18-я, Московского — 8-я и 18-я, Грузинского — 20-я, Херсонского — 19-я. О качественном уровне рядового состава гренадерских полков можно судить, например, по воспоминанию Н.А. Андреева, видевшего 2-ю гренадерскую дивизию в начале кампании: дивизия «была отличная, старые солдаты-усачи, их можно сравнить с гвардией 1805— 1807 годов; уже после я по сие время подобных полков не видал ни одной роты и в гвардии» [87, с. 181]. Во время войны эта стройная система естественным образом нарушилась, и отборные части комплектовались лучшими рекрутами. О действиях гвардейских новобранцев при штурме Полоцка 6 октября упоминал генерал-лейтенант граф П.Х. Витгенштейн в своем рапорте императору: «Резерв пехоты гвардии... отличился при сем деле особенною храбростью, и рекруты, составляющие большую часть сего корпуса, просясь сами быть употребленными, старались неустрашимостью своею доказать, что они достойны счастья быть выбраны в защитники особы Вашего Императорского Величества».

6 июля 1812 г. правительство опубликовало манифест о сборе земского ополчения. В образованных трех округах очень быстро было собрано свыше 300 тысяч человек, часть из которых участвовала в боевых действиях вплоть до октября 1814 г. Немало ополченцев Московского ополчения в августе — октябре 1812 г. были причислены к армейским пехотным и егерским полкам, составляя при построениях третью шеренгу и выполняя различные хозяйственные функции.

Поступающие в полки новобранцы причислялись к капральствам, где старослужащие солдаты и унтер-офицеры помогали им постигать основы воинской службы и армейского быта. Русский унтер-офицерский корпус, получивший закалку в войнах конца XVIII — начала XIX века, представлял собой настоящую основу армии, причем очень качественную. Может быть, унтер-офицерам, как и всем нижним чинам, не всегда хватало инициативности, но боевой опыт и воинские навыки у большинства младшего командного состава присутствовали в избытке. Почти 80% унтер-офицеров к 1812 г. имели выслугу свыше 8 лет, а каждый пятый начинал службу еще в славное екатерининское царствование. Три из пяти принимали участие в 6 и более (до 35-40) сражениях. Данные цифры были получены при анализе формулярных списков приблизительно 20% унтер-офицеров — участников Бородинского сражения, но, по всей видимости, они достаточно верно характеризуют качественные показатели унтер-офицерского состава армии в целом [155]. Пополнение командных кадров в целом шло по трем направлениям: унтер-офицером мог стать молодой дворянин, выпускник учебного гренадерского батальона или отличившийся солдат. О дворянской службе мы поговорим несколько позже, а солдат из податных сословий мог получить повышение после 4-летней службы, хотя и здесь бывали исключения. Правила производства были определены еще в уставах Павла I:

«Если выбудет унтер-офицер недворянин, то вместо него представляет капитан той роты Шефу или полковому Командиру трех солдат на выбор, а оный наполняет наперед из нижних в верхние унтер-офицерские чины уже сам собою...

Не представлять в унтер-офицеры рядовых, которые бы четырех лет не выслужили и не хорошего поведения, не расторопных, а единственно только способных к письменным делам; ибо сие совсем побочное дело (действительно, грамотными были не более 40% унтер-офицеров. — И.У.)...

Если отличится солдат храбростью своею перед другими, предпочитать такого и жаловать в старшие унтер-офицеры...

Если бы в которой роте не было достойных в унтер-офицеры, то брать Шефу или полковому Командиру способных из других рот» [75, с. 194].

В 1812 г. в армии состояло 3 учебных гренадерских батальона, выпускающих ежегодно около 1000 подготовленных солдат; правда, часть из них обучалась владению музыкальными инструментами. В целом к началу войны количество специально подготовленных унтер-офицеров было незначительно.

Н.Э. Ульянов в форме поручика Московского гренадерского полка. 1812. Реконструкция.

Офицерский корпус армии преимущественно комплектовался представителями потомственного дворянства. Дворяне, добровольно вступая в армию сразу в унтер-офицерском чине, должны были прослужить 3 года для получения первого офицерского звания, хотя в ряде случаев этот срок менялся.

Дворяне также могли пройти курс профессиональной подготовки в ряде военно-учебных заведений: к 1812 г. это были Пажеский корпус, 1-й и 2-й и Смоленский кадетские корпуса, Императорский Военно-Сиротский дом, Гапаньемский Топографический корпус. Дворянам с 16 лет и студентам университетов разрешено было вместо поступления на правах унтер-офицеров в полки проходить курс первоначального обучения в Дворянском полку при 2-м Кадетском корпусе. В полку дворяне в течение короткого времени знакомились с «порядком службы», учились строевым приемам и стрельбе, получали ряд познаний об обязанностях офицера. Только за время войны 1812 г. из Дворянского полка было произведено 17 выпусков, давших среди прочих 984 офицера армейской пехоты. По воспоминаниям Н.А. Андреева, в полку в первое время служили и старые, и малые, нередко отцы вместе с сыновьями. Учились все, кто не знал русской грамоты и первых четырех правил арифметики [87, с.178]. Общее количество офицеров русской армии, получивших специальное образование, даже при учете весьма слабо образованных выпускников Дворянского полка, не превышало 22-23% от общей численности офицерского корпуса.

Свыше 13% офицеров имели недворянское происхождение. Солдатские дети могли быть

произведены в офицерский чин после 8 лет выслуги в унтер-офицерских чинах, а вольноопределяющиеся — после 4 лет; и те и другие после 15 лет службы унтер-офицерами имели право выйти в отставку с получением первого офицерского чина. Военнослужащие из духовного сословия могли претендовать на офицерский чин после 8 лет выслуги унтер-офицером. Рядом преимуществ при производстве в офицеры пользовались военные поселенцы и однодворцы. Для подавляющего большинства недворян условием получения первого офицерского чина была 12-летняя выслуга в унтер-офицерских званиях. И все-таки необходимо учитывать, что все вышеприведенные строгие сроки в реальных условиях зачастую не выдерживались.

Так, в приказе по армии от 1 сентября 1812 г. оговаривался комплекс мер, направленных на пополнение сильно пострадавшего офицерского корпуса: «Лейб-гвардии в пехотной дивизии выбрать к производству по два унтер-офицера, выслуживших сроки, и по пяти подпрапорщиков, отличившихся неустрашимостью, которых его светлость произведет в офицеры в армейские полки; рядовым даны будут знаки военного ордена.

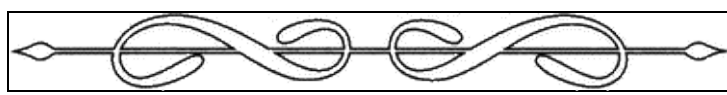
Полки обеих армий и артиллерии выберут к производству достойных портупей-прапорщиков, подпрапорщиков и самих унтер-офицеров, рядовым даны будут знаки военного ордена, сколько их найдено отличнейших...» [44, с. 456,457].

Дальнейшее чинопроизводство обер-офицеров зависело от открывающихся в полку вакансий. Шеф или командир полка выдвигали кандидатуру офицера на повышение в чине и после обсуждения со штаб-офицерами утверждали ее, причем зачастую служебные достоинства или человеческие симпатии перевешивали соображения старшинства, и на повышение шли более молодые офицеры. Еще более субъективным было повышение «за отличие», которое в реальных условиях вызывало немало недовольства. Штаб-офицеры производились на вакансии, открывающиеся во всей армии.

Широко варьировался возраст офицеров. В армию нередко принимали 15-летних, а в отдельных случаях — и более молодых недорослей. В сражении при Салтановке рядом с командиром 7-го корпуса Н.Н. Раевским сражались его сыновья — прапорщик 5-го егерского полка 17-летний Александр и прапорщик Орловского пехотного полка 11-летний Николай. Раевский-старший в письме жене с гордостью писал: «Николай, находившийся в самом сильном огне, лишь шутил. Его штанишки прострелены пулей» [135, с. 215]. В целом же «средний возраст прапорщиков... равнялся 24 годам, подпоручиков и поручиков — 25 годам, штабс-капитанов... — 28, капитанов... — 30, майоров — 34, подполковников — 37, полковников — 38 годам» [156, с. 139]. Таким образом, русские офицеры были на 5-7 лет моложе офицеров соответствующих чинов наполеоновской армии.

Для большинства офицеров единственным источником существования служило жалованье, весьма небольшое. Так, по штатам павловского времени, армейский и гвардейский прапорщики получали соответственно 200 и 172,20 рублей в год, подпоручики — 200 и 191,90, поручики — 240 и 249,30, штабс-капитаны — 340 и 445,50, капитаны — 340 и 558,60, майоры — 460, подполковники — 600, все полковники — по 900 рублей. В первые годы XIX века цифры изменились незначительно. Лишь немногие офицеры получали доходы от поместий и только один из десяти имел семью.

Краткая, но достаточно точная характеристика офицерской доли прозвучала в словах М.М. Петрова: «Я дворянин, обязанный оправдать это обетное звание. Мне 22 года от роду, мое достояние — острая шпага, мои прелестные сокровища — военная честь и боевая слава, мой жребий — тяжелые труды и смертельные язвы, мой брачный гимн — победные крики торжества героев Отечества моего» [126, с. 124].

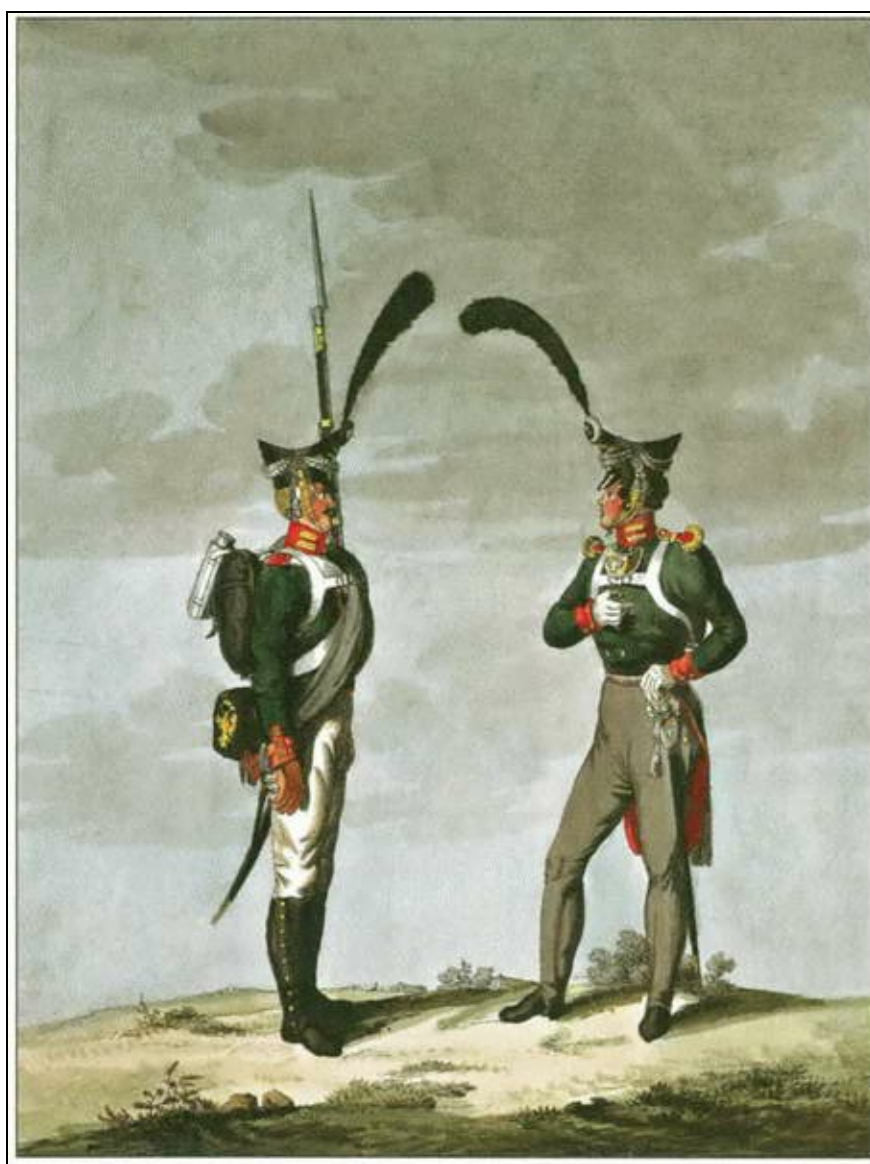

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

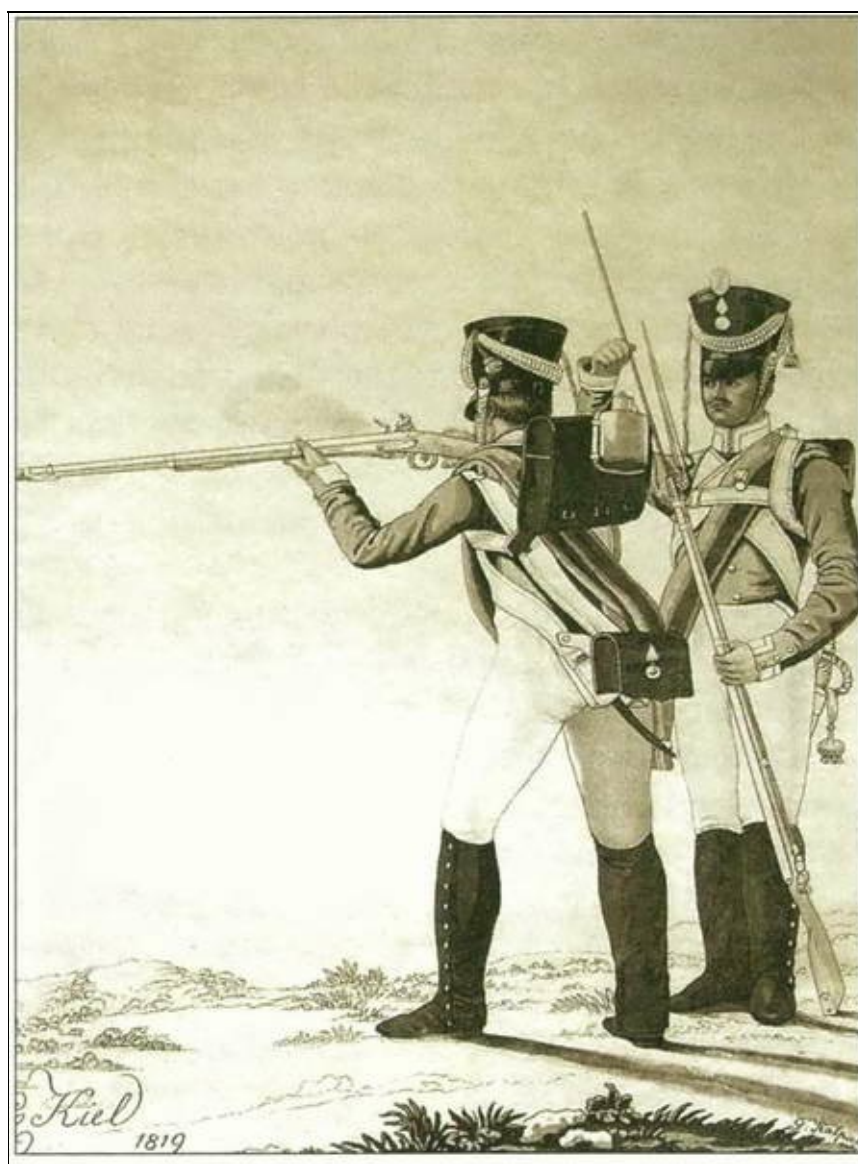
Приступая к описанию столь очевидного, на первый взгляд, вопроса, автор избрал в качестве основы для главы труд выдающегося русского военного историка Г.С. Габаева «Роспись Русским полкам 1812 года» [60], изданный в г. Киеве к столетней годовщине войны, дополнив его вновь выявленными материалами. Автор позволил себе не помещать в кавычки текст Габаева, так как практически каждое предложение этого текста подверглось исправлению или дополнению.

Всей полевой пехоте был присвоен металлический прибор желтого цвета; в Гвардии использовалась красная медь, в Армии — латунь.

Кафтан (мундир) был темно-зеленого грубого сукна, двубортный, длиной до талии, имевший сзади фалды. Левый борт заходил на правый и застегивался на 6 слегка выпуклых пуговиц. На левый борт симметрично нашивалось 6 таких же пуговиц. Рукава заканчивались обшлагами в $1\frac{3}{4}$ вершка ширины; на обшлаг перпендикулярно нашивался клапан шириной в 1 и длиной в $3\frac{1}{2}$ вершка с 3 пуговицами. Пятиугольные погоны на обоих плечах были шириной у плеча в 1 вершок и у воротника в $\frac{3}{4}$ вершка; погоны пришивались (или вшивались в шов) у плеча и пристегивались на пуговицу у воротника. Левая фалда несколько заходила на правую. Фалды имели отвороты, суживавшиеся на передних концах и у талии и расширявшиеся сзади настолько, что их уголки сходились между собой; в этом месте нашивалась пуговица. Две пуговицы нашивались также сзади на лифе. В большинстве полков продолжали носить кафтаны с высокими скошенными воротниками, но к середине 1812 г. гвардейцы, а возможно, и часть армейских полков, перешли воротники на новые, низкие: высота такого воротника составляла от $1\frac{3}{4}$ до 2 вершков, застегивался воротник на 3 крючка. Длина фалд кафтана — 9 вершков, ширина нижнего среза — $2\frac{3}{4}$ вершка.

Обер-офицер и гренадер лейб-гвардии Преображенского полка. И. Кавпи. 1815 г.

Егерь и унтер-офицер егерского полка. Л.И. Киль. 1815 г.

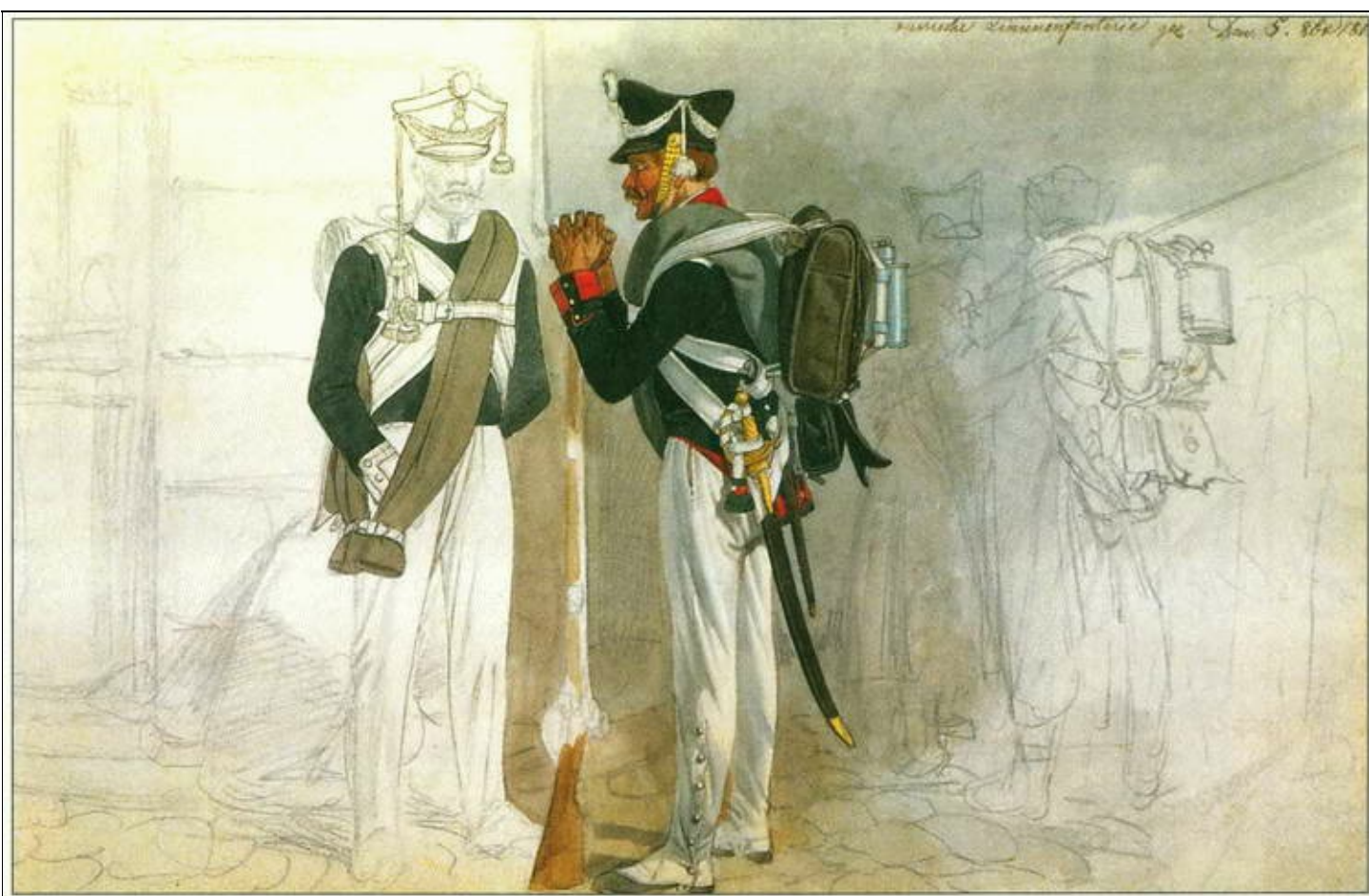
Для нового гвардейского — лейб-гвардии Литовского — полка в марте 1812 г. были построены кафтаны с красными воротниками и лацканами [5, л. 195]. Кафтаны с темно-зелеными (с красной выпушкой) лацканами носились также в лейб-гвардии Финляндском полку. Каждый лацкан пристегивался на 7 пуговиц (7-я нашивалась ближе к погону у верхнего края лацкана). Лацканные кафтаны застегивались на середине груди крючками.

Цвет воротника, погон, клапанов и обкладка фалд был по полкам и по роду оружия, а именно: воротник, обшлага и обкладка фалд в полках тяжелой пехоты были красные, а в егерских — темно-зеленые с красной выпушкой по свободному краю (на обшлагае, кроме того, выпушка загибалась вниз в месте соприкосновения с клапаном, ближним к внутреннему шву рукава). Рукавные клапаны у полков тяжелой пехоты были темно-зеленые без выпушки, а у егерей — темно-зеленые с выпушкой по 3-м краям (кроме края, обращенного к внутреннему шву рукава). Полки лейб-гвардии имели воротники следующих цветов: Преображенский и Литовский — красные, Семеновский — светло-синие с красной выпушкой, Измайловский и Финляндский — темно-зеленые с красной выпушкой, Егерский — темно-зеленые с оранжевой выпушкой. Для гвардейских полков в 1812 г. были разработаны новые образцы полковых басонов (преображенский басон также назывался гвардейским): на желтом поле по краям проходили красные полосы, а в центре — просвет полкового цвета (красный в

Преображенском, Литовском и Егерском полках, светло-синий в Семеновском, темно-зеленый в Измайловском и Финляндском), обрамленный оранжевой каймой. На воротниках с каждой стороны от застежки нашивалось по 2 петлицы полкового басона, на клапанах — по 3 петлицы Измайловского басона. Такие же петлицы, но из белой шерстяной тесьмы, имели солдаты Лейб-гренадерского полка. Погоны во всех гвардейских (кроме Егерского, которому были присвоены оранжевые погоны) и гренадерских полках были красные; в первых по старшинству (см. Приложение 4) полках пехотных дивизий — красные, во вторых — белые, в третьих — желтые, в четвертых — темно-зеленые с красной выпушкой, в пятых (Вологодский полк 19-й дивизии) — голубые; в старших (с меньшим номером) егерских полках дивизии — желтые, в младших — голубые (светло-синие), хотя в 15-й дивизии 13-й Егерский полк имел голубые погоны, а 14-й — желтые [15]. В армейских частях на погоны нашивалась шифровка из красного (на белых и желтых погонах) или желтого шнура: в гренадерских полках это были начальные буквы названия, в пехотных и егерских — номер дивизии.

Рядовой 3-й гренадерской роты лейб-гвардии Семеновского полка. Стрелок 1-й гренадерской роты первого по старшинству егерского полка дивизии.

Мушкетеры пехотного полка. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Гвардейский киверный герб образца 1808 г.

Гренадеры, егеря, унтер-офицер и обер-офицер 41-го егерского полка. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Размер обшлагов и форма и размер клапанов нередко варьировались (например, встречались клапаны с мысками). Во многих полках (особенно в Гвардии) существовали свои традиции кроя кафтанов.

Панталоны зимние были суконные; ниже колен подшивались кожаные краги, застегивавшиеся с наружной стороны на 7 пуговиц. Сами панталоны застегивались также на 7 пуговиц. У тяжелой пехоты панталоны были из белого сукна, у егерей — из темно-зеленого с красной выпушкой по боковым швам.

Панталоны летние были белого фламского полотна, длиною сзади до каблука, а спереди имевшие козырек, закрывавший сапог почти до самого носка. Сбоку ниже колена панталоны застегивались на 7-9 обтяжных пуговиц; внизу была штрипка. Выше колен панталоны кроились довольно свободно.

Самым распространенным головным убором строевых чинов пехоты был кивер образца 1808/1809 г. Черный поярковый или кожаный (обклеенный сукном) колпак кивера имел кожаные днище и «V»-образную обшивку по бокам; к нижнему краю колпака пришивался кожаный ремень с медной пряжкой для подгонки кивера под нужный размер (на колпаке сзади делался вырез, обшитый кожей). Высота колпака равнялась $3\frac{7}{8}$ вершка; верхний диаметр превосходил нижний на 1 вершок. Под нижний ремень вшивался козырек из толстой юфтяной кожи. На козырьке изнутри продавливались канавки: одна в полудюйме от края козырька, другая — у самого места пришивки. Помимо козырька под нижний ремень вшивалась и полоска некрашеной тонкой кожи, заправляющаяся вовнутрь кивера; к другому ее краю пришивался

холстяной колпак, стягивавшийся шнуром. Кожаный подбородочный ремень застегивался на латунную пуговицу слева. Спереди нашивался кожаный расширяющийся кверху карман для султана. Голову солдата во время непогоды надежно защищала кожаная закругленная на конце лопасть, в обычном состоянии заправленная внутрь колпака. Несколько позже по бокам таким же образом стали пришивать суконные наушники. Кивера «строились» на три обобщенных размера.

К 1812 г. образец кивера претерпел некоторые изменения и стал отличаться от прежнего рядом технологических и габаритных характеристик. Высота кивера несколько уменьшилась, так что зрительно расширение кверху стало более заметно. Дно получило небольшой прогиб вниз от переднего края к заднему. Донце кивера могли лакировать или оставлять нелакированным. Все кивера образца 1812 г. должны были укомплектовываться латунными чешуями на кожаной основе в качестве подбородных ремней; две половины ремня застегивались на латунную пуговицу. В Гвардии чешуи на киверах были и раньше; в Армии же снабжение чешуями велось централизованно, а потому даже в 1815 г. чешуи не имели многие гренадерские полки, не говоря уже о пехотных и егерских.

Ранец пехотный образца 1808 г. Россия.

К киверу по бокам подвязывался этишкет — украшение, состоящее из двух плетеных косичек, из кисточки на коротком двойном шнуре слева и из трех кисточек и двух плетеных кордончиков на длинном двойном шнуре справа. Этишкеты плелись из белого шнура.

На гвардейских киверах спереди крепился герб в виде двуглавого орла с венком и перунами; на груди орла в щите помещался московский герб. В гренадерских полках кивера всех строевых чинов украшали трехогневые Гренады. В пехотных и егерских полках трехогневые гренады были присвоены чином гренадерских рот и числившимся при этих ротах офицерам и музыкантам; остальные чины крепили на кивера одноогневые гренады.

Гренадерам полагался черный волосяной султан высотой $9\frac{1}{2}$ вершка, с верхним диаметром

в $3\frac{1}{4}$ вершка и нижним — в 1 вершок; верхушка султана закруглялась. Султаны носили все строевые чины гвардейских линейных и гренадерских полков, а также чины гренадерских взводов и полковые барабанщики пехотных и егерских полков (в том числе лейб-гвардии Егерского и Финляндского) [10, л. 1].

На всех киверах спереди сверху вставлялся репеек — овальная деревяшка с проволочными «усами», обтянутая сукном. Сзади репейки обшивались черным сукном. Репейки рядовых отличались цветами в ротах полка.

В Павловском гренадерском полку строевые нижние чины продолжали носить гренадерские и фузилерные шапки образца 1802 г. На латунном налобнике гренадерской шапки помещался двуглавый орел с изображением московского герба в щите на груди и с поднятыми крыльями, а в верхней части — корона и лента с девизом «Съ нами Богъ». Край налобника подкладывался черным сукном. Каркас шапки (три ребра) и налобник крепились к жестяному околышу и обтягивались красным (задник) и белым (околыш) сукном. Швы сукна задника, проходящие над ребрами каркаса, усиливались белой тесьмой. Верх околыша вырезался фигурно, с тремя мысками, совпадающими с местами закрепления каркаса. Под мысками на околыше пришивались латунные одноогневые гренады; нижний край шапки по периметру оторачивался кожей. Изнутри шапка имела холстинную подкладку. Ребра каркаса сверху крепились между собой и к налобнику. Шапка венчалась кистью из шерстяной нити. В унтер-офицерских кистях верхний и нижний секторы состояли из черных и оранжевых нитей, боковые — из белой нити. Нижние чины фузилерных рот носили фузилерные шапки с налобниками, рисунок которых повторял рисунок гренадерских блях, а высота была несколько меньшей. Кожаный колпак шапки обтягивался сукном той же расцветки, что и на гренадерских шапках, и украшался латунными гренадами и полосами; венчался колпак латунным же навершием с гренадкой. Очевидно, все шапки имели кожаные подбородочные ремни. Простреленные налобники подкладывали черным сукном.

Фуражные шапки шились из выслуживших срок мундиров. Полки, построившие в 1812 г. новые мундиры, имели фуражки образца 1811 г. — с узким околышем, высокой темно-зеленой тульей и круглым донцем. Цвет околыша соответствовал цвету воротников (в Измайловском полку околыш был белым). Цвета выпушек по верху тульи и околыша различались в ротах. В фузилерных, мушкетерских и егерских ротах спереди на околыше нашивался номер роты из желтого шнура. Солдаты всех прочих полков продолжали носить фуражные шапки образца 1802 г.: темно-зеленый колпак с кистью и околышем.

Шинель была грубого некрашеного серого (называемого в документах «белым с серым ворсом») сукна, однобортная, застегивающаяся на 7 пуговиц. Воротник цветом соответствовал воротнику мундира; петлицы на шинели не нашивались. Шинели, сшитые до 1812 г., отличались высоким скошенным воротником. Летом шинели в виде длинной скатки носились через левое плечо (концы скатки стягивались ремешком цвета полковой кожаной амуниции); скатка на плече и на груди прижималась ремнями ранца, а на спине — самим ранцем; концы скатки выдвигались на середину бедра. Зимой под шинель надевали овчинные полушубки.

Круглоносые черные сапоги — смазные или личные — надевались под панталоны. Под сапогами солдаты носили полотняные или шерстяные онучи или чулки.

На шее носился черный суконный галстук с небольшой манишкой; галстук завязывался или застегивался сзади. Для ношения под мундиром солдатам выдавали холстинные рубахи с воротником-стойкой и завязкой. Из шинельного сукна кроились рукавицы для зимы. Помимо киверных наушников солдаты имели наушники для ношения с фуражной шапкой. В столичном гарнизоне, например, с мундиром носили наушники белого сукна, а с шинелью — черного сукна.

Амуниция состояла из четырехугольного ранца черной кожи, патронной сумы на перевязи через левое плечо и портупей через правое плечо.

Бляха на патронную суму линейной пехоты гвардии.

Ранец носился на двух плечевых ремнях, стянутых на груди третьим ремнем с пряжкой справа. К ранцу посередине крышки подвязывалась кожаным ремнем манерка (фляга) «белой жести». В образцовом ранце помещались следующие вещи: четырехдневный провиант (7 фунтов сухарей и 0,2 гарнца крупы), фуражная шапка, полунагалище, 2 терки для чистки ружья, доска для чистки пуговиц, измельченный кирпич для чистки металлических предметов, 3 щетки (одежная, сапожная и белильная), 2 рубахи, чемоданчик (в него укладывались мел, 2 гребешка, 2 конца верви, мыло, нитки, игольник, ножницы, нож, вакса, воск, наперсток и мешочек с песком), отвертка, пыжовник, сапожный товар с подошвами, наременник с кремнями, утиральник, носки, наушники, летние или зимние панталоны [1, ч. 6, л. 2]. В 1812 г. для облегчения ранцев зимние панталоны велено было сдать в обоз. Манерку на походе могли носить через плечо на ремне позади патронной сумы [22, л. 44].

В патронной суме помещалось 60 патронов, отвертка, а в кожаном карманчике (присумке) — запасные кремни и пыжовник (который во время боевых действий вытаскивали из ранца) [21, л. 26]. Ружейные кремни для лучшего закрепления в курке оборачивали тонкой мокрой кожей, а поверх нее обкладывали свинцом [29]. На крышке патронной сумы в гвардейской тяжелой пехоте крепились бляха со звездой и 4 гренадки (по краям, огнями к центру); в гвардейской легкой пехоте — медные литеры («Г.Е.» — в Егерском, «Ф.Г.» — в Финляндском); в армейской тяжелой пехоте — трехогневые (в гренадерских и фузилерных ротах) или одноогневые гренады (в некоторых полках еще сохранялись прежние бляхи с орлом и гренадки); в армейских егерских полках — литые латунные цифры номера полка с точкой. Портупей с лопастью для тесачных (или штыковых) ножен у самой лопасти застегивались на латунную пряжку.

В линейной пехоте все ремни белились; в полки легкой пехоты выдавали черную амуницию.

Шанцевый инструмент. Россия.

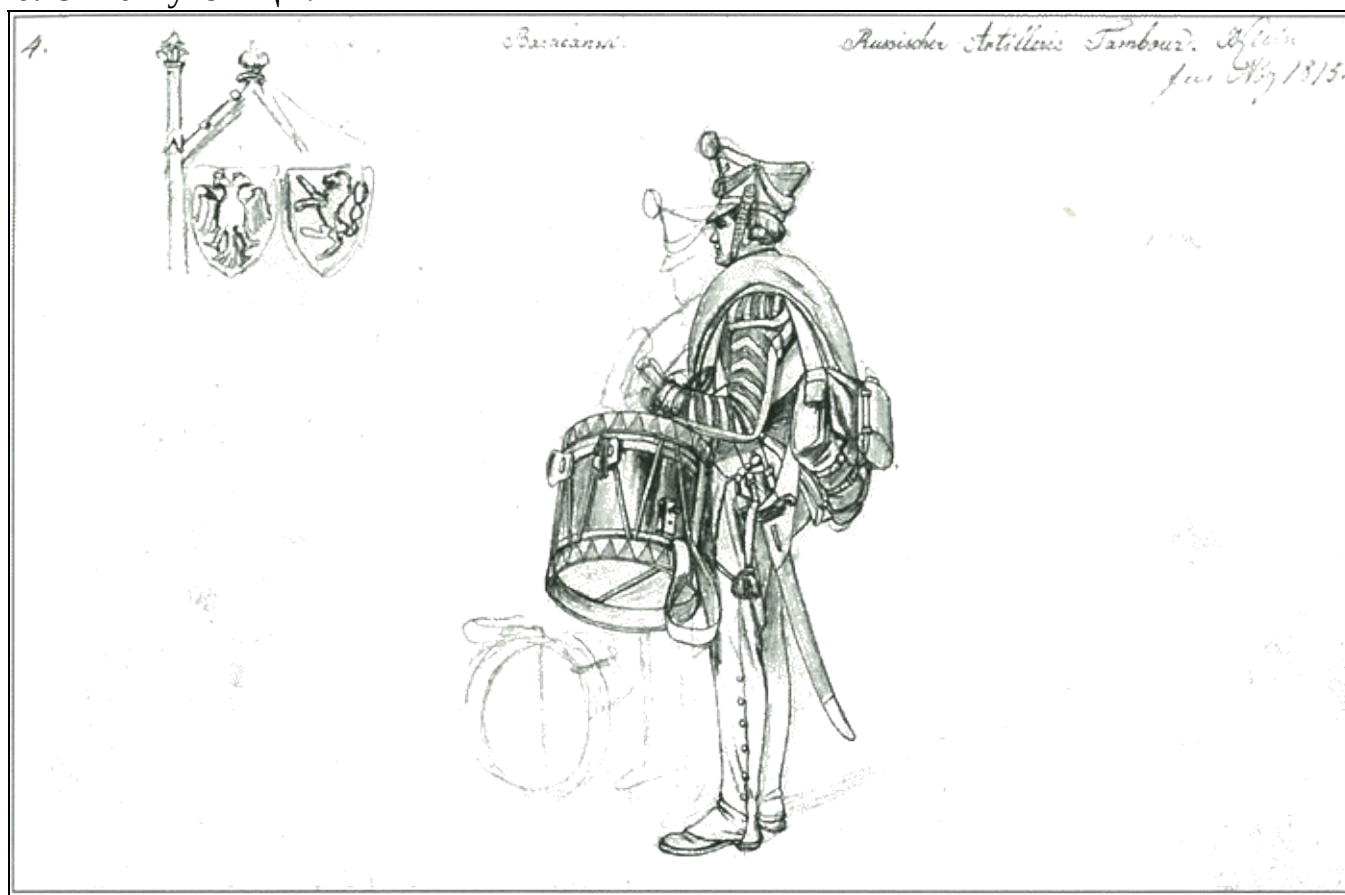
Шанцевый инструмент (топоры, лопаты, кирки и мотыги) ковался из «лучшего и нехрупкого сибирского железа»; топоры наваривались сталью, а кирки воронились. Черенки инструментов красились масляной краской в цвет знаменного древка [24, л. 3]. Все инструменты черенками вверх носились через плечо солдатами 2-й шеренги; чехлы кроились из отслуживших срок патронных сум. Небезынтересно отметить, что для постройки укреплений накануне Бородинского сражения шанцевый инструмент был собран из полков без чехлов; чехлы же продолжали носиться солдатами. Поэтому, например, в Московском гренадерском полку в списке утерянных в сражении вещей значилось всего 40 шанцевых инструментов и 310 чехлов.

Древки значков, черенки шанцевого инструмента и барабанные палки в первом батальоне преображенцев красили в кофейный цвет, в трех других — в желтый; в Семеновском полку они были черные, в Измайловском — белые, в Литовском — желтые. В полках легкой пехоты все эти предметы красили в черный цвет. В армейской линейной пехоте существовал определенный разнобой в цветах деревянных предметов, но в целом придерживались следующей системы: в дивизии первый и четвертый полки использовали желтую краску, второй и пятый — черную, третий — белую. При этом, например, во 2-й гренадерской дивизии Московский и Малороссийский полки имели черные древки (и прочие предметы), а остальные полки — белые.

* * *

Унтер-офицеры отличались от рядовых нашивками из золотого галуна на воротнике и обшлагах кафтана (по тем же краям, что и выпушка в егерских полках). В Гвардии и в Лейб-гренадерском полку на воротниках унтер-офицеров под золотым галуном нашивался только один ряд басона или тесьмы. В тех полках и взводах, чином которых были присвоены султаны,

унтер-офицеры имели их не сплошь черные, а верхнюю половину белую с вертикальной оранжевой полоской. Репейки были не разноцветные, а разделенные на 4 части наискось, причем верхняя и нижняя четверти были из серого, а боковые — из белого сукна. Кисти и кордончики этишкетов и гайки, шейки и трынчики темляков у всех унтер-офицеров были с примесью черных и оранжевых нитей. На мундирах, сшитых до 1812 г., обшлага нередко были разрезными (для удобства ношения отмененных в 1811 г. перчаток) и клапан действительно застегивался на пуговицы.

Барабанщик пешей артиллерии. И А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Вид квартирьерских значков первого десятилетия XIX века до сих пор неизвестен, но можно предположить, что в Гвардии использовались значки с нарисованным на полотнище черным орлом (по рисунку схожим со знаменным); в Армии рисунок полотнища, очевидно, сохранился еще с павловского времени. На всех значках в обязательном порядке присутствовали начальные буквы названия полка и ротная шифровка. В большинстве полков квартирьеры передвигались верхом; каждому из них полагалось иметь седло, небольшой зеленый вальтрап и произвольных образцов пистолет и лядунку [23, л. 57].

Музыканты на кафтанах имели особые крыльца (в Гвардии — цвета погон, в Армии — темно-зеленые) и расшивку желтого гвардейского басона (в Гвардии) или белой тесьмы.

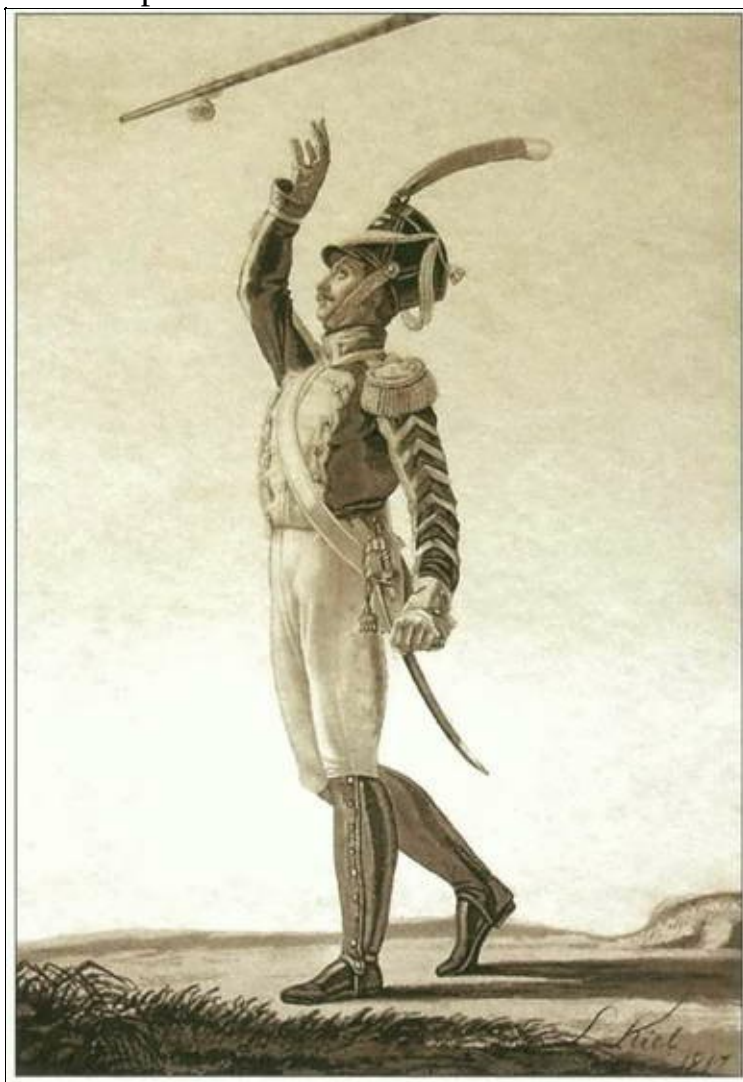
Армейские мундиры ротных барабанщиков имели следующую схему расшивки, на которую шло 9 аршин тесьмы: по краям крыльцев и борта — в $1/2$ ширины; в полную ширину — по 4 вертикальных полосы на крыльцах, 6 двойных рядов на груди, по 3 двойных ряда на клапанах, по 6 углов на каждом рукаве (углами вверх), по нижнему краю мундира и по краям отворотов фалд. 19 аршин тесьмы пускали на обшивку мундиров остальных армейских музыкантов: на них дополнительно тесьмой обшивались все швы, на рукавах, как правило, было по 7 углов (но нашивали от 6 до 8), тесьмой, очевидно, обкладывалась и выдающаяся над обшлагом часть

клапана. Нередко двойной ряд тесьмы нашивался у лифных пуговиц.

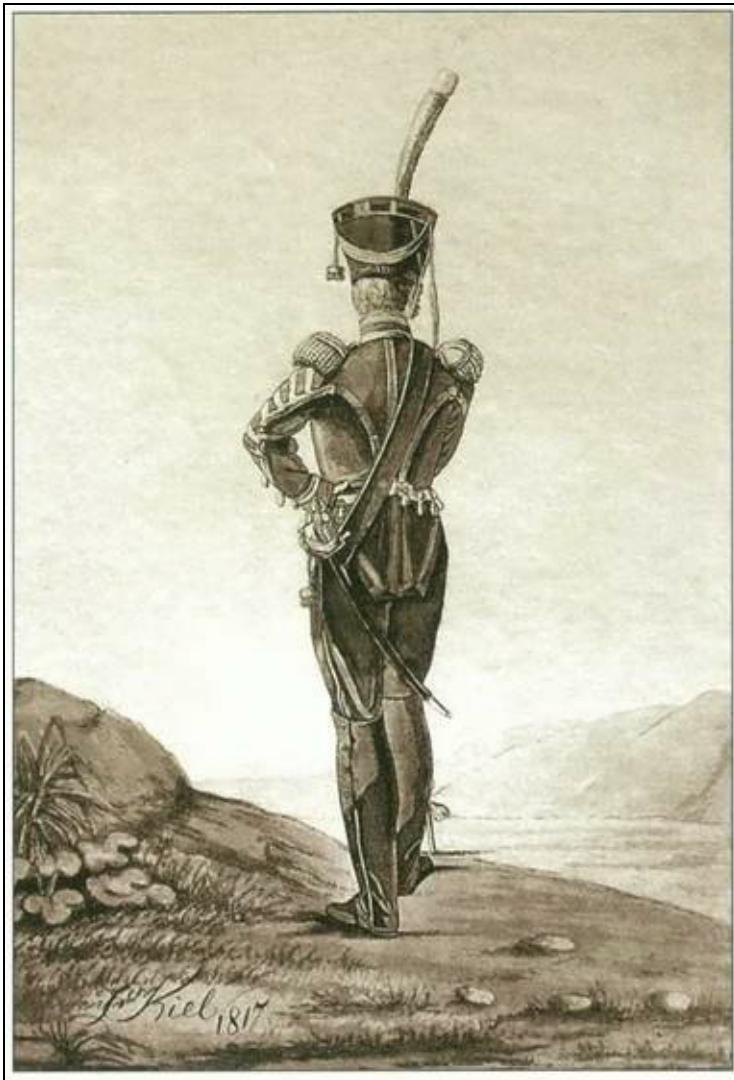
В Гвардейских полках с двубортными мундирами музыканты имели однобортные кафтаны (с застежкой на крючках), схема расшивки на которых в целом соответствовала армейской, но на груди выкладывалось по 6 двойных рядов и по одной горизонтальной планке (у самого воротника) с каждой стороны от застежки (пуговицы нашивались на внешних концах двойных рядов).

* * *

Музыканты и полковые и батальонные барабанщики кроме упомянутой расшивки имели отличия, присвоенные унтер-офицерам. Сведений об отличиях обмундирования тамбурмажоров этого периода практически не сохранилось.

Тамбурмажор пехотного (?) полка. Л.И.Киль.1817 г.

Тамбурмажор егерского полка. Л.И.Киль.1817 г.

Барабанные перевязи в Преображенском полку обшивались по краям гвардейским басоном. В ряде гренадерских рот барабанные перевязи украшались тремя латунными гренадками, закрепленными у правого плеча над гнездами для палок [6]. Барабанщики носили овчинные передники (занавески) различных оттенков коричневого или серого цвета. Обручи барабана красились: темно-зеленой и белой (в виде треугольников) краской в линейной пехоте или черной (иногда с тем или иным узором) в легкой. Флейтчики через левое плечо носили латунный (с гербом) футляр с флейтой на кожаной перевязи. Перевязи барабана и футляра были того же цвета, что и прочие ремни.

* * *

Нестроевые нижние чины имели особую форму: фуражка с козырьком, подбородочным ремнем (застегивавшимся на латунную пуговицу) и кожаной лопастью, однобортный мундир о 6 пуговицах и панталоны с кожаной обшивкой в шагу — все серого сукна. По околышу и тулье фуражки, по свободному краю воротника, обшлагов и клапанов и по шву панталон помещалась выпушка приборного цвета; такая же выпушка помещалась с обеих сторон серой полосы, пришитой по краю отворотов фалд, и по краям двурядного серого лампаса на панталонах. Цвет выпушки был: в тяжелой пехоте — красный, в легкой — темно-зеленый. Нестроевые

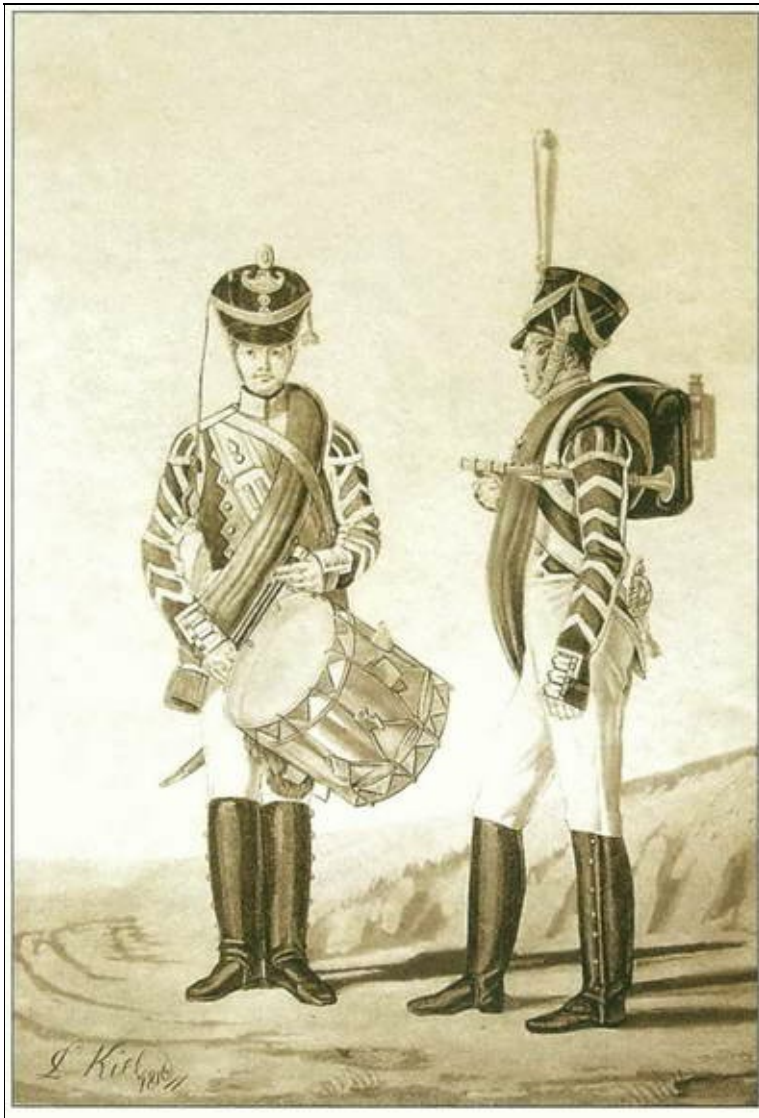
имели полковые погоны, но шифровка нашивалась только в армейских пехотных и егерских полках [1, л. 27]. В Гвардии цвета погон различались по полкам: в Преображенском полку они были красные, в Семеновском — светло-синие с красной выпушкой, в Измайловском — белые, в Литовском и Финляндском — темно-зеленые с красной выпушкой, в Егерском — оранжевые; на воротниках нашивалось по 1 петлице, на обшлагах — по 3. Нестроевые унтер-офицеры имели те же отличия, что и строевые.

В полках, имевших мундиры, построенные до 1812 г., нестроевые продолжали носить комплекты обмундирования прежнего образца. В комплект входили: темно-зеленый однобортный сюртук длиной до колен с завороченными полами, с мундирным воротником и темно-зелеными обшлагами и клапанами обшлагов (в егерских полках — с красной выпушкой), с полковыми погонами без шифровки; серые зимние панталоны и сапоги высотой до половины икры с вырезом сзади; темно-зеленая шапка с круглым верхом, с околышем (красным в линейной пехоте и темно-зеленым в легкой) и козырьком.

* * *

Морские полки имели обмундирование егерского образца, но с белыми выпушками, амуницию и погоны — пехотного образца.

Имея сходное с полевой пехотой обмундирование, гарнизонные полки и батальоны отличались желтыми воротниками и обшлагами мундиров, желтыми воротниками шинелей и серебряным цветом металлического прибора. Все подразделения имели красные погоны с цифровой шифровкой. Целый ряд других отличий не рассматривается в данной работе за недостатком места.

Ротный барабанщик и музыкант пехотного полка. Л.И. Киль. 1816 г.

Ротный барабанщик и валторнист егерского полка. Л.И. Киль. 1816 г.

С апреля 1812 г. началось формирование 12 новых номерных полков (1-8-й пехотные, 1-4-й егерские) из рекрутов последнего набора. Чины полков снабжались общепехотными и общеегерскими мундирами без погон и амуницией по полному комплекту; при этом ранцы изготовлялись из телячьих шкур [20]. В июле из рекрутских депо 2-й линии сформировали еще 6 пехотных полков (9-14-й). На их обмундирование уже не хватало ни времени, ни материалов; поэтому нижним чинам оставляли серое рекрутское обмундирование (на серых погонах нашивались цифры номера полка из желтого шнура) и серые фуражные шапки (с цветной ротной выпушкой и с желтой шифровкой на шапках мушкетерских рот) [14]. Интересно, что рекрутскую одежду выдали даже солдатам 2-го и 3-го Морских и Московского гарнизонного полков, батальоны которых были обращены на формирование новых полков [16] (но на серых погонах у них не нашивались номера полков). Солдатам выдали портупей под штыковые ножны; тесаки с темляками получили только унтер-офицеры и музыканты (мундиры унтер-офицеров обшивались галуном, а музыкантов — белой тесьмой). Гренадеров и стрелков снабдили трехогневыми грендами на патронные сумы. Вместе с рекрутами и ополченцами солдаты новых 18 полков поступили на укомплектование пехотных частей действующей армии.

В сентябре приступили к формированию новых вторых батальонов из рекрутов для ряда полков 6-й и 21-й дивизий, а также для Воронежского пехотного полка. Нижние чины батальонов продолжали носить рекрутское обмундирование и шинели; всем выдали черную

егерскую амуницию (на сумах гренадерских рот крепились трехогневые гранаты, пехотных рот — одноогневые гранаты, егерских — цифры номера полка) и кожаные ранцы [17].

В походе солдаты зачехляли кивера, султаны и крышки патронных сум. В полках, командиры которых заботились о сохранности обмундирования (например, в Лейб-гренадерском), холстом обшивалось все красное сукно на мундире; воротники и клапаны обшивали холстом и в Гвардии. Суконные шаровары, как правило, не носили, но краги могли пристегивать поверх «портов» — неформенных шаровар.

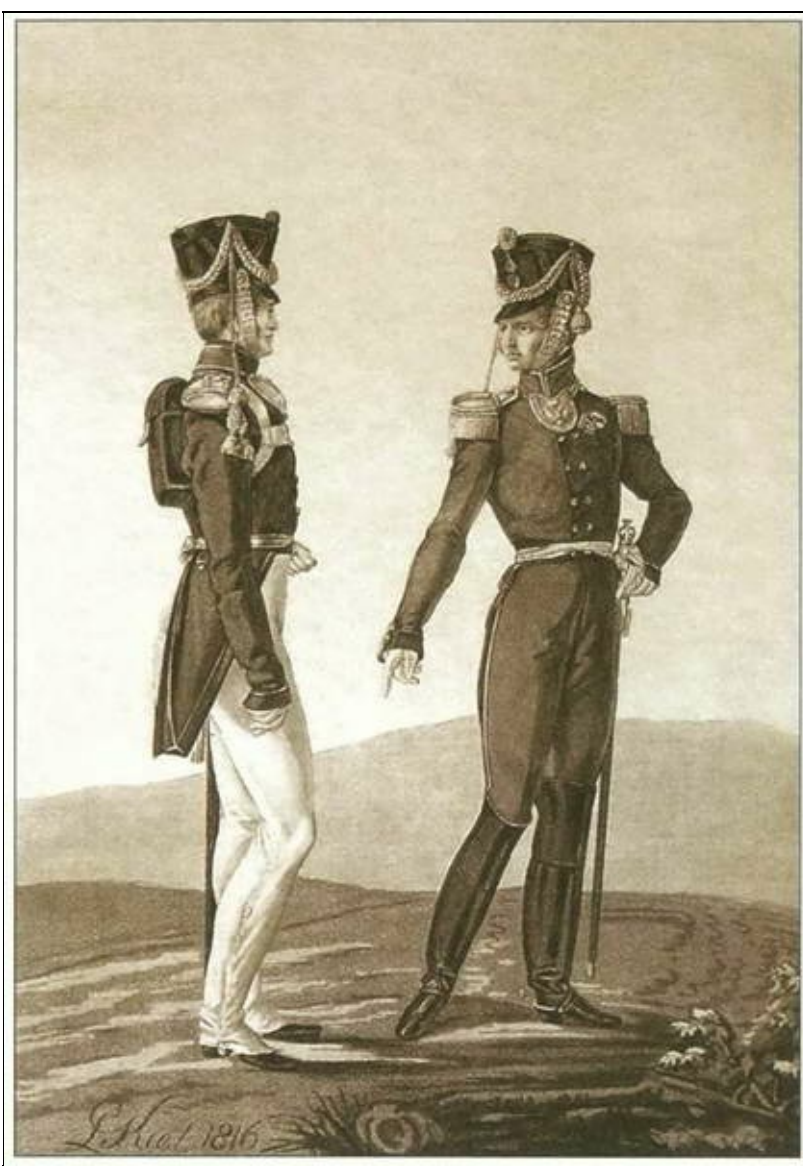
Экстремальные условия продолжительных маршей в жаркую погоду вынудили М.Б. Баркляя де Толли в июле разрешить в подчиненных ему войсках не застегивать мундиры; также необязательно было завязывать на шее галстук.

Главнокомандующий Дунайской армией адмирал П.В. Чичагов уже в мае 1812 г. разрешил в войсках армии нижним чинам во время похода «надевать амуницию как кому удобно, не соблюдая в том формы и единообразия» [29]. Кроме того, пехотинцы сдали в дивизионные депо тесаки, а в портупей вставили штыковые ножны. 5 июня было приказано спороть козырьки со старых киверов (в тех полках, где они были) и пришить их к фуражным шапкам. На околыш над козырьком в мушкетерских и егерских ротах нашивался номер роты из шнура батальонного цвета (белый, зеленый, голубой). 12 июня полки отправили в депо кивера. В начале войны Чичагов выразил пожелание, чтобы «гг. офицеры в действии против неприятеля имели ружья. В сем случае не требуется никакой формы, но всякий вооружится таким, какой достать может» [29].

По ряду документов и мемуаров можно установить виды обмундирования некоторых полков во время того или иного сражения. Так, Гвардия под Смоленском (6 августа) и при Бородине (26 августа) стояла в мундирах и летних панталонах при полной амуниции и со скатками (скатки надели даже офицеры) [138, с. 163]. В таком же виде на поле Бородина вышли 1-я и 2-я гренадерские дивизии [12]. В то же время есть основания считать, что Тарнопольский полк сражался в шинелях, а 49-й Егерский при полном обмундировании имел зимние панталоны.

Солдат первого по старшинству егерского полка дивизии. Хозяйственный егерь постарался подвесить на себя массу необходимых в походе вещей. Кивер и патронная сума закрыты клеенчатыми чехлами, манерка для удобства повешена на ремне через плечо.

Обер-офицеры егерского полка. Л.И. Киль. 1816 г.

В ноябре 1812 г. с Высочайшего одобрения было разрешено использовать для шитья панталон и шинелей нижних чинов крестьянское сукно (для панталон — белое крестьянское) [19, л. 6]; мундиры по-прежнему строились из зеленого «фабрикантского» сукна.

Недостатки снабжения, пестрый состав полков и трудности марша привели к тому, что к концу 1812 г. армия представляла собой весьма оригинальное зрелище. Очевидец вспоминал о вступлении в Вильно 1 декабря: «Наше вступление в город, которое должно было быть триумфальным, походило на маскарад. Обмундирование полков было в невероятном состоянии, и Государь, приехавший накануне, перед которым мы проходили, не мог удержаться от смеха» [71]. На этом параде в гренадерской роте лейб-гвардии Финляндского полка только один солдат имел султан. В то же время, судя по рисункам офицера лейб-гвардии Семеновского полка Чичерина, его полк имел довольно сносный вид; во всяком случае, кивера, султаны, шинели и полную амуницию имели все выведенные на парад солдаты.

Офицеры имели такой же мундир, как у рядовых, но вместо погон — эполеты, для пристегивания которых у воротника было по пуговице, а поперек плеча — узкий галунный контрпогон на подбое цвета погон. У лифа на фалды с обеих сторон нашивались горизонтальные клапаны мундирного сукна о трех зубцах, покрывавших 3 пуговицы. Сами фалды «на ладонь» не доходили до коленного сгиба. В швах фалд могли прорезаться

вертикальные карманы, прикрытые небольшими расширяющимися книзу клапанами с красной выпушкой. У верхних и нижних концов этих клапанов иногда пришивались пуговицы; в то же время пуговицы, как правило, не нашивались у отворотов фалд. Разрезные обшлага застегивались на пуговицы (петли прорезались на клапанах); одна или две нижних пуговицы не застегивались. Модным считалось носить маленькие (нередко полусферические) пуговицы, пришивать близко друг к другу два ряда пуговиц на груди, уменьшать размеры клапанов и обшлагов.

В трех «старых» гвардейских полках (Преображенском, Семеновском и Измайловском) мундиры офицеров были украшены золотым шитьем различного в каждом полку вида: на воротнике помещалось по 2 ряда шитья с каждой стороны от застежки, на клапане — 3 ряда. На воротниках и обшлагах офицерских мундиров остальной Гвардии и полков, шефами которых были принцы крови, вышивались золотые петлицы. Такие же петлицы были присвоены офицерам Лейб-гренадерского полка, шефом которого был Император.

Эполеты были по цвету металлического прибора. В Гвардии и в Лейб-гренадерском полку все поле эполета затягивалось золотой рогожкой, в прочих армейских полках цвет поля и шифровка эполет соответствовали солдатскому погону; эполеты подшивались красным сукном. Эполеты обкладывались золотым галуном, валики делались из золотого шнура и канители, шифровка вышивалась золотом. На штаб-офицерских эполетах была тонкая золотая бахрама.

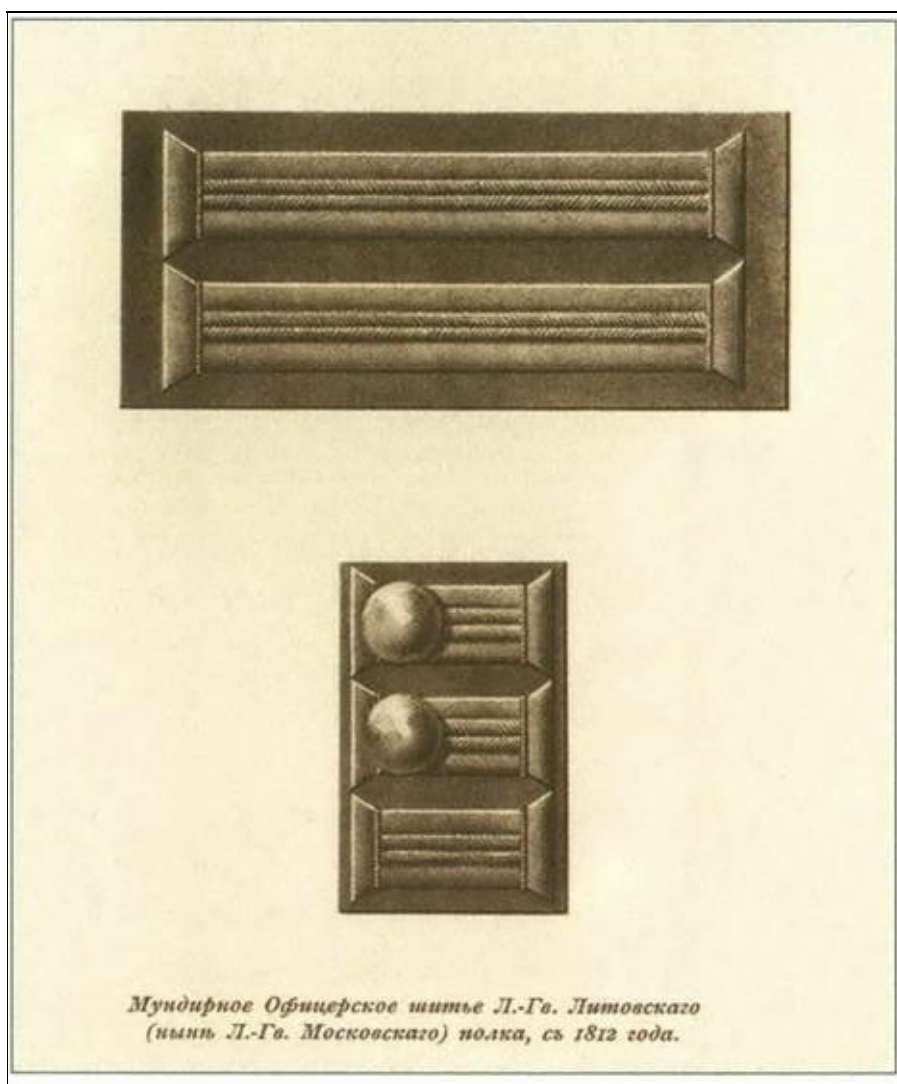
Панталоны зимние суконные, такие же, как у нижних чинов, но без краг; носились в сапоги, доходившие до колен. Панталоны летние были совершенно такие же, как у нижних чинов. Кроме того, офицерам вне службы дозволялось носить темно-зеленые (без выпушки) панталоны в сапоги. На походе офицерам были присвоены панталоны серого сукна навывпуск, с кожаной обшивкой в шагу; с каждой из наружных сторон рейтузы застегивались на 18 мундирных пуговиц. Вид походных офицерских панталон, пожалуй, больше всего зависел от воли хозяина: встречались панталоны с большим и меньшим количеством пуговиц и вообще без пуговиц, панталоны с очень широкой кожаной обшивкой и без обшивки; для шитья использовалось сукно различных оттенков и качества.

Штаб-офицерам и адъютантам егерских полков в конном строю при парадных построениях полков и дивизий полагалось быть в белых суконных панталонах.

Этишкет офицерского кивера плелся из серебряной нити; в центре кистей помещалась черно-оранжевая бахрама. На офицерских репейках на поле, состоящем из черных и оранжевых зубчатых горизонтальных полос, помещалось изображение вензеля Александра I с короной; центральный медальон по краю обшивался серебряным шнуром, а на штаб-офицерских репейках — серебряными блестками (такой репеек в документах назывался «шишкой с блестками»). Все кожаные ремни, козырек и дно кивера лакировались; гренада или герб золотились. На всех киверах крепились медные чешуи.

В большинстве случаев офицеры носили фуражку, как у нижних чинов, но без ротных выпушек и номера и с козырьком. Нередко использовались и фуражки без козырька.

Очень редко офицеры надевали двуугольную шляпу из черного фетра. С левой стороны переднего, более низкого поля помещалась галунная петлица с пуговицей внизу, прижимающая круглую черную с оранжевой каймой кокарду у края поля. Над кокардой крепился султан из петушиных перьев: черный с оранжевыми перьями внизу в линейной пехоте, зеленый — в легкой. Обычно шляпа имела узкий подбородочный ремень.

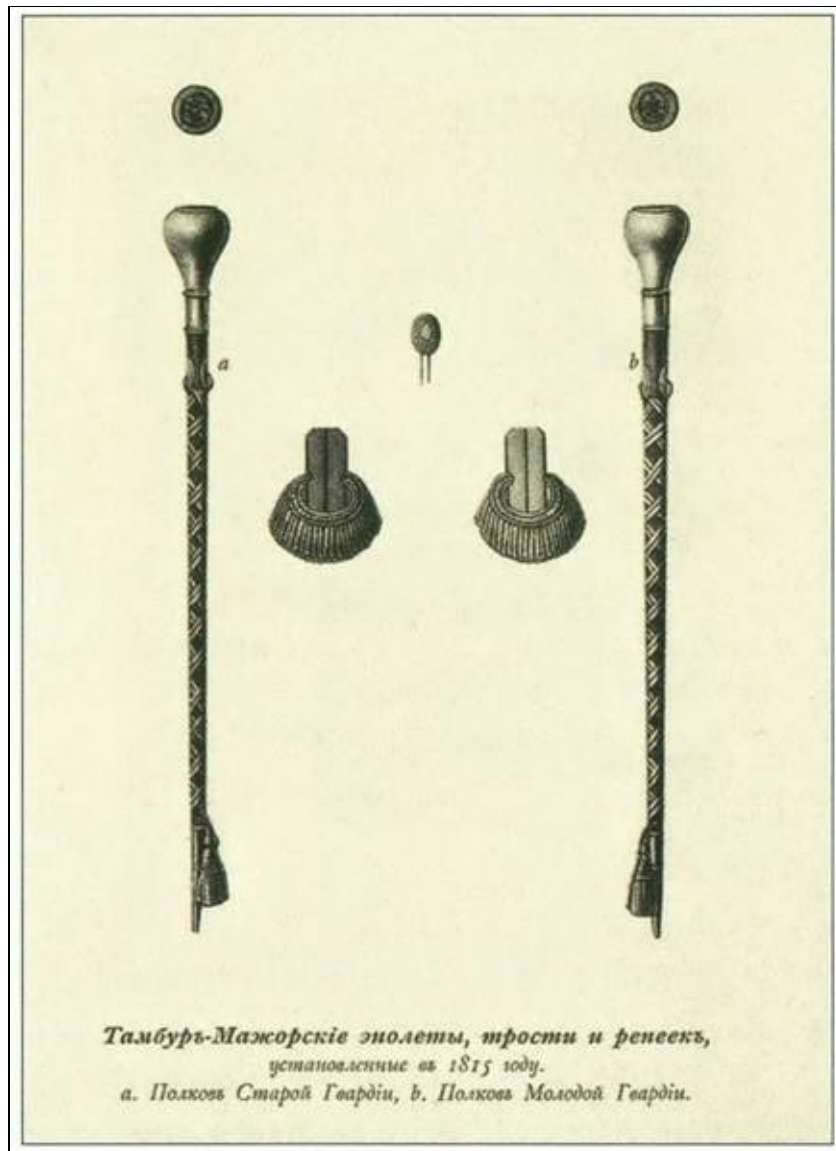
Вне строя, а осенью 1812 г. и в строю, носился темно-зеленый сюртук с длинными полами ниже колен, с мундирным воротником (но без шитья и петлиц), с круглыми обшлагами (темно-зелеными в Гвардии и красными в Армии), с вертикальными карманными клапанами сзади и с прорехой для шпажного эфеса на левой поле. Офицерские шинели не имели погон; у нижнего края воротника вшивалась недлинная пелерина; сам воротник был подобен воротнику сюртука или обшивался мехом (зимой). Зимой мехом могли подбивать сюртук и шинель, причем нередко они носились одновременно. Вообще, во время осеннего и зимнего похода офицеры одевались очень тепло. Сохранились воспоминания о следующих наборах одежды: фуфайка, мундир, сюртук, а поверх всего — скатка шинели; фуфайка, сюртук с меховым подбоем, шинель с меховым подбоем [157].

Шарф с кистями и темляк были серебряные, с примесью черного и оранжевого шелка. На шарфе серебряные полосы чередовались с черно-оранжевыми. К концам шарфа крепились кисти с серебряной бахромой по краям и с черно-оранжевой — в середине. Шарф повязывался на поясе (на мундире или на сюртуке, реже — на шинели); подражая М.И. Кутузову, многие офицеры в 1812 г. носили шарф через правое плечо. Лента темляка плелась из серебряной нити, по краям вплетались шелковые черно-оранжевые полоски, в середине кисти также помещалась шелковая бахрома.

В феврале 1812 г. «для уменьшения издержки обер-офицеров на обмундирование» Император повелел «во всей пехоте и артиллерии, исключая Лейб-Гвардию, вместо серебряных шарфов, темляков, витишкетов (этишкетов. — И.У.) и шишек (репейков. — И.У.) к киверам иметь белевые, а эполеты — обложенные бронзой вместо галуна, снурка и канители золотой» [4, л. 172]. При этом офицеры «не лишались права» донашивать прежние серебряные и золотые

«приборы». Дешевые вещи были встречены без особого энтузиазма даже малоимущими офицерами. Выпущенный в 1812 г. из Дворянского полка Н.А. Андреев писал: «Царь нас поздравил и велел немедля экипировать, что исполнено было с величайшей скоростью за казенный счет, но как? нитяные кутасы, шарф, темляк, эполеты медные и сукно кадетское, но и за то слава Богу и Царю!» [87, с. 178]. Поэтому многие тратили последние деньги на приобретение престижных дорогих элементов обмундирования.

На черной с оранжевой каймой ленте, уложенной вокруг воротника, офицеры в служебной обстановке носили нагрудные знаки. В центре армейских знаков помещался орел с опущенными крыльями и с венком и перунами в лапах. Гвардейский знак отличался от армейского накладкой в виде орла на воинской арматуре и почетными надписями «1700 No 19» (у обер-офицеров двух старейших полков). Знаки технологически различались на два вида: медные посеребренные и целиком серебряные. Офицеры имели возможность покупать серебряные знаки; при отсутствии средств или желания покупать дорогой знак офицера снабжали казенным медным посеребренным знаком, остающимся в этом случае в собственности полка [5, л. 161]; в Гвардии использовались только серебряные знаки. Три основные части знака — поле, ободок поля и орел — по отдельности или все вместе золотились; сочетание серебряных и золотых частей говорило о чине офицера. Прапорщику полагался полностью серебряный знак, подпоручику — серебряный с золотым ободком, поручику — серебряный с золотым орлом, штабс-капитану — серебряный с золотыми ободком и орлом, капитану — позолоченный с серебряным орлом; штаб-офицерские знаки золотились полностью.

Чепраки и чушки у конных чинов были темно-зеленого сукна; в армейской линейной

пехоте и в Литовском полку по краю выкладывался красный лампас, к которому пришивалось два ряда галуна; в армейской легкой пехоте и в Финляндском полку лампаса не было, а галуны имели красную выпушку. В Преображенском, Семеновском и Измайловском полках чепраки и чушки были красные, а лампас соответственно — темно-зеленым, светло-синим, белым; в Егерском полку на темно-зеленые чепрак и чушки нашивался оранжевый лампас. Гвардейские чушки и чепраки (в задних углах) украшались серебряными звездами.

В походе редко соблюдались правила ношения униформы. Так, уже знакомый нам Н.А. Андреев — полковой адъютант 50-го Егерского полка — писал: «Наряд мой был щегольский: шапка без козырька, старый изодранный сюртук, подпоясанный шарфом без кистей, чрез плечо на ремне нагайка казацкая, сабля у бедра и на тощем большом рыжаке. В довершение сей экипировки была на плечах обгорелая на биваках байковая желтая бурка...» [87, с. 190].

Генералы имели эполеты с бахромой из толстой золотой канители; петлица на шляпе состояла из четырех толстых золотых шнуров, средние из которых переплетались друг с другом.

В неофициальной обстановке генералы могли носить общеармейский мундир (называемый в этом случае вицмундиром); в бою, при построениях и при совместных действиях нескольких частей все генералы должны были надевать парадный мундир с шитьем на скошенном воротнике, рукавных (вырезанных мыском) и карманных (горизонтальных) клапанах. Это выполнялось далеко не всегда: в большинстве случаев генералы выезжали в сюртуках и походных серых шароварах; в холодные дни поверх сюртука надевалась шинель, а вместо шляпы — фуражка, и тогда единственным признаком генеральского чина оставались орденские звезды, крепившиеся на сюртук.

Генералы имели два комплекта чепраков и чушек: полковой (как у офицеров полка) и общегенеральский — из медвежьего меха с андреевскими звездами.

Генеральские (в том числе и шефские) адъютанты в 1812 г. вместо эполета носили на правом плече золотой аксельбант; им же всегда полагалось надевать шляпу («с поля», кокардой налево) [26].

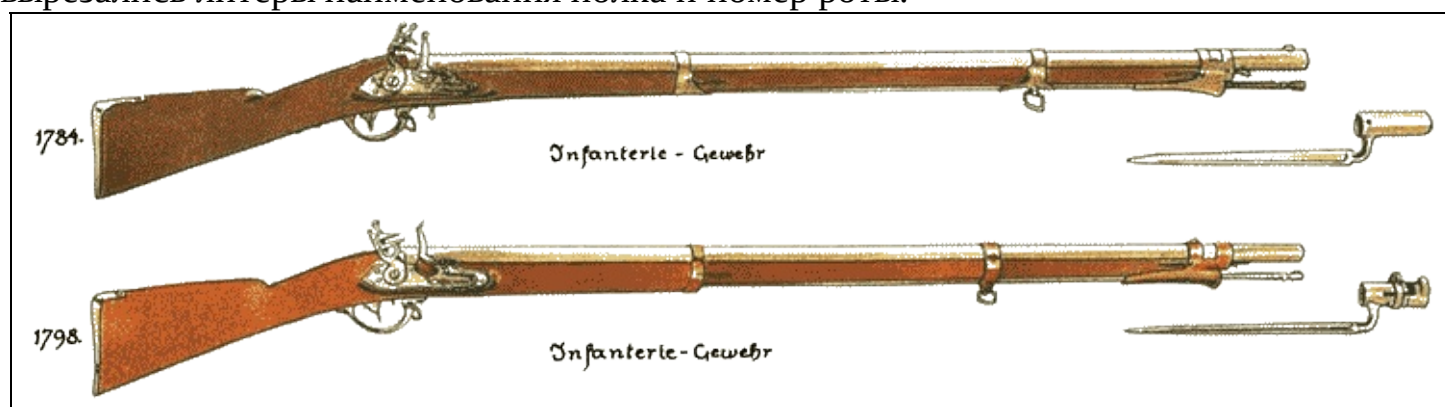

Генерал и адъютант пехоты. Л.И. Киль. 1816 г.

ВООРУЖЕНИЕ

Все выдающиеся способности, богатый опыт и высочайшие моральные качества воина становились практически бесполезными в отсутствие исправного оружия. В изданном в 1809 г. «Кратком Наставлении о солдатском ружье» [93] отмечалось: «Сбережение ружья столько же важно, как и сбережение солдата, для которого испорченное ружье бесполезная ноша». Не напрасно солдатская песня признавала неразрывную связь бойца с его оружием: «Наши жены — ружья заряжены». Именно название «ружьё» было принято в России конца XVIII — начала XIX вв. для обозначения образцов массового длинноствольного огнестрельного оружия. Гораздо реже использовались устаревшие термины «мушкет» и «фузезя». Воспламенение боевого заряда в стволе огнестрельного оружия обеспечивалось с помощью устройства, носящего название «замок». В подавляющем большинстве образцов огнестрельного оружия начала XIX века использовался так называемый ударно-кремневый замок, в котором воспламенение обеспечивалось попаданием на порох искры, высекаемой при ударе зажатого в курок кремня об огниво. Наиболее распространенная схема компоновки элементов замка была изобретена в начале XVII века и получила название «французский батарейный замок».

Самым массовым огнестрельным оружием в русской армии были русские ружья образцов 1808 г. (пехотные и драгунские) и 1798 г. и английские ружья «Brown Bess» различных образцов. Также в войсках использовались австрийские («цесарские») и шведские ружья. Во многих подразделениях (состоящих, как правило, в гарнизонах и внутренней страже) еще содержались ружья более ранних образцов. Унтер-офицеры гренадерских рот в полках, имевших английские или русские (до 1808 г.) ружья, как правило, получали винтовальные унтер-офицерские ружья образцов 1805 г. или 1798 г. В ряде егерских полков на вооружении еще оставались егерские ружья прежних царствований, а также и штуцера, в количестве не более 12 на роту. В каждой роте все ружья нумеровались (номер выбивался у конца ствола или на казенной части); кроме того, на латунном затыльнике приклада зачастую вытравливались или вырезались литеры наименования полка и номер роты.

Ружья австрийские.

Практически все ружья, даже одного образца, несколько различались по размерам и весу. Калибр принятых на вооружение незадолго до войны новых ружей — пехотного, драгунского, кирасирского и гусарского, составлял 7 линий (17,8 мм). При этом пехотное ружье имело длину со штыком 1,83 м и весило (со штыком) не менее 4,7 кг. 8линейное ружье образца 1798 г. со штыком весило до 6,2 кг, а английское ружье аналогичного калибра — около 5,2 кг. Все ружья имели, как правило, трехгранные стальные штыки.

Штуцер — нарезное дульнозарядное ружье с 8 нарезами внутри граненого по всей длине ствола — предназначался для одиночной прицельной стрельбы. На вооружении армейской легкой пехоты к 1812 г. продолжали состоять

егерские штуцера образцов 1798 и 1805 годов калибра 16,5 мм. Штуцер отличался большой дальностью и точностью выстрела, что достигалось использованием нарезного ствола, более удобной конструкцией ложи и особого прицельного приспособления. К сожалению, к недостаткам штуцера относились сложность заряжания и невозможность длительного ведения стрельбы. Для рукопашного боя егерские штуцера снабжались длинными штыками-кортиками, которые должны были компенсировать малую длину оружия. С 1808 г. новые штуцера более не выдавались в егерские полки, а вышедшие из строя заменялись обычными солдатскими ружьями.

Все ружья и штуцера имели кожаный плечевой ремень, но на ремне носились крайне редко. К ремню подвешивался кожаный чехол для предохранения огнива кремневого замка. Кроме того, весь замок целиком на походе закрывался кожаным полунагалищем.

* * *

В используемом для ружей патроне боевой заряд и пуля соединялись с помощью бумажной гильзы. В качестве взрывчатого вещества использовался дымный гранулированный (зерненный) порох. В боевой патрон пехотного 7-линейного ружья помещалось 10,6 г пороха, в холостой — 8,5 г; в патроны драгунского 7-линейного ружья — соответственно 8,5 и 6,4 г. Заряд 8-линейных ружей был на 2,1 г тяжелее. Нужное количество пороха отмерялось специальной медной пороховой меркой.

Порох выталкивал из ствола круглую свинцовую пулю; учебные пули делались из глины. Диаметр пули почти на 2 мм был меньше калибра ствола, диаметр формы для литья — несколько больше диаметра пули. Вес 7-линейной пули составлял 23,4 г, 8-линейной пули — 34 г. Помимо калиберных пуль применение находила и ружейная картечь. Для изготовления картечи солдаты резали обычную пулю на несколько частей. Ружейной картечи был посвящен отдельный абзац в «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения»: «Когда есть у людей новозаведенная ружейная картечь, то картечные патроны иметь особо от обыкновенных с пулями, буде есть карманы, то в карманах или за пазухой, или в особом нарочно приготовленном мешочке. Сия картечь предпочтительно употребляться должна в рассыпном фронте, в лесу, в деревнях, на близкой дистанции против кавалерии, а особливо против неприятельских стрелков».

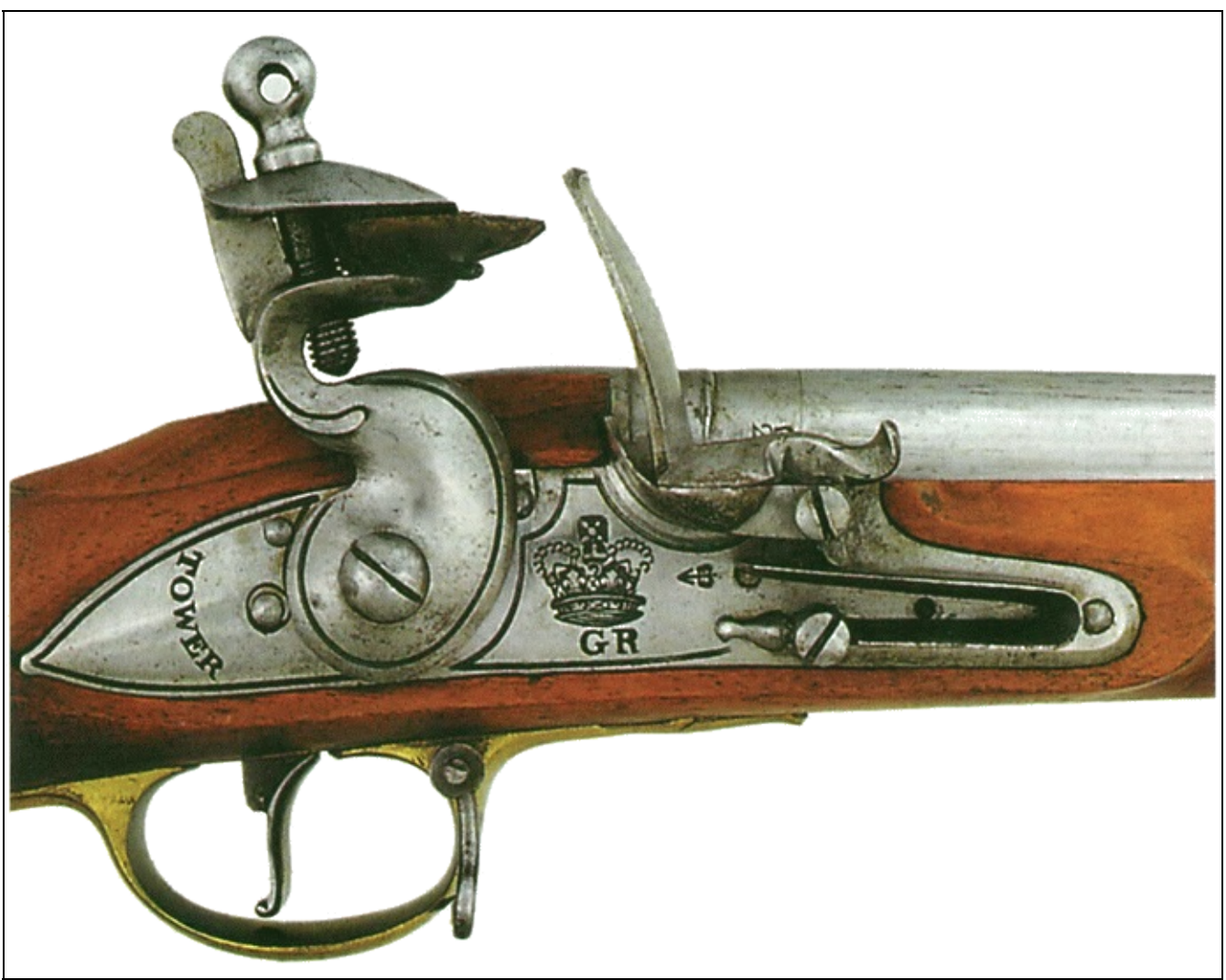

Ружье егерское образца 1789 г. Калибр 15 мм, общая длина 1205 мм. Россия, Тула, 1790 г.

Для приготовления бумажных гильз для боевых патронов листы бумаги форматом 400 на

330 мм разрезали на 12 прямоугольных трапеций высотой около 133 мм. Холостые патроны без пуль имели высоту около 100 мм, из листа получалось 16 таких гильз. Бумажная заготовка обматывалась вокруг деревянного «навойника» — цилиндрической палочки, один конец которой был закруглен, а на втором имелось углубление для пули. Сам процесс склеивания патрона выглядел так: «Нарезанные патронные бумажки подмазываются немного клейстером по основанию и по кривой стороне трапеции, потом вложив пулю в чашечку навойника, прикладывают оный к прямой стороне трапеции так, чтобы за пулю, которая должна быть в левой руке, оставалось бы на загибку около четверти дюйма до основания трапеции, т.е. столько, сколько нужно для облепления оного около пули; а для удобнейшего обгибания около пули надрезается оно зубцами. На приложенный таким образом навойник накатывается бумага как можно туже, а надрезанное основание трапеции, которое намазано клейстером, обгибается сверх пули и округляется около оной посредством обминания всовыванием в сделанную для сего на рабочем столе ямочку; потом вынув навойник, обсушивают патрон и, насыпав в него полную мерочку пороха, сверх того как можно плотнее загибают остальную пустую бумагу патрона... Делают также патроны, свертывая наперед бумажку на навойнике без пули, и потом уже с заднего конца особо всовывают и сгибают сверх ее конец, который для сего срезается».

Основную массу патронов изготавливали при запасных парках, или «магазейнах», находящихся в ведении командиров понтонных рот. В запасных парках перевозили также и запасы пороха, патронной бумаги, свинца и кремней. К началу войны в парках насчитывалось 37 540 тысяч готовых патронов [120, т. 21, с. 371]. Из парков патроны доставляли к полкам и перекладывали в патронные сумы (по 60 патронов на человека) и в ротные патронные ящики (по 40 патронов на человека). В суме и в ячейках патронного ящика патроны устанавливали в положении вниз пулей. В случае необходимости патроны могли делать непосредственно в войсковых частях, для чего в полку содержали чугунный котел, железный «уполовник» и формы для литья пуль. Свинец расплавляли в котле и с помощью половника заливали в формы, каждая из которых была рассчитана на 12 пуль и имела резак для отсекания литников.

Кремневый замок мушкета образца «Indian Pattern». Англия, около 1805 г.

Еще одним важнейшим элементом батарейного замка был кремль. Лучшими считались прозрачные без вкраплений камни. Ружейный кремль имел длину от 33 до 36 мм, ширину от 30 до 33 мм и толщину 8-9 мм. Кремль в поперечном разрезе имел сечение, близкое по форме к прямоугольной трапеции, основание которой на 15 мм превосходило верхнюю сторону. Считалось, что хороший кремль должен выдерживать до 50 ударов, но затупившуюся кромку при этом периодически заостряли. Во всяком случае, в кармане патронной сумы каждый солдат носил еще несколько готовых к употреблению кремней, и огромное их количество на всех полях минувших баталий свидетельствует о частой замене этой детали непосредственно во время сражения. Кремни также заготавливались при арсеналах и доставлялись к полкам в бочонках.

* * *

Искусству прицельной стрельбы посвящалась отдельная статья «Ротного учения» Военского устава 1811 г. Необходимость тщательного обучения солдат меткой стрельбе была вполне очевидна для многих военачальников. Так, генерал-майор Д.П. Неверовский, будучи шефом Павловского гренадерского полка, в приказе по полку от 6 октября 1811 г. отмечал: «Приятно бы для меня было,.... если бы господа ротные командиры гренадерских рот стрелков, а фузилерных хорошо выученных стрелять рядовых, и надежного поведения, посылали стрелять

дичь, через что они привыкают к верному глазомеру и получают навык к цельной стрельбе; теперь же в ротах есть невыстреленные пули и порох, оставшиеся от маневров, которые позволяется употреблять на охоту, ведя им верный счет и подавая еженедельно через фельдфебелей в полковую канцелярию записи: сколько в которой роте будет убито дичи, оставляя, однако же, оную в пользу стрелков» [56, с. 131]. В том же году для отличившихся в искусстве стрельбы нижних чинов гвардейских полков на Сестрорецком оружейном заводе изготовили ружья образца 1808 г., отличавшиеся лучшей выделкой и надписью на стволе: «за стараше и искусство»; на каждый полк выделялось по 25 таких ружей [3]. Активная стрелковая подготовка перед войной дала свои результаты. Русские стрелки действовали в сражениях все активнее, русские пули чаще и чаще находили цель. Сохранилось немало свидетельств об эффективности огня русской пехоты. Рассказывая об обороне Смоленска, генерал-майор П.Ф. Паскевич упомянул и такой эпизод: «Все семьдесят орудий наших были уже в действии. Но неприятель прошел ядра, прошел картечь и приближался к рытвине, составлявшей на том месте ров Смоленской крепости... Орловский полк открыл ружейный огонь и остановил неприятеля» [124, с. 93, 94]. Далее он отмечает интересный эпизод: «У меня (в Орловском полку. — И.У.) были дурные ружья. Я велел подобрать ружья французские и переменить их на весь полк». В Орловском полку состояли так называемые «цесарские», то есть австрийские, ружья. Такие же ружья имел и Софийский пехотный полк.

Ружья образца 1808 г. Россия. (За веру и верность. Три века Российской императорской гвардии. Каталог выставки. СПб. 2003).

Мушкет образца «Indian Pattern». Англия, около 1805 г.

Настоящий солдат первым делом думал о сохранности своего ружья. После стрельбы ствол хорошо промывался и насухо вытирался снаружи и особенно внутри, протирались замок, шомпол, штык, медный прибор и ложа, прочищалась затравка. Несколько раз в год по капле

масла пропускаться в резьбовые соединения и под пружины.

Во время похода основной задачей было поддержание работоспособности кремневого замка. Мало того, что огниво было защищено чехольчиком, а весь вообще замок закрывался полунагалищем, — солдат, кроме того, регулярно должен был прочищать замок снаружи и смазывать его. Несколько меньше внимания в походе уделялось чистоте ствола, но это было оправдано: в полевых условиях чрезмерные усилия могли привести к плачевным результатам. Каждый ствол не реже чем после 60 выстрелов тщательно промывался и высушивался, регулярно протирался снаружи сукном с толченым кирпичом, а при появлении ржавчины — чистился наждаком с маслом. Полная разборка ружья допускалась только в крайних случаях.

Для защиты от ржавчины железо и сталь покрывались так называемой мазью Гомберга, рецепт приготовления которой также содержался в «Наставлении»: «Возьми 8 фунтов свиного сала и с 4 унциями камфары распусти на легком огне; потом подмешай толченого каменного угля или черного карандаша, пока сделается весьма темного цвета мазь. Сею мазью намазанные, нагретые наперед, железные вещи весьма долго от ржавчины предохраняются».

За правильным содержанием оружия в роте наблюдали офицеры, а также каптенармус. Конечно, поломки ружей в походе происходили не так уж и редко, поэтому по штату в полку содержали специалистов-ремонтников: оружейного и «ложенного» (по ружейным ложам) мастеров с учениками. «Содержание искусного ружейного мастера в полку» признавалось одной из главнейших забот полкового начальника. В обязанности мастера, помимо исправления некоторых некритичных неисправностей, входил и контроль за приемкой новых ружей, поступающих из арсеналов. Но при этом и сам мастер по установленным правилам постоянно должен был находиться под контролем, «чтобы он исправлял ружья как должно».

Но далеко не во всех полках ружья готовили к боевому использованию. Стоит только представить, сколь красиво выглядело единообразное выполнение ружейных приемов, сопровождаемое звуковыми эффектами, — и мы гораздо лучше поймем настоящих «поэтов» строевого искусства, превращающих ружье в своеобразный музыкальный инструмент. Правда, высверливать приклады и насыпать в отверстия стеклышки и камни начали позже, но практика искусственного разбалтывания крепления шомпола в ложе уже получила настолько широкое распространение, что об этом вынуждены были упомянуть авторы «Наставления», правда, сваливая вину на нерадивых солдат.

Тесак образца 1807 г.

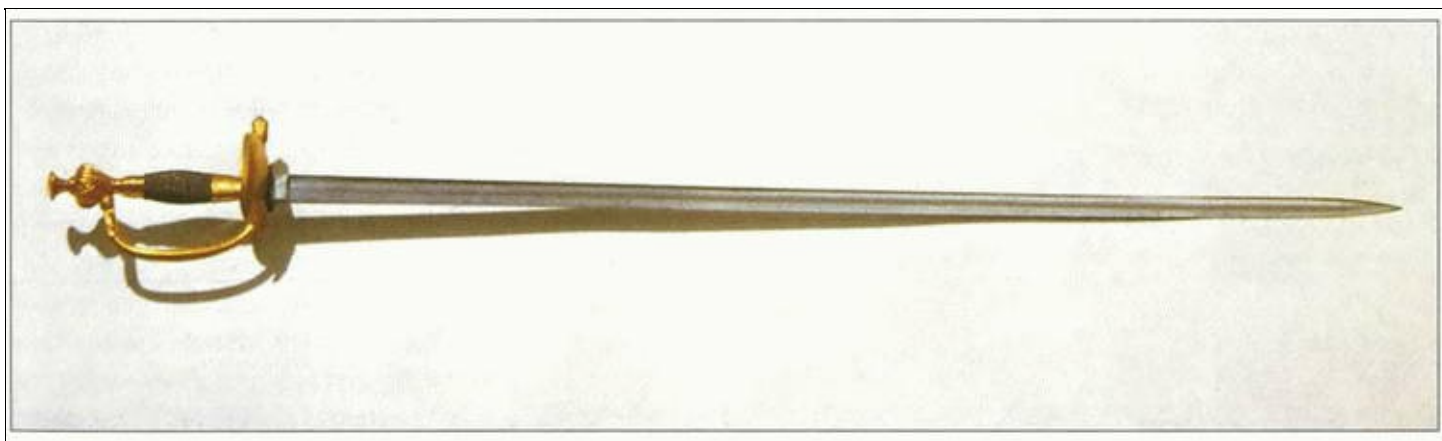

Тесак образца 1807 г.

Помимо огнестрельного оружия на вооружении нижних чинов состояли тесаки образца 1807 г. с медным эфесом (одна защитная дужка, сердцевидная или двойная овальная чашка) и однолезвийным клинком незначительной кривизны. Тесак (а также штык и кортик) носили в деревянных (обтянутых кожей) или в кожаных некрашенных ножнах с устьем и наконечником. Общая длина тесака составляла 780 мм, масса — 1,2 кг [95, с. 95]. Тесачные ножны постоянно закрывались чехлом из клеенки, только перед парадом чехол снимался. В ряде полков использовались тесаки образца 1798 г.: гарда их, как правило, не имела чашки. На тесаках повязывались темляки на белой тесьме и с белой кистью, но цвета гайки, трынчика и шейки (частей головки темляка) различались поротно.

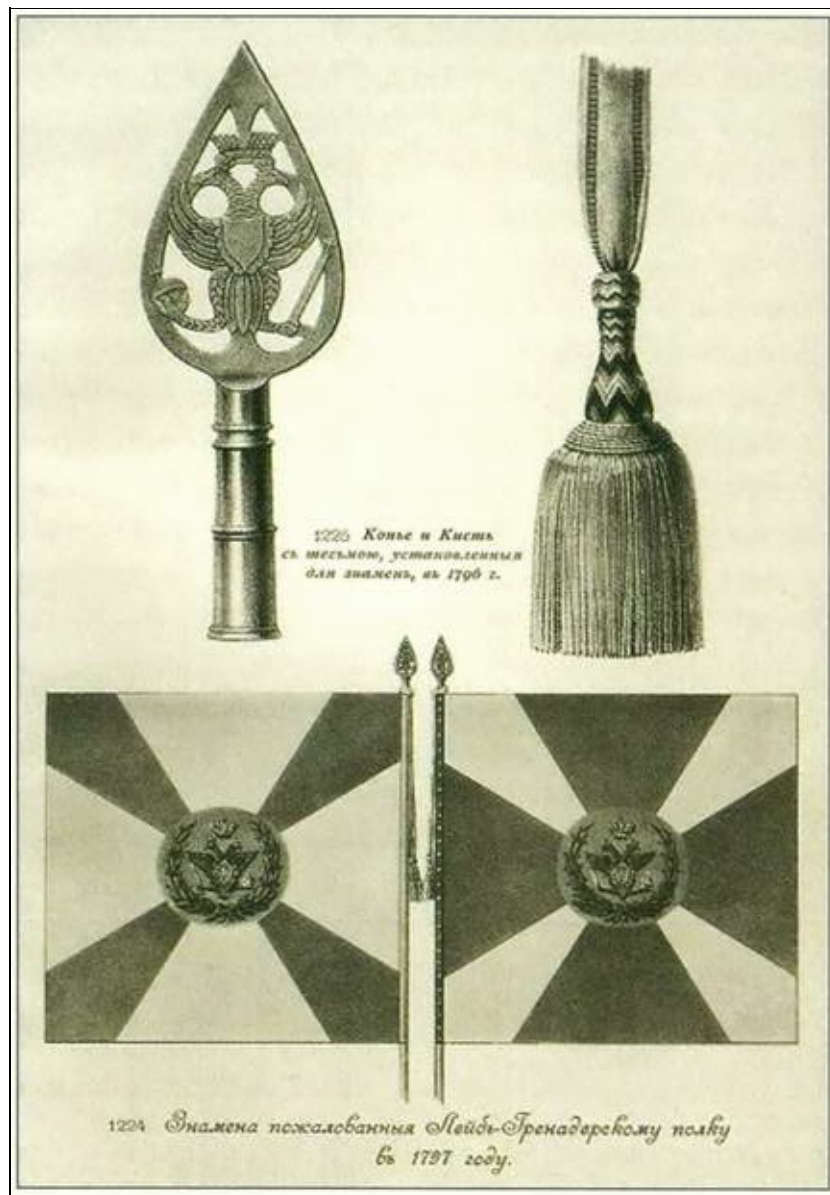
В легкой пехоте тесаки с темляками (или кортики) носили унтер-офицеры, гренадеры и стрелки, музыканты, барабанщики, флейтчики, артельщики, надзиратели больных, вагенмейстеры, писари, фельдшеры и цирюльники [7].

Алебарды, отмененные в 1811 г., еще продолжали носиться в некоторых запасных батальонах.

Шпага офицерская образца 1798 г. («Бородино. 1812» М. 1987)

Холодным оружием офицеров по-прежнему оставалась пехотная шпага образца 1798 г., носимая в ножнах нечерненной кожи с латунными устьем и наконечником. С темно-зелеными панталонами офицеры линейной пехоты носили черную шпажную портупею, со всеми прочими — белую. В легкой пехоте использовались только черные портупеи (возможно, белые портупеи могли надевать верховые офицеры егерских полков). Очень популярны были различные сабли, носимые на поясных или на плечевых портупеях. Офицеры лейб-гвардии Финляндского полка поверх мундира надевали саблю на плечевой портупее из черной кожи, обшитой золотым галуном. У штаб-офицеров и адъютантов в ольстрах (кавалерийских кобурах) были пистолеты.

В 1812 г. в полках содержались знамена сразу двух царствований, так как содержание знамен при Павле I стало бессрочным: таким образом, знамена заменялись только при полном физическом износе.

По восшествии на престол Павел ввел в употребление знамена, имеющие в основе своей композиции прусские образцы. Полотнище таких знамен состояло из креста, углов и центрального медальона.

Армейские полки за время правления Павла получили знамена двух образцов. Знамена первого образца стали поступать в полки в 1797 году. Строили их в Санкт-Петербурге под руководством полковника князя Долгорукова. Полотнище знамен представляло собой квадрат из шелковой материи длиной в 2 аршина по каждой стороне. По центру полотнища вшивался круг оранжевого цвета с изображением двуглавого орла и двумя зелеными лавровыми ветвями, связанными голубой лентой. На груди орла располагался щит красного цвета с московским гербом. Окаймляла щит цепь ордена Андрея Первозванного. Корона, скипетр и держава у орла были золотые. Знамя первой шефской роты обязательно имело белый крест при цветных углах и являлось полковым. На других ротных знаменах кресты были цветные. В полки посылались полотнища, кисти, наверхия и подтоки; древки изготовлялись в полку. Их длина была $4\frac{1}{2}$ аршина, длина наверхия с трубкой — $5\frac{1}{2}$ вершка. Для древков существовало четыре

регламентных цвета: палевый, белый, кофейный и черный.

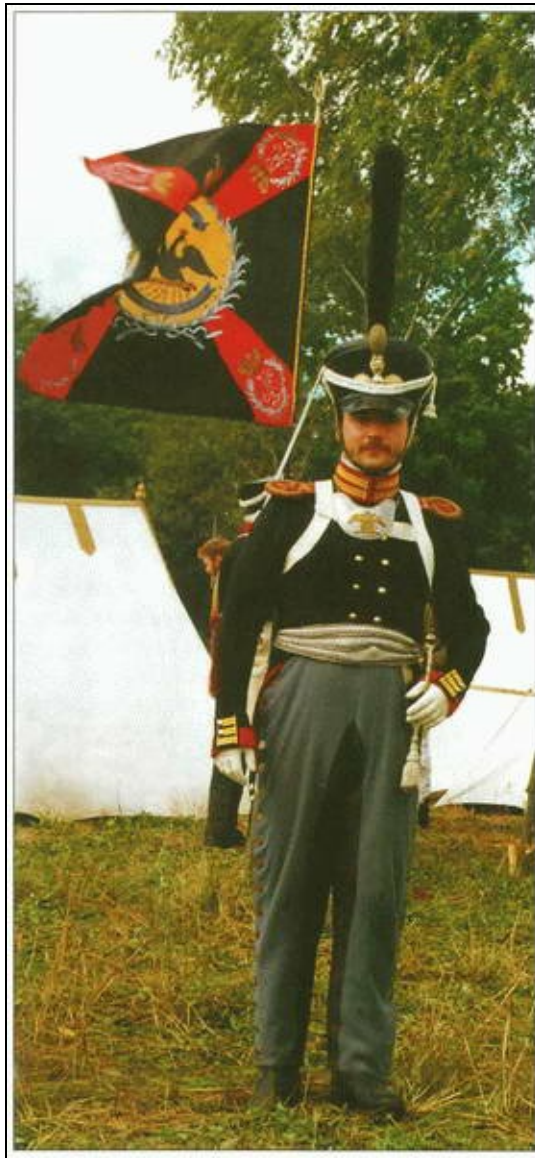
К тому времени, когда почти все гренадерские, мушкетерские и гарнизонные полки получили новые знамена, Павел установил другой образец армейских знамен, получивших название знамен образца 1800 года. Новые знамена также имели средник в виде оранжевого круга, в котором помещался черный двуглавый орел, но развернутый вполборота и метающий громовые стрелы. Под орлом на голубой ленте помещалась надпись («Съ нами Богъ» — на лицевой стороне, «Благодать» — на другой); по углам — вензеля Императора в лавровых венках под коронами. Двуглавый орел на навершии был заменен императорским вензелем из двух накрест положенных букв «П» и цифры «1». На новых образцах знамен, как и на прежних, знамя первой роты имело белый крест, углы же были различных цветов (по инспекциям). Такие знамена успели получить не более двух-трех полков в каждой инспекции. Впервые в России знамена образца 1800 года могли служить и знаком полкового отличия. За выдающиеся заслуги несколько полков при Павле получили знамена, отличающиеся от общеармейских голубой лентой под орлом с надписью, указывающей на причину награждения.

Знамя батальонное Симбирского пехотного полка образца 1803 г. («Бородино. 1812». М. 1987)

Знамя батальонное Малороссийского гренадерского полка образца 1797 г. («Бородино. 1812». М. 1987)

Обер-офицер и батальонное знамя Московского гренадерского полка. 1812 г. Реконструкция.

В 1800 г. и гвардия получила новые знамена, по образцам 1800 года, установленным для армейской пехоты, но с двойным императорским вензелем по углам. На древках гвоздиками выбивался номер роты; цифры могли быть как арабские, так и римские. Обычно цифры располагались у края крепления полотнища.

* * *

С 1802 г. в полках было оставлено по 2 знамени на батальон; одно из шести знамен полка считалось полковым и называлось «белым», остальные именовались «цветными». В гарнизонных батальонах содержали одно белое и три цветных знамени. Полки и батальоны легкой пехоты знамен не имели.

Первые знамена александровского царствования были изготовлены в июне 1803 г. для вновь образованных мушкетерских полков. Знамена образца 1803 г. имели квадратное шелковое полотнище со стороной в 2 аршина, сшитое из 9 кусков: в середине помещался оранжевый круг диаметром 14 вершков; 4 куска изображали концы креста на манер Георгиевского, еще 4 представляли собой «углы» между концами креста. Кроме того, к полотнищу пришивался

«запас», наматывавшийся на древко. В круге был изображен черный двуглавый орел, поднявший одно крыло и опустивший другое; обе головы венчались коронами; в лапах орел держал перуны и молнии. По шву круга рисовали золотой венки, перевязанный снизу лентой; вверху концы венка были разделены большой императорской короной. В каждом из четырех углов помещалось изображение императорского вензеля в венке, подобном описанному выше. Клюв и лапы орла, перуны, молнии, венки, вензеля и короны прописывались золотом. Для гарнизонных частей с 1804 г. изготавливались такие же знамена, но без вензелей и венков в углах.

Древко длиной 4 аршина $10\frac{1}{2}$ вершка венчалось навершием в виде копья со штампованным рельефным изображением двуглавого орла (обе головы — с коронами) с державой и скипетром под большой короной на ленте. Общая высота навершия составляла $6\frac{1}{2}$ вершка. На трубку повязывали тесьму с двумя кистями на концах; тесьма и кисти делались из серебряной нити с добавлением черного и оранжевого шелка (в виде полосок), полотнище прибавалось к древку гвоздями с золотыми круглыми шляпками. В 1808 г. длину древков увеличили до 5 аршин. Цвет древков вплоть до 1807 г. был черный, а с 1807 г. — по номеру полка в дивизии (для 1-го полка дивизии был установлен белый цвет, для 2-го — палевый, для 3-го — кофейный, для 4-го — черный). В конце 1808 г. цвета были распределены следующим образом: желтый, черный, белый, желтый, черный (для 5 полков); все гарнизонные знамена имели древки кофейного цвета.

С 1806 г. начались пожалования так называемых георгиевских знамен. По краю полотнища таких знамен помещалась надпись, объясняющая причину награждения полка; в копье навершия орел был заменен на георгиевский крест, выкрашенный масляной краской; на груди орла на полотнище рисовали красный овальный щит с изображением св. Георгия; серебряная тесьма заменялась на георгиевскую ленту.

Кроме новых наградных знамен, в 1804 г. в Московском гренадерском полку обветшавшие знамена «за отличие» образца 1800 г. были заменены новыми такой же расцветки (на цветных — черный крест и красные углы, на белом — белые крест и углы), с серебряными вензелями Александра и венками, с золотыми коронами и с двумя узкими голубыми (андреевскими) лентами в круге. На верхней ленте помещалась надпись «Съ нами Богъ», на нижней — «За взятіе знамя у Французовъ при рекахъ Требіи и Нуре 1799 г.».

Единственный набор наградных гарнизонных знамен был в 1810 г. отправлен Свеаборгскому гарнизонному полку за боевые подвиги в 1809 г.: на знаменах с зеленым крестом в желтых углах помещались вензеля в венках.

Всем старым полкам за отличие или на замену обветшавших выдавали знамена новых образцов (обычные или георгиевские), но прежних расцветок. Исключение было сделано для первых георгиевских знамен, пожалованных Киевскому гренадерскому полку «За подвигъ при Шенграбенъ 4 ноября 1805 г. В сраженіи 5, т. корпуса съ непріятелемъ, состоявшимъ изъ 30/т»: взамен прежних знамен с двухцветным крестом и пунцовыми углами выдали знамена с розовым крестом (по цвету инспекции) и белыми углами.

Система расцветки знамен новых полков в 1803-1813 гг. существенно менялась. Вплоть до 1806 г. выдавались знамена с белыми углами и с крестом цвета воротника мундира (инспекции). Только для Санкт-Петербургской инспекции были установлены знамена с черными крестами и красными углами. В 1807 г. новые полки получили знамена с белыми углами и крестами по цвету дивизий: в 16-й дивизии кресты были синевато-фиолетовые, в 17-й — темно-зеленые, в 18-й — серовато-розовые, в 1-й — зеленые. Для полков 27-й дивизии были разработаны следующие расцветки: в Одесском полку — желтый крест и черно-белые углы, в прочих — красные углы и крест по цвету погон (в Виленском — белый, в Тарнопольском — желтый, в

Симбирском — зеленый). В полках, образованных из гарнизонных батальонов, использовались прежние гарнизонные знамена.

Кроме описанных образцов, знамена в 1803— 1813 гг. получили части: лейб-гвардии Литовский полк в 1811 г. (белые — белый крест и черно-желтые углы, цветные — желтый крест и черно-белые углы), морские полки в 1803 г. (белые углы и синие кресты), 1-й и 2-й Учебные Гренадерские батальоны (белые углы и светло-синие кресты).

* * *

Большую часть времени знамена находились в свернутом состоянии. От грязи и влаги их защищали суконные чехлы с латунными наконечниками.

Знамя всегда служило объектом особого внимания. На построениях и на марше солдаты выдерживали заданные дирекцию и темп движения по знаменосцу. Во время сражения знамя служило ориентиром, вокруг которого собирались рассеянные батальоны.

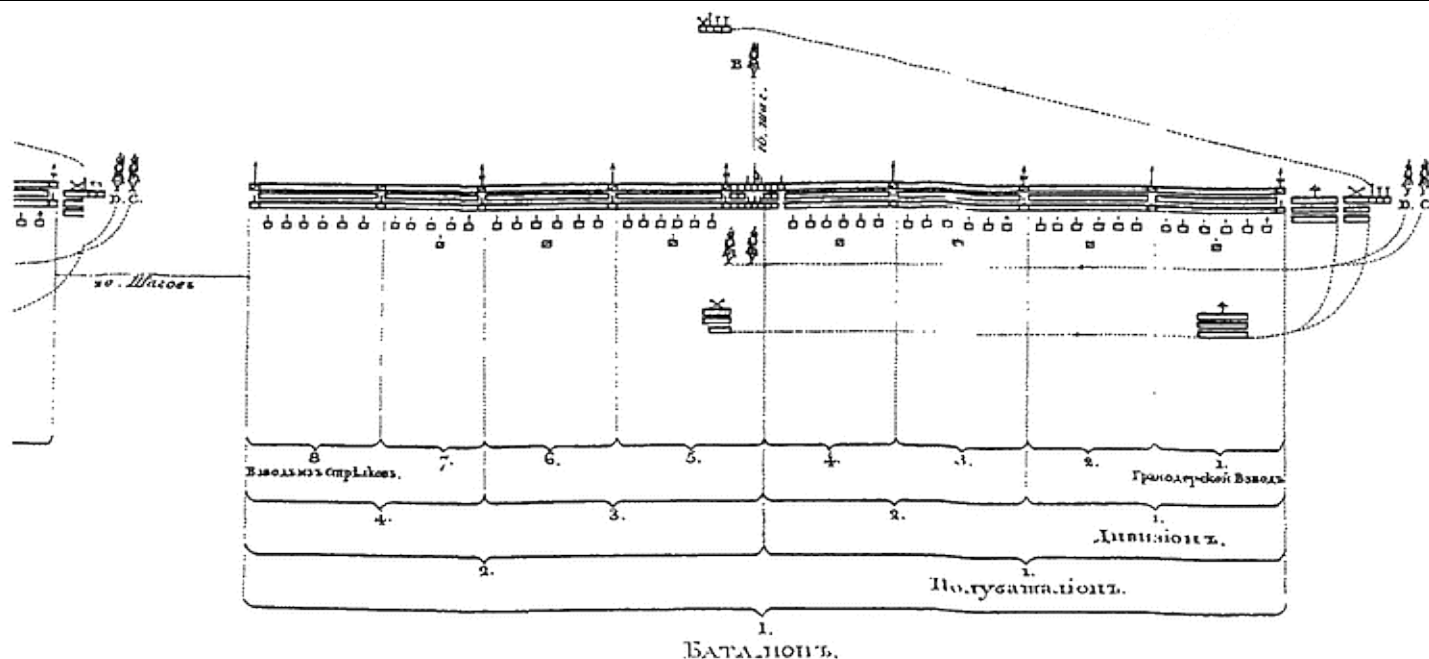
За обладание знаменами нередко завязывались отчаянные схватки. Описание одной из них, развернувшейся в сражении при Салтановке, мы встречаем в воспоминаниях И.Ф. Паскевича: «Нижегородский и Орловский батальоны, опрокинув вначале неприятеля и перейдя мост, заняли корчму и небольшую деревню в несколько изб по той стороне речки. Едва они стали устраиваться, выходя из этой малой деревушки, как четыре французские батальона, лежавшие во ржи, поднялись в 30 сажнях, сделали залп и ударили в штыки. Бой завязался рукопашный. Французы бросились на белое знамя Орловского полка и взяли его у убитого подпрапорщика. Наш унтер-офицер выхватил его у француза, но сам был убит. Знамя опять потеряно. Еще раз оно было схвачено нашими, и в драке древко сломано. В это время адъютант Орловского полка бросился в середину, отнял знамя и вынес его из схватки» [124, с. 86].

ВОИНСКИЙ УСТАВ

Во время правления Александра I был издан основной уставной документ, содержащий правила обучения пехоты — «Воинский устав о пехотной службе», принятый для дополнения, уточнения и частичной замены павловского устава 1796 г. («Его Императорского Величества Воинский Устав о полевой пехотной службе»). Разработка нового устава началась в 1808 г., когда по Высочайшему повелению был создан «комитет для сочинения воинского устава» под руководством Великого князя Константина Павловича. Предполагалось включить в устав две отдельные части — «О строевой службе» и «О службе в гарнизоне», но составлена была только первая часть. Первоначально Устав состоял из вступления и двух отделений под названиями «Школа рекрут и солдат» и «О ротном учении». В таком составе издавался в 1811-м, 1812-м и 1813-м; «Школа рекрут или солдат» была составлена и разослана в полки еще в 1809-м. В 1816-м был дополнен третьим отделением — «О батальонном учении». Дополнения и перемены в Устав вносились в 1823-1824-м. Продолжением Устава стал изданный в 1820-м «Воинский устав о линейном учении», посвященный эволюциям нескольких пехотных батальонов. В 1831-м Устав был заменен вновь составленным.

Во вступлении к Уставу содержались правила построения батальонного фронта с расположением всех чинов и правила обучения офицеров и унтер-офицеров. Каждая из четырех рот батальона делилась на два взвода. Первый взвод (гренадерский) располагался на правом фланге; к нему пристраивались шесть мушкетерских взводов; левый фланг занимал восьмой (стрелковый) взвод. Если хозяйственным подразделением батальона была рота, то тактическим, как правило, — дивизион, в который входили два соседних в строю взвода разных рот: в первый дивизион — гренадерский взвод и 1-й взвод первой мушкетерской роты, во второй — 2-й взвод первой и 1-й взвод второй мушкетерских рот, в третий — 2-й взвод второй и 1-й взвод третьей мушкетерских рот, в четвертый — 2-й взвод третьей мушкетерской роты и стрелковый взвод. Первые два дивизиона составляли первый полубатальон, остальные — второй. Взвод делился на два полувзвода, а полувзводы — на отделения (по 4-6 рядов). При построении батальона все взводы вставали в одну линию, причем допускалось перемещать людей из одной роты в другую, дабы количество рядов во всех взводах было одинаково (это, впрочем, не касалось гренадерской роты). Лучшие солдаты ставились на флангах подразделений и в первой шеренге. Первый полубатальон ранжировался справа налево, второй — слева направо; кроме того, самые высокие солдаты выставлялись в первую шеренгу, самые низкие — во вторую, остальные — в третью. В шеренгах люди стояли локоть к локтю; между шеренгами оставлялось расстояние в половину аршина. В центре батальона ставились знаменные группа и ряды. Восемь ротных офицеров (в том числе все капитаны) занимали места в первой шеренге на правых флангах взводов, а поручик гренадерской роты — на левом фланге стрелкового взвода. Остальные офицеры становились «в замок», то есть позади строя, создавая офицерскую линию. Командир батальона следовал впереди батальона перед его центром, второй штаб-офицер с батальонным адъютантом (также верхом) — на крайнем правом фланге. Девять унтер-офицеров вставали за офицерами в третьей шеренге; один — на левом

А. Полковой Выхажеръ	♂ Капитаны и Штабъ-Капитаны.	♂ Подпоручики.	♂ Музыканты.
В. Батальонные Командеры	♂ Поручики.	♂ Есаулы-ефрейторы.	♂ Барабанной Станицы.
С. Майоры.	♂ Подпоручики.	♂ Унтеръ-офицеры.	♂ Барабанщики.
Д. Адъютанты Батальонные	♂ Прапорщики.	♂ Знаменные ряды.	♂ Фейерверки.

Построение 1-го батальонного полка. В уставе 1811 г. за первым знаменосцем стоял второй. (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816)

фланге четвертого взвода в первой шеренге (отделяя знаменные ряды). Остальные унтер-офицеры выстраивались в линию позади своих рот: один из них располагался за вторым рядом взвода справа, другой — за вторым рядом слева, остальные — между ними. Предписывалось, чтобы за взводом находилось не менее шести унтер-офицеров; при недостатке их место занимали вице-унтер-офицеры из лучших ефрейторов. Линия замыкающих унтер-офицеров строилась в двух шагах от третьей шеренги, линия замыкающих офицеров — в двух шагах от унтер-офицерской. На правом фланге батальона вставляли построенные в три шеренги барабанщики с батальонным (в первом батальоне — полковым) барабанщиком, правее — два флейтиста, еще правее (если это был первый батальон) — три шеренги полковых музыкантов. Офицеры обязаны были знать все отделения Устава и уметь поддерживать нужный темп и направление движения; батальонный или полковой командир, собирая офицеров, разъясняли статьи устава и обучали их строевому шагу и выправке. Унтер-офицеры должны были хорошо знать все положения первых двух отделений Устава, уметь с точностью выполнять все солдатские и унтер-офицерские приемы, относящиеся к строевому обучению, пальбе и маршу [54].

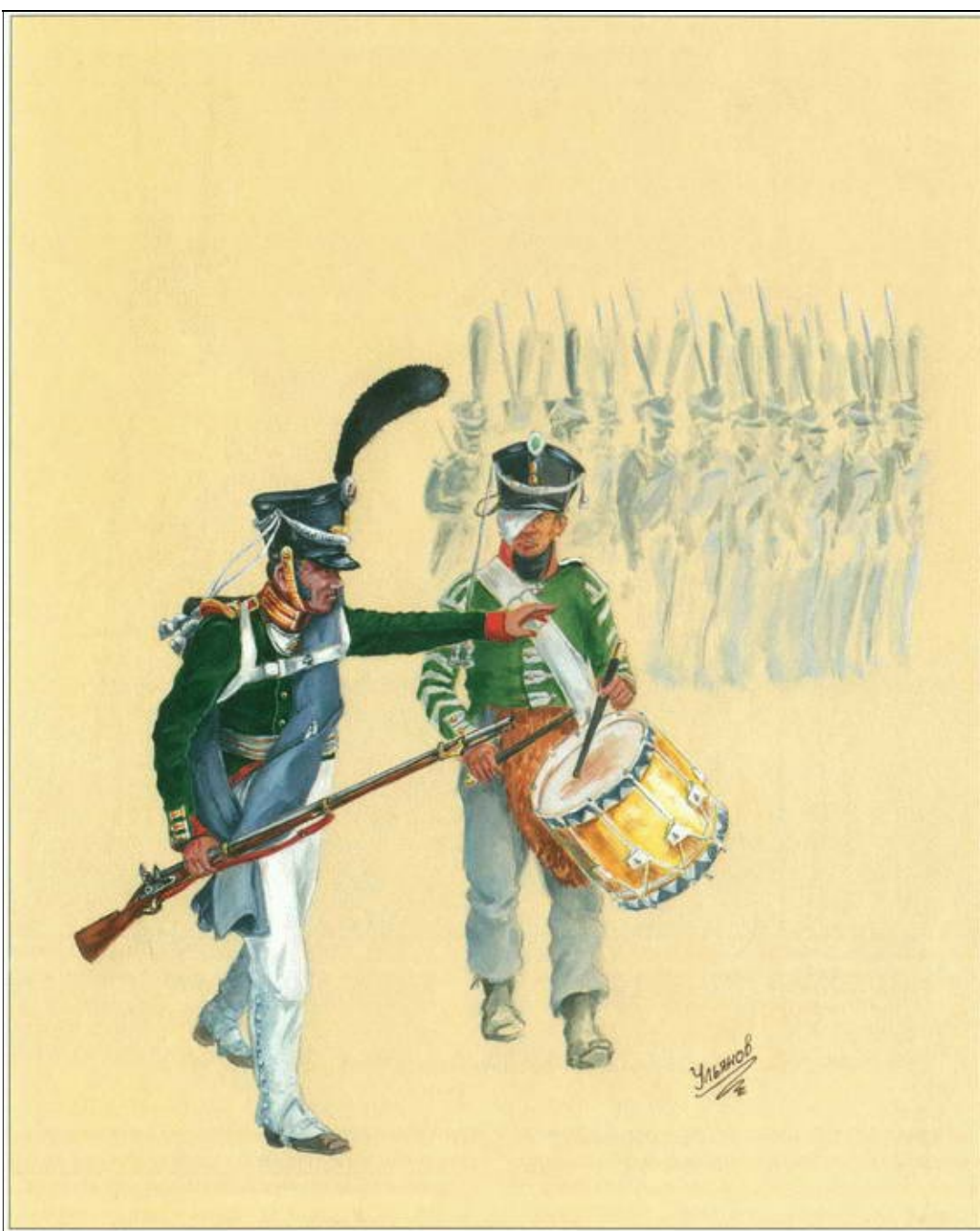
Сводные гренадерские батальоны состояли из 6 взводов. В первом сводном гренадерском батальоне пехотной дивизии 1-й взвод состоял из гренадеров первого егерского полка дивизии, 2-й и 3-й взводы — из гренадеров первого и второго пехотных полков, 4, 5 и 6-й взводы — из стрелков первого и второго пехотных и первого егерского полка дивизии. Батальон таким образом делился на три дивизиона, причем средние 4 взвода рассчитывались на равное количество рядов. 6 унтер-офицеров обозначали знаменную группу в центре батальона, по

бокам которой вставляли знаменные ряды. Расположение офицеров и унтер-офицеров также соответствовало обычному порядку, но все фельдфебели стояли за взводами 1-го полубатальона [10].

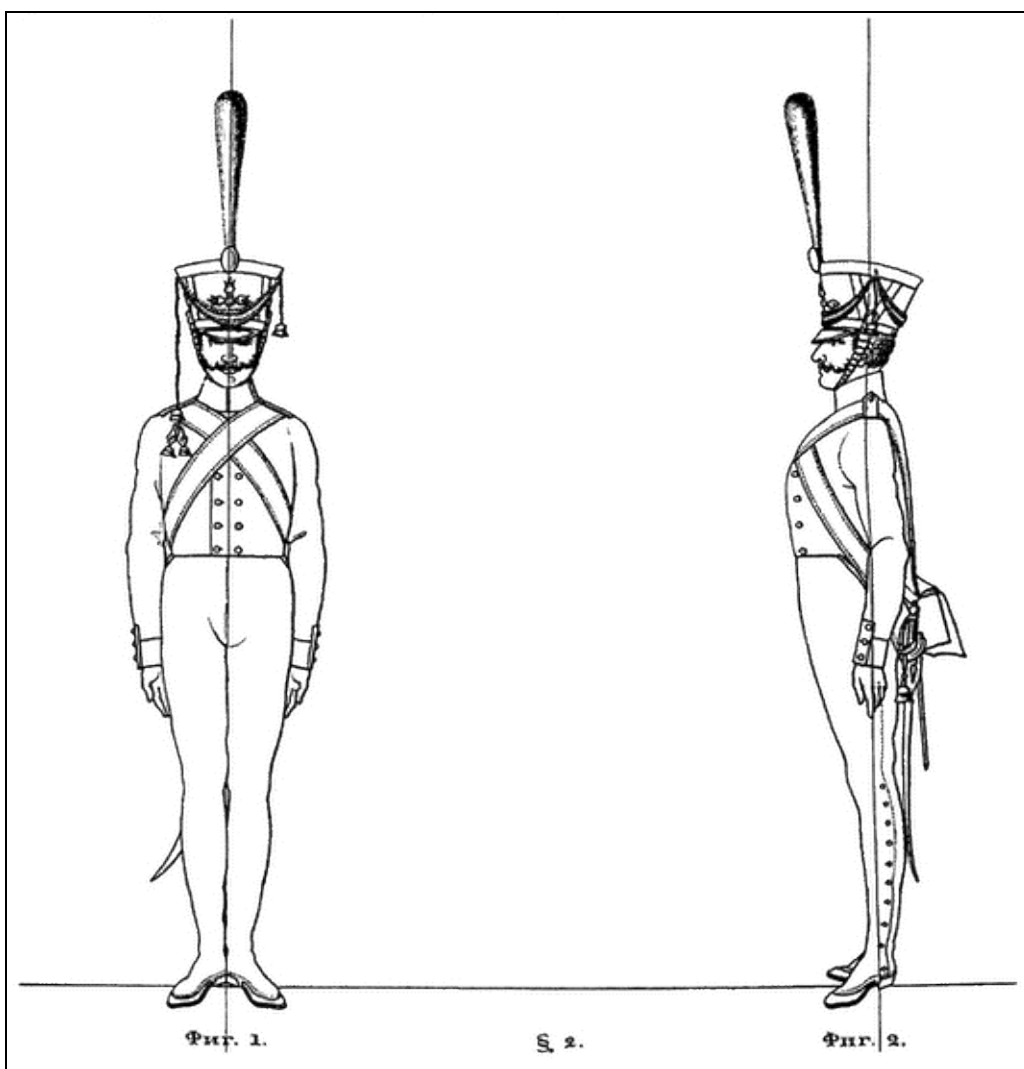
«Школа рекрут или солдат», первое отделение «Воинского устава о пехотной службе», была посвящена одиночному обучению солдата и элементарным передвижениям нескольких солдат. Школа состояла из трех частей и вступления. Во вступлении довольно подробно излагалась методика обучения и воспитания солдат, что было несомненным новаторством для официального документа столь высокого уровня: «...Полковым и батальонным командирам как возможно прилежнее смотреть за ротными командирами, дабы при обучении солдат по одиночке каждому ясно, с терпением и без наказания толковали все принадлежащие правила, показывая, что и как им исполнять; строгость при учении употреблять только для нерадивых, но и тут поступать с умеренностью и осторожностью... стараться также доводить солдата, чтобы почитал за стыд и самомалейшее наказание». Рекрут обучали специально назначаемые «опытные, исправные и совершенно свое дело знающие» унтер-офицеры и ефрейторы под внимательным наблюдением и под управлением офицеров.

В первом уроке «Школы» говорилось о выправке солдата, о поворотах, видах шагов и о принятии. Выправка была описана очень подробно: «Солдат должен стоять прямо, но непринужденно; каблуки вместе и на одной линии, столь плотно, сколько можно; носки равно врознь выворочены менее прямого угла так, чтобы большие пальцы ног были против выемки плеч; колени вытянуты, но не напирая оных; имея грудь и тело вперед и не выставляя брюха; плечи назад равно опущены, не подымая вверх и не переменяя их положения, от чего наиболее зависит равенство всего фронта; руки лежали бы прямо и вольно, локти назад ближе к телу, не сгибая оных; ладонь немного выворочена, пальцы не согнуты и чтоб мизинец лежал на боковом шву штанов; голову держать прямо и непринужденно, подбородок прижат книзу, не закрывая, однако же, шеи; смотреть прямо перед собою в землю на 15 или 16 шагов».

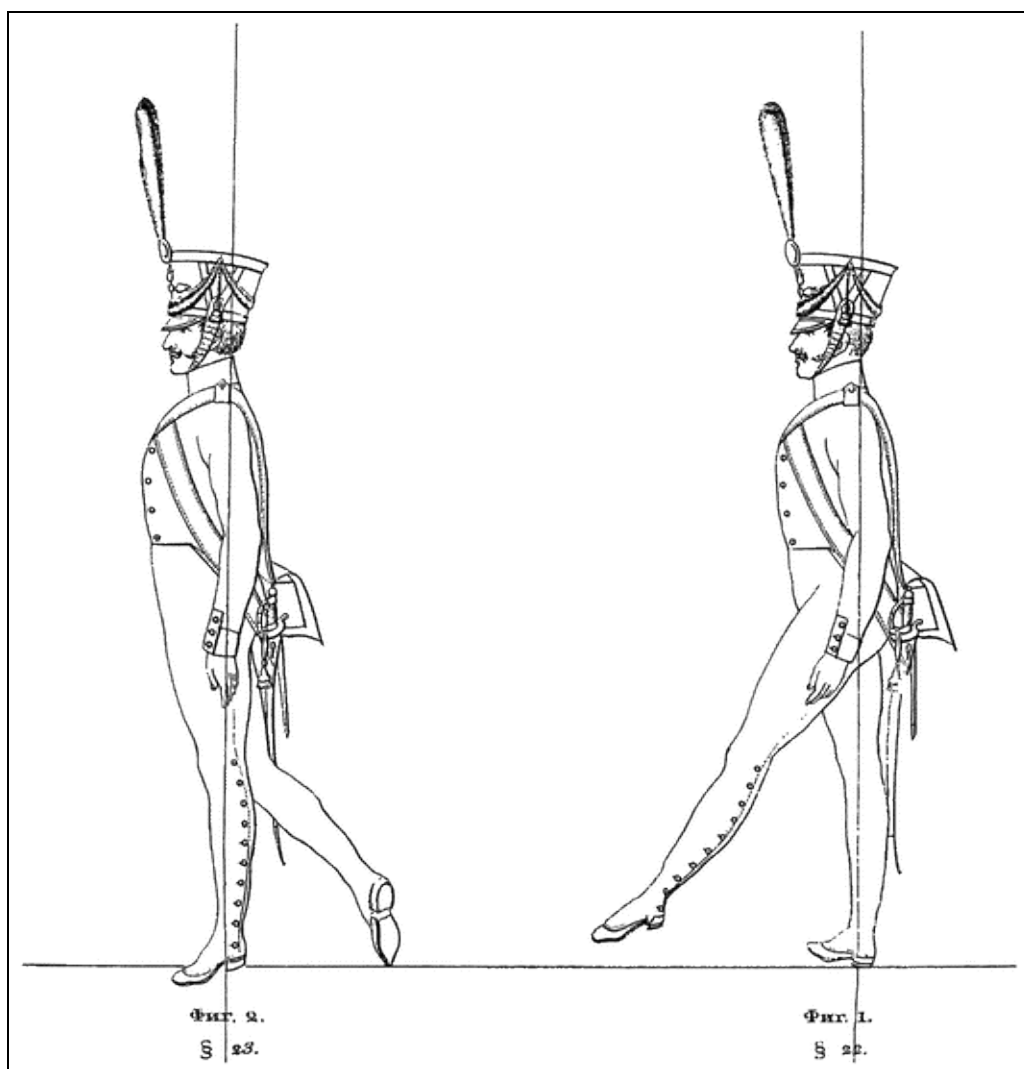
Команды разделялись на предварительные и исполнительные. Процесс исполнения команд делился на ряд приемов, а приемы — на темпы. После усвоения строевой стойки солдат обучали поворотам головы по командам «Глаза напра — ВО», «Смирно», «Глаза нале — ВО». Далее переходили к поворотам «Напра-ВО», «Нале-ВО», «Во-ФРОНТ», «Вполоборота напра-ВО», «Вполоборота нале-ВО», «Налево кру-ГОМ». При поворотах солдат приподнимал носок левой ноги и правую ногу (не выше икры); завершая поворот, он вновь ставил ноги каблуками вместе. Для строя предусматривалось два вида шага: тихий (75 шагов в минуту) и скорый (НО шагов); мерой шага считался аршин. По команде «СТОЙ» солдат останавливался сразу, приставляя заднюю ногу к передней. В движении строй мог принимать направо или налево. Во время принятия косым (облическим) шагом, например по команде «Принимай напра-ВО», шаг левой ногой делался прямо, а правой ногой — по косою вправо. Кроме того, практиковался марш вполоборота, когда солдаты во время движения разворачивались вполоборота направо или налево.

Поручик одного из гренадерских полков, имевших шефами «принцев крови». Как нередко случалось во время кампании, офицер надел для боя скатку шинели и взял солдатское ружье. Барабаник мушкетерской роты второго по старшинству пехотного полка дивизии.

Стойка «Смирно» без ружья (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

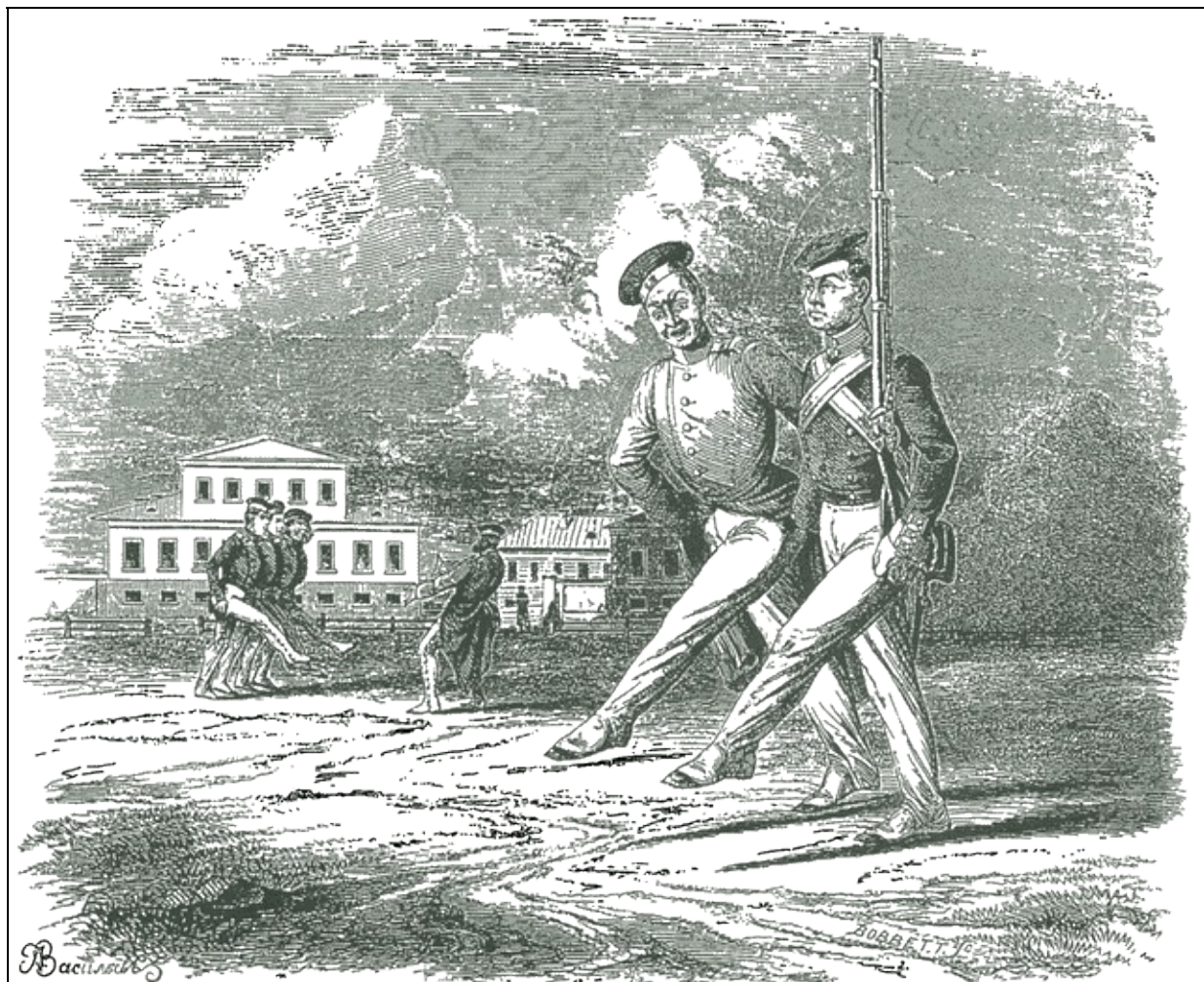
Строевой шаг без ружья (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Во второй части «Школы» содержались правила стойки с ружьем, ружейных приемов, заряжания и пальбы. Исходным положением для большинства ружейных приемов была стойка с ружьем на левом плече «почти во всю руку, так чтобы локоть левой руки немного был согнут и был бы в равном положении от тела с локтем правой руки; приклад охватить кистью, двумя пальцами снизу, средним и указательным на конце, а большим сверх одного, который прижать столько к телу, соображаясь со стройностью человека, дабы ружье всегда было, если смотришь спереди, прямо по отвесу (или перпендикулярно к земле) и чтоб, маршируя, движением ляжки ружье не шевелить; ложу лежать на самом сгибе плеча, плотно и прямо; курок не выворачивая нимало в стороны держать в поле; левую руку с ружьем держать перед тесаком». Все ружейные приемы исполнялись по флигельману; движения должны были быть «отрывистые» и «без размаху». Для лучшего привыкания рекрута к тяжести ружья рекомендовалось начинать с относительно коротких занятий, постепенно наращивая их продолжительность. Рядовые выполняли следующие приемы: «На караул», «На плечо», «От дождя», «На молитву», «На погребение», «Под курок», «Под приклад», «Ружье на правое плечо», «Ружье наперевес», «От ноги», «С плеча», «Стоять воль-НО», «Стоять смир-НО», «Отмыкай ШТЫК», «Примыкай ШТЫК», «На руку». При стрельбе рекрутов приучали к неторопливому и «свободному» заряжанию ружья; при этом от обучающихся требовалось доходчиво истолковывать все фазы многосложного процесса заряжания. Вставив в курок деревянный кремень, а в дуло — деревянный патрон, рекрут проходил все стадии заряжания и прикладывания, вплоть до

нажатия на спусковой крючок. Привыкнув к работе с ружьем, солдат получал патрон с порохом. Здесь следовало еще одно испытание — нужно было научиться не отворачивать лицо в тот момент, когда порох вспыхивал на полке. От солдат требовали меткой стрельбы; как указывал устав, необходимо было помнить, «что не шумом бьют неприятеля, но цельным выстрелом, и для того лучше один раз выстрелить цельно, нежели много раз по-пустому». Стрельбой шеренгами и рядами достигалась привычка не бояться выстрелов соседей. Сам процесс заряжания существенно не изменился. По команде «К заряду» солдат поворачивался вполборота направо и брал ружье в левую руку так, чтобы приклад находился под локтем правой руки, а конец ствола — на уровне глаз. Далее следовала команда «По команде с патроном, чехлы долой, заря-ЖАЙ», разделявшаяся на шесть приемов и на ряд темпов. Солдат большим пальцем правой руки открывал полку, снимал чехол с огнива и подворачивал его под ружейный ремень; затем он правой рукой открывал суму и вытаскивал патрон, стараясь не выронить при этом другие патроны; поднеся патрон ко рту, скусывал верхнюю часть патрона до самого пороха, сыпал порох на полку и тремя пальцами правой руки закрывал полку. После этого он брал ружье правой рукой (в которой держал также и патрон) за шейку приклада и перехватывал левой рукой под верхней скобкой ремня; «оборачивал» ружье (ставил приклад на землю с наружной стороны левой ноги, стволом от себя), высыпал оставшийся порох в дуло, бросал туда же бумажный патрон с пулей, вынимал шомпол, переворачивал его широкой стороной вниз (если шомпол не имел утолщения, то его могли не переворачивать) и одним ударом «прибивал» заряд. Вынув шомпол и вложив его в ложу, солдат брал ружье на плечо, что означало завершение процесса заряжания. Заучив эту последовательность действий, солдаты выполняли заряжание сначала в шесть приемов без темпов, потом в два приема, а в конце, выполняя команду «Без команды с патроном чехлы долой, заря-ЖАЙ», заряжали самостоятельно. После постижения сложной науки заряжания приступали непосредственно к стрельбе или «пальбе». Обучение проводили в несколько этапов: рекрутов строили в одну шеренгу и показывали, как стреляют первая и вторая шеренги; потом учили все три шеренги одновременно. Непосредственно к пальбе относились три приема, выполняемые по командам «ТОВСЬ» (солдат брал ружье правой рукой за шейку приклада, а левой — выше курка, разворачивал его ремнем от себя и взводил курок на боевой взвод), «КЛАДСЬ» (солдаты первой шеренги несколько разворачивались вправо, солдаты второй шеренги отставляли правую ногу в сторону и переносили на нее вес тела, третья шеренга все время держала ружья на изготовку) и «ПЛИ». Кроме «прямой», использовались также «облическая» стрельба (вполборота направо или налево) по команде «Направо (налево) КЛАДСЬ — ПЛИ» и стрельба вверх (для разряжания невыстреливших ружей). Если после команды «КЛАДСЬ» пальбы не производилось, офицер командовал «От-СТАВЬ»: солдаты вновь брали ружья на изготовку. По команде «КУРОК НА ВЗВОД, на пле-ЧО» сначала ставили курок на первый взвод, а затем брали ружье на плечо. При стрельбе рядами первая шеренга стреляла и заряжала самостоятельно; солдаты второй шеренги, выстрелив два раза, правой рукой передавали разряженные ружья в третью шеренгу. Солдаты третьей шеренги левой рукой принимали ружья, а правой рукой отдавали свои заряженные ружья во вторую шеренгу.

Заключительная третья часть «Школы» была посвящена передвижениям солдат фронтом и рядами. При всех эволюциях солдаты касались друг друга локтями. Использовались следующие команды: «Тихим шагом — МАРШ»; «На месте» — для маршировки на месте; «ПРЯМО» — для продолжения прямолинейного движения; «Перемени ногу»; «Скорым шагом марш-МАРШ»; «СТОЙ». Фронт мог «осаживать» назад по команде «Назад равняйся — МАРШ», принимать, примыкать в заданную сторону. Далее солдаты маршировали и заходили направо и налево по рядам. Важным приемом было равнение, позволявшее строго выдерживать линию фронта.

Равнение шеренги вперед («Вперед РАВНЯЙСЬ») или назад («Назад РАВНЯЙСЬ») проводилось по двум фланговым солдатам: так, при равнении вперед два солдата с одного фланга выходили на заданное количество шагов, задавая линию равнения, а остальные пристраивались к ним. По команде «РАВНЯЙСЬ» фронт выравнивался на месте. Наконец приступали к захождениям (повзводно или по отделениям) на месте и на походе. Захождение на месте проводилось вокруг неподвижного фланга (оси); на марше внутренний фланг описывал небольшую дугу. Захождение взводами на месте осуществлялось по командам «Повзводно — Направо заходи — МАРШ» или «Повзводно — Налево заходи — МАРШ». Для захождения на марше подавались команды «Правое (левое) плечо вперед — МАРШ». При захождениях по отделениям командовали «По отделениям направо (налево) — МАРШ». Предусматривался также и так называемый поворот на дирекциональном фланге. Дирекциональным при захождении назывался фланг, который «служил основанием линии для построения фронта в боевой порядок»; на дирекциональном фланге выставлялся унтер-офицер. При повороте по команде «Поворот налево (направо) — МАРШ» фланговый унтер-офицер на походе поворачивался в нужную сторону и шел по новому направлению, а остальные солдаты, повернув вполборота, поспешно пристраивались на линию [54].

Обучение рекрутов. Художник Васильев (?). 20-е гг. XIX в.

В 1808 г. приказом Военного министра были уточнены правила отдания чести, как указывалось, «для сохранения во всяком случае чинопочитания между всеми воинскими чинами». По правилам, часовые отдавали честь всем генералам и штаб-офицерам, обер-офицерам своего полка и награжденным орденами. «Под приклад» часовой брал для всех

прочих обер-офицеров и унтер-офицеров и для рядовых, имеющих знаки отличий Военного ордена св. Георгия и св. Анны.

Караулы выходили в ружье и отдавали честь всем генералам и штаб-офицерам своего полка. Главный караул (гауптвахта) делал то же самое

только для полковых командиров и полковников своих полков. Для штаб-офицеров чужих полков офицерский караул только выходил к ружьям, но не брал их в руки; унтер-офицерский караул брал ружья и отдавал честь.

Все офицеры при встрече с генералами «вне комнат» вставали во фронт и приветствовали их, поднося левую руку к шляпе или к киверу. Таким же образом, но не останавливаясь, приветствовал старшего младший офицер.

Нижние чины при встрече с начальником вставали по стойке «смирно» и, если на них не было патронной сумы, снимали фуражную шапку.

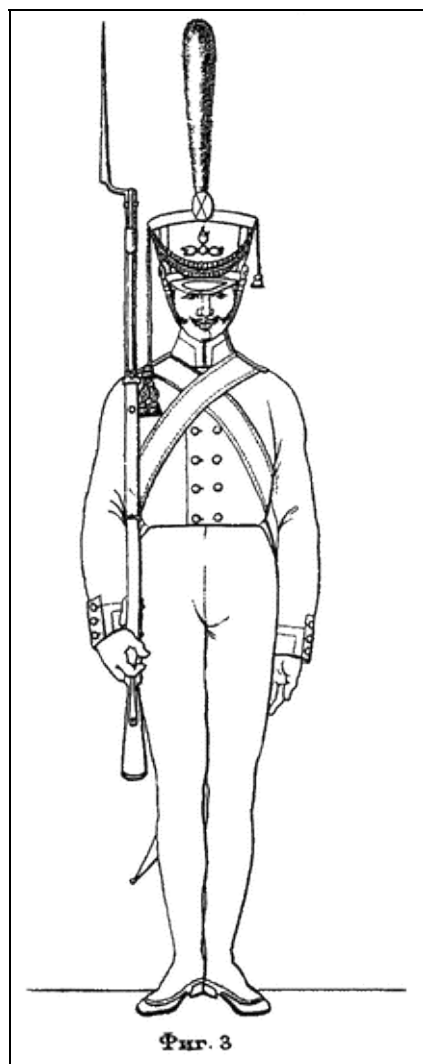
Второе отделение «Воинского устава о пехотной службе» издания 1811-1816-го имело наименование «О ротном учении» и посвящалось строевой подготовке пехотной роты или дивизиона. Для успешного обучения солдаты должны были держаться «хладнокровно и вольно», чему способствовали предшествующая подготовка и «спокойный вид начальника»; обучающий коротко и вразумительно объяснял подчиненным изучаемый прием, а затем следил за правильностью его исполнения, указывая взводным командирам на замеченные ошибки.

«Учение» состояло из шести уроков. В первом уроке учения речь шла о правилах построения роты, осмотра оружия и амуниции, о равнении, поворотах и ружейных приемах в составе ротного строя. Все ряды в роте рассчитывались по номерам; каждый солдат должен был твердо знать номер своего ряда. При недостатке рядовых неполные ряды, называемые глухими, ставили на левом фланге роты. Рота в строю (дивизион) делилась на равные по количеству рядов взводы (лишний ряд ставили в первом взводе); взвод — на равные полувзводы; полувзвод — на равные отделения. В реальных условиях отделения редко состояли из равного количества рядов, поэтому лишние ряды приписывали к фланговым отделениям. Для осмотра оружия вторая и третья шеренги отступали назад; все солдаты держали ружья у ноги. Офицер осматривал шеренги по очереди: сначала проверялись ружья, затем — сохранность амуниции. Правила осмотра подробно оговаривались: «Осматривающему ружья наблюдать следующее: чтоб ружье снаружи вычищено было; чтоб кремень хорошо был ввернут и замок смазан; чтоб затравка прочищена была; чтоб пружины у замка не слабы были, для сего взвесь курок и, спустив оный, посмотреть, довольно ли кремень дает огня; потом поставить курок на первый взвод и, надев наположник, закрыть полку; взять шомпол, опустив раза два в дуло и вынув, посмотреть, чист ли конец, если оный чист, то заключить можно, что дуло внутри чисто; опустив шомпол в дуло, отдать ружье. — Осмотрев ружья, посмотреть, как одет солдат и все ли на нем так, как должно; пройдя всю шеренгу, осматривающий с левого фланга идет за фронт и смотрит, чтоб сума, тесак и штыковые ножны были чисты и на своем месте» [54, с. 97]. При выравнивании роты линия равнения задавалась тремя фланговыми рядами; остальные ряды пристраивались к ним. Ружейные и строевые приемы отрабатывались в строгой последовательности: На караул — На плечо — Под курок — Под приклад — На руку — На плечо — С плеча — От ноги; Направо — Во фронт — Налево — Во фронт — Вполоборота направо — Во фронт — Вполоборота налево — Во фронт — Налево кругом — Налево кругом. В перерывах солдатам командовали: «Под курок — Вольно».

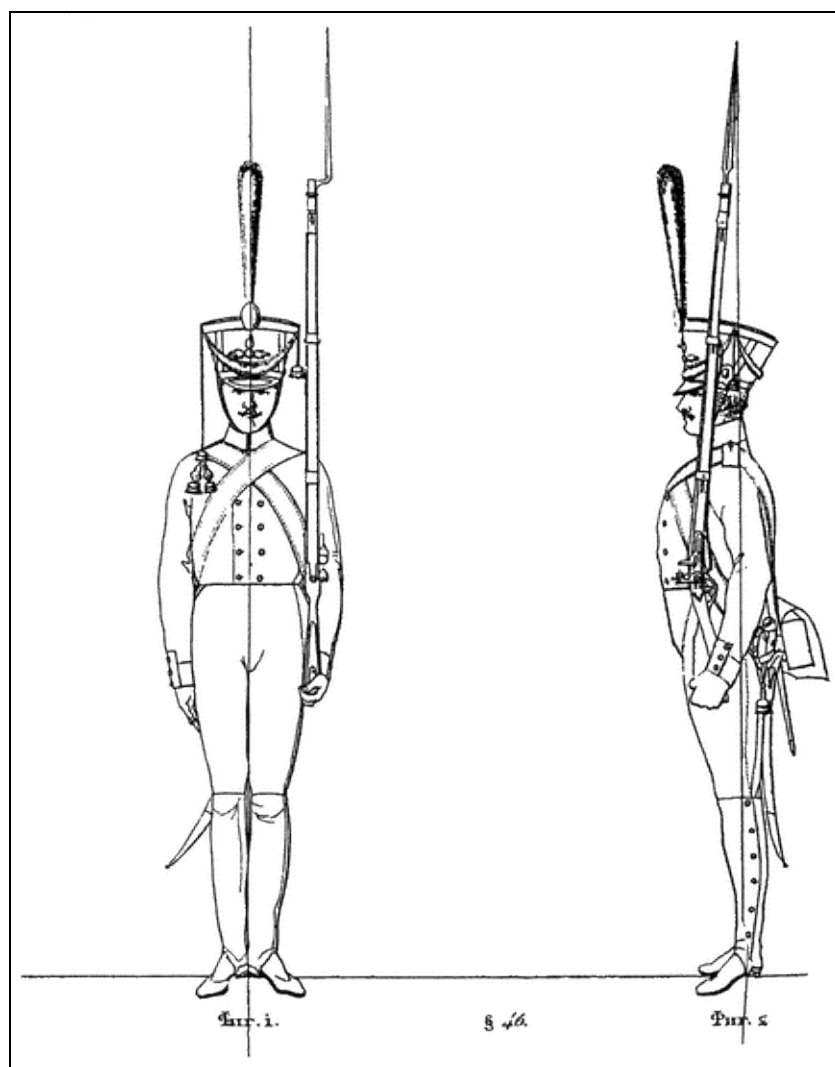
На походе ружье можно было переключать на правое плечо по команде «Ружье на правое плечо, РАЗ, ДВА». Для действия штыком ружья брались в положение «на руку» по команде «На руку, РАЗ, ДВА». Проходя через густой лес или поднимаясь на гору, солдаты брали ружья наперевес.

Второй урок содержал правила заряжания и пальбы. Заряжание сначала производилось по командам («Слушай — К заряду — По команде с патроном, чехлы долой, заря-ЖАЙ — Обороты ружье — ШОМПЛ — БЕЙ — ВЛОЖ — На-ПЧО»), а затем самостоятельно по команде «Без команды, с патроном, заря-ЖАЙ». Считалось, что хорошо обученный солдат делал не менее трех выстрелов в минуту. Изучались все возможные варианты стрельбы; перед упражнением все офицеры и унтер-офицеры, стоявшие в шеренгах, уходили за строй. Командир дивизиона размещался в 6 шагах за линией замыкающих унтер-офицеров, командиры взводов — в 4 шагах, остальные — на линии; все командные чины строго контролировали процесс заряжания и стрельбы. За фронт до окончания стрельбы также уходили все музыканты. Практиковались

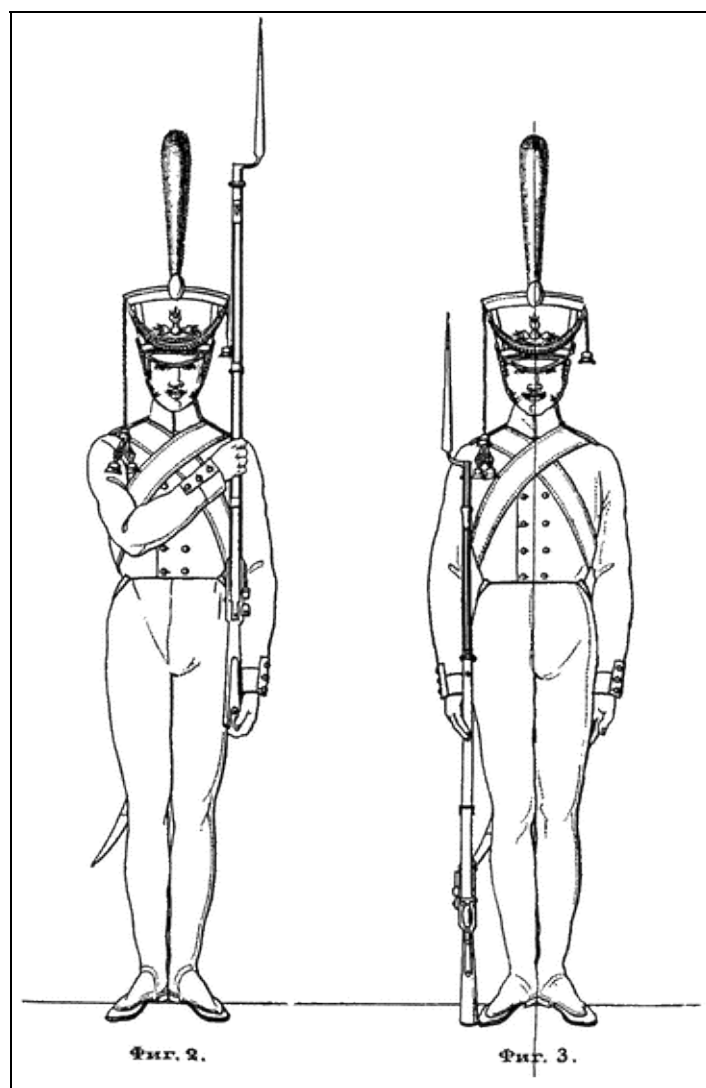
следующие виды стрельб: дивизионом, шеренгами, plutонгами, рядами. Во всех случаях пальба заканчивалась по барабанному сигналу «дробь». Плутонги и шеренги (первая и вторая) стреляли поочередно. Ряды начинали стрелять с указанного фланга отделения, полувзвода или взвода поочередно, но после первого выстрела уже не соблюдали очередности. Чем меньше подразделение выбиралось для стрельбы рядами, тем пальба была интенсивнее. По барабанному сигналу «тревога» солдаты без всякой команды начинали стрельбу с правых флангов отделений. Предусматривалась возможность внезапного нападения неприятеля с тыла, когда не оставалось времени на перемену фронта. В этом случае практиковалась «пальба на заднюю шеренгу»: строй поворачивался налево кругом, офицеры, унтер-офицеры и музыканты уходили за новый фронт; подразделение начинало стрельбу из третьей (ставшей первой) и второй шеренг. Грохот и пороховой дым, неизменно сопровождавшие процесс пальбы, могли привести к тому, что плохо обученные солдаты после нескольких заряданий нарушали равнение, теряя контакт с командирами и соседями в строю; в худшем случае это могло привести к панике и потере боеспособности подразделения. От солдат первой шеренги требовалось умение заряжать, не сдвигая с места левый каблук. Во время стрельбы подразделения неопытный солдат зачастую не мог определить, произвело ли его ружье выстрел, поэтому командиры проверяли, не забито ли в дуло два патрона.

Унтер-офицер с ружьем «На плечо» (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Рядовой в положении «На плечо» (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

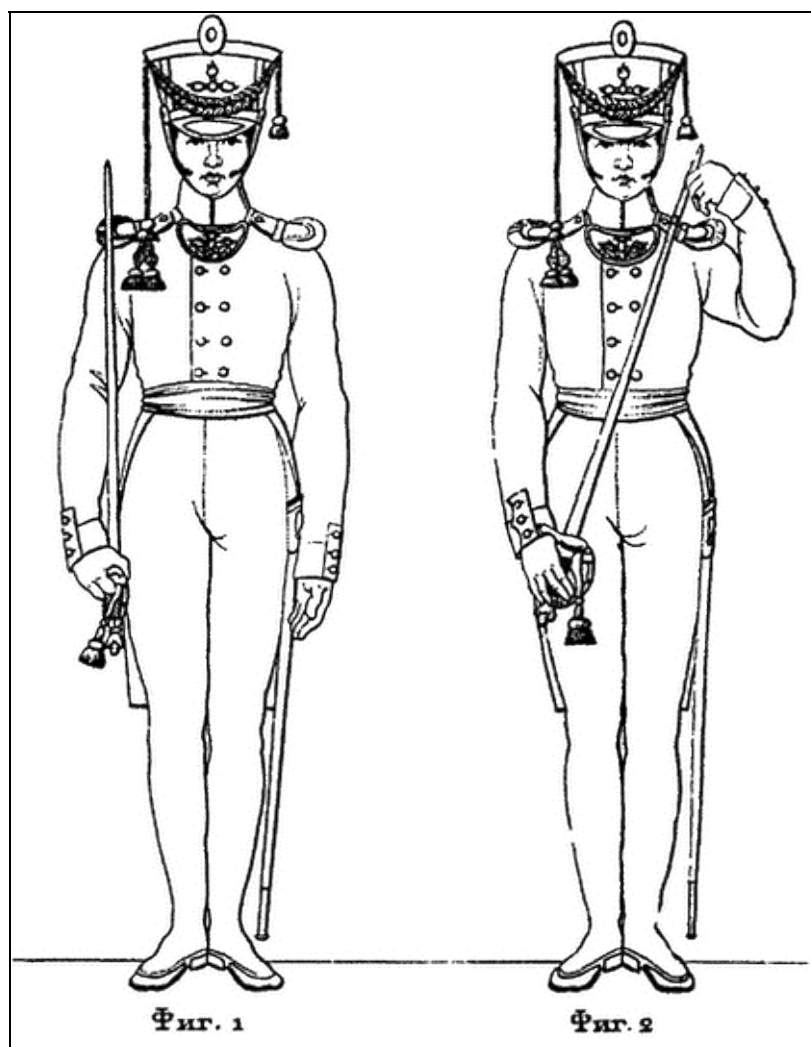
Прием «К ноге» (первый и второй темп) (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

В третьем уроке речь шла о передвижениях в составе сомкнутого фронта дивизиона (роты). Длительными упражнениями от солдат добивались умения строго выдерживать на марше заданные направление и скорость, сохраняя при этом линию фронта. Важность таких навыков трудно было переоценить:

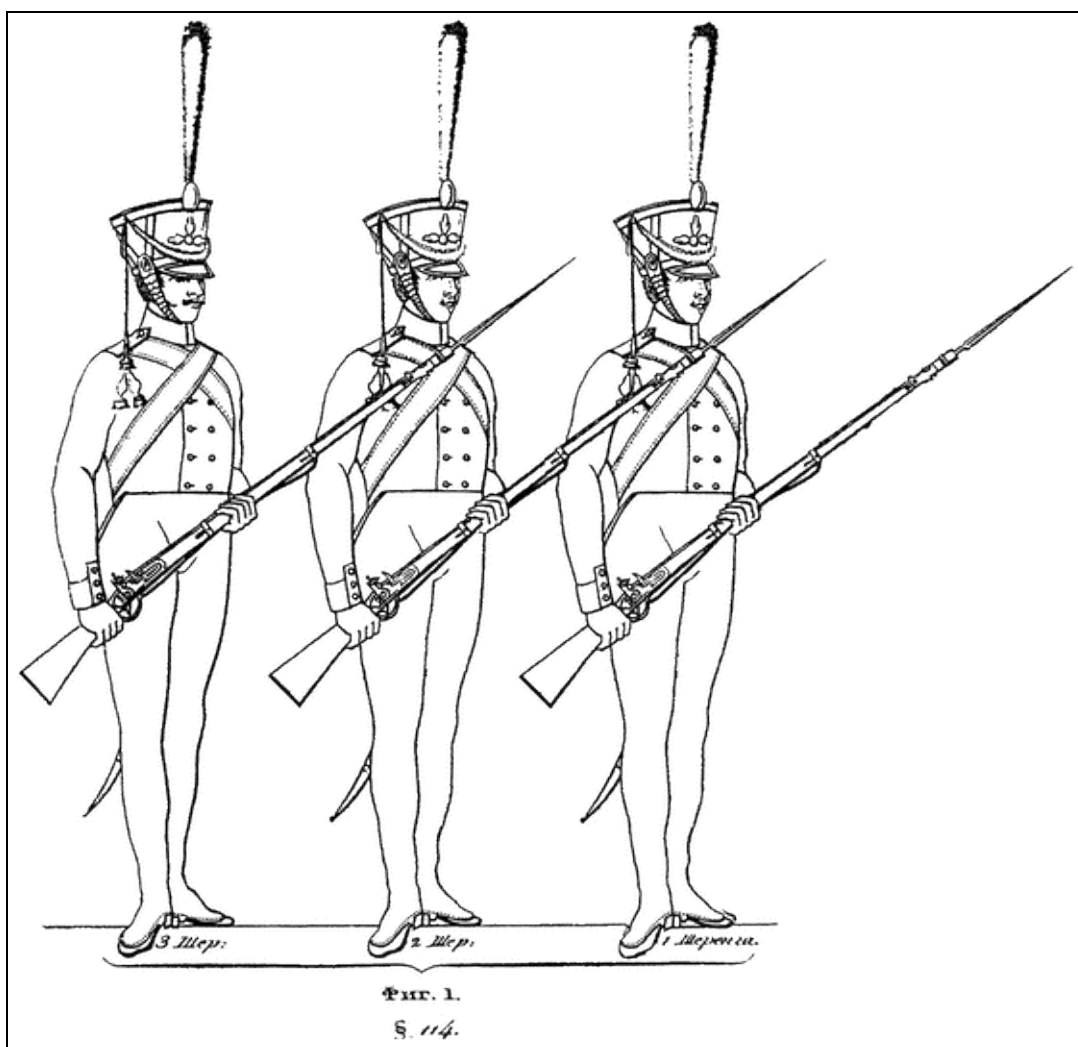
успех действия сомкнутого строя немало зависел от слаженности движения и правильного равнения. В этой же главе содержались правила «принимания» фронтом косым (облическим) шагом или влоборота, причем последний способ считался более предпочтительным.

В четвертом уроке рассматривались передвижения по рядам. Практиковались марш по рядам и захождение по рядам на марше, построение фронта по рядам на походе (влево или вправо), построение взводов или отделений на марше.

Пятый урок был посвящен передвижениям взводов и отделений дивизиона. Вновь, уже в составе дивизиона, изучались захождения повзводно, марш повзводно, повороты на дирекциональном фланге (для перемены фронта на месте), захождения «подавая правое (левое) плечо вперед» (для перемены направления движения). При марше одного взвода вслед за другим (взводная колонна) очень важно было соблюдать постоянную дистанцию, чтобы построение фронта могло быть достигнуто захождением взводов. Такие же маневры отрабатывались и для отделений.

Офицер в положениях «На плечо» и «Вольно» (со шпагой, взятой «на щипок») (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Команда «На руку» в трех шеренгах (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

В шестом уроке содержалось описание некоторых дополнительных эволюции. Например, в учении говорилось о вольном шаге, который использовался для совершения длительных маршей. По команде «Дивизион, вперед, дирекция налево (направо) — Вольным шагом - МАРШ» взводы, построены один за другим, начинали движение; вторая и третья шеренги отодвигались на дистанцию в полтора аршина. По команде «Ружье вольно» солдаты могли нести ружье на любом плече одной или двумя руками (лишь бы ствол был поднят кверху); все чины шли вольно, не в ногу. Для сокращения ширины фронтальной колонны на марше применяли удвоение взводов или марш по отделениям; наконец, использовался и марш рядами. Колонна в разных случаях могла смыкаться на полувзводные дистанции или в густую колонну. В густой колонне замыкающие унтер-офицеры вставали на шаг от третьей шеренги, а взводы — в трех шагах друг от друга. Дивизион также обучали построениям фронта из разного вида колонн и переменам фронта.

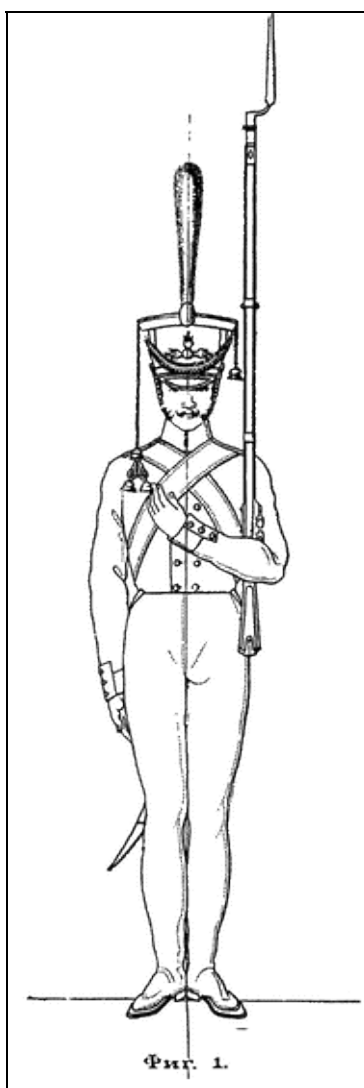
Отдельная статья учения посвящалась искусству прицельной стрельбы. Было замечено, что «самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят». Для обучения стрельбе в каждом батальоне нужно было иметь несколько деревянных щитов высотой 2 аршина и шириной 1 аршин. Щиты красили черной краской и проводили на них горизонтальные белые полосы шириной 4 вершка: одну посередине, другую — у верхнего края. Позади щитов насыпали земляной вал, из которого впоследствии извлекали пули для дальнейшего использования. Солдаты стреляли по щитам с 40, 80 и 120 сажень, причем на

первых двух дистанциях целили в нижнюю полосу, а на дистанции 120 сажень — в верхнюю. По результатам стрельб в роте составлялся список лучших стрелков.

В ротном учении описывались строевые приемы, выполняемые знаменосцем, офицером и унтер-офицером. Знаменосец держал знамя на правом плече. Кроме команд «От ноги» и «С плеча» он выполнял единственный прием — салютовку знаменем на месте или на походе. Офицеры выполняли следующие приемы: «Под курок — Под приклад — На руку — На плечо — Вольно — На погребение — На караул (салютовка шпагой на месте или на походе)». Унтер-офицеры в строю держали ружье в правой руке и выполняли следующие команды: «Под курок — На перевес — На руку — От дождя — К заряду — С плеча — На погребение» [74].

Марш с ружьем «На перевес» (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Положение «Под курок» (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Правила и сам процесс подготовки пехотных подразделений к действию в рассыпном строю носили наименование егерского учения. В начале XIX века, судя по всему, отсутствовали обязательные для всех уставные документы, посвященные обучению пехотных подразделений к действию в рассыпном строю. Можно предположить, что в 1812 г. для подготовки основной массы легкой пехоты использовалось составленное не ранее 1811 г. наставление «О егерском учении», в дальнейшем несколько переработанное в 1815-м. Только в 1818 г. был издан чрезвычайно подробный документ под названием «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты». Между тем свою силу сохраняли и некоторые положения сформулированного в конце XVIII века «Приступления к обучению егерей», в котором среди прочего содержалось подробное описание основных егерских маневров: «1-е, открывать неизвестные места; 2-е, занимать дефилеи малым числом людей, дабы не дать воспользоваться оными неприятелю...; 3-е, очищать леса, густые кустарники, и, укрепив себя засекой, не пропускать в оные неприятеля; 4-е, открывать неприятеля, засевшего в деревнях, в кладбищах и рвах, закрытые лесом и скрытые за большими камнями батареи, занимать оные, если неприятель не успел еще укрепиться; 5-е, иногда должно рассыпать егерей и пред своею пехотой, которые могут занимать неприятеля огнем своим, пока она выстроит свой фронт или во время прохода сквозь неудобное место, где неприятель, не будучи занят, может воспрепятствовать во всех предприятиях; 6-е, когда армия или корпус марширует закрытыми местами одной или многими колоннами и когда нельзя употреблять конницы, то начальник армии назначает тогда егерей для открытия марша...».

Прежде всего егерь отличался от простого солдата умением сражаться в сомкнутом и рассыпном строю, причем доскональное знание линейных эволюции считалось непременным условием хорошего усвоения егерских маневров. Первичной тактической единицей егерской цепи была пара стрелков. Между егерями в паре поддерживался интервал в один шаг, между парами — два шага в густой цепи и пять шагов в двойной. Если один из солдат пары вы-

бывал из строя, второй присоединялся к соседней паре. Парам в цепи и егерям в паре разрешалось, используя удобные укрытия, сближаться или отдаляться друг от друга, но при этом интервал в паре не должен был превышать 5 шагов, а между парами — 50 шагов, так как в противном случае не было возможности обеспечить необходимую взаимную поддержку. От егерей не требовали и строго выдерживать прямолинейность цепи. К каждому младшему офицеру в рассыпном строю назначалось двое рядовых третьей шеренги для охраны и передачи сообщений, к батальонному командиру — один унтер-офицер и двое рядовых, к полковому командиру — шесть унтер-офицеров. При движении в рассыпном строю егеря держали ружья наперевес, стоя на месте в сомкнутом строю — на плече, на месте в рассыпном строю — у ноги. Ружья заряжали по-егерски, перенося приклад под левый локоть. Егеря нередко ложились на землю, опираясь на левый локоть и сгибая левую ногу в колене; ружье замком вверх укладывалось на вытянутую правую ногу. Стрельба в паре велась по очереди: егерь стрелял только тогда, когда его напарник заканчивал заряжание. Позиция для стрельбы выбиралась произвольно — разрешалось использовать укрытия и вести огонь стоя, сидя или лежа. Перестроения сомкнутого батальона при необходимости прикрывал рассыпанный в цепь стрелковый взвод. После завершения перестроений стрелки пробегали в офицерские интервалы, строились за левым флангом батальона и занимали свое место.

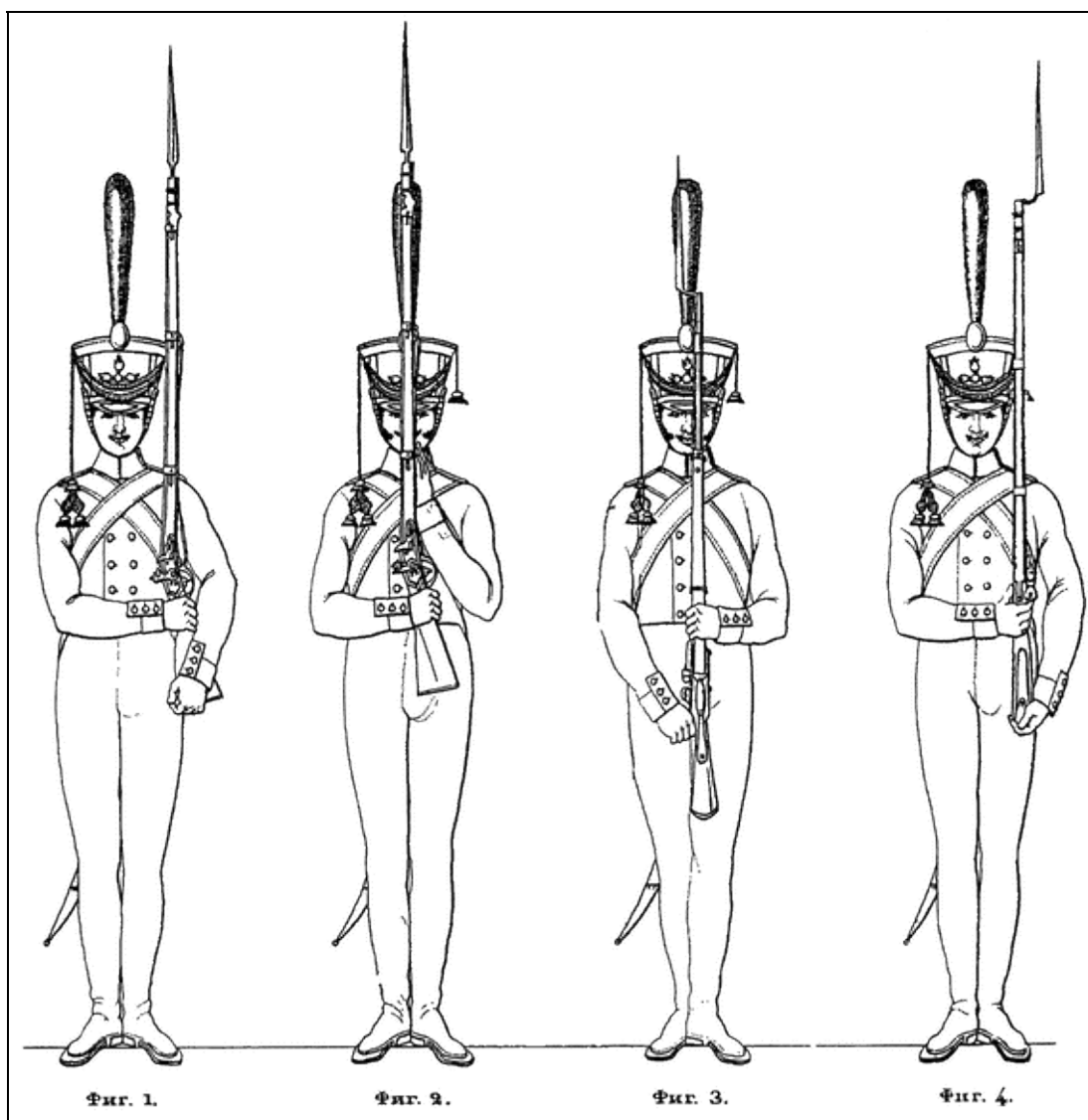
В «Приступлении к обучению егерей» много внимания уделялось правилам обучения стрельбе, так как успех действия рассыпного строя во многом зависел от «верной стрельбы».

Егеря стреляли в деревянную мишень высотой в три с половиной аршина, на которой черной краской была нарисована фигура ростом два аршина и восемь вершков. Дальность выстрела постепенно увеличивали. Егерь должен был досконально узнать особенности своего ружья.

Помимо тихого и скорого шагов, егерские полки использовали резвый (беглый) шаг, при котором солдаты делали до 350 шагов в минуту. Такой шаг разрешалось применять на относительно коротких дистанциях, так как солдат в тяжелой амуниции, пробежав большое расстояние, не мог сразу вести прицельную стрельбу.

Команды «Товсь» и «Кладсь» (для первой и второй шеренг) (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Темпы для приема «На караул» с плеча и обратно (Воинский устав о пехотной службе. Спб., 1816).

Правилам линейного строя егеря учились по действующему строевому уставу Команды в сомкнутом строю подавались голосом, в рассыпном строю — с помощью системы барабанных сигналов. Соответственно, от егеря всегда требовали соблюдения полной тишины в строю, повышенного внимания, знания сигналов и точного выполнения команд. Для передачи сигнала в цепи командир отдавал команду находившемуся при нем сигнальному барабанщику, который бил нужный сигнал. Этот сигнал дублировался стоявшими за резервами остальными барабанщиками, после чего маневр выполнялся егерями. Из барабанных сигналов к 1812-му, очевидно, использовались следующие (в различных сочетаниях): дробь, протяжная дробь, одна палка, две палки, раж, тревога, первое и второе колена егерского похода, гренадерский поход, драгунский поход, резвый поход, отмарш, отбой, пережат, апель, минихов сбор, гренадерский сбор, гренадерская переправа, перебой, придробок, «под знамена мушкетерский», «аглицкая зоря».

Егерский фронт имел три вида расчета. Во-первых, батальон рассчитывался на взводы, полувзводы и четвертьвзводы; на флангах каждого взвода ставился один ряд стрелков, которые при необходимости могли прикрывать сомкнутый строй или перестроения рассыпного строя. Во-вторых, каждая из двух первых шеренг егерских взводов рассчитывалась на пары. Наконец, весь батальон рассчитывался на цепи и резерв. В цепь рассыпались егеря первых двух шеренг егерских взводов. Егеря третьей шеренги, построенные в две шеренги, составляли центральный

резерв цепи, гренадерский взвод — резерв правого фланга, стрелковый взвод — резерв левого фланга. Перед построением в цепь взводы батальона по сигналу «протяжная дробь» расходились от центра на нужные интервалы; офицеры и замыкающие унтер-офицеры «входили в взводы», вставая на флангах. Затем батальон рассыпался в цепь вправо, влево или в обе стороны, прикрывая фланги цепей. Например, при рассыпании вправо егерские взводы по рядам поворачивали направо, второй полувзвод седьмого взвода составлял прикрытие левого фланга цепей. Крайняя на левом фланге пара первой шеренги первого полувзвода седьмого взвода беглым шагом шла прямо и в 5 шагах от прикрытия останавливалась; вторая слева пара останавливалась в 5 шагах от первой и так далее. Крайняя пара второй шеренги поворачивала вполоборота направо и шла 5 шагов. Гренадерский и стрелковый взводы уходили за фланги, вставая в 45 шагах позади задней цепи; третья шеренга, удвоив ряды, уходила на 60 шагов за центр. Затем все поворачивали во фронт, а передняя цепь начинала движение вперед вплоть до особого сигнала. Следуя определенным сочетаниям барабанных сигналов, цепи могли перемещаться вперед беглым шагом, поворачивать на ходу на четвертую или восьмую части круга, забегать любым флангом вперед. Цепи наступали без перемены расположения или через одну. В первом случае один егерь в паре стрелял на месте до тех пор, пока второй не проходил вперед; вторая цепь двигалась следом, сохраняя дистанцию. Во время наступления через цепь задняя цепь пробегала через интервалы передней на заданную дистанцию или на выбранную позицию. Отступление осуществлялось в обратном порядке. Из двух цепей могли построить одну, называемую «густой»: одна цепь оставалась на месте, а другая входила в интервалы между парами. Две цепи из густой цепи строились либо вперед (выдвижением первой цепи), либо назад (отступлением второй цепи). При построении из цепи фронта батальона назначался пункт сбора: к любому из флангов, к центру или к среднему резерву. Из цепи могли строить сомкнутые к правым флангам взводы, причем люди из третьей шеренги шли к своим взводам. Из сомкнутых взводов удобно было строить и цепь, и фронт. Для создания более устойчивого боевого порядка и при условии немногочисленности неприятельских стрелков цепь могли строить из половинного числа взводов (из первых или вторых взводов). Вперед беглым шагом выдвигались полувзводы гренадерского и стрелкового взводов и указанные взводы; далее они строили цепи с резервами по указанным ранее правилам, составляя резервы из третьей шеренги и полувзводов гренадерской роты. Из такого боевого порядка батальон быстро мог построить фронт по резервным взводам: рассыпанные взводы бежали назад, строились за резервными взводами и вступали в свои интервалы. Фронт можно было построить и на месте первой цепи: из цепи выстраивались сомкнутые взводы, а резервные взводы входили в интервалы. Разделение батальона на две части удачно использовалось при отступлении: рассыпанные взводы беглым шагом шли назад и цепями занимали выгодную для обороны позицию; резервные взводы скорым шагом шли к цепи, заходили рядами налево, а пройдя сквозь цепи, разворачивались лицом к противнику. Отступая через сильно пересеченную местность, батальон строил цепи из обеих своих половин: первые и вторые взводы попеременно занимали позиции и отступали. Из сомкнутого фронта егерский батальон при необходимости строил так называемую шестирядную колонну или переправу, для чего первый полубатальон поворачивал налево по рядам и заходил левым плечом вперед, а второй полубатальон поворачивал направо по рядам и заходил правым плечом вперед; получалась колонна из шести рядов, каждый из которых был составлен из солдат одной шеренги полубатальона (три ряда справа — из первого полубатальона, три ряда слева — из второго). Из шестирядной колонны было удобно строить обычное (по четвертому и пятому взводам) или облическое (каждый дивизион образовывал фас) каре. Нередко для большей мобильности батальон строил две или четыре шестирядные колонны, каждая из которых могла выстраивать облическое каре для защиты от кавалерии. Из

сомкнутого или рассыпного строя быстро перестраивались в колонну к атаке или в одну или две взводные колонны. Егерскими батальонами из любого строя применялась так называемая ретирада с флангов для отступления через мост или узкий проход. Крайние на флангах пары или ряды стреляли, поворачивались, скорым шагом двигались за фронтом, сходились за центром, составляя шестирядную или четырехрядную колонну, переходили через мост и расходились на другом берегу на необходимый для строя интервал. Таким образом, сам проход до последнего момента был прикрыт готовыми к бою солдатами. Кроме того, на своих местах оставались стрелки, прикрывая отступление; после завершения переправы батальона подавался сигнал, по которому стрелки составляли пары, строили в центре четырехрядную колонну и уходили на свои места в строю.

Егерское учение использовалось и при подготовке некоторых полков линейной пехоты, особенно гвардейских, что позволяло им в некоторых случаях действовать подобно егерям [31].

Взгляды на особенности функционального применения и подготовки егерей были высказаны в опубликованном перед самой войной в «Военном журнале» «Начертании полевой егерской службе», автором которого, скорее всего, являлся Военный министр М.Б. Барклай де Толли.

БАТАЛЬОННОЕ УЧЕНИЕ

Батальонные каре.

В данный момент не представляется возможным точно установить время введения в войсках батальонного учения, полностью соответствующего тексту издания 1816-го [75]. Между тем сохранилась рукописная памятка для офицеров, составленная не позднее 1812-го и включающая в себя раздел «Как полк строится» (текст совпадает с текстом соответствующей части вступления «Воинского устава о пехотной службе» издания 1811-1812-го) и описание строевого обучения пехотного полка в виде изложения всех возможных командных слов батальонного и полкового начальников [9]. Учение батальона начиналось с повторения ружейных приемов по командам: «Смирно — Батальон — От ноги раз-два — Слушай — На плечо — На руку раз-два — Ружье наперевес раз-два — На руку раз — На плечо раз-два». Раздел, посвященный стрельбе, назывался «О саржировании» и начинался командами для всего батальона: «Батальон, заряжай ружье — Слушай». Младший штаб-офицер вставал в 10 шагах позади знаменных унтер-офицеров, барабанщики — в 20 шагах позади пятого взвода, музыканты — в 5 шагах за барабанщиками. На 40 шагов вперед выходил флигельман, который и предварял исполнение всем строем следующих команд: «К заряду — По команде с патроном, чехлы долой, жай — Обороты ружье — Шомпл — Бей — Влож — На плечо — К заряду — По команде без патрона жай — Шомпл — Бей — Влож — На плечо — К заряду — Без команды без патрона, батальон саржируй — Батальон товсь — Направо батальон кладсь — Отставь — Налево батальон кладсь — Отставь — Батальон кладсь — Пли — Жай». Повторив все ружейные приемы и выровняв батальон, обучающий разъяснял порядки стрельбы батальоном, полубатальонами, шеренгами, дивизионами, plutонгами и рядами. Стрельба полубатальонами начиналась с правого фланга; второй полубатальон стрелял только тогда, когда часть солдат первого полубатальона успевала зарядить ружья. Шеренги стреляли, начиная со второй. Дивизионы, начиная с правого, стреляли в шахматном порядке: первый, третий, второй, четвертый. При этом второй дивизион стрелял лишь тогда, когда в первом ружья были уже заряжены. Плутонги вели огонь таким же образом: первый, третий, пятый, седьмой, второй, четвертый, шестой, восьмой. Пальба рядами начиналась с правого фланга отделения, полувзвода или взвода. Окончание любой стрельбы проводилось по барабанному сигналу «дробь».

Обер-офицеры армейской пехоты и нестроевой гвардии. Реконструкция.

Из линейного построения несколькими способами могли строить колонны. Колонны различались по способу построения («ломание» или «свертывание»), по ширине фронта (колонны по отделениям, полувзводные, взводные, дивизионные), по дистанции между линиями (полная дистанция, половинная дистанция, «густые» колонны). Колонна могла строиться захождениями взводов или дивизионов («ломание» колонны); при этом новая линия фронта была перпендикулярна изначальной. Гораздо чаще использовались построения обычной или «густой» колонн по заданному дивизиону или взводу («свертывание» колонны). Построение, например, колонны справа по первому дивизиону достигалось следующим образом: первый дивизион оставался на месте, остальные делали поворот направо и поочередно заходили за первый. Таким же образом строилась и взводная колонна справа. Колонна из середины по четвертому и пятому взводам (наиболее часто употребляемый вид колонны) строилась так: четвертый и пятый взводы стояли на месте, первые три взвода поворачивались налево и выстраивались за четвертым взводом, последние три взвода поворачивались направо и строились за пятым взводом. Колонны могли строиться фронтом как вперед, так и назад: при этом использовался «контрмарш». Батальон мог строить колонну на месте или в движении. Например, «построение из движущегося фронта в колонну справа, восьмой взвод направо» делалось так: по команде восьмой взвод поворачивался направо и начинал движение (остальные

маршировали вперед); пройдя четыре шага, направо поворачивался седьмой взвод и так далее; все они постепенно заходили за первый взвод и разворачивались во фронт.

Гренадеры 39-го егерского полка. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Из колонны также разными способами строилась линия фронта.

Отрабатывался марш батальона повзводно уступами «ан-эшелон».

Несколько глав батальонного учения было посвящено построению и различным эволюциям каре. Каре состояло из четырех «фасов» (сторон), передним из них считался тот, по которому строилось каре. Каждым фасом командовал старший из офицеров, в нем находящихся. Внутри каре знаменная группа, музыканты, барабанщики, флейтчики, штаб-офицеры и адъютант вставали лицом к переднему фасу. Наиболее употребительным было построение каре из фронта на месте по четвертому и пятому взводам. Четвертый и пятый взводы смыкались к центру, в то время как знаменная группа уходила за строй. Второй, третий, шестой и седьмой взводы поворачивались кругом; третий и шестой заходили взводами, примыкая флангами к четвертому и пятому; второй и седьмой заходили и примыкали к третьему и шестому. Первый взвод поворачивался налево и заходил рядами правым плечом вперед, пристраиваясь ко второму параллельно четвертому; восьмой взвод поворачивался направо и пристраивался к седьмому параллельно пятому. Построение фронта из каре проводилось обратным порядком; первый и восьмой взводы выстраивались последними. Такое же каре могло строиться на марше. В «угловом» («облическом») каре все фасы располагались под углом к первоначальной линии фронта; для этого третий — шестой взводы поворачивались кругом и заходили взводами, а первый и второй (седьмой и восьмой) взводы поворачивались налево (направо) и, заходя рядами, шли на свои места. Нередко колонна к атаке (по четвертому и пятому взводам с половинными дистанциями) была вынуждена строить каре против кавалерии. Для этого четвертый и пятый

взводы смыкались; второй, третий, шестой и седьмой заходили по полувзводам; первый и восьмой смыкались и примыкали к флангам седьмого и второго. Таким образом, получалось каре с боковыми фасадами, состоящими из шести рядов солдат; длина боковых фасадов была вдвое меньше, чем у переднего и заднего. За углами каре нередко вставляли стрелки, которые в случае необходимости выходили из каре и составляли стрелковую цепь. В углах также помещались артиллерийские орудия. В каре могли строиться несколько батальонов: так, в обычном каре из трех батальонов каждый фас состоял из шести взводов. В каре против кавалерии, состоящем из трех батальонов, передний и задний фасады состояли из четырех, а боковые — из восьми взводов. Каре могло передвигаться в сторону любого фаса или угла; из каре при необходимости можно было выстроить колонну.

* * *

В конце июня — начале июля 1812-го в полки был разослан документ под названием «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения», в котором уточнялись некоторые вопросы боевого применения пехоты. Много внимания уделялось роли ротных офицеров на различных фазах боя. В полку, стоящем под огнем неприятеля, начальник роты находился перед строем, наблюдая за поведением подчиненных и запрещая «кланяться ядрам». Предвосхищая героическое поведение гвардейских полков при Бородине, документ указывал, что «иногда полк под ядрами хотя сам и не действует, но смелым и устроенным тут прибыванием великую пользу всей армии приносит». Следующий по старшинству ротный офицер располагался за строем и следил за своевременной уборкой раненых и сохранением равнения. Во время стрельбы офицеры уходили за фронт, заставляя солдат правильно и без суеты заряжать ружья и не стрелять вверх. Ротный командир шел перед строем во время атаки (лишь иногда предоставляя «честь идти впереди» поручику), воодушевляя подчиненных. Сбив неприятельский строй, офицеры тут же приступали к приведению в порядок фронта подразделения; только специально выделенные люди третьей шеренги могли преследовать отступающего противника. Офицер, командующий стрелками, старался располагать своих людей за укрытиями; при этом сам он постоянно находился в движении вдоль цепи. Заметив неприятельскую кавалерию и подпустив ее на 150 шагов, цепь стреляла, а затем собиралась в «кучи» (около 10 человек, вставших в круг лицом к неприятелю) и отражала атаку огнем и штыками, ожидая помощи от своих главных сил. Сомкнутый строй также встречал кавалерию огнем со 150 шагов, выстроившись в каре. При обороне полка в деревне или на пересеченной местности многократно возрастала ответственность, возложенная на командиров отдельных подразделений. Расположив своих солдат скрытно, офицеры выжидали, пока неприятель не подходил на дистанцию наиболее эффективной стрельбы, после чего открывался огонь. Не ограничиваясь пальбой, подразделение при удобном случае атаковало противника в штыки с криком «ура». Заслышав боевой клич, старшие начальники подъезжали к позиции атакующего подразделения и отдавали необходимые распоряжения для дальнейших действий. «Деревню или неровное местоположение, неприятелем занимаемое», атаковали в штыки несколькими колоннами с криками «ура» («ура» запрещалось кричать во всех иных случаях). «Наставление» не затрагивало егерское учение, но для действующей в рассыпном строю пехоты предлагался следующий маневр: «Когда офицер дерется цепью в лесу, то знатную часть своего резерва пусть он поставит по рядам на одном фланге; голова оной части чтобы была несколько шагов больше назад, нежели цепь, и отдалена несколько шагов в сторону; ежели цепь принуждена отступить, то сей резерв остается недвижим и спрятан; а как скоро неприятель занесется в преследовании

за отступающими, то оный резерв, вдруг открыв огонь ему во фланг, непременно приведет его в смятение. Ежели неприятель, опомнясь, на оный обратится, то тогда те, кои прежде отступали, сами ему во фланг ударят, и так сии две части наилучшим образом одна другой взаимно помогать будут» [112].

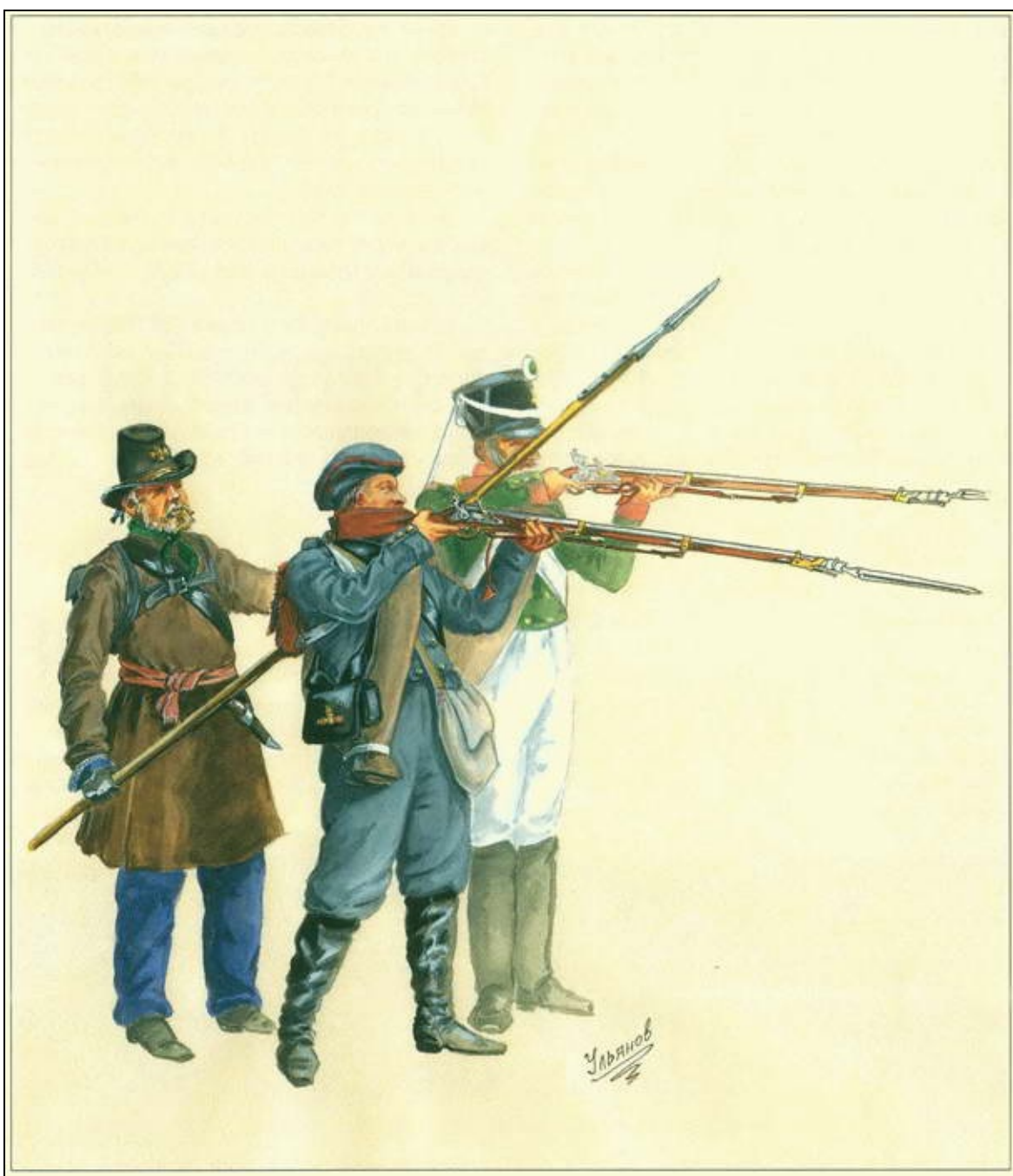
Ряд инициатив высказывался и в распоряжениях отдельных военачальников. Так, приказ по 2-й Западной армии от 25 июня генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона гласил: «Наконец неприятельские войска с нами встретились, и генерал от кавалерии Платов гонит их и бьет. Нам надо их атаковать храбро, быстро, стрельбою не заниматься; артиллерии бить метко; иррегулярным войскам стараться окружать их фланги и тыл — сие им способно, но только должно мастерски поступать. Регулярная кавалерия атакует быстро, но весьма стройно, не рассыпаясь никак. Эскадроны должны в атаке друг друга подкреплять, имея резервы и фланги прикрытыми. Кавалерия должна быть расположена по шахматному [порядку].

Рекомендую гг. шефам полков, чтобы люди для унесения раненых из фронта отнюдь не выходили — на сие будет наряжена особая команда. Во время стрельбы как можно менее высылать стрелков, разве где по флангам будут леса, тогда засаду сделать. Корпусным командирам стараться и все внимание обратить на то, чтобы неприятеля поражать штыками в колоннах и наступать на него, коль скоро он будет опрокинут...

Армию в боевой порядок выстраивать не тесно, а так, чтобы локтями только могли трогать товарища, — сие нужно для свободного заряжения ружей. Когда неприятельская кавалерия нападает на пехоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во все стороны, или баталион каре.

Все атаки делать с криком, а особливо казакам; во время наступления барабаны бьют скорый поход и музыка играет...» [35, с. 179-181].

Реалии грядущих сражений очень скоро внесли целый ряд дополнений и изменений в практику применения войск на поле боя, но основы тактических действий, позволившие на равных конкурировать с грозным неприятелем, были изучены и освоены армией именно в период 1808-1812 гг.

Ополченец. Новобранец гренадерской роты одного из новосформированных полков с номерами от 9 до 14-го. Рядовой мушкетер 1-го батальона пехотного полка.

МАРШ

Во время кампании войска большую часть времени проводили в состоянии движения или марша. Марш считался главной составляющей всех военных операций. Военная наука различала путевые и маневренные марши. Путевые проводились в значительном удалении от неприятеля и не требовали специальных мер предосторожности. Маневренные («маневренные») марши вблизи неприятеля служили для перемещения армии в необходимое место с целью завоевания территории, занятия удобных позиций для лагеря или сражения, противодействия движениям неприятеля. По специфике боевых задач марши делились на кантонирные, марши в колоннах, наступательные, отступательные, ночные, форсированные и прочие. Кантонир-марши проводились при начале (открытии) кампании. Войска двигались отдельными частями, собираясь все теснее по мере приближения к неприятелю. В первые дни темп марша не превышал 20 верст в сутки, что позволяло солдатам и лошадям после длительного отдыха втянуться в ритм движения и тем избежать больших потерь, связанных с переутомлением. В дальнейшем темп кантонир-марша мог достигать 35 и более верст в сутки.

Полувзводная колонна на марше. Реконструкция.

Офицер и солдаты в походе. Рисунок из дневника офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина. Октябрь 1812 г.

На территории враждебных государств выделялся авангард, прикрывавший армию; в трех переходах от неприятеля части армии или отдельного корпуса собирались в одном лагере и далее маршировали в колоннах. Ночные марши проводились крайне редко, так как были связаны с большими трудностями и немалым риском. При форсированных маршах армию старались разделить на множество колонн; тяжелые обозы при этом оставляли под прикрытием специально выделенного отряда. Армия вообще очень редко двигалась одной колонной.

Как правило, выделялось несколько колонн, каждая из которых имела свою «открытую» (разведанную и исправленную) дорогу или хотя бы дирекцию (направление движения). В колонне полки располагались в том же порядке, что и в лагере. Артиллерия двигалась при пехотных дивизиях (в путевых маршах — позади войск), причем несколько орудий под прикрытием батальона пехоты занимали место в голове дивизии, а остальные — в хвосте. Позади колонн шли обозы. На равнине пехота шла в центральных колоннах, на пересеченной местности — во фланговых. Перед фронтом марша заранее выбиралось несколько возможных позиций, на которых в случае необходимости можно было принять бой. По обычной дороге шириной 20-25 шагов пехота обычно двигалась взводными колоннами, кавалерия — по семь или повзводно, артиллерия — в два орудия, обоз — в две повозки, вьючные лошади — по четыре.

Егеря 38-го егерского полка и гренадер егерского полка. И.А. Клейн. 1815 г.

Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Для более компактного передвижения больших соединений войск могли применяться и иные походные порядки. О таком марше в самом начале войны вспоминал И.Т. Радожицкий: «Страна, оставляемая нами, была нарочно опустошаема... Пехота наша, идучи всегда по обе стороны дороги в дивизионных колоннах, оставляла по себе широкий след помятой, мертвой зелени; за войском простирались полосы ее, как бы выжженные ужасным бегом молнии...» [133, с. 62].

Очень часто во время военных действий войскам приходилось совершать быстрые и длительные «форсированные» марши. Правила одного из первых таких маршей были определены в приказе по войскам 2-й Западной армии, отданном П.И. Багратионом 24 июня:

«Нужно необходимо по обстоятельствам, чтобы армия, мне высочайше вверенная, прибыла как возможно поспешнее в Минск, дабы предупредить тем покушение неприятеля. Я нужным нахожу, чтобы войски шли распашным маршем и прошу корпусных и дивизионных командиров и шефов полков, чтобы они в сих переходах, как можно старались облегчить нижних чинов, делая частые привалы и, перешед с места пять верст, отдыхали час, отшед потом 10 верст — два часа, перешед 15 верст — три часа и так далее; раздавать винную и мясную порцию два раза в день, словом, употребить все, дабы не изнурить и сохранить войски и иметь в виду, что быстрое сие движение покроет славою всех участвовавших в оном и заслужит благоволение государя императора...

Вчера замечено мною, что пехота часто останавливалась оттого, что колонны напирали

друг на друга, почему наистрожайше предписываю, чтобы дивизии и полки шли в должной дистанции; на привалах нижним чинам ни для кого не вставать, кроме государю императору, естли его императорское величество к армии прибудет...» [35, с. 176,177].

Отдых в походе. Мещанин, гренадеры. И.А. Клейн. 1815 г.

Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Офицер 1-го егерского полка М.М. Петров описывал форсированный марш отряда генерал-майора И.С. Дорохова в период с 15 по 26 июля, когда полки двигались без ночевки, а только с краткими привалами:

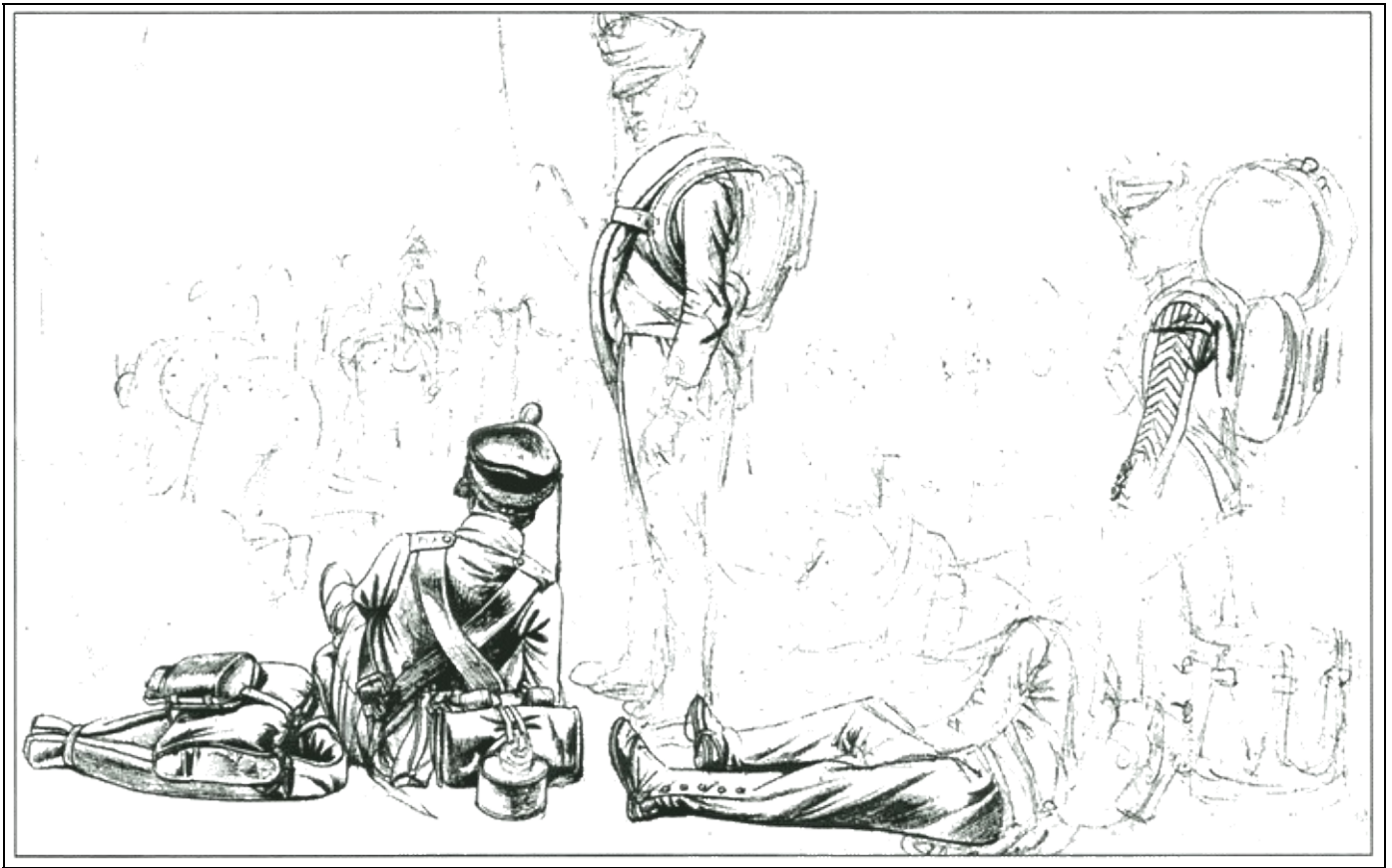
«В последний опаснейший 60-верстовый переход к двору Мещицам, когда открыты были туда движения с обеих сторон сильных неприятельских частей для пресечения нам пути, изнурение нижних чинов егерской нашей бригады в жаркий день до того простерлось, что несколько человек пали на пути мертвыми и у многих, по истощении всего поту, выступила под мышками кровь. Тут офицеры 1-го и 18-го егерских полков изъявили чрезвычайную любовь к своим подчиненным: они верховых своих лошадей навьючили ранцами обессиленных солдат, а сами несли на своих плечах по две патронных сумы и по два ружья, а иные могучные — и более. Конница наша не могла сделать нам помощи... В сумерки 24 июня изнеможенная егерская бригада наша и артиллерия достигнули до двора Мещиц, где егеря наши, присоединясь к действовавшим казакам и гусарам, обошед скрытно неприятельские фланги и несколько тыл обеих сторон дороги, хватили огнем и холодным оружием спешившихся конных егерей и гренадер французских, поставивших было нам преграду, и отбросили их назад в разные стороны на полверсты, чем и открыли себе и всем тяжестям отряда свободный отступ к Несвижу без всякой утраты пленом. Хвала Дорохову — герою!» [126, с. 176,177].

1-й егерский полк после присоединения отряда к 2-й Западной армии действовал совместно с казачьими полками М.И. Платова в арьергарде войск. М.М. Петров отмечал особенность

передвижения пехоты при взаимодействии с казаками: «По этим местам мы пропасть полей и перелогов исплутали, не имея нигде и в намеке военных дел, опричь кое-где пошлых казачьих «чу и гиков». Спасибо еще нашему атаманушке батюшке Матвею Ивановичу, что он в чрезвычайных движениях этих давал нашему полку два Башкирских полка возить: ранцы, шанцовые инструменты и ослабелых егерей; а без того все они, не рожденные быть конями, сгнули бы в отделку от беготни по извилистым тропам героев донских» [126, с. 177].

ЛАГЕРЬ

Размещение войск вне населенных пунктов называлось лагерем. При выборе места для лагеря предписывалось руководствоваться несколькими основными правилами: фланги лагеря требовалось «прикрыть» с помощью естественных или искусственных преград; на расстоянии орудийного выстрела от лагеря не должно было быть господствующих над лагерем высот (в крайнем случае их надлежало занять); необходимо было предусмотреть возможность беспрепятственного отступления; поблизости от лагеря должны были находиться источники фуража, дров и воды; территория лагеря не должна была пересекаться труднопроходимыми реками, дефилями, лугами или болотами. Лагерь разбивали, сообразуясь с рельефом местности. Как правило, в первой линии ставили пехоту, позади нее или на флангах — кавалерию, еще глубже — артиллерию (кроме орудий, приданных полкам или поставленных в укреплениях). По фронту протяженность лагеря подразделения составляла две трети длины фронта комплектного подразделения. При расположении в лагере несколькими линиями расстояние между линиями составляло 300-400 шагов: таким образом, перед каждой линией выделялось место для построения боевого порядка. Армия в лагере оберегалась с помощью сложной системы охраны, называемой «лагерной цепью». Ближе всего к лагерю вставляли «полевые караулы» — сменяемые ежедневно конные и пешие караулы от линейных войск, которые выставляли непрерывную цепь часовых вокруг всего лагеря. На некоторое расстояние от лагеря выдвигались отряды легких войск (казаков, гусаров, егерей), располагавшиеся на «непременных постах» по деревьям и местечкам. От этих отрядов выделялись средние и меньшие посты в промежутки между отрядами, большие караулы на расположенные впереди высоты и постоянно сменяемые разъезды. Все посты и караулы выставляли свои цепи часовых. Различались оборонительные посты и посты для наблюдения. От наблюдательных постов выделялась цепь ведетов (парных часовых), которым нередко придавались конные вестовые. Как правило, днем конные часовые расставлялись впереди пеших, ночью — наоборот. Правила содержания лагерных караулов подробно были описаны в принятом в 1804 г. «Установлении о лагерной службе».

Егеря 8-й дивизии. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

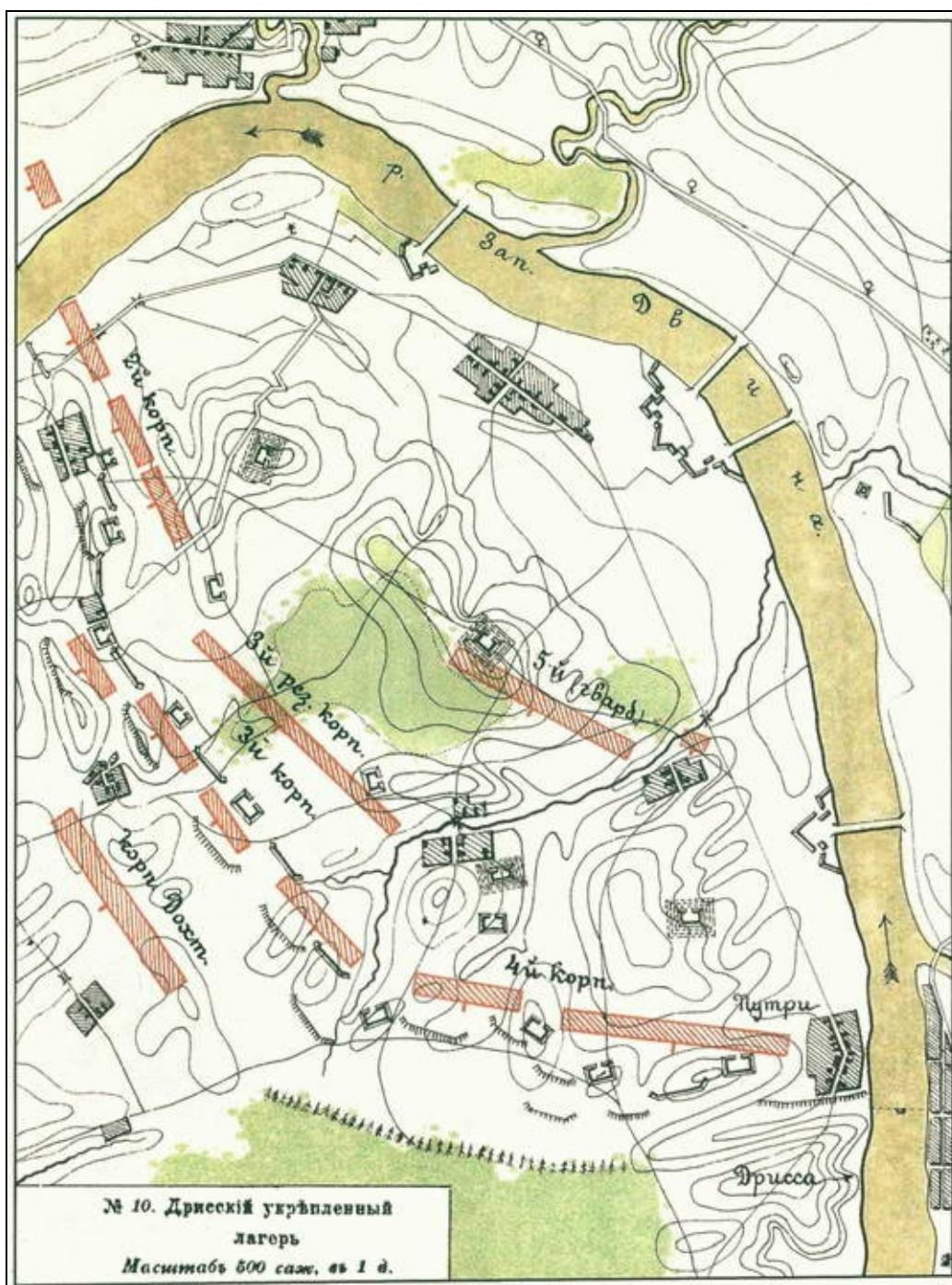

Офицеры в палатке. Рисунок из дневника офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина. 19 сентября 1812 г.

Различали несколько видов лагеря. Лагерь «для собирания войск» разворачивался перед началом похода в сухих и «здоровых местах»; он мог состоять из нескольких отдельных лагерей и не требовал большой охраны. Подобный лагерь, например, был устроен для русских войск в окрестностях г. Вильно перед началом войны.

Лагерь «для отдохновения» устраивался в отдаленных от театра боевых действий местах на крепких от природы или искусственно укрепленных позициях. Поручик А.И. Антоновский оставил красочное описание такого лагеря, разбитого корпусом генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна у реки Дрисса в период с середины августа до конца сентября:

«16-го числа (августа. — И.У) весь день наш полк занимался устройством прочных и просторных балаганов, с соблюдением линии и других лагерных правил и потребностей. Местоположение 26-му полку досталось, как будто по выбору, у самой реки Дриссы на возвышенном берегу, выдавшемся лесом и покрытым зеленью. Здесь были офицерские балаганы, а сзади их солдатские, осененные огромными соснами. У самого обрыва мыса, впереди нашего полка, стояли две пушки, точно как на крепостном валу. Следуя примеру других полков, офицеры балаганы свои устроили с окошками, но, за неимением стекол, отверстия эти заклеивали бумагою, обмазанною постным маслом, которая чрез это предохранялась от дождей и притом сообщала более свету в наших помещениях.

Дрисский укрепленный лагерь (Гулевич С.А. История Л.Гв. Финляндского полка 1806-1906. СПб. 1906-1909).

Впоследствии время позволяло выдумывать разные прихоти, и мы балаганы свои разделяли на несколько комнат и сколько раз разоряли и перестраивали, ибо кроме сего решительно нам нечем было заниматься... Дабы вовсе не измениться, не изнежиться и не отвыкнуть от занятий, солдат заняли расчисткою дорожек; где приличествовало, обкладывали дерном, дорожки и площадки усыпали песком, и лагерь наш представлял прекраснейшую перспективу. Таким образом, мы в роскошных балаганах сибаритствовали, разваливаясь на дерновых диванах...

Сентябрь начался холодными утрениками, принудил нас рыть землянки и делать печки — это вовсе излишнее и прихотливое, но нам ни в чем не возбранялось и из балаганов устроить совершенно жилые помещения, изнутри вымазанные глиной и выбеленные...» [78, с. 138, 139, 142].

Лагерь «для фуражирования» предназначался для сбора хлеба; такой лагерь располагали вблизи хлебородных местностей. Лагерь, «прикрывающий землю», должен был способствовать

защите стратегических пунктов, таких как крепости или крупные магазины. В «укрепленном» лагере армия могла долгое время обороняться от превосходящих сил неприятеля; для этого позиция лагеря укреплялась инженерными сооружениями. В истории войны 1812 г. наиболее известными стали укрепленные лагеря у города Дриссы (ныне — Верхнедвинск) и у села Тарутино.

Место для Дрисского лагеря было выбрано подполковником Л.И. Вольцогеном. Русские войска начали прибывать в лагерь 27 июня. Лагерь имел три линии укреплений; ложементы, люнеты и редуты этих линий занимались пехотой 2, 3 и 4-го пехотных корпусов. 5-й корпус прикрывал устроенный за линиями центральный редут, а войска 1-го и 6-го пехотных корпусов встали на противоположном берегу Двины. Серьезные просчеты, допущенные при выборе лагеря, а также изменившаяся стратегическая обстановка заставили 1-ю Западную армию оставить лагерь 2 июля еще до приближения неприятеля.

Тарутинский лагерь стал местом отдыха и пополнения русских войск после оставления Москвы в период с 21 сентября по 11 октября.

Лагерь был прикрыт 13 полевыми укреплениями и засеками, войска в лагере располагались 4 линиями, не считая авангарда. В первой линии двумя линиями полков были развернуты 2 пехотных корпуса, во второй — 4 пехотных и 1 кавалерийский, в третьей — 1 пехотный и 1 кавалерийский, в четвертой — тяжелая кавалерия и резервная артиллерия; фланги прикрывались егерскими полками. Основным недостатком лагеря являлась его небольшая площадь, которая в случае нападения противника могла затруднить передвижения войск и привести к большим потерям от артиллерийского огня. К счастью, лагерь так и не подвергся нападению, в то же время наилучшим образом обеспечив условия для пополнения армии.

«Путевой лагерь», разбиваемый на марше недалеко от неприятеля, практически не укрепляли из-за недостатка времени; единственным требованием было наличие изобильных источников дров и воды. В реальной обстановке не всегда выполнялись и эти требования. Корпус П.Х. Витгенштейна при наступлении к Полоцку в начале октября вынужден был два дня простоять на низменном месте под проливным дождем, о чем вспоминал А.И. Антоновский: «Не знаю, кто мог сказать, что эту ночь спал спокойно, когда со всех сторон хлестало дождем и порывистым осенним ветром пронизывало насквозь. Полки лежали рядами и, чтобы сколько-нибудь защититься от бури и ненастья, сплотились друг к другу; лежали всю ночь и, надо сказать, спали» [78, с. 144].

Нередко стоявшие на позициях войска вынуждены были ночевать, не покидая боевой линии. В этом случае солдаты просто ложились на землю так, как стояли в строю, и пули неприятельских часовых находили свои жертвы среди спящих. На марше зачастую случалось, что солдаты и офицеры вынуждены были ночевать на земле, «в возглавие положив кулак, под бока — грязь» [78, с. 145].

Офицер егерского полка. Вне строя офицер носит короткую шинель и галоши поверх сапог, прикрываясь от дождя зонтом. Офицер линейной пехоты. Офицер, побывавший на Кавказе, привнес в свой быт некоторые элементы горской экипировки. Находясь в командировке вне строя, он вооружился шашкой, а поверх сюртука накинул кавказскую бурку; воинственный облик его дополняется нагайкой. На поясе повязан старый нитяной шарф без кистей (такая манера ношения описана в воспоминаниях Н.И. Андреева).

Солдат на «широких квартирах». Художник Васильев (?). 20-е гг. XIX в.

Обычно разбивка лагеря осуществлялась следующим образом. Командующий армией назначал место для будущего лагеря. Дежурный генерал или особо назначенный офицер (обер-квартирмейстер) собирал офицеров Генерального штаба, полковых квартирмейстеров, квартирьеров и фурьеров, а также все команды, назначенные для лагерных караулов; весь этот отряд, называемый кампанентом, следовал на указанное место. В приказе по 1-й армии от 9 июля предписывалось «для поспешнейшего отправления квартиргеров иметь в каждом пехотном и егерском полку по 9, в сводных гренадерских батальонах по 4 и в каждой пешей артиллерийской роте по одной лошади, с седлами и с прибором. На покупку каждой лошади с прибором определено по 30 рублей ассигнациями...» [44, с. 436]. Очевидно, в это же время на лошадей были посажены и квартирьеры 2-й армии. Дивизионные квартирмейстеры пехоты принимали от обер-квартирмейстера места для своих дивизий и, разделяя их равномерно, сдавали полковым квартирмейстерам. Полковые квартирмейстеры разбивали полковые лагеря. Квартирьеры втыкали в землю значки, обозначая места расположения рот. В лагере пехотного батальона перпендикулярно линии фронта намечались четыре ротные и одна знаменная улицы. С обеих сторон ротной улицы размещались палатки нижних чинов (боком к линии фронта и входом на улицу); к каждому ряду солдатских палаток со стороны линии фронта примыкала унтер-офицерская палатка, а в четырех шагах от нее — ружейная пирамида. На одном уровне с унтер-офицерскими палатками перед центром знаменной улицы ставилась адъютантская палатка (входом к фронту), перед ней — пирамида из батальонных барабанов, а перед пирамидой — знамена в чехлах. В 300 шагах от знамен располагалась палатка полевого караула с ружейной пирамидой, позади нее — патронные ящики и передки приписанных к батальону

орудий. Сами орудия помещались в небольшой флешу перед палаткой караула. Ротная улица сзади замыкалась палаткой субалтерн-офицеров (входом к тылу лагеря) и палаткой капитана (входом к фронту). Далее следовали: линия штаб-офицерских палаток, линия палаток унтер-штаба, линия лазаретов, линия палаток нестроевых, обоз, лошади и погонщики, линия кухонь и палаток маркитантов. Второй батальон полка примыкал к первому, образуя батальонную улицу. За центром полка ставились палатки полкового командира, квартирмейстера и лекаря, аудитора и священника, музыкантов; там же разворачивалась полковая церковь. За линией кухонь позади центра полка располагалась палатка палочного караула с пирамидой. В 200 шагах от передней и задней линий солдатских палаток выкапывались уборные. Часовые прикрывали фронт и тыл полкового лагеря, открытые фланги и отдельные пункты внутри лагеря: палатки караулов, знамена, пирамиды, палатки батальонных и полкового командиров. Егерские полки (за некоторым исключением) не имели палаток и по возможности обходились постройкой шалашей из подручного материала; при этом общее расположение лагеря соответствовало лагерю линейной пехоты.

* * *

Перед началом войны, в начале и в конце кампании, а также после разгрома неприятельских войск армия располагалась на так называемых кантонир-квартирах. Для распределения больших масс войск по квартирам использовались те же правила, что и при построении растянутого лагеря. Фланги и центр квартирного расположения прикрывались большим числом

войск. Для каждого соединения назначались свои сборные места; кроме того, выделялось главное сборное место всей группировки войск на удобной для сражения позиции. Каждая кантонир-квартира имела собственную систему охранения. Нижних чинов на квартирах старались размещать «теснее» для более удобного контроля за ними.

Условия холодного времени года диктовали необходимость размещения войск в населенных пунктах. В этом случае использовалось расположение, называемое винтер-квартирами (зимними квартирами). Этим же термином обозначалось и место, занимаемое войсками, стоящими на квартирах в зимний период. При подобном размещении войск руководствовались теми же правилами, что и при размещении на кантонир-квартирах, но по возможности старались ставить вместе пехоту и кавалерию. Населенные пункты, расположенные ближе к неприятелю, укреплялись; выделялись сборные места для войск и обозов, распределялись дороги для сбора. В каждой отдельной квартире в выгодных пунктах расставлялись караулы, а в центре (на площади) — резерв для караулов. Большое внимание уделялось заготовке продовольствия и фуража [113].

Вопросами провиантского и вещевого довольствия всех войск занимались два департамента Военного министерства: комиссариатский и провиантский. Согласно положениям «Учреждения для управления Большой Действующей Армии», при главном полевом штабе армии создавалось интендантское управление, подчиненное Генерал-интенданту армии. Это управление по функциям также делилось на два управления: полевое провиантское под руководством полевого Генерал-кригс-комиссара и полевое комиссариатское под руководством полевого Генерал-провиантмейстера.

Основные заботы службы вещевого снабжения в 1812 г. касались обеспечения многочисленных резервов, с чем в целом отечественная промышленность и справилась, правда, перейдя к концу года на ряд более дешевых заменителей положенных по табелю материалов.

В действующей армии главной проблемой оставался быстрый износ обуви, с чем справились, приказав еще в начале 1812 г. построить по дополнительной паре сапог для всех строевых чинов. «Дабы не нуждаться обувью при быстрых движениях», «лишние» сапоги носили при себе, заматывая их в скатку [13].

Снабжение вещами происходило по срочной системе. Каждый предмет обмундирования, снаряжения и вооружения имел установленный срок ношения и заменялся после минования этого срока. Все внеплановые замены оговаривались специальными распоряжениями. Большинство суконных вещей имели 2-летний срок службы, кожаные вещи — 8-летний срок, а металлические — 20-летний. Почти вся одежда «строилась» непосредственно в полках; для изучения новых фасонов в Санкт-Петербург от дивизий регулярно высылались закройщики [11, л. 2]. Остальные вещи заготавливались Комиссариатским департаментом.

Поставки провианта в условиях военных действий приобретали стратегическое значение, зачастую оказывая влияние на общую боеспособность войск. По положению мирного времени каждому солдату полагалась ежесуточная «Петровская дача» — 2 фунта 40 золотников (или по объему 16/30 гарнца) ржаной муки и 24 золотника (по объему 1/20 гарнца) крупы. Мука могла заменяться 3 фунтами печеного хлеба или 1³/₄ фунта сухарей. Основной «приварок», то есть, как правило, мясные продукты, закупался самими солдатами за счет артельных средств, а в ряде случаев поставлялся обывателями. Нередко мясную или рыбную порцию полки получали за отличия на парадах, смотрах или маневрах. В марте же 1812 г. вдобавок к обычной выдаче провианта были назначены регулярные мясная (1/2 фунта мяса) и винная (1/80 доля ведра) порции в следующем соотношении: по 2 мясные и 2 винные порции в неделю армейским полкам и по 3 мясные и 4 винные порции в неделю гвардии [143, с. 418]. Суточный рацион подъемных лошадей составлял 2,5 гарнца овса и 20 фунтов сена.

Для снабжения солдат готовыми сухарями полки высылали в тыл команды хлебопеков, которые присоединялись к своим частям по мере выполнения своих функций. В 1812 г. единственной в своем роде стала одиссея команды хлебопеков 40-го егерского полка. В приказе по 1-й армии от 20 июля объявлялось: «40-го Егерского полка поручик Гнилокишков, оставленный от полка с 25-ю человеками нижними чинами для хлебопечения, на всем расстоянии от Диены до Велижа, неоднократно встретившись с неприятелем, несколько раз им атакованный, с потерей только 6-ти человек прибыл к Армии. Шефу полка, полковнику Сазонову, не заботящемуся о собрании отделяемых им от полку людей и утаившему потерю поручика с 25-ю человеками, отказывается от командования полка, который сдать старшему по себе» [44, с. 439, 440]. История имела совершенно счастливое завершение: поручик «за отличие» был произведен в штабс-капитаны, а на следующий день «во уважение просьбы

генерал-майора графа Палена» Саонову возвратили командование полком.

Обоз каждого гренадерского и пехотного полка состоял из 6 лазаретных и 12 провиантских фур, 12 патронных ящиков, 12 ящиков с палаточными принадлежностями, 2 фур для полковых дел и казны, фуры для полковой церкви, фуры для слесарного инструмента и аптечной фуры. Кроме того, во вновь сформированных в 1811 г. полках обоз был еще более сокращен: на полк полагалось 12 патронных ящиков, 12 провиантских, 3 лазаретных и 3 полковых (для казны и письменных дел, для казначейства, для инструментов) фур. Егерские полки, кроме тех, которые несли службу на Кавказе и в Молдавии, не имели палаток, а следовательно, и палаточных ящиков.

Во время кампаний для облегчения подвижной части армии, как правило, старались избавиться от палаточных ящиков, оставляя их на квартирах. Так, в марте 1812 г. был разослан официальный приказ, запрещающий брать в поход палаточные ящики. При этом артельные котлы, по штату перевозимые вместе с палатками, подвешивали на патронные ящики, к которым припрягали третью лошадь [27, л. 26]. Котлы в походах довольно быстро изнашивались, а потому всегда числились среди предметов первой необходимости. Поэтому понятна радость солдат, которым удавалось заполучить эти котлы тем или иным способом. По воспоминаниям офицера 26-го егерского полка А.И. Антоновского, «10-го августа арьергард наш находился в Белом. Перед обедом солдаты, купаясь в озере, нашли клад, именно — железные котлы по тому образцу какие встречалось видеть у Баварцев... Выкупались прекрасным образом и запаслись котлами, которых более сотни вытащили из озера и роздали в полк» [78, с. 128,129].

Состав остальной подвижной части также значительно сократили в начале апреля. В приказе по 1-й Западной армии от 4 апреля прежде всего строго ограничивался обоз старшего командного состава. Теперь полному генералу и начальнику корпуса полагалось иметь 3 повозки в 4 лошади, генерал-лейтенанту — 2 повозки в 4 лошади, генерал-майорам на должности начальника дивизии — 1 повозку в 4 и 1 повозку в 2 лошади, остальным генерал-майорам — 1 повозку в 4 лошади, полковникам в должностях шефов или командиров полков — 1 повозку в 3 лошади, прочим полковникам, подполковникам, а также майорам в должностях полковых командиров, корпусному штаб-доктору и дивизионным докторам — 1 повозку в 2 лошади. Всем прочим чиновникам предлагалось иметь «токмо вьючных лошадей». Далее в приказе речь шла о полковом обозе: «Полкам иметь при себе священников; но церквей в каждой дивизии как пехотной, так и кавалерийской иметь по одной. Артельных повозок и лошадей отнюдь никому иметь не позволено. Верховых же по положению; но дабы нижние чины не были принуждены продавать артельные свои повозки и лошадей за бесценок, то подать корпусным начальникам немедля рапорт, сколько у них в полках артельных повозок и лошадей имеется налицо; и что они стоят. Деньги им заплачены будут из экстраординарной суммы, а лошади и повозки возьмутся в подвижной магазейн». Предвидя возможные злоупотребления, командование декларировало, что «сверх... положения сего строго запрещается иметь излишнее» [44, с. 393-395].

В дальнейшем полковой обоз еще более сократился; часть повозок была отправлена к тяжелым обозам,двигающимся впереди армии. В составе этих обозов перемещением запасов продовольствия занимались подвижные «магазейны». Из приказов по армиям можно понять, каким именно образом происходил оборот продовольствия в войсках. 24 июня П.И. Багратион отдал следующий приказ: «Провиантские фуры и повозки подвижного магазейна останавливаются на время в Мире для раздачи полкам сухарей. Когда они будут проходить чрез оное местечко, гг. генералам-шефам тотчас по получении сего разобрать запасные свои повозки и если на людях нет на 4 дня сухарей, то оные дополнить из сих повозок. В провиантских фурах,

которые идут с полками, то есть при каждом батальоне по одной фуру непременно иметь полное число сухарей на 6 дней. Если будут пустые повозки, то оные изломать и бросить, а остающихся от них лошадей припрягать к тем фурам, которые идут с армиею, волов же обратить на порцию людям.

Русский обоз. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

Офицерская повозка. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

В Колках и в Мире имеется большое заготовление фуража, почему кавалерийским и пехотным полкам зайти себя нужным фуражом, на сие позволяется употребить их запасные фуры, если они где есть» [35, с. 177].

Часть фуража в пехотных полках использовалась для кормления крупного рогатого скота, за счет которого обеспечивалась выдача мясных порций. Во время же отступления солдатам нередко удавалось добывать продовольствие из намеренно уничтожаемых запасов. С особенной радостью воспринимались дополнительные винные порции, что нередко отмечалось в воспоминаниях очевидцев. Так, например, при открытии боевых действий 16 июня солдатам 26-го егерского полка на привале была выдана двойная винная порция, а часть вина из бросаемых бочек было разрешено взять с собой. По словам офицера полка, «приволье вина переродило наших солдат. Забыв тяжесть ноши, изнурительный поход, пренебрегая... предстоявшею опасностью, в рядах наших затянули песни. Затеищики подняли пляску; потешаясь сами, и других веселили» [78, с. 12,13]. Не всегда злоупотребления приводили к столь безобидным последствиям. Расположенная вблизи города Поречье 2-я бригада 17-й пехотной дивизии испытала немалые волнения из-за шума в городе, где стояла Главная квартира 1-й армии. По словам П.А.Тучкова, «ночью услышали мы непомерный крик в городе, где расположена была главная квартира, и даже громкое ура! раздавалось в ночной тишине. Я не знал, к чему сие можно было отнести, а потому, приказав моему отряду стать к ружью, послал адъютанта моего узнать о причине сего крика. Через полчаса возвратился он ко мне и донес, что это ничто иное

было, как то, что разных полков люди, найдя оставленные откупщиками винные подвалы и выкатя из оных бочки с вином, праздновали счастливую свою находку; но шум был скоро прекращен...» [150, с.1928-1968].

В целом все очевидцы отмечают очень неплохое качество продовольственного снабжения русской армии в начале кампании, достигшего своего пика в Тарутинском лагере.

Основные же проблемы со снабжением начались во время преследования неприятеля, особенно после Смоленска. Офицер лейб-гвардии Финляндского полка Ртищев вспоминал о тяготах победоносного похода: «Находясь в резерве, простояли мы двое суток в лесу, по колено в снегу и без куска хлеба. Наконец вспомнили об нас, прислали к нам бочку ячменных круп и бочку горелки. Горелку мы разделили по ротам манерками, и с ней расправа была скорая; но что делать с крупой? Котлов нет, варить не в чем, есть ее сухую нельзя, — давай подниматься на хитрости, — стали сдирать с елей кору и в этих лубках варить крупу — как же варить? А вот как: лубок согнув в виде кузова, положим в него крупу, снегу и давай на огне жечь; и лубок горит, и крупа горит — и выйдет что-то вроде горелого комка, который мы и ели с жадностью. Тут мы дошли от голода до величайшего бедствия... Но ни мы, ни солдаты не унывали и по получении провианта распевали песенки» [70, с. 255]. Ему вторил и Ф.Н. Глинка: «...Трофеев у нас много, лавров девать негде, а хлеба — ни куска... По причине крайне дурных дорог и скорого хода войск обозы наши с сухарями отстали, все окрестности сожжены неприятелем, и достать нигде ничего нельзя. У нас теперь дивятся, как можно есть! и не верят тому, кто скажет, что он ел» [62, с. 95].

К каждому полку приписывались маркитанты — купцы, члены их семей или нанятые работники, которые следовали за своими частями во время похода и осуществляли торговлю необходимыми товарами.

ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ

«Прежде ружейного выстрела солдат сражается с тремя главными врагами: труды, суровость времени и голод». Это заявление, прозвучавшее в вышедшей в 1813 г. «Карманной книге военной гигиены» «медицинского доктора и хирурга» И. Энегольма, довольно точно охарактеризовало проблемы здравоохранения в армии. В целом все профилактические мероприятия, направленные на сохранение здоровья, призваны были содействовать солдату в этом «сражении». Читателей не должна вводить в заблуждение дата издания труда, ибо все методы профилактики нарабатывались десятилетиями и десятилетиями же практически не менялись.

Уже согласно «Наставлению о сохранении здоровья солдат в Финляндии» 1808 г., например, профилактическими мерами признавались: ежедневные занятия на улице (кроме холодной и сырой погоды), порционное довольствие (не менее 4 порций мяса в неделю), употребление укрепляющих напитков (квас, «хренное» пиво, клюквенный сок), ежедневные умывания холодной водой (голова, лицо, рот, руки, грудь), мытье ног два раза в неделю, еженедельная баня с переменной белья, ношение в большие морозы лаптей поверх сапог, общее утепление при долговременном нахождении на улице [2].

В 1812 г. одним из ярких примеров заботы о солдатах является приказ П.И. Багратиона по 2-й армии от 3 апреля:

«...Для предварения умножения болезней предписать ротным командирам, дабы они наблюдали:

1-е. Чтоб нижние чины не ложились спать в одежде, а особливо не разувшись.

2-е. Солдату, на подстилку употребляемую, чаще переменять и смотреть за тем, что после больных не подстилала б под здоровых.

3-е. Надзирать, чтоб люди чаще переменяли рубашки и где возможно устроить за селениями бани для избежания пожаров.

4-е. Как скоро погода будет теплее, избегая тесноты, размещать людей по сараям.

5-е. Для питья в артелях иметь квас.

6-е. Наблюдать, чтоб хлеб был хорошо выпечен» [120, т. 11, с. 48].

В труде И. Энегольма чрезвычайно подробно описывались меры по сохранению здоровья солдат на квартирах, в лагерях и во время походов. Во многом книга эта и сейчас не потеряла своего значения. Мы изложим лишь некоторые советы автора, помещенные в разделе «Главные предосторожности в походе» и проверенные на опыте целого ряда кампаний. На остановках солдатам запрещалось сразу пить воду, для чего перед колодцами и реками даже выставлялись патрули. Для утоления жажды предписывалось жевать «внутреннюю корку дерева, коренья, травы и кислые растения». На привалах солдат должен был не ложиться на землю (от чего нередко возникала простуда), а отдыхать стоя, опершись на ружье. Зимой очень опасной считалась резкая смена температур (вхождение с мороза в натопленную избу и выход из избы), поэтому по возможности выгоднее было ночевать в сараях и амбарах. Распухшие ноги погружали в холодную воду или делали примочки с водкой. Перед началом марша солдат должен был причесаться, прополоскать рот, вымыть холодной водой лицо, руки и шею; в «худых» (нездоровых) местах полезным считалось выпить рюмку вина и закусить хлебом. На походе солдаты пили водку, разбавленную водой, и закусывали сухарями; чай с ромом в таких случаях рекомендовался для офицеров. Зимой перед выходом пили вино или сбитень. В холодное время года самым важным считалось предохранение ног от влаги: вместо шерстяных чулок или онучей, в которых нога быстро потела, нужно было надевать полотняные онучи,

предварительно смазанные жиром (салом натирали и ноги). Соответственно довольно часто солдаты должны были мыть ноги и стирать онучи (летом онучи стирали каждый день). На марше зимой нужно было чаще останавливаться и раскладывать костры для обогрева. Обмороженные части тела автор советовал натирать снегом или погружать в холодную воду; только после этого можно было входить в теплое помещение. В тепле на обмороженные места накладывали примочки из масла с водкой или снега с салом и солью.

Широко распространенной профилактикой заболеваний в 1812 г. было питье водки с перцем, распоряжения о своевременной доставке которого отдавались на самом высоком уровне. Так, в приказе по 1-й армии от 24 августа говорилось: «Генерал-провиантмейстером армии доставлено в каждый корпус по два пуда перцу, который употреблять нижним чинам с вином. Г-м начальникам вообще озаботиться о точном выполнении сего повеления» [44, с. 453].

Лето 1812 г. стало первым испытанием для солдат. «Для наших солдат несносен был только летний зной. В продолжение больших переходов, под тяжестью ранцев и киверов, в суконной толстой одежде, молодые солдаты скоро уставали; при всякой лужице они с манерками бросались черпать теплую грязную воду, которую пили с жадностью, никогда не утоляя жажды; наконец, изнеможенные, отставали от полков своих, заходили в сторону, и где-нибудь завалившись для отдыха, попадались в руки неприятеля», — писал И.Т. Раджицкий [133, с. 63].

Достаточно регулярно в армии вспыхивали эпидемии различных болезней, основными из которых были различные виды «горячек» (в том числе и «нервическая горячка» — сыпной тиф). Широко распространенным заболеванием оставалась оспа. Ежегодно в тех или иных полках людей валила цинга, особенно усиливающаяся во время боевых действий. «Верным спутником» солдат оставался «кروавый понос» (дизентерия), провоцируемый перепадами температур, трудностями марша и плохим питанием. В списке солдатских болезней постоянно присутствовали венерические заболевания. Применяемые эффективные ружейные приемы вызывали «повторные ушибы груди» и как следствие — «опасные костяные наросты на ребрах и грудной клетке».

Самый большой размах эпидемии приобрели во время наступления русской армии, ибо тяжелейшие условия похода равным образом действовали как на французов, так и на русских, а болезни, начавшиеся в одной армии, очень быстро перекидывались и на другую. Во время движения от Тарутинского лагеря к Вильно небоевые потери русских войск, по разным оценкам, составляли от 40 до 50 тысяч чинов [85].

Бритье солдата у обозной телеги. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

* * *

Медицинские кадры по-прежнему набирались различными путями: в лекари зачисляли выпускников Императорской Медико-Хирургической академии, приезжающих иностранных врачей и прошедших «аттестацию» практиков из фельдшеров. В вышедшем в 1812 г. «Учреждении об управлении большой действующей армией» предусматривались должности главного доктора, главного медика и главного хирурга, координирующих работу полковых лекарей и фельдшеров, подвижных госпиталей и медицинских складов.

Первая медицинская помощь редко оказывалась своевременной. Раненые на полях сражений зачастую не могли добраться до лазаретов и умирали прямо на позициях, причем иногда их ужасная агония длилась несколько дней. Редкому счастливцу в подобном случае удавалось спастись. Под Смоленском удача выпала на долю 15-летнего унтер-офицера А.В. Камаева, эпизод из жизни которого был описан позже его племянником: «6-го августа 1812 года, в сражении под Смоленском, Селенгинский полк был разбит полчищами Наполеона. Полковник Мещеряков и дядя мой были ранены и потеряли друг друга из виду. После сражения, когда убрали раненых и хоронили убитых, дядя лежал под кустами, истекая кровью из ран. Одна нога его была прострелена пулею навывлет, а в другой пуля остановилась. Проезжавший мимо гусар, вероятно, отыскивая кого-нибудь из близких к нему, заметил дядю, плавающего в крови, но еще живого, прицеливаясь из пистолета, спросил: «русский или француз?» Собравши последние силы, дядя мог только сказать: «русский»; услышав этот отклик, гусар подъехал

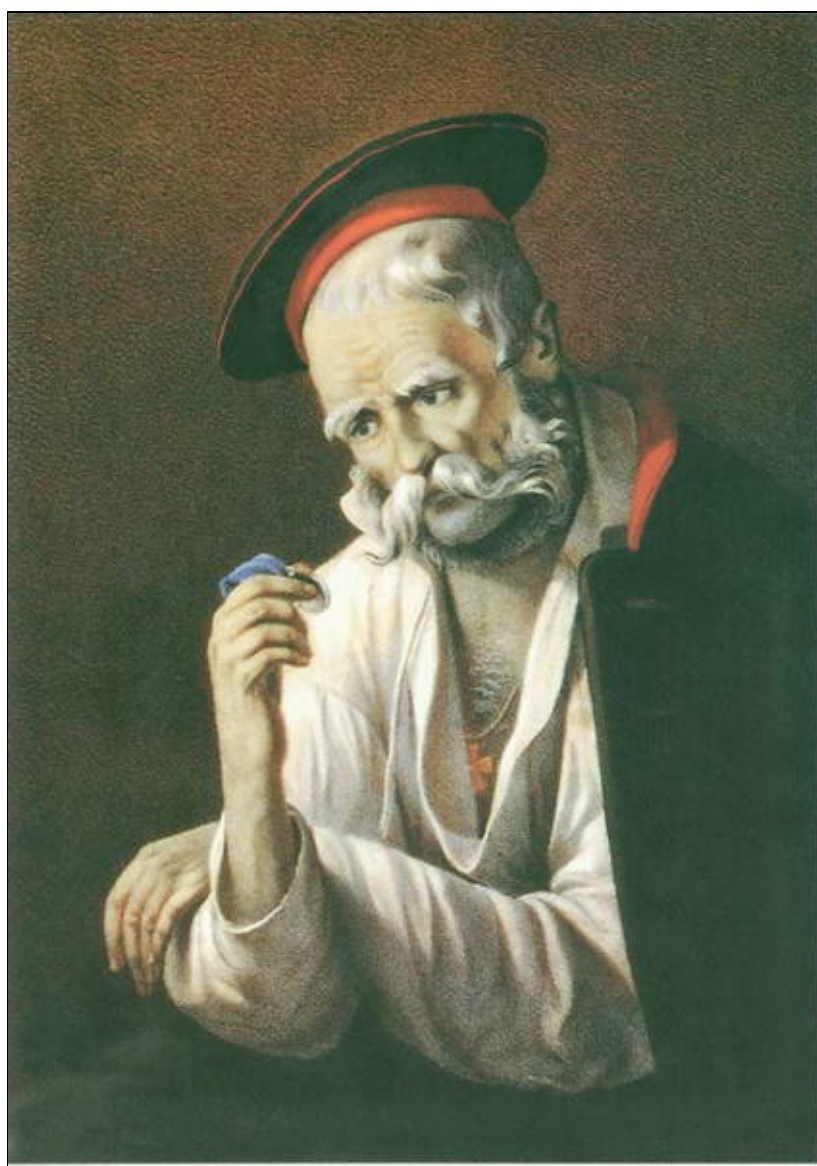
ближе, и увидев в этом защитнике отечества мальчика... солдатской форме., доставил его на перевязочный пункт» [90, с. 664, 665].

На перевязочном пункте раненый погружался в атмосферу казавшегося бесконечным ужаса. Сотни стонущих и уже умерших окровавленных людей лежали и сидели около навесов или палаток, в которых такие же залитые кровью врачи без всякого обезболивания наскоро проводили операции. Здесь все были равны — офицеры и солдаты терпели одинаковые мучения. Раненый под Витебском офицер-артиллерист описывает одну из таких операций, сделанную уже в относительно спокойной обстановке:

«Господа городские хирурги... не замедлили явиться к нам — с инструментами. Тогда показались они мне страшнее Французской кавалерии. Синий фрак и пудренный парик главного Оператора с длинным носом несколько ночей сряду снились мне ужасными привидениями. Хирурги обратились сперва к Тутолми-ну (дивизионный адъютант, у которого оторвало руку выше локтя. — И.У), ободрили его, обласкали, дали каких-то капель, потом посадили на стул, и стали развязывать руку... Резатели обмыли рану, из которой клочьями висело мясо и виден был острый кусок кости. Оператор в пудреном парике вынул из ящика кривой нож, засучил рукава по локоть, потом тихонько приблизился к поврежденной руке, схватил ее, и так ловко повернул ножом выше ключев, что они мигом отпали. Тутолмин вскрикнул и стал охать, хирурги заговорили, чтобы шумом своим заглушить его, и с крючками в руках бросились ловить жилки из свежего мяса руки; они их вытянули и держали; между тем пудренный Оператор стал пилить кость. Это причиняло, видно, ужасную боль: Тутолмин вздрагивал, стонал, и терпя мучения, казался изнеможенным до обморока; его часто вспрыскивали холодной водою и давали ему нюхать спирт. Отпиливши кость, они подобрали жилки в один узелок и затянули отрезанное место натуральною кожею, которая для этого была оставлена и отворочена; потом зашили ее шелком, приложили компресс, увязали руку бинтами — и тем кончилась операция. Тутолмин лег в постель как полумертвый» [133, с. 89, 90].

Но и те, кому удавалось получить первую помощь, отнюдь не могли считать себя спасенными. Перевозка на телегах по разбитым дорогам уже сама по себе была пыткой, которую многие не переносили. Оставленные же в населенных пунктах при отступлении раненые оставались без помощи и, как правило, становились жертвами огня, болезни или голода.

Первым пристанищем для вовремя эвакуированных больных и раненых служили полковые лазареты. Далее они поступали в подвижные госпитали, а при необходимости — в стационарные. К 1811 г. насчитывалось 52 стационарных госпиталя, рассчитанных на 36 320 мест. К сожалению, в большинстве случаев выздоровление зависело прежде всего от самого пациента. Применяемые методы лечения были крайне несовершенны, а врачи редко имели должные навыки. Недостаток пищи и лекарств в госпиталях стал хроническим. Поэтому смертность среди больных и раненых была очень высока. В одном только Орловском госпитале в декабре из 3500 пациентов умерло 598 [143, с. 453].

Солдат-ветеран 1812 г. Раскрашенная литография. 1844 г.

Даже раненые русские солдаты демонстрировали примеры подлинного христианского смирения и воинской дисциплины. Офицер 26-го егерского полка вспоминал: «Не могу, да и не должно, умолчать о геройском духе одного гренадера нашего полка, которого имени я не дознал и теперь упрекаю себя за такое невнимание. При отступлении нашем от Полоцка гренадер догнал нашу колонну, и, остановив моей роты унтер-офицера, просил его оторванную ядром руку и висевшую на одной только жиле, отрезать ему, ибо самому невозможно этого сделать — так он объяснял унтер-офицеру Унтер-офицер, убедившись просьбою и положением жестокой раны, не думая долго, вынул тесак, начал пилить и, кажется, не отрезал, а просто оторвал, ибо, как я потом удостоверился собственными глазами, тесак, часто употребляемый в походном случае для рубки говядины, был весь иззубренный, как серп или, надо сказать, весьма хуже. Признательный гренадер поблагодарил за операцию унтер-офицера.

Но каково было терпение гренадера под этим инструментом — удивительное! Любопытство заставило меня обратиться на этот случай всем вниманием. Я приостановился и, дождавшись к себе гренадера, спросил, зачем он решился дать отрезать руку и, притом, тесаком. Гренадер мой равнодушно отвечал: «Мешает идти, а отстать от полка и попасть в плен французам избави Боже; ежели суждено мне умереть, то пусть же между своих...» Такие чувства весьма меня тронули. Я похвалил его героизм и любовь к родине, подумав: «Великого

духа ты, товарищ и верный патриот отечества...»

Он долго шел при нашей колонне. Я предлагал ему одного своего солдата проводить до перевязки и пособить нести ранец, но гренадер отказался, сказав, что теперь ничто не мешает и самому дойти. — «По крайней мере, я говорил ему скинь с себя суму и портупею и сколько-нибудь облегчись». — «Да кому же я это отдам?» — спросил меня. — «Французам», — говорил я, и, таким образом, быв мною разрешенным, тогда только решился сбросить, иначе, Бог знает, куда бы потащил на себе казенную амуницию...» [78, с. 125,126].

И такие примеры были не единичны. После Бородинского сражения «...вся Можайская дорога была покрыта ранеными и умершими от ран, но при каждом из них было ружье. Безногие и безрукие тащились, не утрачивая своей амуниции» [108, с. 111].

Воспитание и поддержание высокого морального духа армии всегда относилось к первоочередным задачам военного руководства всех уровней.

В «Наставлении господам пехотным офицерам в день сражения» содержалось немало указаний, касающихся нравственного воспитания военнослужащих. Необходимость создания подобного наставления, в частности, обуславливалась наличием в полках большого количества молодых офицеров, не обладающих навыками работы с подчиненными. Особое внимание уделялось воспитательной работе: «Перед сражением всем офицерам говорить с солдатами о том, что будет от них требоваться: напомнить им о священном долге драться до последней капли крови за веру, за Государя и за отечество; что судьба России зависит от храбрости ее ратников, и что лучше умереть, нежели покрыться стыдом, оставляя знамена свои, или назначенное в линии место...; уверять всех, что за отличные подвиги всякий будет награжден, за трусость же или неповиновение не избежит строжайшего наказания». Под угрозой физического наказания и даже смерти солдатам запрещались такие высказывания, которые могли бы привести остальных в растерянность и вызвать панику. Трусливого или непослушного солдата или унтер-офицера разрешалось заколоть во время боя или расстрелять после сражения («без потери во времени») по приговору полкового суда. В сражении офицер должен был отмечать нижних чинов, наиболее отличившихся храбростью, твердостью духа и умением воздействовать на товарищей; таких солдат представляли к производству в офицерский чин, открывая «дорогу к

чинам и почестям». В «Наставлении» затрагивались и вопросы воспитания офицеров: «Воля Всемилостивейшего нашего Государя есть, чтоб с солдата взыскивали только за настоящую службу; прежние излишние учения, как-то: многочисленные темпы ружьем и прочее уже давно отменены, и офицер при всей возможной за настоящие преступления строгости может легко заслужить почтеннейшее для военного человека название друг солдата. Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше в войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки, и в глазах его один перед другим отличаться... Между же самих офицеров излишним почитается упомянуть о необходимых качествах неустрашимости; ибо ежели дух храбрости есть отличительный знак всего русского народа, то в дворянстве оный сопряжен с святейшим долгом показать прочим всегда первый пример как неустрашимости, так и терпения в трудах и повиновения к начальству... Вообще к духу смелости и отваги надобно непременно стараться присоединить ту твердость в продолжительных опасностях и непоколебимость, которая есть печать человека, рожденного для войны. Сия-то твердость, сие-то упорство всюду заслужат и приобретут победу. Упорство и нестрашимость больше выиграли сражений, нежели все таланты и все искусство» [112].

В приказе по 2-й армии от 25 июня один из виднейших русских военачальников князь П.И. Багратион обращался к подчиненным с такими словами: «Я уверен в храбрости вверенной мне армии, и что всякий чин потщится благоразумно и храбро действовать, ибо государь наш всемилостивейший и любезное наше отечество сего требуют, и мы должны доказать сыновнюю нашу любовь и непобедимую храбрость. Господам начальникам войск вселить в солдат, что все войска неприятельские не иначе что, как сволочь со всего света, мы же русские и единоверные. Они храбро драться не могут, особливо же боятся нашего штыка. Наступай на него! Пуля мимо. Подойти к нему — он побежит. Пехота коли, кавалерия руби и топчи! Гг. офицеры наши всему свету доказали храбрость, преданность, ревность и послушание, следовательно ныне они более и более в глазах моих оправдают заслуженную признательность. Тридцать лет моей службы и

тридцать лет, как я врагов побеждаю чрез вашу храбрость. Я всегда с вами, и вы со мною!

Прибытие Кутузова к армии у Царева Займища.

В Голлабрюнне храбрые полки: Киевский гренадерский, 6 егерский и Черниговский драгунский, были свидетелями, как мы, быв окружены стотысячною армиею, в числе 4 тысяч и без провианта, пробились сквозь и взяли в плен французов. Теперь нас пятьдесят тысяч. У нас кроме провианта есть вино и мясо, есть и того более доброй воли служить государю императору верно. Как же не драться и не бить неприятеля? Зная любовь вашу к отечеству, я смею ожидать всего от храбрых войсков. Вы отличались со мною, а теперь должны более и более отличаться. Государь пожаловал мне власть награждать вас, следовательно награда в моих руках, и я обязательно почту воспользоваться со всею справедливостью доверием ко мне государя. Ударим дружно и победим врага. Тогда нам честь, слава и благодарность родины, а любезному отечеству нашему победою врага, дерзнувшего вступить в землю русскую, принесем спокойствие и самое блаженство» [35, с. 181].

Одним из проверенных средств поддержания воинского духа было награждение отличившихся чинов и целых подразделений. Виды наградений нижних чинов были довольно разнообразны: дополнительные выдачи винных и мясных порций, денежные выплаты, производство в унтер-офицерские, а иногда и в офицерские звания; за выдающиеся заслуги солдат мог получить Знак отличия ордена Святого Георгия («Георгиевский крест»). Офицеры достаточно планомерно и, как случается и по сей день, не всегда заслуженно отмечались орденами и наградным оружием, повышением в чине и должности, переводом в престижные

части; без внимания не было оставлено и моральное поощрение в виде упоминания в официальных документах.

Коллективные награды были подробно описаны в труде Г.С. Габаева:

«Главные виды боевых наград и других почетных отличий, пожалованных русским полкам, особенно отличившимся в кампании 1812, 1813 и 1814гг., были следующие:

1) Пожалования Георгиевских, а иногда и простых знамен...

2) Пожалования труб серебряных и Георгиевских.

3) Пожалование Гренадерского боя (особого барабанного боя, присвоенного гвардейским и гренадерским полкам. — И.У.) пехотным и егерским полкам.

Кроме этих прежде существовавших видов боевых наград, вновь установлены следующие:

4) Пожалование особых знаков на кивера... С надписью «за отличие».

5) Пожалование... гренадерским полкам звания гвардейских, но со старшинством лишь одного чина, как в специальных войсках, т. е. учреждение «Молодой Гвардии».

6) Пожалование пехотным и егерским полкам звания Гренадерских.

7) Назначение полкам шефов из Августейших особ с наименованием полков в честь шефов» [60, с. 109, 110].

В ряду награждений особняком стояла и единая для всех чинов медаль, учрежденная в память 1812 г. В приказе императора от 5 февраля 1813 г. говорилось:

«Воины! Славный и достопамятный год, в который неслыханным и примерным образом поразили и наказали вы дерзнувшего вступить в Отечество наше лютаго и сильнаго врага, славный год сей минул; но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела и подвиги ваши. Потомство сохранит их в памяти своей. Вы кровью своей спасли Отечество от многих совокупившихся против него народов и царств. Вы трудами, терпением и ранами своими приобрели благодарность от своей и уважение от чуждых держав. Вы мужеством и храбростию своею показали свету, что где Бог и Вера в сердцах народных, там, хотя бы вражеския силы подобны были волнам океана, но все оне о крепость их, как о твердую непоколебимую гору рассыпаются и сокрушаются! Из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели. Воины! В ознаменование сих незабвенных подвигов ваших, повелели Мы выбить и освятить серебряную медаль, которая с начертанием на ней прошедшаго, столь достопамятного 1812 года, долженствует на голубой ленте украшать непреодолимый щит отечества, грудь вашу. Всяк из вас достоин носить на себе сей достопочтенный знак, сие свидетельство трудов, храбрости и участия в славе; ибо все вы одинаковую несли тяготу и единомудушным мужеством дышали. Вы по справедливости можете гордиться сим знаком; он являет в вас благословляемых Богом истинных сынов Отечества. Враги ваши, видя его на груди вашей, да вострепещут, ведая, что под ним пылает храбрость, не на страхе или корыстолюбии основанная, но на любви к вере и Отечеству, и следовательно ничем непобедимая» [60, с. 106].

* * *

Военное духовенство как орган религиозно-воспитательного воздействия на войска, играло немалую роль в поддержании высокого морально-нравственного духа армии. В фундаментальном труде, посвященном юбилею Военного министерства, отмечалась особенность воспитания русского воина:

«Достойные удивления доблести украшают русского солдата с первых веков русской истории до настоящего времени. Из самых тяжких испытаний выходит он с честью, всегда проявляя непоколебимое мужество в опасностях, беззаветную удачу в жестоком бою,

неутомимую выносливость, поразительное терпение и постоянную готовность следовать приказанию начальников. Сострадание к побежденным, милосердие к раненым неприятелям — прекрасно дополняют высокие черты нравственного облика русского православного воина. Коренное требование нравственности, которому он следует, — самоотвержение, до готовности положить душу свою за други своя, — составляет основное свойство в характере христианина и воспитывается религиозными влияниями христианской веры. В нашей воинской среде религиозное начало всегда глубоко проникало все стороны жизни...» [147, с. 1].

В войсках очень терпимо относились к представителям иных конфессий — мусульман отпускали со службы для участия в молебнах, а при лейб-гвардии Финляндском полку состоял пастор, — но подавляющее большинство воинских чинов все-таки исповедовало православное христианство. «Русские солдаты должны отомстить злодеям, истребляющим православную веру их, и Бог будет им помощником», — говорилось в приказе по 1-й армии от 27 июля 1812 г.

Еще при Павле I произошло обособление полкового духовенства от епархиального. Все священники армии были подчинены Полевому обер-священнику, присутствующему в Святейшем синоде. Основной его функцией стало назначение в полки «достойных иеромонахов и священников». Также обер-священник ведал вопросами назначения пенсий и наград военному духовенству. По «Учреждению для управления Большой Действующей Армии» высшая духовная власть в войсках перешла к Обер-священнику армии и флотов, в подчинении которого состояли Полевые обер-священники армий и корпусов, в свою очередь осуществлявшие надзор за полковыми священниками. В 1812 г. Обер-священником армии и флотов был протоиерей Иоанн Семенович Державин.

Отдельная глава Устава 1797 г. была посвящена «службе Божьей»:

«1. Каждое Воскресение и праздник, а в великий пост по тем дням, когда обедня живет, бить на молитву, что делать барабанщикам всех караулов, как скоро благовестить начнут. Если у гарнизона своя церковь, то ж чинить в обыкновенный час.

2. Когда перестанут бить на молитву, ротам собираться перед Капитанскою квартирою. Сделать переключку, чтобы все унтер-офицеры, барабанщики и рядовые были, исключая тех, которые в караулах или командировках. По переключке и расчету Капитан ведет свою роту в церковь.

Примечание. Как бы слаба рота ни была, как Капитану, так и всем Офицерам быть при ней.

3. Всем Офицерам входить в церковь вместе с людьми, и не прежде из оной выходить, как по совершенном окончании службы; и дабы унтер-офицеры и рядовые прежде времени из оной не выходили, ставить к дверям церкви по унтер-офицеру с алебардами.

Примечание. Если солдаты случатся другого закона, то посылать оных на молитву того, с унтер-офицером того закона, если случится.

4. Посылать под караул и наказывать тех солдат, которые в церкви шумели, или шутили, или соблазн подавали; стоять же смирно и слушать со вниманием.

Примечание. Если для гарнизона в городе особой церкви не будет; то командующему приказать отводить особое место, дабы все люди вместе стояли и за ними смотреть можно было.

5. Наблюдать, чтобы в течение года все люди на исповеди побывали и причащались» [75, с. 107-109].

15 июля 1812 г. Святейший правительствующий Всероссийский синод обнародовал воззвание, в котором, в частности, говорилось: «...Взываем к вам, чада церкви и отечества! Примите оружие и щит, да сохраните верность и охраните веру отцов наших!» [72, с. 52]. Первый победный молебен с пушечной пальбой был проведен в 1-й армии в полдень 22 июля в честь победы при городе Кобрине [44, с. 442].

В штатах полка числились священник и 2 церковника, а в обозе — фура с имуществом походной церкви. Еще до начала боевых действий в дивизиях оставили только по одной походной церкви, но при этом все священники продолжали службу при полках. Во время войны 1812 г. многие из них проявили подлинное мужество, поддерживая и воодушевляя свою паству под огнем неприятеля. Под Витебском священник 34-го егерского полка отец Фирс Никифоровский «во время напутствия раненых» был взят в плен, но бежал и в Смоленске присоединился к своему полку; в Бородинской битве он «вел себя неустрашимо, причем лошадь под ним была убита, сам он ранен в левую ногу» [147, с. 114]. В сражении при Бородине 26 августа протоиерей Московского гренадерского полка отец Мирон Орлеанский был контужен в бедро левой ноги. К награде за это же сражение был представлен полковой священник Псковского пехотного полка Волошинский, который «благоразумными и свойственными сану его наставлениями вдыхал в солдат пред сражением храбрость и мужество и сим поощрял их к сильному поражению неприятеля и, находясь как во время сражения, так и после оного при всех тяжело раненых и трудно больных, исполнял долг свой со всем усердием и человеколюбием» [39, с. 262].

Наиболее известным стал подвиг священника 19-го егерского полка Василия Васильковского. В том же сражении при Витебске он осенял строй Святым крестом, исповедовал и причащал умирающих солдат. Получив ранение, священник оставался на поле боя до тех пор, пока одна из пуль не попала в крест у него в руке, а вторая нанесла контузию в

грудь. Оправившись от ран, он вновь пошел впереди строя полка в сражении при Малоярославце, где и был ранен в голову. Подвиг священника был вознагражден вручением ему ордена Святого Георгия 4-й степени.

Но и помимо него многие священники и протоиереи за «неустранимость» и проявленные в кампанию 1812 г. «отличное мужество и храбрость» в разное время удостоились светских и духовных наград. Так, золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества был награжден протоиерей Апшеронского пехотного полка отец Онисим Боровик, наперсными крестами от Святейшего синода — протоиерей Фанагорийского гренадерского полка отец Герасим Соколов, протоиереи лейб-гвардии Измайловского полка отец Симеон Александров и отец Петр Громов, протоиерей Днепровского пехотного полка отец Василий Полянский, священник Смоленского пехотного полка отец Филипп Добротворский, священник лейб-гвардии Семеновского полка отец Антипа Гав-рилов, священник гренадерского Графа Аракчеева полка отец Александр Наумов, священник лейб-гвардии Гренадерского полка отец Иаков Корчин-Чепурковский, священник Кексгольмского (Гренадерского Его Величества Короля Прусского) полка отец Григорий Грязнов. Орденом Святой Анны 2-й степени были награждены протоиереи лейб-гвардии Егерского полка отец Василий Моисеев, лейб-гвардии Измайловского полка отец Симеон Александров, 40-го егерского полка отец Андрей Белицкий.

В то же время солдатами и офицерами было явлено немало примеров подлинной добродетели и заботы о символах христианской веры. Говоря об освобождении города Красного в ноябре 1812 г., очевидец вспоминал, что «в городе гренадеры наши находили неприятельские шалаши, прикрытые церковными иконами; они бросались из рядов и уносили их обратно по церквям, набожно крестясь и негодуя» [148, с. 487].

Команда «На молитву — Шапки долой». Реконструкция.

В письме генерал-лейтенанта П.П. Коновницына старшему духовному чину Смоленска была описана судьба чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери: «Августа 6-го дня сего текущего года, при оставлении войсками нашими города Смоленска, св. чудотворная икона... взята была артиллерийской ротой, командуемой полковником Глуховым, и с того времени возима при полках 3-й пехотной дивизии, кои во всех боях противу неприятеля охраняли оную в рядах своих. Войска с благоговением зрели посреди себя образ сей... При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимо было всегда благодарственное молебствие перед иконой. Ныне же, когда Всемогущий Бог благословил Российское оружие, и с поражением врага город Смоленск очищен, я по воле главнокомандующего всеми армиями его светлости генерал-фельдмаршала Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова, препровождаю святую икону... обратно, да водворится она на прежнем месте, и прославится в ней Русский Бог, чудесно карающий, наконец, кичливого врага, нарушающего спокойствие народов...» [68, с. 242]. Интересно отметить, что икону все это время возили на колесном ходу разбитого зарядного ящика, от которого осталось только днище. Моральное воздействие этого образа на армию невозможно переоценить. Так, в начале Бородинского сражения батальоны 2-й бригады

Гвардейской дивизии «прежде заряжания ружей оборотились назад, помолились Смоленской Божией Матери, которую возят позади армии, и с Ея благословением пошли вперед...» [138, с. 163].

Парад в Вильно. Рисунок из дневника офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина. Декабрь 1812 г.

* * *

Опытные военачальники всегда понимали, что сохранение и культивирование воинских традиций оказывает огромное воздействие на нравственное состояние войск. В этом смысле весьма показательной стала церемония, устроенная командиром 1-го егерского полка и описанная майором этого полка М.М. Петровым: «По прибытии... в Гродно... полковой наш командир Карпенков... сделал с позволения корпусного командира полный вооруженный полковой парад к могиле бывшего шефа нашего полка полковника Давыдовского...

В девять часов утра 17 декабря генерал-майор Карпенков, ведя парад полка своего, в колонне взводной, на полной дистанции, выступил за городское предместье Слонимское и приблизился к кладбищу, где покоится под простым кирпичным памятником прах незабвенного полку героя полковника и кавалера военного и других орденов Давыдовского. Сослуживец покойника, изувеченный в Отечественной войне французами, штабс-капитан Воячев нес перед 1-м взводом на блюде, покрытом голубым бархатом, венок, сделанный из лавровых ветвей, достатых в оранжерее.

Выстроив фронт противу памятника могилы, генерал Карпенков дал три ружейных залпа всем полком вверх, как бы во извещение души героя об освобождении гроба его от обстояния врагов Отечества и прибытии к нему с победоносных полей прославленного им полка его. После залпов барабанщики отгрянули на молитву, и полк, положивши ружья на землю, приступил к могиле и обступил ее. Тут генерал-майор Карпенков, взяв с блюда венок, положил его на памятник могильный и поклонился со всем полком до земли праху храброго предместника

своего. Тогда полковой священник наш совершил панихиду о почившем с благословениями героя, после которой полк, став в ружье противу могилы, отдал честь и, по бою тревоги, произвел долговременный батальный огонь с криком «ура» как приятнейшие для героев гимн и фимиам победоносные.

К довершению почести полк шел церемониальным маршем тихим шагом мимо могилы, идя правыми флангами взводов близ самого памятника, с музыкою, при салютации штаб- и обер-офицеров, в которое время полковой командир с двумя за ним с боков адъютантами стоял с правой стороны надгробка лицом к могиле, приклоня шпаги до земли, хранящей священные остатки, драгоценные сердцам воинов, героя полка, а музыканты противу его с левой, игравшие полковой марш, любимый покойником Давыдовским» [126, с. 218, 219].

С образованием в 1812 г. Военного министерства функции надзора за соблюдением законности в войсках были возложены на Аудиторский департамент. Основные положения военно-судного производства содержались в приложениях к изданному в 1812 г. «Учреждению для управления Большой Действующей Армии»: «Образование военного суда при Большой Действующей Армии с уставом полевого делопроизводства» и «Полевое Уложение для Большой Действующей Армии».

В Действующей Армии начальником военно-судной части был Генерал-Аудитор, назначаемый из гражданских чиновников; в его подчинении находились обер-аудиторы корпусов и дивизий и аудиторы полков и отдельных подразделений. Служба в аудиторском чине, а это был гражданский чин XIII класса, считалась в известной степени неприличной для дворянина; так, генерал-лейтенант С.И. Маевский, начинавший службу аудитором Владимирского мушкетерского полка, вспоминал об отзывах своего полкового командира, называвшего аудиторство «грязным путем службы». Неудивительно, что среди аудиторов велик был процент бывших фельдфебелей, унтер-офицеров и писарей. Функции этих чинов в основном сводились к судебному делопроизводству; с бумажной работой совмещалось заведование полковым обозом и извозчиками.

В армии действовала система военных судов разного уровня. Как ни странно, военный суд того времени отличался известной гласностью и допускал возможность защиты подсудимого. Главнокомандующий Действующей Армии имел право на утверждение приговоров, в том числе и смертных, для всех военнослужащих, не достигших генеральского чина. В отличие от него командиры Особых корпусов не могли утверждать смертные приговоры.

В «Полевом уложении» рассматривались основные виды военных преступлений — измена, побег к неприятелю, неповиновение, кража, грабеж и поджог, нападение на безоружных жителей и убийство таковых, насилие над женщинами...

Одним из основных видов наказания была смертная казнь, исключительно в виде расстрела, причем в нескольких случаях предусматривалась несколько архаичная децимация — расстрел каждого десятого из состава подразделения. Сам обряд казни подробно излагался в «Образовании военного суда». Расстрел производился в присутствии большого числа войск. На краю выкопанной ямы устанавливали столб, затем приводили приговоренного в сопровождении священника в погребальном облачении. Барабанный бой предвещал прочтение приговора: обер-аудитор читал перед подсудимым, а батальонные адъютанты — перед своими батальонами. На преступника надевали длинную белую рубаху, привязывали к столбу и завязывали глаза. 15 рядовых с унтер-офицером «тихо подходили» к столбу и в 15 шагах от него по команде унтер-офицера делали залп, целясь в грудь несчастному. Затем тело снимали со столба и опускали в яму [146].

Мародерство стало довольно серьезной проблемой для армии, особенно при движении к Смоленску и при оставлении Москвы. Почти сразу командование ввело очень серьезные наказания за это преступление. Приказ по 1-й армии от 22 июля гласил: «Прежде прибытия войск к городу Смоленску предшествовавшими оных обозами разграблены селения, изгнаны жители и вообще всякого рода чинены были насилия, делающие бесчестие войску. Не одни обозы, но и самые войска делали ужасные опустошения и грабежи. Корпусные обер-гевальдигеры и дивизионные должны честью отвечать за сии беспорядки и противу желанья надобно прибегнуть к строжайшим мерам взыскательности, а изобличенные в грабеже немедленно наказаны будут смертью» [44, с. 441, 442]. Уже 23-го июля были расстреляны два

мародера; при казни присутствовали делегированные из полков солдаты — по одному от роты. Не обошел вниманием это зло и командующий 2-й армии князь П.И. Багратион. В приказе от 27 июня он сделал строгое внушение подчиненным: «Обязанность каждого чина охранять и защищать подданных своего государя, а отступающий от сего по законам должен быть расстрелян. Люблю воинов, уважаю их храбрость, настолько ж требую и порядка. И потому к сожалению моему сим объявляю, что первого, кто будет найден и обличен в каковом-либо насильственном поступке против жителей, будет расстрелян, а начальник роты, эскадрона или сотни разжалуется в рядовые...» [35, с. 183, 184].

В параграфах 72 и 73 «Полевого Уложения» оговаривалось наказание офицера за грабеж — офицер, «поведший вверенную ему команду на добычу без особенного на то приказания», наказывался смертью. На удивление, подобный случай был отмечен в ходе кампании. «Отличился» прапорщик 6-го егерского полка, который в конце сентября с командой из 2 унтер-офицеров и 16 рядовых, будучи послан на фуражировку, «вышел на большую дорогу». Он грабил и убивал жителей, а когда была послана партия для его поимки, оказал сопротивление, как и 11 человек из его шайки. Сам прапорщик в перестрелке убил 3 и ранил 2 солдат, но был схвачен и по приговору суда расстрелян. Унтер-офицеры и 9 егерей были разжалованы, лишены знаков и прогнаны через тысячу человек 3 раза.

Помимо расстрела, допускались следующие наказания: лишение чинов, разжалование в рядовые, заточение, ссылка, денежное взыскание и, наконец, прогнание сквозь строй.

При последней экзекуции указывалось количество ударов: осужденного могли несколько раз прогонять через 500, 1000 человек или через «комплектный батальон». Назначенное для осуществления наказания подразделение выстраивалось в две шеренги, образуя коридор. Солдаты ставили ружья к левой ноге, а профос раздавал каждому столько прутьев, сколько «человека гонять надлежит»; одним прутом разрешалось ударить только один раз. Под бой барабанов осужденный бежал по коридору, а солдаты под надзором унтер-офицеров и офицеров били его шпицрутенами. «Прогнание» через 500 человек, как нетрудно понять, было самым щадящим способом, так как давало время для отдыха перед каждым пробегом.

Целый вал судебных приговоров и наказаний последовал в сентябре, когда дисциплина в армии серьезным образом пошатнулась. Генерал Н.Н. Раевский, несколько склонный к преувеличениям, в письме отмечал: «...Войска в упадке духа, укомплектованы ратниками с пиками, хлебом в своей земле нуждаемся, раненых всех бросили, бродяг половина армии, капитаны командуют полками» [135, с. 218]. Преступления в этот период были самыми разнообразными. Так, за «осуждение поступков начальства» в сентябре был разжалован в рядовые и дважды прогнан через строй из 500 человек унтер-офицер Московского пехотного полка [44, с. 458, 459]. 26 сентября военный суд при 5-м корпусе осудил рядовых Тульского полка Ивана Прохорова и Могилевского полка Ивана Федорова, которые, попав в плен в 1806 г., служили у французов, причем Федоров участвовал в сражениях при Смоленске и Можайске. Провинившихся «выключили из воинского звания», дали по 50 ударов кнутом и сослали «в работы»; нужно отметить, что наказание кнутом осуществлялось не при полках, а в городах. В этом же приказе содержалась и следующая информация: «36-го Егерского полка рядовой Швец, сужденный при 6-м корпусе военным судом за дерзкий поступок против своего унтер-офицера, коего в сердцах ранил штыком в ляжку; за что конфирмацией Его Светлости Главнокомандующего Армиями определено: наказать сего рядового шпицрутенами через тысячу человек четыре раза, а унтер-офицера, оказавшегося по сему делу виновным в неприличном наказании рядовых, ибо он бил означенного рядового Швеца и другого солдата по лицу кулаками, чем вынудил подсудимого и к дерзости против себя, то к воздержанию впредь от неприличных наказаний подчиненных, разжаловать его в рядовые на полгода» [44, с. 462].

Расстрел офицера-дезертира. Рисунок из дневника офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина. Декабрь 1812 г.

В ряде случаев налапались коллективные наказания. Так, для подразделения, уличенного в трусости, было изобретено довольно остроумное наказание: на следующий день после преступления у виновного подразделения отбирали знамена, офицерские шпаги и ружья, после чего оно дефилировало перед строем других частей, неся вместо знамени белую доску с надписью «трусый»; затем нижние чины переводились в разные полки, а офицеров изгоняли из армии. Своеобразному наказанию подвергся 18-й егерский полк. В приказе по 1-й армии от 27 июля говорилось: «18-й Егерский полк, отойдя вчера 5-ть верст от лагеря при Смоленске, имел так много отсталых, что другие полки на самый ночлег пришедшие, столько не оставили. Главнокомандующий, относя сие на счет недостатка внимания на сбережение людей командующего полком, замечает, что оное должно быть давно пренебреженно, а между усталыми остающиеся здоровые люди доказывают, сколько мало усердия в полку, когда прочие все горят нетерпением сразиться с неприятелем; почему полк сей как незаслуживающий быть в авангарде впредь обращен будет на сохранение обозов» [44, с. 445, 446].

Не менее оригинально был наказан Копорский пехотный полк. В конце июня полк был неоднократно замечен в пренебрежении к службе. Так, в приказе по 1-й армии от 14 июня указывалось: «Главнокомандующий с прискорбием заметил сего числа, что в таком войске, каково Российское, привыкшем всегда к трудам и походам, нашел он в пехотных полках неожиданнейший беспорядок; особенно в Копорском пехотном полку, который на привале был

совершенно разбросан, ружья имел в куче и без надлежащих караулов, за что начальник одного полка арестуется на двое суток, а впредь со всевозможной строгостью взыщется; почему сим подтверждается, дабы в биваках сохранять такой же порядок и устройство, как и в лагере...» [44, с. 419, 420]. Командир полка не сделал должных выводов, и уже 24 июня на походе было замечено множество отставших копорцев. Наконец, 25 июля приказом по армии «3-й дивизии Копорский пехотный полк» переводился в 23-ю дивизию, а Селенгинский пехотный полк — на его место в образцово-показательную 3-ю дивизию [44, с. 444].

ПЕХОТА ПРОТИВ ПЕХОТЫ

Именно противостояние пехоты противоборствующих армий, как правило, решало судьбу больших сражений наполеоновской эпохи. Особенную драматичность этому противостоянию придавал тот факт, что на поле боя встречались войска, обученные по схожим наставлениям и имеющие практически одинаковое вооружение. Таким образом, на первый план выходили особенности национальных характеров и моральных установок противников.

Своего апогея противоборство сторон достигало во время штыковых схваток, в которых превосходство русских признавалось многими очевидцами. Особенно интересным нам кажется мнение русского унтер-офицера Тихонова, сражавшегося в 1812 г.: «Француз храбр. Под ядрами стоит хорошо, на картечь и ядра идет смело, против кавалерии держится браво, а в стрелках ему равного не сыщешь. А на штыки, нет, не горазд. И колет он зря, не по-нашему: тычет тебя в руку или в ногу, а то бросит ружье и норовит с тобою вручную схватиться. Храбр он, да уж очень нежен» [136, с. 118].

В несколько излишне патетическом рассказе русского офицера-артиллериста рисуется гиперболизированная картина рукопашной схватки пехоты слева от деревни Семеновская в день Бородинского сражения: «Мы сделали последний прощальный залп из целой батареи. Французы совершенно смешались, но опять строились почти пред батареей; тут Рязанский и Брестский полки грянули ура! и бросились на штыки. Здесь нет средств передать всего ожесточения, с которым наши солдаты бросались; это бой свирепых тигров, а не людей, и так как обе стороны решились лечь на месте, изломанные ружья не останавливали, бились прикладами, тесаками; рукопашный бой ужасен, убийство продолжалось с полчаса. Обе колонны ни с места, они возвышались, громоздились на мертвых телах. Малый последний резерв наш, с громовым ура! бросился к терзающимся колоннам, более никого уже не оставалось — и мрачная убийственная колонна французских гренадер опрокинута, рассеяна и истреблена; мало возвратилось и наших. Единоборство колонн похоже было на бойню» [98, с. 49]. Преувеличение масштабов боя становится очевидным, если учитывать, что за весь день 26 августа Рязанский полк потерял 187 человек, а Брестский — 336 [39, с. 339], но некоторые интересные особенности редко встречавшейся встречной схватки пехотных строев прослеживаются довольно хорошо.

Залп сводно-гренадерского батальона. Реконструкция.

Гораздо чаще решительная атака одной из сторон заставляла противника отступить, не

доводя дело до рукопашной. Так, при Бородине командир Ширванского пехотного полка майор Теплов «при штурме на Кургане батареи нашей с отменной храбростью, ободряя своих подчиненных, ударил с полком в штыки на наступающего неприятеля и тем обратил их в бегство, где и получил сильную контузию в ляшку» [39, с. 257,258].

Очень важным условием для успеха атаки была готовность выдержать последний близкий залп обороняющихся, так же как и для обороняющейся стороны очень важно было выбрать нужный момент для такого залпа. В качестве подтверждения этого тезиса очень показателен случай, описанный майором 14-го егерского полка Я.О. Отрощенко: «...В полночь 1-го ноября, пошли к Новосвержину Мне предоставлена была честь идти вперед с батальоном, имея только двенадцать заряженных ружей для того, чтобы пришедши в местечко не заниматься перестрелкой, но решительно ударить в штыки и тотчас захватить за местечком мост. Я пошел вперед тихо, но по замерзшей земле далеко отдавался гул. Прочие войска шли издали за мной вслед...

Приближаясь к центру местечка, я увидел через забор костельной ограды неприятельский фронт на площади, перед ним были разложены огни, люди держали ружья на изготовке.

Желая выманить у них первый выстрел, приказал бить скорый марш, но выстрела не последовало ни одного; пришедши же к выходу на площадь, я соскочил с лошади, закричал: вперед, ура! Неприятель сделал залп, и его пули впились в дома. Егеря бросились со штыками к фронту, который тотчас разбежался искать спасения между строениями... С рассветом мы уже имели 700 человек пленными нижних чинов, более 10 офицеров и одного полковника, а с нашей стороны потеря состояла из одного офицера, убитого в моем батальоне. Польские офицеры, взятые в плен, спрашивали, где наши войска, которые их атаковали. Мы им сказали: вы их видите всех здесь. И они проклинали своего начальника, не умевшего распорядиться сопротивлением» [123, с. 61].

Как правило, опрокинув неприятеля, победители преследовали его стрелковыми цепями, в то же время приводя в порядок собственный строй.

При недостатке решимости у обеих сторон встреча могла ограничиться более или менее продолжительной перестрелкой. Ружейный огонь был наиболее действителен на расстоянии не далее 70 метров (100 шагов), а на расстоянии свыше 200 метров практически терял всякий смысл, поэтому противники хорошо различали друг друга в тот момент, когда они спокойно или судорожно, в зависимости от обученности, заряжали и наводили ружья. Солдаты очень редко могли наблюдать, попадали ли их пули в цель, зато прекрасно видели действие чужих пуль: на коротком расстоянии свинцовые шарики калибром 17-20 мм наносили страшные увечья, буквально отбрасывая людей. И тут же, иногда вытирая с лица кровь товарища, место выбывшего занимал солдат второй шеренги. Иногда такая «дуэль» длилась довольно долго и могла привести к значительным потерям. В развернутом строю русского комплектного батальона из 700 человек стреляли две первые шеренги, а заряжали все три; таким образом, первая шеренга делала в среднем 3, а вторая — не менее 4 выстрелов в минуту. Весь батальон за вычетом унтер-офицеров мог выпустить за минуту до 1500 пуль. При этом нужно отметить, что технические характеристики оружия отнюдь не способствовали меткой стрельбе, а клубы дыма, застилающие поле сражения, и вовсе делали ее невозможной. В этих условиях весь расчет делался именно на массовость огня. И.Т. Радожицкий, обзревая Бородинское сражение с батареи в Горках, рассказывал о своих впечатлениях: «Я видел, как наша пехота в густых массах сходилась с неприятельской; видел, как, приближаясь одна к другой, пускали они батальный огонь, развертывались, рассыпались, и, наконец, исчезали; на месте оставались только убитые, а возвращались раненые. Другие колонны опять сходились и опять таким же образом исчезали. Это зрелище истребления людей столько поразило меня, что я не мог долее смотреть и со

сжатым сердцем отъехал к своим пушкам» [133, с. 145, 146]. По наблюдению французского медика, у раненых при Бородине «раны от ружейных пуль были получены в упор и на очень близком расстоянии. К тому же, как мы неоднократно замечали, русские пули были гораздо крупнее наших».

Константин Федоров. Акварель П. Лебедянцева. 1856 г. В 1812 г. — унтер-офицер лейб-гвардии Финляндского полка.

Если даже сомкнутые строи вели огонь с небольшого расстояния, то стрелковые цепи, по рассказам ряда современников, «сходились так близко одна от другой, что легко можно было видеть действие каждого». Очевидно, речь шла о нескольких десятках шагов. В таком состязании стрелков в отличие от перестрелки батальонов многое зависело от искусства стрельбы и умения правильно передвигаться, используя укрытия. Немало бойцов русской армии владело этими навыками. Подпоручик А. Марин вспоминал о действиях своего полка при Бородине: «Вскоре вызвали стрелков — и цепь стрелков лейб-гвардии Финляндского полка начала работать! Мы сходились с неприятельской цепью на близкую дистанцию, и меткие французские стрелки валили нас, но и мы не пускали пуль своих напропалую. Много офицеров выбыло из строя... Рядовой 5-й егерской роты Гаврилов, находясь конвойным при начальнике стрелковой цепи 2 батальона, стрелял очень редко. На вопрос: «для чего он не стреляет?» — «Берегу патроны, Ваше Благородие», был ответ Гаврилова. «Я охраняю Вас, и как увижу, когда неприятель будет прицеливаться, то пуля моя будет нужна, чтобы сразить врага». И в ту же минуту Гаврилов выстрелил и положил француза, говоря: «вот, Ваше Благородие, изволили видеть, он ведь на Вас целил!» [104, с. 55]. Портупей-юнкер этого же полка Протопопов «так метко стрелял, что повалил 10 французов, но, прицеливаясь в 11-го, был ранен в правую руку». В районе батарее Раевского поручик Винцентий Гржегоржевский и подпоручик Афанасий

Налабардин из 40-го егерского полка «будучи со стрелками, мужественно отражали неприятеля, действуя и сами из ружей» [39, с. 257, 258]. Но в целом очевидцы отмечали, что французы более грамотно действовали в рассыпном строю. А.С. Норов запомнил разговор с офицерами, возвратившимися после Шевардинского боя: «Они были в стрелковой цепи и рассказывали про ловкость французских стрелков, которые, перестреливаясь, находились в беспрестанном движении, не представляя собою цели неприятелю» [116, с. 191]. Русским стрелкам приходилось овладевать этим искусством на практике, и к концу года им уже не было равных.

Русская стрелковая цепь в 1813 г. С немецкой гравюры 1-й четверти XIX в. (Гулевич С.А. История Л. Те. Финляндского полка 1806-1906. СПб. 1906-1909).

Во время кампании нередкими были случаи, когда полки линейной пехоты рассыпали в стрелки целые батальоны, хотя официально этому маневру обучались только егеря.

Стрелковые цепи иногда находились в действии в течение целого дня. Для отдыха солдат и пополнения запаса патронов роты в цепи сменяли одна другую. По словам офицера 50-го егерского полка Андреева, «хотя я постоянно не был в стрелках, но по обязанности адъютанта водил по очереди из резерва роты в стрелки, что еще хуже: я был на лошади и в невысоких кустах мог быть верною целью» [87, с. 187].

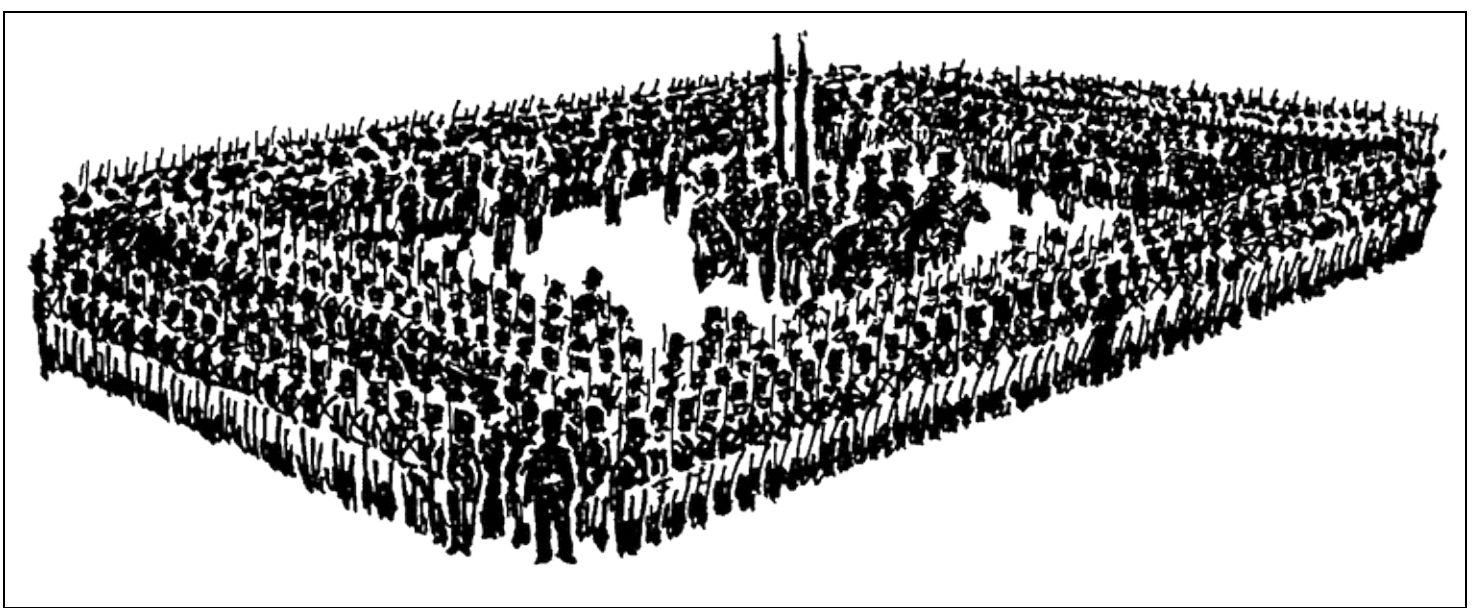
И все-таки основным способом действия русской пехоты являлся штыковой бой. Это подтверждалось тезисом «Наставления господам пехотным офицерам в день сражения», в котором, пожалуй, такому виду боя впервые после суворовских походов отводилась очень большая роль: «...надобно стараться видеть неприятеля, как он есть, хотя он и силен, хотя бы он был проворен и смел; но русские всегда были и будут гораздо храбрее. Никто еще никогда против русских штыков не удержался; надобно только дружно идти...» Русские пехотинцы в

составе колонн, развернутых линий и стрелковых цепей, не полагаясь на ружейный огонь, кидались в штыки при каждой возможности, что в большинстве случаев приводило к локальному отступлению неприятеля. При этом потери атакующих напрямую зависели от состояния боевого духа обороняющихся, и если в первый период войны русская пехота очень страдала от ружейного огня, то в завершающей стадии кампании самые смелые атаки обходились практически без жертв.

ПЕХОТА И КАВАЛЕРИЯ

Колонны и развернутые строи пехоты, завидев приближающуюся кавалерию, обычно сворачивались в каре, размеры которого широко варьировались — от каре из одной егерской роты до многобатальонного каре полка или нескольких полков. Чаще всего применялось батальонное каре против кавалерии, которое очень быстро выстраивалось из колонны к атаке. Фас батальонного каре рассчитывался на 4 дивизиона: одновременно стреляли 1-й и 3-й, а потом 2-й и 4-й дивизионы. Для противодействия отдельным всадникам вперед из каре высылались стрелки, фасы при этом не стреляли.

Подробная инструкция для действия егерского каре против кавалерии содержалась в «Начертании полевой егерской службы»: «Опаснее всего для него [егеря. — И.У.], когда он на открытом месте атакован конницею; но и тут найдет он свое спасение, когда только останется всегда при холодном духе, не устрасился конского топота и шума скачущей конницы, всегда останется сомкнутым, и огонь свой сбережет, и без позволения своего начальника ни одного выстрела не сделает. Положим, что батальон Егерей отступать начинает в чистом поле от неприятельской конницы; то в таком случае построясь в каре, отступать им с тихим шагом и сомкнуто. Конница же обыкновенно, когда вознамерится ударить на пехоту, высылает множество фланкеров, чтобы раздражить пехоту и выманить у нее огонь, когда сие удалось и пехота выстрелила, то и самое то время, не дав ей время зарядить, нападаешь на нее сомкнутым фронтом: следственно пехоте в таком случае никогда не надобно уважать конными фланкерами, но спокойно продолжать свой путь; а когда фланкеры неприятельские в 160 и 200 или 300 шагов приближаются, то можно приказать изредка хорошим стрелкам из Карей несколько выйти, и по них стрелять; и когда таким образом несколько человек с лошадой свалятся, то неприятель так смело уже не сунется; а когда со всем тем неприятельская конница поведет свою атаку всем фронтом, то всему Карею остановиться; передняя шеренга садится на правое колено и наклоняет штыки противу груди лошадей, упирая приклад в землю, а оставшиеся две шеренги уже шагов на 150 и 200 начинают стрелять, не плутонгами и не целыми фасадами, но рядами; (ибо пальба плутонгами и фасадами вовсе неприлична Егерю) наблюдая чтобы сей огонь таким образом произведен был, дабы из 4 рядов, двое рядовых были с заряженными ружьями. Огонь сей должен быть хотя не частой, но вредительный; а когда егери только не заторопят, и порядочно с холодным духом смело будут прицеливаться, то сей огонь должен быть так жесток, что никакая конница его не выдержит, но всегда обратится в бегство. Ни в каком случае не может пехота себе более чести заслужить, как в таком сражении противу конницы и при всем том нет для егеря ничего легче, как обороняться противу конницы, ибо стоит только, как выше сказано, устоять противу оной твердо, смело, и не устрашиться звука и стука атакующей конницы. Напротив того Егерь неминуемо пропал, когда он только немного заторопится или потеряет терпение и присутствие духа. Для того почитаю за нужное, чтобы солдату уже заблаговременно растолковать, все что для него полезно. А особливо состоит великая важность в том, чтобы он знал, как ему противу конницы поступать. В самое сражение уже поздно ему давать наставления».

Батальонное каре от кавалерии.

Каре отражает атаку французской тяжелой кавалерии. Реконструкция.

Построение в каре было довольно сложной эволюцией, слабо обученные войска не всегда могли достаточно быстро провести его. Еще труднее было сохранить такой строй в движении.

Участник сражения при городе Красном в июле 1812 г., где новосформированная 27-я пехотная дивизия отражала атаки кавалерии Мюрата, таким образом описал действия пехотных батальонов: «Наша толпа похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу, и при нападении неприятеля, с которой ни есть стороны, батальным огнем отстреливалась и штыками не допускала до себя» [87, с. 184].

Гораздо успешнее действовали батальоны полков лейб-гвардии Измайловского и Литовского в сражении при Бородине, отражая атаки французской тяжелой кавалерии. Этим бойцам выучки было не занимать, и французы очень скоро в этом убедились. Командир батальона В.И. Тимофеев, например, приказал своим солдатам не стрелять, а лишь «махать штыками» (лошади боялись сверкающего металла) и «колоть в морду тех лошадей, которых кирасиры принудили бы приблизиться к фронту». Расчет офицера полностью оправдался: французы замешкались перед каре, а потом стали строить колонну для атаки. Гвардейцы не стали ждать противника. «Я, — вспоминал потом Тимофеев, — скомандовав «ура», бросился с батальоном в штыки. Передние кирасиры... были жертвою наших штыков, опрокинулись на свою колонну, смешали еще более оную и обратились все в бегство. Тогда я приказал открыть по ним батальный огонь, и тем было довершено поражение» [88, с. 179, 180]. В Бородинском сражении это был не единственный пример, когда каре не ограничивались пассивной обороной: в завершающей стадии боя Перновский пехотный полк в батальонных каре атаковал французскую кавалерию и обратил ее в бегство, причем идущие в первой шеренге солдаты метали вдогонку всадникам ружья со штыками [133].

Обер-офицеры лейб-гвардии Семеновского полка. Манеры ношения обмундирования вне строя восстановлены по рисункам из дневника офицера полка Л.В. Чичерина.

Русская стрелковая цепь, поддерживаемая казаками. Неизвестный художник. 1-я четверть XIX в.

Вообще, с кавалерией, потерявшей строй и скорость движения, пехота конкурировала на равных, даже не выстраиваясь в каре. При Бородине полки 24-й дивизии, сначала атакованные французской кавалерией, а затем окруженные у Курганной высоты саксонскими и польскими кирасирами, вынуждены были пробиваться к основным силам. В наградных документах майора Томского полка Бориса Мейбоума значилось: «При двукратном нападении неприятельской кавалерии, командуемый им первый батальон отражал ее и при многократном покушении неприятеля отрезать его от прочих наших войск, пробивался штыками сквозь него и присоединился к полку». Капитан этого же полка Иван Левашов «во все время действия 3-го батальона, ободряя нижних чинов, был неустрашим, вел и держал свой дивизион в возможном порядке и при нападении неприятельских кирасир со штыком в руках сам оных поражал» [39, с. 259].

Хорошо обученная пехота в ряде случаев могла также не сворачиваться в каре, если численность нападавшей кавалерии была невелика. Офицер 11-й артиллерийской бригады И.Т. Раджицкий описал эпизод сражения при Островно 13 июля: «Эскадрон храбрых Французских гусаров завернул правое плечо вперед и с саблями бросился на стрелков наших; вдруг пехота из линии пустила батальный огонь, я ударил картечью, и весь этот эскадрон рассыпался: многие попадали с лошадей, другие бросились назад...» [133, с. 81].

Егеря и стрелки в цепи при внезапном нападении кавалерии стремились сбиться в «кучки». Не успевая сделать этот маневр, бойцы нередко ложились на землю и пропускали всадников над собой. По неоднократным утверждениям французской стороны, на землю при атаке ложились и сомкнутые строи русской пехоты. Нам не удалось найти ни одного наставления или приказа, оговаривающего подобный тактический прием пехоты, так что все подобные описания остаются на совести мемуаристов.

Атака саксонов в районе Семеновского оврага. Реконструкция.

Наиболее успешные результаты достигались при взаимодействии пехоты и кавалерии. В самом простом случае кавалерия могла быть использована в качестве транспортного средства. Примером подобного «утилитарного» применения кавалерии можно считать перемещение егерей 5-го и 20-го егерских полков на казачьих лошадях в составе казачьих отрядов, форсирование Березины егерями с помощью гусаров, а также и перевозку тяжестей 1-го егерского полка башкирами.

Стрелковая цепь пехоты нередко поддерживалась стрелками-фланкерами кавалерии и конными взводами и эскадронами, которые, с одной стороны, обеспечивали более эффективное давление на неприятельскую цепь, а с другой — защищали свою цепь от нападения вражеских кавалеристов. При службе на аванпостах неоценимую помощь легкой пехоте оказывали конные патрули.

ПЕХОТА И АРТИЛЛЕРИЯ

Артиллерия являлась наиболее опасным противником пехоты. По статистике, наибольшие потери в сражениях начала XIX века наносил именно орудийный огонь. И колонна, и развернутый фронт равным образом подвергались опасности; лишь стрелковые цепи не так часто становились объектом обстрела.

Орудия вели продольную стрельбу, практически все время оставаясь в поле зрения, поэтому и моральное воздействие артиллерии также было очень существенно. Один из русских артиллеристов писал: «Ядра и гранаты наводят ужас своим свистом, ужасными ранами... расстраивают полки, гонятся за ними и в лощинах, и за косогородами, достигают их рикошетами» [139, с. 39].

Сомкнутый строй пехоты попадал в зону действенного артиллерийского огня, находясь не далее километра от батареи. Люди в первых шеренгах пехотных батальонов напряженно наблюдали за деловитой суетой артиллеристов на хорошо заметной неприятельской батарее. Наконец расчеты у пушек замирали, блестящие или уже закопченные стволы приземистых чудовищ жадно выцеливали близкие жертвы. Время замедляло свой бег. От поднесенных пальников загорались запальные трубки, струи огня и дыма били вверх, но тут же вся батарея скрывалась за мощными вспышками выстрелов. Залп... При скорости ядра или гранаты от 300 до 400 метров в секунду проходило до трех секунд от момента выстрела до падения снаряда. Ожидание приближающейся смерти было ужасно.

Но более всего выдержки требовалось тем, кто находился на линии выстрела. Самые внимательные из них успевали заметить, как из клуба белого дыма вдруг выскакивал черный мячик ядра, постепенно увеличиваясь в размерах. Несколько мгновений зажатые в тесном фронте солдаты могли лишь надеяться на то, что смертоносный снаряд упадет ближе или дальше... Не всегда надежда сбывалась... Из воспоминаний Антоновского: «...Подле меня ряд гренадеров одним ударом положило на месте. Я стоял сзади фронта и со мною поручик Муханов. Промеж нас вырвало этот ряд и, как я в эту минуту смотрел, поворачиваясь влево, то мне правое плечо и фуражку забрызгало мозгами убитых гренадеров, а Муханову пришлось прямо в лицо и мелкими косточками в некоторых местах наделало легкие знаки. Пораженные таким образом в головы три солдата и обезображенные самым жестоким образом, как стояли рядом, в таком точно порядке опрокинулись назад и легли друг на друга с оружием в руках; вероятно, решились и за гробом мстить нарушителю покоя. При этом зрелище невольная дрожь пробежала по спине, и я вздохнул и подумал: «вот военная смерть»... [78, с. 118] При всем ужасе ситуации, такой огонь не считался достаточно эффективным — орудие стреляло по развернутому строю под прямым углом, а наиболее правильными признавались «косвенные» выстрелы, когда ядро или граната пересекали строй наискось. В колонне подобный снаряд мог наделать гораздо больше неприятностей, последовательно проламывая несколько линий солдат. Ядро или граната, под углом ударившееся о достаточно твердую преграду, рикошетом продолжали свое движение по изменившейся траектории. Граната в конечном итоге разрывалась на 10-15 осколков, радиус разброса которых зависел от многих условий. Но даже простое крутящееся на земле ядро не теряло убойной силы до полной остановки: любое прикосновение к нему в этот момент приводило к серьезному ранению.

И все-таки не ядра и не гранаты были самыми страшными артиллерийскими снарядами... С расстояния в 300-400 метров, а иногда и раньше батареи начинали вести огонь картечью — относительно небольшими коваными круглыми пулями ... Несколько десятков таких пуль помещались в цилиндрический поддон, который при выстреле раскрывался, выпуская целый

рой безжалостного металла. Картечные пули разлетались конусом, рикошетировали от препятствий. На расстоянии в 100 метров из 100 пуль не менее 40 попадали в цель, но с увеличением дистанции эффективность стрельбы резко падала. Через секунду после выстрела железный дождь осыпал пехотный строй. Пули взметали пыль или грязь, сбивали ветки, расщепляли стволы деревьев и приклады ружей, впивались в человеческие тела.

Противостояние пехоты и артиллерии породило немало героических и драматических моментов военной истории.

На что мог рассчитывать пехотный строй, атакующий батарею? Скорым шагом, переходящим в бег, солдат проходил последние 400 метров за 3,5-4 минуты. За это же время орудие могло сделать до 10 выстрелов, содержащих около 1000 картечных пуль. Восьмиорудийная французская батарея выпускала, таким образом, до 8000 пуль. Даже заведомо занижая эффективность стрельбы до 10-15%, мы со всей очевидностью можем сделать вывод, что попавшие в цель 800-1200 пуль могли совершенно уничтожить наступающий батальон. И здесь пехоте оставалось полагаться лишь на моральный фактор. Быстрое и стройное движение пехотной массы заставляло артиллеристов ускорять действия и от этого совершать почти неизбежные ошибки... Меткость, а иногда и скорость пальбы падали. Кроме того, повсеместно потеря орудия считалась величайшим позором, и из-за этого опасное приближение противника приводило к прекращению стрельбы и отступлению батареи.

Еще тяжелее приходилось неподвижно стоящей пехоте. Читатель едва ли может представить себе чувства солдата, находящегося под огнем в течение нескольких часов. Между тем стойкость считалась одним из главных качеств русского солдата, что подтверждалось и неприятельскими офицерами. Так, в воспоминаниях Ж. Жиро о сражении при Салтановке 11 июля говорится: «До десяти часов ничего не произошло серьезного, так как неприятель почти не показывался; но в этот именно час мы вдруг увидели выходящими из лесу, и сразу в несколько местах, весьма близких друг от друга, головы колонн, идущих сомкнутыми рядами, и казалось, что они решились перейти овраг, чтобы добраться до нас. Они были встречены таким сильным артиллерийским огнем и такой пальбой из ружей, что должны были остановиться и дать себя таким образом громить картечью и расстреливать, не двигаясь с места, в продолжение нескольких минут; в этом случае в первый раз пришлось нам признать, что русские действительно были, как говорили про них, стены, которые нужно было разрушить. Русский солдат, в самом деле, превосходно выдерживает огонь, и легче уничтожить его, чем заставить отступить...»

Хрестоматийно известен героизм линейных полков лейб-гвардии при Бородине. Первая бригада гвардейской дивизии вынуждена была находиться в сфере действия французской артиллерии, так и не приняв активного участия в битве. Ядра и гранаты выискивали свои жертвы в неподвижно стоящих рядах, и к концу боя бригада потеряла более 280 человек, но сохранила важную позицию.

Второй бригаде дивизии пришлось еще тяжелее: шесть батальонов полков лейб-гвардии Измайловского и лейб-гвардии Литовского несколько часов обеспечивали стабильное положение левого крыла русской армии, почти все время находясь на расстоянии картечного выстрела от неприятельских батарей. В рапорте командира измайловцев полковника А.П. Кутузова, в частности, упоминалось: «На пути были встречены... жестокой канонадой, которая хотя наносила много вреда, но не могла нимало укротить стремление храбрых сих колонн, спешивших на место своего назначения. Достигнув оно, ощутили мы всю жестокость картечных выстрелов... По отражении кавалерии, неприятель открыл опять огонь, картечи осыпали твердые колонны наши, но они стояли неподвижны» [40, с. 148, 149]. Один из офицеров-измайловцев отметил весьма характерный эпизод боя: «Тут мы увидели обе конницы,

пустившиеся в атаку, и французскую, ехавшую как бы на нас, что заставило солдат радоваться» [138, с. 164].

М. Чернев. Литография В. Тимма. 1851 г. В 1812 г. — офицер лейб-гвардии Измайловского полка.

«Нечувствительность» к вражескому обстрелу вырабатывалась у солдат в ходе кампании. Об одном из «уроков» в сражении при Клястицах 19 июля вспоминал поручик 26-го егерского полка А.И. Антоновский: «Полковник Рот (шеф полка Л.О. Рот. — И.У.), быв препоясанный турецкой саблей, которую всегда употреблял во время сражений, и объезжая кругом колонну, беспрестанно твердил стоять смирно, не шевелиться, не пригибаться и не кланяться французским ядрам, а, заметив поклонников, налетал к ним с саблей, грозя изрубить в куски... Наш храбрец, осыпaeмый ядрами и гранатами, командует унтер-офицеров на линию, и по всем правилам рекрутской школы начал разворачивать колонну. Шумел, кричал, ругался даже, если который взвод сбивался с ноги и не равнялся в линию; офицеры командовали и строили фронт, как на маневрах или в домашнем полковом учении. Вот как нас в сегодняшнем параде школили, и с этой минуты научились забывать и пренебрегать смерть. Честь и слава храброму Роту!» [78, с. 69, 70].

Собственная артиллерия служила пехоте верным и мощным союзником. Орудия существенно облегчали положение пехотного строя и придавали солдатам уверенность в победе. Русские войска не раз демонстрировали примеры удачного взаимодействия пехоты и артиллерии. По воспоминаниям генерал-майора И.Ф. Паскевича, в «деле» под Салтановкой 11 июля 1812 г. произошел следующий эпизод: «Ребята, вперед!» — закричал я Полтавскому полку. Они колеблются. «Ура! В штыки!» — Они ни с места. Из рядов слышу я голос: «Хотя бы артиллерия была с нами». «Хорошо, — сказал я, — держитесь здесь». Скачу к артиллерии, устраиваю позади моей позиции батарею в 4 орудия, возвращаюсь к Полтавскому полку и

отвожу его на артиллерию. Неприятель, увидев отступление их, бросился с криком «en avant» («вперед». — И.У). Полк раздался, и картечь ударила в французские батальоны. Они остановились, смешались. Я подъезжаю к Полтавскому полку, команду «вперед». Они бросаются и гонят неприятеля...» [124, с. 86].

Артиллерия, естественно, вправе была ожидать помощи от своей пехоты. К каждой батарее, как правило, выделялось пехотное прикрытие, которое делало все, чтобы не допустить захвата орудий. В день Бородина за установленную у Утицкого кургана батарею полковника Таубе насмерть сражался 1-й батальон Черниговского пехотного полка под командованием майора Шульгина. Пехота польского корпуса атаковала батарею стрелковой цепью при поддержке колонн. Цепь встретили русские стрелки, командовать которыми вызвался майор Левенгов; неоднократными ударами в штыки они остановили первый натиск неприятеля. Шульгин в своем рапорте писал: «Неприятель хотел истребить мой батальон, но я защищался батальонным огнем [от. — И.У] их стремления; приметя же сикурс нашей кавалерии, ударил на них в штыки..., опрокинул их, много положил на месте и дал случай нашей кавалерии истребить их» [43, с. 264]. Пехотное прикрытие постоянно страдало от артиллерийского обстрела неприятеля: все снаряды, направленные, но не попавшие в батарею, в большинстве случаев летели в пехотный строй. Выбывших из строя артиллеристов в случае необходимости заменяли пехотинцами, для чего в каждой роте пешего полка по 10 рядовых средней шеренги и по 2 унтер-офицера обучались обращению с артиллерийскими орудиями [22]. И такие случаи не были редкостью: неприятельская артиллерия, как правило, очень активно обстреливала батареи, а в жарких схватках к ней зачастую присоединялись и пехотные стрелки. Офицер 1-го егерского полка М.М. Петров в своих воспоминаниях описывал случай из Бородинского сражения: «Когда артиллерийская батарейная рота полковника Гулевича, занимавшая место боевое с нами за левым берегом ручья Стонца, потеряв большую половину людей, остановила свое действие и хотела отойти назад на правый берег ручья к почтовой дороге, то полковник Карпенков послал меня с двумя офицерами и 40 нижними чинами, выученными до войны еще в Слониме в дивизионной квартире на подобный случай артиллерийскому делу, которыми я, пополнив число чинов батареи, дал средство продолжать огонь ее, находясь сам при ней до востребования меня Карпенковым...» [126, с. 184].

При необходимости орудия придавались пехотным батальонам. Так, в начале августа орудия 20-й и 21-й легких рот были распределены по полкам 2-й гренадерской дивизии. После Бородинского сражения, когда численность солдат, а следовательно, и огневая мощь подразделений катастрофически упала, командование посчитало необходимым усилить всю пехоту: «Легкую пешую артиллерию разместить в дивизиях в каждой пехотный полк, в каждый батальон по два орудия, следственно, в полк по четыре, а остальные орудия в дивизиях ставить всегда за оную в резерве, орудия же к батальонам причисленные, ставятся всегда и в лагере по флангам батальонов, а походом идти им пред своими батальонами...» [44, с. 457, 458]. Таким образом, артиллерийский огонь должен был компенсировать недостаток стволов в пехотном строю.

Атака Шевардинского редута.

Как ни парадоксально это звучит, но вражеское орудие, будучи источником смертельной опасности, являлось также и предметом вождения для честолюбивых бойцов. Захват орудия по престижности занимал в списке трофеев одно из ведущих мест и приравнивался к захвату знамени. Пехоте редко выпадала реальная возможность ворваться на батарею: артиллеристы, как правило, своевременно увозили орудия, а пехотное прикрытие делало все, чтобы отразить атаку. Поэтому количество захваченных пушек в первые месяцы войны исчислялось единицами.

Попытка захвата неприятельской батареи описана в рапорте генерал-майора А.Ю. Гамена о сражении при Полоцке 6 октября: «Я... с Таврическим гренадерским баталионом и 14-ю С.-Петербургскою дружиною, выстроив фронт, бросился в штыки на неприятельские батареи и неоднократно опрокидывал их колонны, но под самую почти батарею был ранен пулею в живот и принужден был оставить место сражения, оставя начальство старшему по себе майору Юргеневу 1-му, которой тоже в скором времени получил контузию картечью в бок, препоручил команду майору Глухову 1-му и оной оставался уже до самой ночи» [111, с. 292]. В этом случае атакующая пехота так и не смогла добраться до батареи. Но в том же Полоцке 7 октября пехоте генерал-майора Б.Б. Гельфрейха из 14-й дивизии все-таки удалось захватить 6-фунтовое орудие.

При отступлении французов количество захваченных и брошенных орудий постоянно росло и к концу войны превысило 800 стволов. Первые серьезные потери постигли французскую

артиллерию под Тарутином, а затем — после Гжатска, где 20 октября в составе казачьего корпуса генерала от кавалерии М.И. Платова сражался 20-й егерский полк (усиленный чинами 21-го полка). Начальник авангарда корпуса полковник П.С. Кайсаров, посадив на лошадей часть егерей, вновь настиг неприятеля на позиции у Царева Займища. «Полковник Кайсаров, пользуясь глубоким туманом, взял 60 человек егерей и всех барабанщиков, скрытым образом пошел на оба фланга неприятельские с криком «ура!» и барабанным боем бросился на него. Изумленный и встревоженный неприятель, не видав силы, его атакующей, бросился в бегство, егеря преследовали его. В сей день взято 20 пушек, большая часть парка и вагенбурга с большим богатством достались нашим войскам» [120, т. 15, с. 55].

Первой крупной удачей русских войск стала победа в сражении при г. Кобрине Гродненской губернии. 15 июля саксонский отряд генерала Г. Кленгеля численностью свыше 2300 человек при 8 орудиях был атакован полками армии А.П. Тормасова. Сражению предшествовал изнурительный марш, в ходе которого, например, полки 15-й пехотной дивизии потеряли свыше 300 человек отставшими и 6 умершими от усталости. Несмотря на превосходство русских, саксонцы, укрепившиеся в городке, оказали упорное сопротивление. Кавалерийские части после атаки на саксонскую кавалерию вынуждены были ограничиться блокадой города. На протяжении почти двух часов 13-й егерский полк при поддержке 2 орудий вел бой с пехотой противника. Ясное летнее утро омрачилось дымом пожарищ. Шеф 13-го егерского князь В.В. Вяземский, по иронии судьбы не участвовавший в действиях полка, записал в своем журнале: «Какая ужасная картина... Все в пламени, жены, девушки в одних рубашках, дети, все бегут и ищут спасения; сражение в пожаре, быстрое движение войск, раскиданные неприятелем обозы, ревуций и бегущий скот по полю, пыль затмила солнце, ужас повсюду» [101, с. 201].

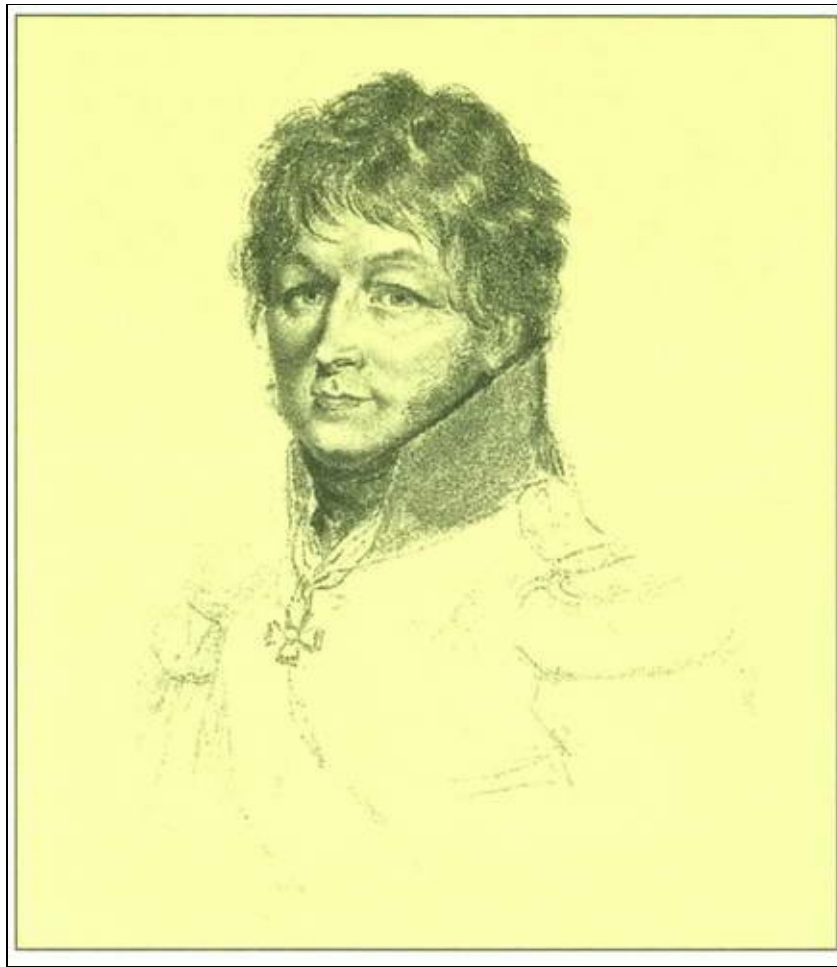
Около 11 часов дня в город вступили колонны Рязского и Апшеронского пехотных полков, захватив рыночную площадь. Подразделения Рязского полка под командой шефа полка полковника Медынцева и майора Горяинова захватили две пушки и рассеяли колонну пехоты [99, с. 4]. Генерал Кленгель с остатками войск удерживал Кобринский замок и сдался, израсходовав боеприпасы, во время последней штыковой атаки 13-го егерского. Саксонцы потеряли 109 человек убитыми и более 2000 пленными. У русских 74 человека было убито и 181 ранен, причем почти половина потерь (27 убитых и 90 раненых) приходилась на долю 13-го егерского [6, л. 23]. Столица отметила первую победу артиллерийским салютом, но воспользоваться выгодами сложившегося положения не удалось, так как пострадавший саксонский 7-й корпус Ж. Ренье объединился с австрийским корпусом К.Ф. Шварценберга, получив почти двойное численное превосходство над русскими.

*Памятник «Русским воинам, одержавшим первую победу над войсками Наполеона в пределах России 15 июля 1812 года».
Г. Кобрин. Беларусь.*

Но даже при таком явном преимуществе противника армия А.П. Тормасова смогла избежать поражения в последовавшем 31 июля сражении у местечка Городечно. Гибкое и грамотное взаимодействие пехоты с кавалерией и артиллерией позволило русским войскам в течение 14 часов отбивать все атаки неприятеля на достаточно неудачной позиции. В.В. Вяземский, упоминая о постоянной «жаркой перестрелке», отметил критический эпизод боя, когда при отступлении русских вражеская кавалерия привела в замешательство отходящие части. Положение спасли егерские полки: 38-й егерский «оттянул от пехоты, выстроился и произвел огонь по неприятелю, обратил одного в бегство», а 10-й и 13-й егерские, заняв позиции, дали возможность артиллерии открыть огонь. После относительно равного сражения неожиданно неудачно было организовано отступление арьергарда: «Армия наша стояла верстах в 3-х от Кобрина по Двинской дороге. Генерал-майор Сивере приехал и сказал, чтоб всякой полк бегом присоединился к армии; все бросилось и побежало, кавалерия вплавь, пехота топчет

друг друга, и конфузия страшная. Едва могли мы в местечко привести полки в порядок...» [101, с. 206].

Граф А.П.Тормасов. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

МОГИЛЕВ И САЛТАНОВКА

В начале июля 2-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии П.И. Багратиона поспешно двигалась на соединение с 1-й армией, преследуемая войсками Жерома Бонапарта. Соединению армий препятствовали также дивизии корпуса маршала К.Н. Даву, авангард которого 7 июля появился в окрестностях города Могилева. В самом городе на тот момент находился Могилевский внутренний гарнизонный батальон полковника А.А. Коллена 1-го и отряд полковника А.И. Грессера — слабые запасные трехротные батальоны 1-го, 5-го, 33-го и 42-го егерских полков и минерная рота 2-го Пионерного полка, всего около 1500 человек. Посланный на разведку с 30 гарнизонными солдатами полицмейстер Литвинов, напад на аванпосты французов, привел пленного; несмотря на всю несоразмерность сил, было принято решение оборонять город. Утром 8-го июля у Виленской заставы произошла упорная, но короткая схватка. Грессер, «не могли отразить неприятеля, прошел около городского вала» и отступил по направлению к деревне Салтановка.

По каким-то причинам гарнизонный батальон отделился от отряда Грессера и подвергся нападению французов: «При нападении же неприятеля имел ежеминутное с стрелками сражение, а в 8 верстах от города Могилева неприятель два раза покушался отрезать, прошедши местечко Буйничи, а потом за две версты вновь атаковал, но храбрые воины, не взирая на превосходное число силы неприятеля, имел при себе две городские пушки, пошли на штыки и, ружейными выстрелами прогнав неприятеля, пошли далее». Подоспевшие к этому времени казаки В.А. Сысоева помогли батальону оторваться от преследования. Во время боя батальон потерял 2 офицеров и 62 нижних чина; еще 7 офицеров и 165 нижних чинов пропали без вести в городе [128, с. 140, 141]. Между тем нельзя не отметить мужественные и довольно искусные действия подразделения, в целом не предназначенного для военно-полевой службы.

Получив известия о слабости неприятельского авангарда, Багратион решил сделать попытку пробиться через Могилев, для чего и был выделен 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, поддержанный кавалерией. Заночевав в нескольких верстах от Салтановки, утром 11 июля Раевский, взяв с собой 6-й и 41-й егерские полки и по одному батальону Орловского и Нижегородского полков, быстро выдвинулся к деревне, выбив из леса французских стрелков. Для быстроты передвижения пехотные батальоны даже оставили ранцы. Войска Даву к этому моменту уже численно превосходили отряд Раевского, но маршал, считая, что имеет дело со всей армией Багратиона, избрал оборонительную тактику, сильно укрепившись на позиции между деревнями Салтановка и Фатово. Французский офицер оставил подробное описание этой позиции: «Налево у нас был Днепр, берега которого в этом месте очень топкие; перед нами находился широкий овраг, в глубине которого протекал грязный ручей, отделявший нас от густого леса, и через него перекинут был мост и довольно узкая плотина, устроенная, как их обыкновенно делают в России, из стволов деревьев, положенных поперек. Направо простиралось открытое место, довольно бугристое, отлого спускавшееся к течению ручья... Одна из наших стрелковых рот поместилась в Деревянном доме у въезда на плотину, проделала в нем бойницы и сделала из него таким путем нечто в роде блокгауза, откуда стреляли по временам во все, что показывалось. Несколько орудий были поставлены наверху оврага так, чтобы стрелять ядрами и даже картечью в неприятеля, который попытался бы перейти его. Главные силы дивизии были построены в открытом месте направо от дороги и налево примыкали к дивизии Компана» [110].

Генерал-майор И.Ф. Паскевич уточнял: «Мост при Салтановке был завален и прорублены ружейные бойницы в стенах корчмы, лежащей на левом берегу оврага, прикрывавшего всю

линию французов, мост при мельнице Фатовой был сломан и в соседних домах также поделаны бойницы» [124, с. 84].

6-й и 41-й егерские полки попытались с ходу перейти через ручей, но, встреченные ураганным артиллерийским огнем, остановились и завязали перестрелку с французской пехотой. Командир корпуса в своем рапорте упоминал о действиях егерей: «Храбрый господин полковник Глебов с 6-м и 41-м егерскими полками удерживал места противу неприятеля, который, под прикрытием своих батарей и благодаря крутизне нашего берега, переходил через болота в большом числе и силился согнать нас с нашего берега, но намерение его всегда обращалось егерями ему во вред» [129, с. 181].

Раевский, оставив перед Салтановкой подошедшую 12-ю пехотную дивизию, послал Паскевича с 8 батальонами 26-й дивизии к Фатову; два батальона дивизии, несущие ранцы передовых подразделений, присоединились к отряду только к вечеру.

Паскевич очень подробно описал свои дальнейшие действия: «Я... повел все мои войска влево, в обход. На всем этом пространстве тянутся леса. Я должен был идти по тропинке, пробираясь между деревьев по три человека в ряд.

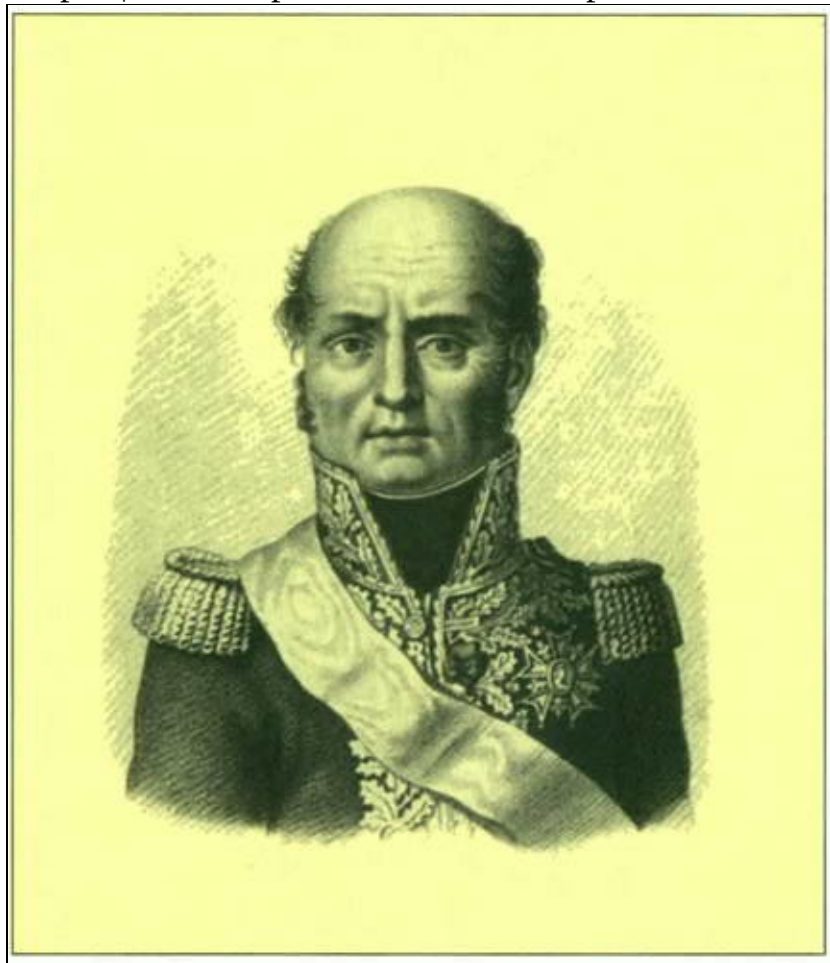
В половине леса я встретил наших расстроенных стрелков, отступивших от стрелков французских. Неприятель по этой же самой дороге обходил наш левый фланг. Стрелки моих первых батальонов остановили и опрокинули неприятельских. Я приказал гнать их до опушки леса и сам следовал с остальными войсками. Голову моей колонны составляли батальоны Орловский и один Нижегородский, за ними 12 орудий, потом Полтавский полк, еще 6 орудий и Ладожский полк с другим Нижегородским батальоном, 2 орудия и, наконец, кавалерия. Выходя из леса, я нашел стрелков, исполнивших мое приказание и у опушки перестреливавшихся с неприятелем, залегшим за малым возвышением перед дер. Фатовой. Позади их увидел я сверкание штыков двух французских колонн. Расстояние между ними было не более 60 сажень. Густой лес не позволял мне свернуть войска в колонну. Я принужден был, принимая вправо по отделениям, по мере выхода из лесу строить их фрунтом у опушки. Перестрелка продолжалась. Чтобы построить взводы, я должен был выехать вперед за 30 сажень от неприятеля...

Лишь только два батальона были вытянуты в линию, я приказал полковнику Ладьженскому ударить с криком «ура» на неприятеля, гнать его до речки, опрокинуть на мосту и, заняв на той стороне первые дома, ждать моего приказания. Неприятель действительно был тотчас опрокинут и бежал более полутора саженей до мосту. Видя, что батальоны переходят мост, я выдвинул 12 орудий на высоту и приказал Полтавскому полку под прикрытием этой батареи идти также на ту сторону» [124, с. 84, 85].

Орловский и Нижегородский батальоны, заняв Фатово, двинулись дальше, но неожиданно подверглись атаке лежавших во ржи французских батальонов. В последовавшей за этим суматошной схватке едва не было потеряно полковое знамя Орловского полка; русские в расстройстве отступили, а неприятель, перейдя ручей, внезапно оказался почти в тылу 26-й дивизии. Паскевич, остановив заколебавшийся было Полтавский полк, подтянул артиллерию и отбросил противника. Видя явное превосходство французов, он перешел к обороне и построил дивизию в устойчивый боевой порядок: два батальона развернулись в линию в центре, а остальные в батальонных колоннах прикрывали фланги и составляли резерв. В конце боя Раевский прислал на помощь Паскевичу батальон 41-го егерского полка.

Раевский только на слух мог оценить ход боя за Фатово. В своем рапорте Багратиону 20 июля он писал: «Я же, услыша... что огонь наш продвигается вперед, и, считая сию минуту решительной, став с Генерал-Адъютантом Васильчиковым и всеми, мне принадлежащими, штаб и обер-офицерами в первых рядах колонны, составленной из Смоленского пехотного полка, пошел к плотине; сей полк, отвечая всегдашней его славе, шел без выстрела с примкнутыми

штыками, несмотря на сильный неприятельский огонь, с невероятной храбростью, но, подходя к плотине, нашёл... сильную колонну неприятельскую; — тогда уже оставалось мне обратить мое стремление на оную; — цепь стрелков Егерских, видя меня идущего впереди, единым же движением бросилась совокупно с моей колонной на неприятельскую, которая вся тотчас была уничтожена, при сей атаке Полковой Командир Полковник Рылеев, отличивший себя необыкновенной храбростью, получил в ногу жестокую рану, а Майор Шепелев убит, находившийся при мне Штаб-Ротмистр Маслов тяжело ранен и упал замертво, как и многие меня окружавшие... Я сам свидетель, как многие Штаб, Обер и унтер-офицеры, получа по две раны, перевязав оные, возвращались в сражение, как на пир...» [102, с. 719-721].

Маршал Франции Никола Луи Даву.

Очевидно, в этот момент батальон французского 108-го линейного полка дрогнул и отступил от плотины, и пока маршал Даву устраивал ему показательные ружейные учения под огнем, русская колонна шаг за шагом преодолевала плотину. Положение французов стало критическим, адъютант генерала Дессе отмечал: «Неприятель между тем продолжал двигаться вперед, и каждый видел его полчища, проходящие уже овраг, на расстоянии половины ружейного выстрела. Вскоре принуждены были предупредить об этом маршала, который, страдая, как известно, сильною близорукостью, не заметил, какие успехи делает атака, и не подозревал о крайней важности положения. Он прекратил тогда учение, и это новое нападение русских, ставшее последним в этот день, было отбито, как и предыдущее по всей линии. Они отступили и исчезли в лесах, откуда вышли».

Подвиг солдат Раевского под Салтановкой. Н. Самокиш. 1912 г.

К этому времени превосходство численности и позиции французов стало настолько очевидно, что Багратион, получив известия от Раевского, приказал корпусу отступить. Отступление начала 12-я дивизия, поставив в опасное положение полки Паскевича, который позже без лишней скромности и приписал весь успех удачного отступления себе: «Васильчиков остановил войска, скомандовал «вперед», и тут показали во всей силе дух русского солдата и дисциплины. Войска бросились на неприятеля, опрокинули его и опять заняли лес. Я поскакал к своим с тем, чтобы устроить отступление. Отойти, находясь в 100 саженьях от неприятеля, при всех выгодах местоположения в его пользу, было дело нелегкое... Я приехал и нашел уже здесь два батальона, принесшие ранцы. Присоединив к ним 41-й Егерский полк, я сделал следующее распоряжение: пехоте построиться в кареях эшелонами и, пройдя лес, занять позицию, между тем всей артиллерии моей дивизии соединиться и удвоить огонь.

Двум пехотным полкам — Ладожскому и Полтавскому — стать в опушке леса.

Дав время войскам устроиться, я приказал артиллерии сниматься по два орудия с фланга, оставив при входе в лес два орудия на дороге, прочим же на рысях проходить лес. Стрелкам дано знать, что когда снимутся два последних орудия, то они сами бросились бы назад и стали в опушке на флангах артиллерии. Точно в этом порядке было все исполнено. Неприятель, видя это нечаянное отступление, опрометью бросился на наших, но тут встречен был картечью двух орудий и батальонным огнем двух полков. Он остановился, и лес мы прошли так удачно, что я не потерял ни одного орудия.

За лесом была поляна и в 500 саженьях деревня. На поляне я поставил полки в линию, устроил батарею и, когда последние стрелки наши оставили лес, а неприятель стал показываться, открыл огонь из всех орудий батареи. Тут я нашел, что 12-я дивизия удержала свою позицию и была и одной линии со мною. Мы продолжали отступать, прикрываясь конными фланкерами, и заняли высоты, позади нас находившиеся. Канонада не прекращалась. Неприятель остановился по выходе из леса. Ночью мы пошли на прежнюю свою позицию к Дашковке. Здесь мы оставались целый день 12-го июля... Неприятель не показывался» [124, с. 87, 88].

Так или иначе, описанное отступление действительно может считаться образцом тактических действий отступающей пехоты и артиллерии.

В сражении при Салтановке русские войска, ведя активные наступательные действия, потеряли за 12 часов боя до 2500 человек, а французы, занимавшие укрепленные позиции, — в два раза меньше; но само сражение принесло несомненную стратегическую выгоду армии Багратиона, которая смогла оторваться от корпуса Даву и двинуться на соединение с 1-й Западной армией.

ОСТРОВНО, КАКУВЯЧИНО, ЛУЧЕСА

Подошедшая к городу Витебску русская 1-я Западная армия ожидала прибытия 2-й армии. Зная о приближении неприятеля, генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли выслал на запад от города сильный арьергард под командованием генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого, основу которого составлял 4-й пехотный корпус. Столкновение с французским авангардом маршала И. Мюрата произошло 13 июля вблизи от местечка Островно. Русская кавалерия, совершив успешное нападение на передовые разъезды, была затем отброшена; натиск французов остановили свежие русские кавалерийские полки и 4-й егерский полк, идущий в авангарде. Остальные части достаточно быстро подходили к месту сражения. Офицер 11-й артиллерийской бригады И.Т. Радожицкий вспоминал о начале баталии: «Чем ближе подходили мы к месту сражения по аллее большой дороги, тем сильнее были слышны пушечные выстрелы. Не доходя до места с версту, остановились: велено приготовиться. Пехотинцы стали заряжать ружья и загремели шомполами...» [133, с. 76]. Артиллерийские роты двигались по дороге, пехота в батальонных колоннах — по обеим сторонам от нее; в первой линии шла 1-я бригада 11-й дивизии, потом — 2-я бригада, затем — 23-я дивизия. Егеря, очевидно, продвигались в лесу, прикрывая фланги. Войдя в зону действия артиллерийского огня, пехота бегом двинулась на указанные позиции и рассыпала стрелков. Перекрывая все лесное дефиле, в первой линии встали развернутые батальоны Кексгольмского (на правом фланге), Перновского (в центре) и Елецкого пехотных полков. Французы до самого вечера имели очень мало пехоты и ограничивались кавалерийскими атаками. Первые атаки были отбиты артиллерией и батальонным огнем пехоты из развернутого строя. Радожицкий писал о действиях русской цепи: «Впереди по кустарникам засевшие стрелки наши старались удержаться, но красные Гусары их окружали; егеря, отстреливаясь во все стороны, сбегались в кучку». Стесненное лесами пространство оставляло мало места для правильных маневров и приводило к большим потерям от артиллерийского огня. Когда Остерману-Толстому доложили об этом и предложили отвести пехоту назад, он отдал краткий приказ: «Стоять и умирать!» Новая атака кавалерии опять была отбита пехотными полками первой линии, хотя часть неприятельских уланов смогла через интервалы между батальонами проскакать почти до обозов. Остерман, в свою очередь, провел весьма неудачную фронтальную атаку, а также не менее неудачные фланговые движения — все они были отражены французской кавалерией. Прибытие к французам пехотной дивизии поставило русских в тяжелое положение, но к вечеру на помощь Остерману подошла 3-я пехотная дивизия. Ночью весь арьергард, командование над которым принял генерал-лейтенант П.П. Коновницын, отодвинулся на вторую позицию у деревни Какувячино.

Граф П.П. Коновницын. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

Егеря 38-го и 10-го егерских полков и мушкетер на отдыхе. На заднем плане — обер-офицер линейной пехоты. И.А. Клейн. 1815 г. Городской исторический музей г. Нюрнберга. Германия.

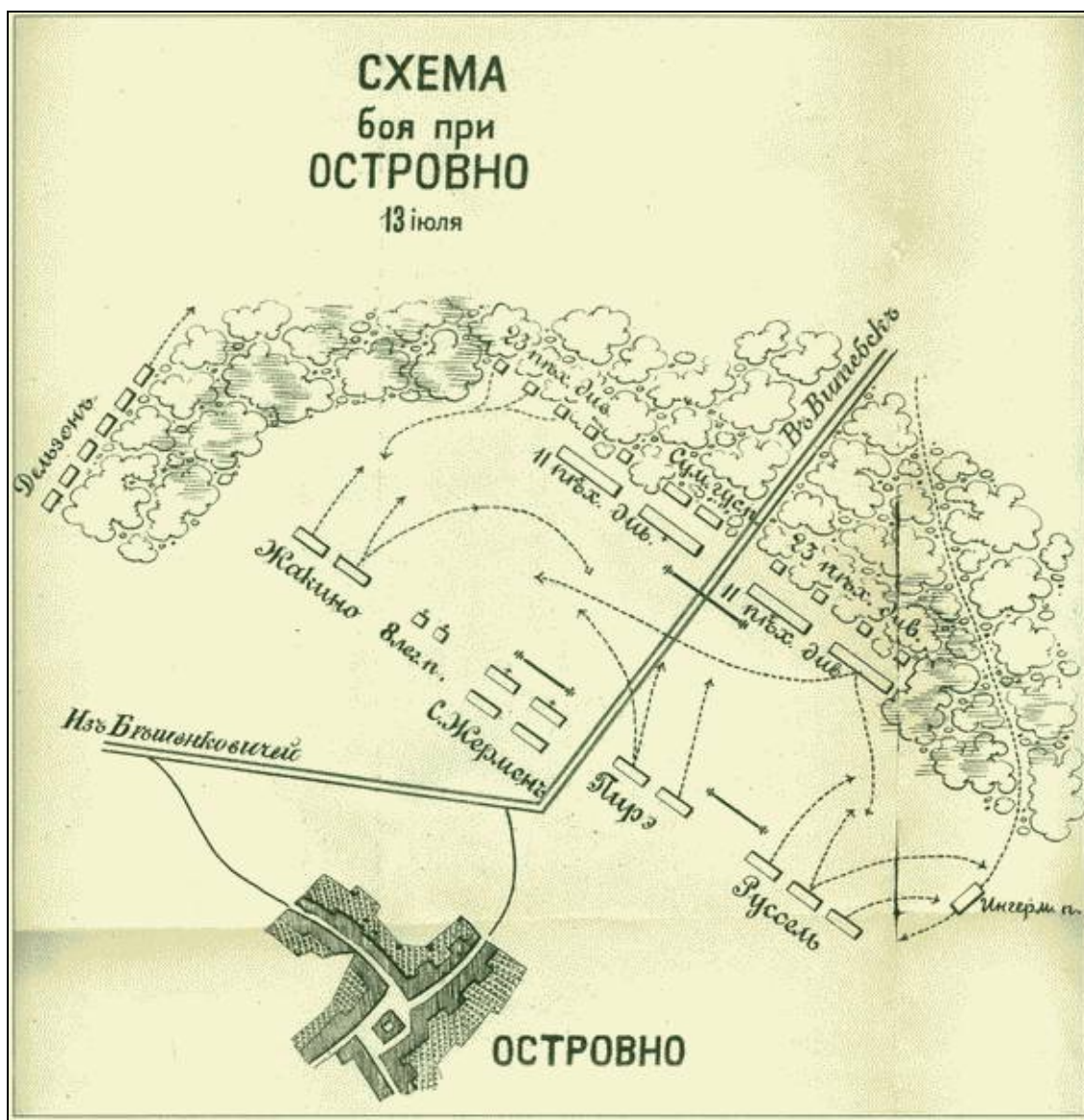

Схема боя при Островно. (Харкевич В.И. Война 1812. От Немана до Смоленска, Вильна, 1901).

14 июля бой возобновился. В нем со стороны русской пехоты участвовали полки 3-й дивизии, а также Кексгольмский, Перновский, Полоцкий и Екатеринбургский пехотные. 1-я бригада 11-й дивизии вновь смогла защитить русскую батарею от атак кавалерии. В Ревельском пехотном полку весь 1-й батальон действовал в стрелках, переходя в штыковые атаки; командир батальона майор Ивенцов был ранен несколькими пулями [64, с. 11]. Коновницын начал медленное отступление, и во второй половине дня сдал командование арьергардом генерал-лейтенанту Н.А. Тучкову 1-му, который привел на подмогу полки 1-й гренадерской дивизии. Французы, пользуясь почти двукратным численным превосходством, усиливали натиск. По воспоминанию А.П. Ермолова, «ни храбрость войск, ни самого генерала Коновницына бесстрашие не могли удержать их [французов]. Опрокинутые стрелки наши быстро отходили толпами. Генерал Коновницын, негодуя, что команду над войсками принял генерал Тучков, не заботился о восстановлении порядка, последний не внимал важности обстоятельств и потребной деятельности не оказывал. Я сделал им представление о необходимости вывести войска из замешательства и обратить к устройству» [79, с. 140].

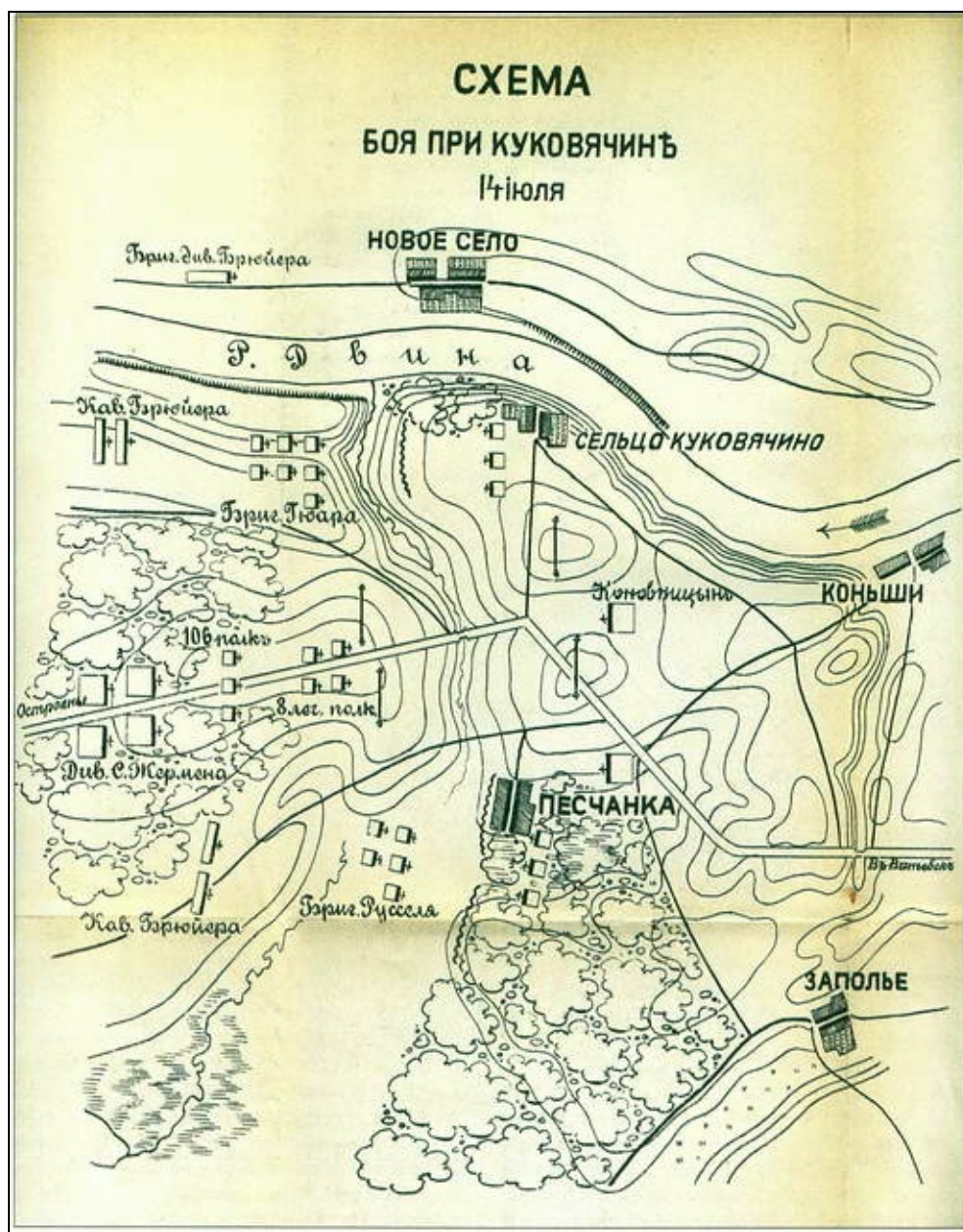

Схема боя при Куковячине (Харкевич В.И. Война 1812. От Немана до Смоленска, Вильна, 1901).

Отступление арьергарда продолжалось, а 15 июля его место занял сводный корпус генерал-майора Петра П. Палена, в котором состояло 5 егерских полков. К этому времени стало известно, что армия Багратиона не сможет пробиться к Витебску, и Барклай де Толли начал общее отступление. Позиция для корпуса Палена была выбрана на берегу реки Лучеса.

Бой продолжался до 17 часов, русские отступали в образцовом порядке, и французы наконец прекратили преследование.

За три дня боя потери каждой из сторон составили около 4 тысяч человек. Русский арьергард выполнил поставленную перед ним задачу и дал возможность 1-й армии отступить к Смоленску

КЛЯСТИЦЫ И ПОЛОЦК

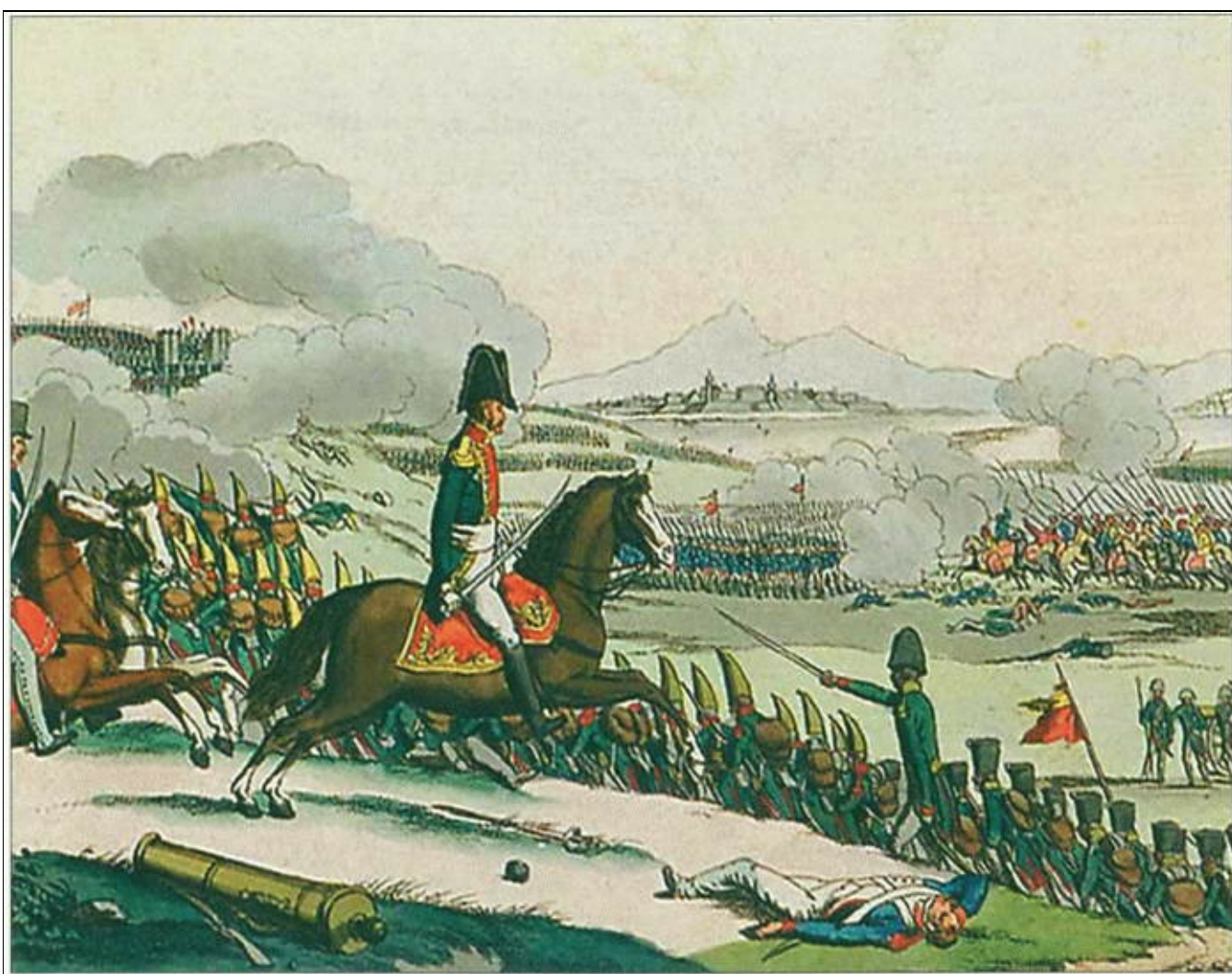
Войска 1-го отдельного пехотного корпуса генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна, прикрывая Санкт-Петербургское направление, вели бои с корпусом маршала Н.Ш. Удино, к которому вскоре присоединился и корпус маршала Э. Макдональда. Изначально неудачные распоряжения Удино позволили Витгенштейну перехватить у противника инициативу и начать наступательные действия.

18 июля у селения Клястицы русские войска атаковали части корпуса Удино. Первым в бой вступил авангард под командованием генерал-майора Я.П. Кульнева, в состав которого входили 25-й и 26-й егерские полки. Оттеснив неприятеля с помощью подошедших 23-го и 24-го егерских полков, авангард затем подвергся атаке свежей дивизии генерала Ж.А. Вердье. Понеся немалые потери, отряд Кульнева все-таки сумел связать боем превосходящие силы противника, что позволило подтянуть к полю сражения основные силы 1-го корпуса.

На следующий день Витгенштейн выстроил пехоту (5-ю дивизию, 25-й и 26-й егерские полки) в одну линию батальонных колонн и начал наступление; во второй линии двигались запасные батальоны 1-й гренадерской дивизии. Неприятель пытался переходить в контратаки, но в конечном итоге вынужден был отступить за реку Ницу и зажечь за собой мост у Клястиц. Русская пехота преследовала его. 2-й батальон гренадерского полка Графа Аракчеева совместно с кавалерией заставил положить оружие колонну противника. Часть батальонов перешли реку вброд, а запасные батальоны Павловского и Санкт-Петербургского полков успели пройти по горящему мосту. Возглавлявший эту атаку капитан Павловского гренадерского полка Крылов был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Стрелки Санкт-Петербургского полка, отрезанные было кавалерией, смогли на штыках пробиться к батальону [119, с. 208]. 24-й, 26-й егерские, Могилевский и Севский пехотные полки обошли и атаковали правый фланг корпуса Удино [89, с. 69, 70].

Сражение у Полоцка 18 августа 1812 г. Гравюра Д. Ругендаса. 1810-е гг.

Сражение при Дриссе 15 июля 1812 г. Немецкая раскрашенная литография.

Преследование отступающего неприятеля было поручено Кульневу, который на следующий день был убит в неудачном бою у Боярщины, оторвавшись от основной части своей пехоты. В свою очередь, и дивизия Вердье, в этот же день наткнувшись у деревни Головщина на весь русский корпус, потерпела поражение.

* * *

В начале августа П.Х. Витгенштейн подошел к городу Полоцку, возле которого расположились два корпуса Великой армии. Ведя первоначально наступательный бой, русские столкнулись с почти двукратно превосходящими силами противника, после чего вынуждены были перейти к обороне, а затем и отступить.

Бои на подступах к Полоцку завязались уже 3 августа. На следующий день французы продолжали отступать, преследуемые русским авангардом. Двигаясь по заболоченной лесистой местности, егеря авангардного 26-го егерского полка подверглись обстрелу артиллерии, но, сойдя с дороги в лес, фланговым движением вынудили противника покинуть позицию. Русские войска к этому времени были так уверены в своих силах, что офицеры разрешили солдатам купаться в озере в виду неприятеля. К вечеру начался бой за лес, лежащий на пути к Полоцку. В лес было направлено по 2 роты 25-го и 26-го егерских полков, поддержанных своими полками, а

также 2-й бригадой 5-й пехотной дивизии. Боевые действия в этом лесу, подробно описанные офицером 26-го полка А.И. Антоновским, словно в академическом примере, иллюстрируют как правильные, так и неверные маневры рассыпного строя. Егеря, подойдя к опушке леса, не стали тратить время на перестрелку со скрытым противником, а, взяв ружья наперевес, быстро прошли весь лесной массив до противоположной опушки, где, натолкнувшись на колонны, открыли огонь из-за прикрытия. Положение, как ни странно, существенно усложнили посланные на подмогу две роты резерва от 26-го полка. Так же, как позднее при Березине, начальники подкрепления рассыпали своих солдат в цепь еще до подхода к позициям, что чуть не привело к катастрофическим последствиям: солдаты, предоставленные самим себе, открыли огонь, и передовая цепь оказалась между двух огней. Антоновский писал: «Может быть, моя цепь более понесла урону от своих, чем от неприятеля... В лесу наблюдать за действиями солдат невозможно». Только перемещение «подкреплений» и отступление французов после заката солнца спасло передовые роты от полного уничтожения. Но на этом их злоключения не закончились: в тумане роты 25-го полка по ошибке обстреляли одну из рот 26-го егерского.

Л. О. Рот. Портрет из Военной галереи Зимнего дворца. Дж. Доу. 1819-1825 гг.

Сражение у Полоцка 18 августа 1812 г. Гравюра Д. Ругендаса. 1810-е гг.

Утром 5-го августа русский авангард в утреннем тумане внезапно наткнулся на французскую батарею; как оказалось, корпуса противника уже развернулись на позиции перед Полоцком. Приготовившись к бою, в первой линии Витгенштейн поставил 5-ю пехотную дивизию, усиленную 3-й бригадой 14-й дивизии: на левом фланге — Севский, Калужский пехотные, 24-й егерский полки, 2 сводно-гренадерских батальона, в центре — Севский, Калужский и 1-й сводный пехотные полки, на правом фланге — 23, 25 и 26-й егерские полки. Во второй линии встали оставшиеся 9 батальонов 14-й дивизии, а в третьей — 9 сводно-гренадерских и запасных батальонов. Русские начали атаку на своем левом фланге; постепенно туда были оттянуты войска из центра, замененные на позициях батальонами 14-й дивизии. Французы ответили атаками в центре, но не смогли прорвать русские боевые порядки. По словам Антоновского, «14-я дивизия, расположенная по левую сторону дороги, вступила в дело, предполагая тем принудить Французов к отступлению, но они иначе располагали и стояли упорно... Сколько раз линия наша переходила на позицию Французов до самых батарей и столько же раз возвращаема была назад. Французы сопротивлялись храбро и, как видно было, наши слишком не напирали, полагая без большого бою обойтись, занять Полоцк» [78, с. 109]. В этот день обе стороны так и остались практически на первоначальных позициях.

Наступивший день Преображения Господня не принес удачи русским войскам. Принявший командование над французскими корпусами генерал Гувьон Сен-Сир бросил в атаку около 30 тысяч человек; им противостояло не более 18 тысяч солдат Витгенштейна. Французы установили сильные батареи, наносящие такой ощутимый урон, что, например, 26-й егерский полк вынужден был лечь, дабы сократить потери. Русский правый фланг, где стояли преимущественно полки 14-й дивизии, удержался на позиции до вечера; левый фланг отступил.

В конце дня весь русский корпус отошел от города и занял позиции за рекой Дриссой. За время сражения потери корпуса достигли 5500 человек, французы потеряли существенно меньше.

На юго-западе от Смоленска по оршанской дороге располагался уездный городок Красный, которому дважды за кампанию 1812 г. суждено было стать ареной ожесточенных боев. В конце июля в городе расположился сборный «левый боковой наблюдательный корпус» под командованием генерал-майора Д.П. Неверовского силой не более 7200 человек: Симбирский пехотный, 49-й и 50-й егерские полки 27-й дивизии, Полтавский пехотный и 41-й егерский полки, 4 драгунских эскадрона, 3 казачьих полка и 14 орудий [121, с. 377].

2 августа, решив воспользоваться неверным движением русских 1-й и 2-й Западных армий и захватить Смоленск, Наполеон перебросил на левый берег Днепра 3 кавалерийских корпуса маршала И. Мюрата и корпус маршала М. Нея. Все теперь решала быстрота движения: заняв Смоленск, французы ставили в крайне сложное положение главные силы всей русской армии, а единственной преградой у них на пути был слабый отряд Неверовского.

Узнав о приближении французов, Неверовский достаточно быстро принял верное тактическое решение: в самом городе он оставил 4 батальона егерей с 2 орудиями, батальон 50-го егерского полка вместе с казачьим полком и 2 орудиями отправил по дороге к Смоленску для занятия дефиле у села Мерлино, а остальные силы разместил за оврагом на некотором отдалении от города; пехота стояла в батальонных колоннах.

Детали последовавшего боя описываются очевидцами по-разному, но общая последовательность событий ясна. Егеря в городе были атакованы французской легкой пехотой и спешенной кавалерией. Французская кавалерия также смогла продвинуться на флангах, что заставило Неверовского отойти за Лосминский овраг, где он и дождался отступающих егерей, оставивших в городе орудие. Построив батальоны в каре, русские на месте ожидали нападения кавалерии, которое вскоре и последовало. Драгуны и казаки достаточно быстро были смяты, а 7 орудий захвачены. Батальоны тем временем приготовились к бою. Адьютант 50-го егерского полка Н.А. Андреев вспоминал: «Вот разбежавшиеся из города егеря, наш батальон и 49-й полк, по полю рассыпанные, стали сбегаться к колоннам пехоты, и те также соединились в одну массу. Я, бывши верхом и видя драгун, в рассыпном строе скачущих по полю с казаками, вздумал было спастись тоже с ними; но усмотрев, что кавалерия неприятельская преследует их и рубит без пощады, повернул моего коня обратно к нашей куче пехоты (тогда точно можно было назвать кучею сию команду; ибо, сбегаясь в одно место, никто не думал устроить порядок, колонну или каре)» [87, с. 183, 184].

Егерь 6-го егерского полка и унтер-офицер егерского полка. Л.И. Киль. 1816 г.

Сражение под Красным 2-го августа 1812 г. П. Тесс. 1840-е гг.

15-летний офицер Симбирского полка Д.В. Душенкевич утверждал, что пехотинцы все-таки «устроились на поле с днепровской стороны у большой дороги в общее каре». Далее он вспоминал: «Мне и теперь живо представляется Неверовский, объезжающий вокруг каре с обнаженною шпагою и при самом приближении несущейся атакою кавалерии, повторяющего голосом уверенного в своих подчиненных начальника: «Ребята! Помните же, чему вас учили в Москве, поступайте так и никакая кавалерия не победит вас, не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля; третья шеренга — передавай ружья как следует, и никто не смей начинать без моей команды «тревога». Все было выполнено, неприятель, с двух сторон летящий... С самонадеянием на пехоту торжественно стремившийся, подпущен на ближайший ружейный выстрел; каре, не внимая окружающему его бурному смятению сбитых и быстро преследуемых, безмолвно, стройно стояло, как стена. Загремело повеление «Тревога!!!», барабаны подхватили оную, батальный прицельный огонь покатился быстрою дробью — и вмиг надменные враги с их лошадьми вокруг каре устлали землю, на рубеже стыка своего; один полковник, сопровождаемый несколькими удалцами, в вихре боя преследуемых, домчались к углу каре и пали на штыках; линии же атакующие, получа неимоверно славный ружейный отпор, быстро повернули назад и ускакали в великом смятении с изрядною потерею. Ударен отбой пальбе, Неверовский, как герой, приветствовал подчиненных своих: «Видите, ребята, — говорил он в восторге, — как легко исполняющей свою обязанность стройной пехоте побеждать кавалерию; благодарю вас и поздравляю!» Единодушное, непрерывное «Ура!» и «Рады стараться!» раздавались ему в ответ и взаимное поздравление» [74, с. 110].

Но оставаться на месте было нельзя: в любой момент могла подойти неприятельская пехота

и артиллерия, что привело бы к неминуемому поражению отряда. Каре начало движение по дороге; очевидно, именно в этот момент строй нарушился. Паскевич, по рассказу Неверовского, так описывал бой: «Наши, без различия полков, смешались в одну колонну и отступали, отстреливаясь и отражая атаки неприятельской кавалерии... В одном месте деревня едва не расстроила его отступление, ибо здесь прекращались березы и рвы дороги. Чтобы не быть совершенно уничтоженным, Неверовский принужден был оставить тут часть войска, которая и была отрезана. Прочие отступили, сражаясь. Неприятель захватывал тыл колонны и шел вместе с нею. К счастью, у него не было артиллерии; и потому он не мог истребить эту горсть пехоты» [124, с. 91].

Плотно забитая пехотой дорога, к тому же обсаженная березами, оказалась непреодолимой преградой для французской кавалерии. Приближение каждого неприятельского эскадрона встречалось перекатами батального огня и гребенкой штыков. «Наша толпа, — писал Андреев, — похожа была на стадо овец, которое всегда сжимается в кучу, и при нападении неприятеля, с которой ни есть стороны, батальным огнем отстреливалась и штыками не допускала до себя... Один польский штаб-офицер на отличном караковом коне четыре раза один подъезжал к нам, когда мы бежали; он преспокойно галопировал возле нас и уговаривал солдат сдаться, показывая их многочисленность и что мы себя напрасно утомляем, что все будем в плену Но он напрасно храбрился: нашей роты унтер-офицер Колмачевской приложился на бегу, и храбреца не стало. Конь его понесся к фронту Жаль покойника! Смелчак был!» [87, с. 184]. На 5-й версте отступления в районе деревни Ларионово натиск был самым сильным, Душенкевич отмечал: «Мы вышли на большую дорогу, деревьями усаженную, но уже после встречи препятствий (копен и плетня); тогда-то французы, пользуясь гладкою, как плацформа, дорогою, тотчас начали подбивать нашими же картечами, как бы в досаде подгоняя шибче отступать; но мы продолжали следование свое в строгом порядке и под сопровождением картечным. Французы же и тем ничего не выиграли, действия их в сем сражении неимоверно ничтожны, загадочны; они должны были не далее пятой версты от Красного положить всех нас непременно» [74, с. 110].

Генерал-лейтенант Н.Н. Раевский.

К вечеру в обстрел пехоты включилась вюртембергская батарея, но вскоре послышались выстрелы орудий заслона, выставленного у села Мерлино. Завидев свежие колонны, французы приняли их за авангард больших сил и прекратили преследование. После небольшого отдыха корпус Неверовского продолжил отступление и к рассвету был уже в 6 верстах от Смоленска.

По мнению Паскевича, «в этот день пехота наша покрыла себя славой». Действительно, несомненной заслугой отряда Неверовского можно считать его непоколебимую готовность к сопротивлению; сама тактика отступления пехоты, обусловленная рядом специфических обстоятельств, оказалась единственно возможной в данной ситуации. При этом необходимо учитывать, что основу пехоты корпуса составляли отнюдь не рекруты, а достаточно неплохо подготовленные и приученные к дисциплине солдаты. Наконец, немалый вклад в успех этого дня своими самоуверенными и нелепыми действиями внес маршал Мюрат. Так или иначе Смоленск был спасен ценой потери 1500 солдат Неверовского — ценой, в данном случае нечрезмерной.

В то время, когда отряд Неверовского вел тяжелый бой с кавалерией Мюрата, к Смоленску спешили русские армии. Ближе всех к городу находились полки 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, которому и пришлось 4 августа взять на себя руководство обороной. В его распоряжении находились три пехотные дивизии — 12, 26 и 27-я, а также несколько кавалерийских и казачьих полков; общее количество войск в строю не превышало 15 тысяч человек. Состояние обветшавших укреплений старой крепости было неудовлетворительным, а потому полагаться приходилось в основном на стойкость солдат. На правом фланге — в Красненском предместье и в Королевском бастионе — Раевский расположил 26-ю дивизию, в Мстиславском предместье — 1-ю и 2-ю бригады 12-й дивизии, в Рославльском предместье и на кладбище — 1-ю бригаду 27-й

дивизии, в Никольском предместье — 6-й егерский полк, в резерве — егерскую бригаду 27-й дивизии. Виленский полк и некоторое количество выздоравливающих солдат из госпиталей были поставлены на стены, Симбирский и 41-й егерский полки — у единственного моста через Днепр.

В 9 часов утра со стороны французов в бой были брошены полки корпуса М. Нея. Основная тяжесть боя в этот день легла на 26-ю дивизию, командир которой генерал-майор И.Ф. Паскевич вспоминал: «Только что я успел выстроить один батальон, как французы были уже на гласисе. Орловский полк открыл ружейный огонь и остановил неприятеля. Несколько раз покушался он выйти из оврага, несколько раз бросался на нашу пехоту, но каждый раз встречал наш сильный огонь и принужден был возвращаться в овраг. Тела его покрывали гласис.

Пехотный строй в бою. Реконструкция.

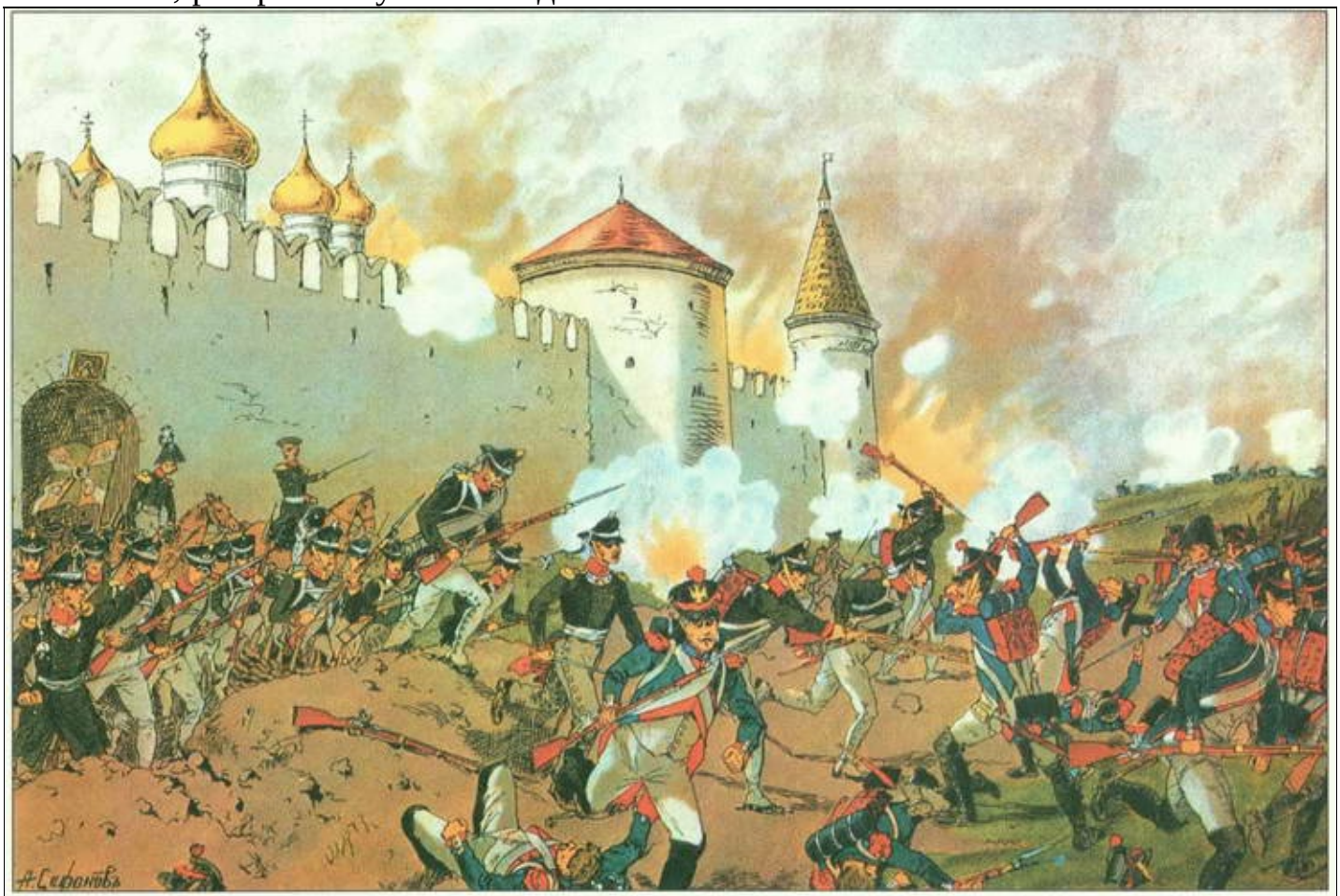
Замечая, что атаки неприятеля слабеют, я приказал 1-му батальону Орловского полка броситься на него в штыки.

Батальон вышел из покрытого пути, но, увидев, что второй батальон за ним не идет, остановился. Я послал адъютанта моего Бородина. Он стал на гласис в нескольких шагах от неприятеля, закричал «ура», и оба батальона с криком бросились на французов. В это же время полки Ладожский и Нижегородский ударили в штыки, и неприятель был опрокинут, выбит из рытвины и трупами его устлано все пространство от гласиса до противной стороны оврага. Полки мои бросились было преследовать неприятеля. Я ударил отбой, возвратил их и вновь построил батальоны за покрытым путем. Вскоре и неприятель, получив подкрепление, опять подошел к нам, но, остановясь по ту сторону оврага, перестреливался и не смел делать на нас новых покушений» [124, с. 93, 94].

Потери французов у Королевского бастиона были так велики, что Паскевич смог набрать достаточное количество французского оружия, чтобы заменить плохие австрийские ружья Орловского полка.

Очевидно, 50-й егерский полк в этот день был выведен в стрелки за Малаховские ворота; по словам Н.А. Андреева, «весь день сражались неимоверно стойко, но к вечеру не могли вынести сильного напора и ретировались в город. Тогда генерал Оленин остановил бегущих, велел вывести орудие на улицу. Люди остановились и прогнали неприятеля, а драгуны после dokonчили, и на ночь город остался за нами» [87, с. 187].

Вечером к Смоленску стали подходить части 1-й и 2-й Западных армий, что позволило подкрепить Раевского 2-й гренадерской дивизией, впрочем, так и не принявшей участие в бою — французы прекратили активные действия. Ночью уставшие полки 7-го корпуса сменил 6-й корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. Место 26-й дивизии заняла 24-я, место 12-й — 7-я; на левом фланге были оставлены полки 27-й дивизии, а также 6-й егерский и Смоленский пехотный полки; резервом служила 3-я дивизия.

Пожар Смоленска. Неизвестный художник. 1816 г.

Всю первую половину дня 5-го августа стороны вели огневой бой, и только около 16 часов Наполеон направил на штурм города войска трех армейских и трех кавалерийских корпусов: маршал М. Ней вновь штурмовал Красненское предместье, маршал Л.Н. Даву — Мстиславльское и Рославльское, генерал Ю. Понятовский — предместья Никольское и Рачевку. Ней достаточно быстро занял Красненское предместье, но встретил жесткий отпор на участке между Королевским бастионом и Малаховскими воротами. И.П. Липранди вспоминал об одном из эпизодов боя: «Вправо от... (Малаховских. — И.У.) ворот, за форштадтом, расположен был Уфимский полк. Там непрерывно слышны были крики «ура!»... В числе посланных туда с приказанием не подаваться вперед из предназначенной черты был послан и я с подобным же приказанием. Я нашел шефа полка этого, генерал-майора Цыбульского, в полной форме верхом в цепи стрелков. Он отвечал, что не в силах удержать порыва людей, которые после нескольких выстрелов с французами... бросаются в штыки. В продолжение того времени, что генерал-майор Цыбульский мне говорил это, в цепи раздались «ура!». Он начал кричать, даже гнать стрелков своих шпагою назад; но там, где он был, ему повиновались, и в то же самое время в нескольких шагах от него опять слышалось «ура», и бросались на неприятеля. Одинаково делали и остальные полки этой дивизии (24-й) — Ширванский, Бутырский, Томский, 19-й и 40-й егерские, — сформированные из сибиряков и в первый раз здесь сошедшиеся с французами» [97, с. 11].

Даву, по некоторым данным, в Мстиславльском предместье привел в замешательство и

отбросил русскую 7-ю дивизию, но подошедшая 3-я дивизия генерал-лейтенанта П.П. Коновницына восстановила положение на этом участке. Части 27-й дивизии в Рославльском предместье под жестоким обстрелом и непрерывными атаками вынуждены были отступить до стен города, но здесь в бой вступили подоспевшие с правого берега 4-я пехотная дивизия и лейб-гвардии Егерский полк. Командир дивизии генерал-лейтенант принц Е. Вюртембергский лично повел в атаку от Малаховских ворот 4-й егерский полк.

Памятник «Благодарная Россия героям 1812 г.». Смоленск.

Смоленск. Убитый русский егерь.

В бою за немецкой кирхой участвовали и стрелки Симбирского полка, заслужившие лестный отзыв Раевского: «Ай, новички, молодцы, чудо, как с французами ознакомились». Душенкевич писал: «Нам приказано шаг за шагом с боем отступить к Малаховским воротам; когда же, по свершении отступления нашего, французы заняли форштадт и поместились в домах, из которых стреляли по нас, стоящих на эспланаде, Неверовский приказал уничтожить там засевшего неприятеля и сжечь форштадт; охотники, взяв палительные у артиллеристов свечи, подбежали к домам, зажгли оные и в ту же минуту атаковали каждый дом. Французы с поляками, там находившиеся, редко который спасся. Наши солдаты брали в плен некоторых французов, но все поляки были жертвами мщения и презрения. Сражение повсюду усиливалось более и более; за уничтожением форштадта французы пытались открыто силою — дистанционными колоннами, беглым маршем стройно подведенными, атаковать наши ворота, но общий голос «Ребята, в штыки! Ура!» опрометью поворотил французских удальцов за сгоревший форштадт, в овраги, там находившиеся, после чего они начали бомбардировать город, а нам велено взобраться на стены, оный окружающие» [74, с. 111,112].

Действительно, к вечеру все русские войска были отозваны за стены крепости и вели ружейный и артиллерийский огонь, в свою очередь подвергаясь ураганному обстрелу около 150 неприятельских орудий.

Н.И. Андреев вспоминал о драматических эпизодах этого дня: «С рассветом на другой день также потеха возобновилась, но нас посылали только четыре раза в стрелки; батальон убавился более половины. Два ротных командира наповал были убиты., двое тяжело ранены, а прочих офицеров со мною на лицо из 21-го оставалось 8... Утром, часов в 11, командир Одесского

полка полковник Потулов, увидя меня сидящего с офицерами на земле, пригласил к себе закусить. Мы выпили водки и съели хорошей ветчины и телятины. Он очень был грустен, сказал, что вчерашний день у Малаховских ворот убили его любимую лошадь, и, взяв меня и адъютанта своего Аксентьева за руки, пошел ближе к валу, где у нас стояли пушки, посмотреть, как смело поднимаются на гору французы; но едва успели мы подойти к концу горы, как несчастный полковник был убит наповал, держа нас за руки. Пуля прошла в грудь на вылет в сердце, и он не сказал ни слова... Тут же его и похоронили у стены Смоленска.

Памятник «Благодарная Россия героям 1812 г.». Фрагмент. Смоленск.

Не умолчу об одном случае и верю, что есть предчувствие. У поручика 8-й роты нашего батальона была тетка, и у нее на форштадте свой дом. После сражения стрелки сменяются для отдыха довольно часто, тетка его приносила ему и нам завтраки, и он более 15 раз в два дни был в стрелках с удовольствием, брал пленных, был примерной храбрости офицер, в последний же раз около вечера пришла его очередь, он пошел к майору и убеждал его не посылать. Майор спросил, не болен ли он? — «Что-ж, Иван Дмитриевич, я совершенно здоров; но тоска ужасная, идти не хочу, робость напала». Тот его убеждал и просил идти, сказывая, что ему будет стыдно и что он его за храбрость под Красным и в Смоленске представит к Владимиру с бантом. Пошел Кунцевич и против обыкновения простился со всеми нами, но едва рассыпались его стрелки, как был поражен пулей на повал. Я велел после его искать, чтобы похоронить, и что же? Его вечером принесли всего ограбленного: сапоги, сюртук и все сняли французы. Мы его похоронили на дворе его дома. Несчастливая тетка его, бедная женщина, была неутешна и с нами вышла из города, а после мы ее потеряли из виду» [87, с. 187-189].

Ночью по приказу Баркляя де Толли русские войска были выведены на правый берег Днепра. Отступление последовательно прикрывали егерские бригады сначала 3-й, а потом 17-й дивизии. Последняя, действовавшая под командой полковника Я.А. Потемкина, по словам Ермолова, отличилась в этот день. В приказе по 1-й Западной армии № 81 отмечался подвиг унтер-офицера этой бригады: «По воле Главнокомандующего... 30-го Егерского полка фельдфебель Шилинцев, оказавший редкий пример мужества и храбрости, взяв лично под Смоленском в плен пять неприятельских офицеров, и не взирая на полученные раны, после перевязки возвратившийся в сражение, производится в подпоручики» [44, с. 450].

6-го августа французы, войдя в пустой город, силами нескольких батальонов вброд переправились через Днепр у сожженного моста и атаковали Петербургское предместье. В бой постепенно были вовлечены полки арьергарда генерал-майора Ф.К. Корфа (4, 19, 30, 33, 34, 48-й егерские и Брестский пехотный полки) и 3-й пехотной дивизии, которые и отбросили противника за реку. После этого предместье находилось в руках русских войск вплоть до 5 часов утра 7 августа.

Офицер вюртембергских войск Х. В. Фабер дю Фора навсегда запомнил подвиг одного из русских егерей в этот день: «Среди вражеских стрелков, засевших в садах на правом берегу Днепра, один в особенности выделялся своей отвагой и стойкостью. Поместившийся как раз против нас, на самом берегу за ивами, и которого мы не могли заставить молчать ни сосредоточенным против него ружейным огнем, ни даже действием одного специально против него назначенного орудия, разбившего все деревья, из-за которых он действовал, он все не унимался и замолчал только к ночи. А когда на другой день по переходе на правый берег мы заглянули из любопытства на эту достопамятную позицию русского стрелка, то в гряде искалеченных и расщепленных деревьев увидели распростертого ниц и убитого ядром нашего противника унтер-офицера егерского полка, мужественно павшего здесь на своем посту».

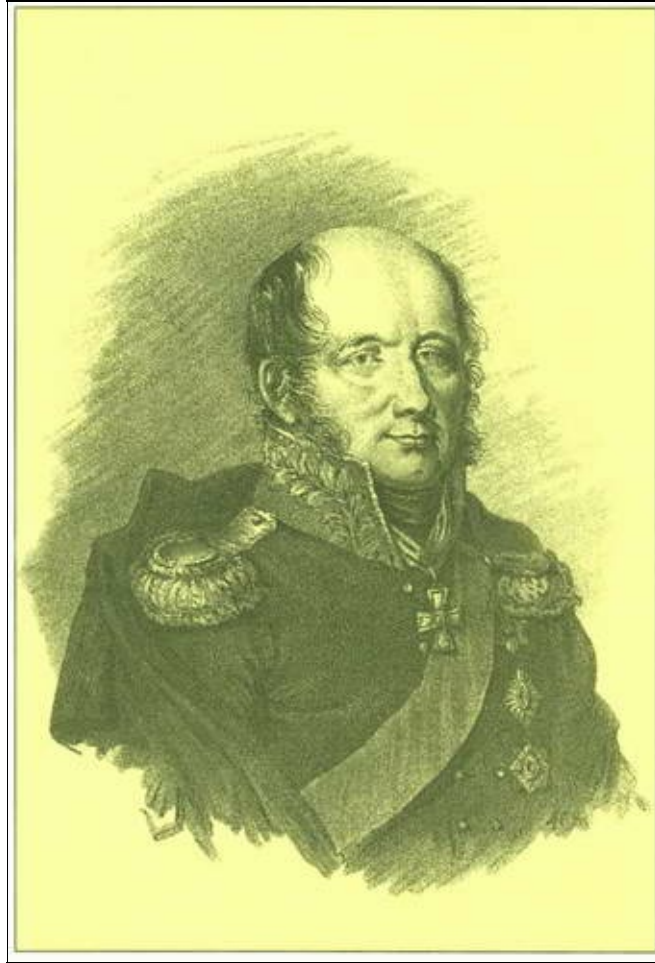

Памятник «Героическим защитникам от французских полчищ 4—5 августа 1812 года». Смоленск.

За время сражения русские войска потеряли свыше 11 тысяч человек, неприятель — до 14 тысяч. Трезвомыслящие солдаты и офицеры Великой армии смогли по достоинству оценить упорство и боевое мастерство русских солдат. Так, офицер Висленского легиона пруссак Брандт приводит в своих мемуарах весьма показательный эпизод:

«Между убитыми и ранеными, здесь и там лежавшими, обратил на себя наше особенное внимание молодой русский солдат с атлетическими формами. Он был раздет до нага; рана в грудь дала повод предполагать его в числе убитых, и потому его отнесли в сторону, к последним; но солдат вдруг приподнялся, проговорил несколько слов и опять упал. Я приказал подложить под несчастного соломы, накрыть его и поручил страдальца нашему человеколюбивому врачу, доктору Гуличу. Солдат прожил до позднего вечера, неоднократно приподнимался, говорил что-то и снова впадал в беспамятство. В одну из минут самосознания, он сказал нам: «Вы добрые люди; но ваш царь должен быть злой, очень злой человек. Что сделал ему наш царь? Чего он хотел от нашей матушки-России?... Восстань, святая Русь, на защиту

веры, царя и отечества!..» Кажется, это были его последние слова; вскоре потом я узнал от Гулича, что солдат умер. «Таковы-то все они, русские!» — заметил, вечером, бывший свидетелем этой сцены капитан Лихновский, у бивуачного костра. — «Боюсь, что наш император затеял опасную игру».

Князь М.Б. Барклай де Толли. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

Отступление войск от Смоленска оказалось не менее трудной операцией, чем само сражение за город. Дорога на Москву проходила вблизи Днепра, и французская армия имела возможность вести артиллерийский огонь по отступающим и атаковать русские полки на марше. Первая армия была вынуждена выполнять обходное движение, теряя драгоценное время. Выход армии на основную дорогу предполагалось совершить у деревни Лубино, и для защиты этой стратегически важной развилки дорог был выслан отряд генерал-майора П.А.Тучкова, пехота которого состояла из Ревельского пехотного и 20-го и 21-го егерских полков. Тучков выдвинул отряд ближе к Смоленску, заняв позиции у топкой лоцины реки Строгань вблизи деревень Латышино и Заболотье. Егерские полки рассыпались в кустах на берегу по обеим сторонам московской дороги. Ревельский полк с батареей конной артиллерии встал на возвышенности. Впереди, у деревни Колодня расположился заслон из 2 орудий и эскадрона гусар, прикрытых цепью одной егерской роты.

Ночью 7 августа войска маршала М. Нея переправились через Днепр и создали явную угрозу для одной из колонн Первой Западной армии. Барклаю де Толли пришлось оставить у местечка Гедеоново еще один отряд под командой генерал-лейтенанта принца Е. Вюртембергского, состоящий из 2-й бригады 17-й пехотной дивизии, Тобольского пехотного полка, двух взводов гусар и 4 орудий. Все боевые действия 7 августа проходили вблизи от высоты Валутина гора и получили в дальнейшем наименование сражения у Валутиной горы. В конечном счете в это сражение было втянуто большинство полков 2-го, 3-го и 4-го пехотных корпусов русской армии.

В 8 часов утра французские войска атаковали отряд у Гедеонова. Стоявший перед деревней Вильманстранский полк почти сразу попал в тяжелое положение, и на выручку ему был брошен Белозерский полк, в штыковом бою приостановивший продвижение французов. Нарастивая силы, неприятель все-таки вынудил полк отступить в деревню. Исход рукопашной схватки в самой деревне был решен ударом батальона Тобольского полка под командованием майора Рейбница. К этому времени Вильманстранский полк оказался в окружении, но подоспевшие белозерцы и тобольцы, разорвав кольцо, дали ему возможность пробиться к Гедеонову. Весь отряд отступил к деревне Галионщина, где в первую линию был выдвинут Волынский пехотный полк. Эта мера оказалась чрезвычайно своевременна, учитывая, что солдаты Белозерского и Вильманстранского полков расстреляли все патроны [106, с. 268, 269]. Участвовавшие в бою полки двинулись вслед за остальными войсками 2-го пехотного корпуса.

В 11 часов французы подошли к Колодне. После нескольких артиллерийских выстрелов заслон Тучкова без потерь отступил, разобрав мост на Строгани. Кавалерийские и казачьи полки заняли все пространство от левого фланга отряда до Днепра.

В полдень началось сражение на основной русской позиции. По воспоминанию П.А. Тучкова, «высланные неприятелем стрелки, сколь ни усиливались выгнать егерей наших из занятого по обеим сторонам дороги кустарника, дабы очистить дорогу колоннам своим, но все усилия их остались без успеха, и егеря наши, пользуясь местоположением, не уступали ни на шаг неприятелю» [150, с. 1946].

Французы, постоянно наращивая давление, все-таки смогли привести в замешательство часть русской цепи и, переправившись через реку, занять позиции в кустарнике на берегу. Об этом моменте вспоминал поручик 3-й легкой артиллерийской роты И.Т. Радожицкий: «Наши егери, свесив ружья и нагибаясь, спешили укрыться за мои пушки от смертоносного свинца; офицер их кричал: «Куда вы, братцы? Воротитесь, пожалуйста, как не стыдно вам!» — никто не

слушал его. Вдруг навстречу нам явились генералы. Все они кричали бегущим: «Куда! Стой! Назад!» — и бегущие останавливались... Вслед за генералами шли в густых колоннах лейб-гренадеры...: рослые молодцы, держа ружья наперевес, с бледными лицами шли скорым шагом — навстречу смерти. С криком «ура»! они бросились в кусты и восстановили порядок штыками» [133, с. 121].

Армейский гренадер и солдат лейб-гвардии Семеновского полка. И. Каппи. 1815 г.

Присланные на помощь П.А. Тучкову полки — Лейб-гренадерский и гренадерский Графа Аракчеева — подошли очень своевременно и заняли позиции, первый — на высотах при большой дороге, второй — на опушке леса влево от дороги. Ревельский полк сместился вправо. Появившаяся за рекой на русском левом фланге французская кавалерия под смертельным огнем артиллерии и егерей сумела дойти до разрушенного моста, но вынуждена была отступить. Егерей поддерживали огнем сводно-гренадерский батальон 23-й дивизии и батальон полка Графа Аракчеева [86]. Положение стабилизировалось, обе стороны наращивали силы, причем французы постоянно сохраняли значительное численное превосходство. К русским постепенно подходили полки 2-го и 4-го пехотных корпусов; к 17 часам командование войсками принял генерал-лейтенант П.П. Коновницын, вспоминая позднее: «В 5-ть часов пополудни прибыли со мною на место сражения и остальные полки вверенной мне дивизии, кои поставлены были левее большой дороги, и немедленно введены в дело. Сильное действие

неприятельской артиллерии выдерживаемо было с отменным мужеством, и не могло произвести ни малейшего замешательства» [43, с. 242].

К вечеру небо покрылось облаками, стало быстро темнеть. В попытке наверстать упущенное время маршал Ней около 19 часов повел массированную атаку на всех направлениях; французские батареи вели убийственный огонь. На правом русском фланге неприятель захватил деревню Гречишна, но подоспевший Полоцкий пехотный полк опрокинул французов и восстановил прежнюю позицию. В это же время батарея, прикрывавшая большую дорогу, внезапно прекратила огонь — как оказалось, у артиллеристов закончились боеприпасы. Пользуясь случаем, французские стрелки, а следом и колонны перешли через Строгань. Генерал П.А. Тучков просил Коновницына взять один из гренадерских полков для контратаки. Получив разрешение, он подъехал к Екатеринославскому гренадерскому полку, очевидно, из-за недостатка места построеному во взводную колонну

Дальнейшие события описывает сам Тучков: «...Объявил я полковому командиру приказание.., чтоб полк следовал за мною на встречу идущего неприятеля, но к удивлению моему услышал от командира того полка разные отговорки, как-то: что люди его очень устали и что уж и без того много полков расстроенных, а его полк в порядке, то потому ему казалось бы лучше сберечь оный, нежели подвергать новой опасности. Я сделал ему за сие выговор и, не* слушая ничего, приказал полку, построеному уже в колонну, идти за мною, что было и исполнено. Но как уже между тем начало смеркаться и даже было достаточно темно..., видя же нехорошее расположение полкового командира и судя по тому и о прочем, не мог я надеяться, что полк выполнит с успехом предприятие мое... Едва я сделал несколько шагов в голове колонны, как пуля ударила в шею моей лошади, от чего она, приподнявшись на задние ноги, упала на землю. Видя сие, полк остановился; но я соскочил с лошади и, дабы ободрить людей, закричал им, чтоб шли вперед за мною, ибо не я был ранен, но лошадь моя, и с сим словом, став на правый фланг первого взвода колонны, повел оную на неприятеля, который, видя приближение наше, остановясь, ожидал нас на себя. Не знаю, от чего, но я имел предчувствие, что люди задних взводов колонны, пользуясь темнотою вечера, могут оттянуть и потому шел с первым взводом, сколько можно укорачивая шаг, дабы прочие взводы не могли оттягивать. Таким образом приближась к неприятелю, уже в нескольких шагах, колонна, закричав «ура»! кинулась в штыки на неприятеля. Я не знаю, последовал ли весь полк за первым взводом; но неприятель, встретя нас штыками, опрокинул колонну нашу, и я, получа рану штыком в правый бок, упал на землю. В это время несколько неприятельских солдат подскакали ко мне, чтоб приколоть меня; но в самую ту минуту французский офицер, по имени Этьен, желая иметь сам сие удовольствие, закричал на них, чтоб они предоставили ему это сделать. *Laissez moi faire, je m'en vais Rachever*, были его слова (Пустите меня, я с ним покончу. — И.У), и с тем вместе ударил меня по голове... саблею. Кровь хлынула и наполнила мне вдруг и рот и горло, так что я ни одного слова не мог произнести, хотя был в совершенной памяти. Четыре раза наносил он гибельные удары по голове моей, повторяя при каждом: *Ah, je m'en vais Rachever*, но в темноте и запальчивости своей не видал того, что чем более силился нанести удар мне, тем менее успевал в этом: ибо я, упав на землю, лежал головою плотно к оной, почему конец сабли, при всяком ударе, упираясь в землю,... не мог мне более сделать вреда, как только нанести легких ран в голову, не повредя череп... Из-за протекавших над нами облаков вдруг просиявшая луна осветила нас своим светом, и Этьен, увидя на груди моей Анненскую звезду, остановив взнесенный уже может быть последний роковой удар, сказал окружавшим его солдатам: «Не трогайте его, это генерал, лучше взять его в плен»... [150, с. 1949-1951].

Сражение при Валутинной горе. П. Тесс. 1840-е гг. Фрагмент.

Неудачная атака гренадеров поставила центр русской позиции в сложное положение, но триумф французов оказался недолгим. П.П. Коновницын в своем рапорте писал:

«Около вечера неприятельские колонны, предшествуемые множеством стрелков, сделали решительное движение противу войск, большую дорогу прикрывавших; и успели было даже несколько их потеснить, но исправляющий при вашем превосходит должность дежурного генерала Его Императорского Величества флигель-адъютант полковник Кикин, адъютант начальника главного штаба генерал-майора Ермолова лейб-гвардии артиллерийской бригады поручик Грабе и состоящий при нем же штабс-ротмистр де Юнкер поспешили собрать рассеянных людей в колонны, и, поощряя их собственным примером, при барабанном бое стремительно ударили в штыки на неприятеля, которой был немедленно сбит и прогнан...» [43, с. 242, 243].

Решающую роль для успеха атаки, очевидно, все-таки сыграла глубоко эшелонированная оборона в центре русской позиции. Сразу несколько колонн полков, стоящих на большой дороге, словно гигантский поршень, вновь выдавили французов за реку. В атаке участвовали и полки правого фланга.

На этом активные боевые действия прекратились, но «сильнейший ружейный огонь возобновился опять с обеих сторон и продолжался до глубокой ночи». По словам Коновницына, «место сражения осталось совершенно удержанным...» Французы первыми прекратили огонь, а ночью русские полки, полностью выполнив поставленные перед ними задачи, начали движение вслед за главными силами.

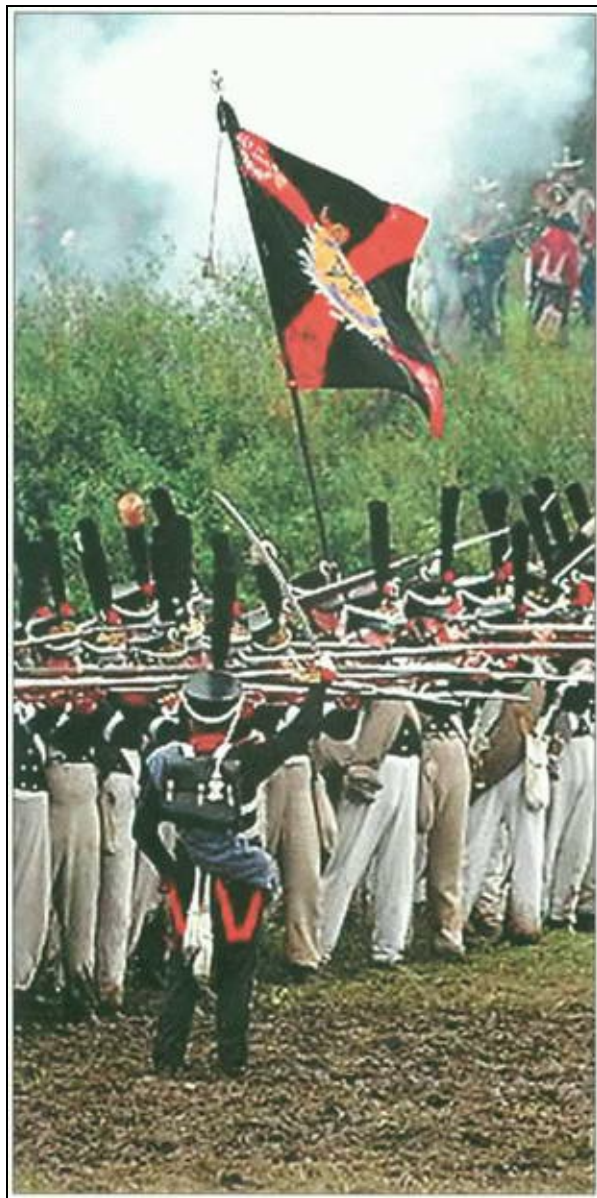
После сражения при Валутиной горе. Вид на русские позиции с французской стороны.

В целом в сражении 7 августа русская армия потеряла не менее 6 тысяч человек, французская — не менее 8 тысяч. Об ожесточенности боя можно судить по потерям отдельных полков; так, лейб-гренадеры потеряли около 660 человек, то есть в три раза больше, чем в грядущем Бородинском сражении. Еще несколько полков недосчитались свыше 300 нижних чинов. В условиях тяжелых, спонтанно развивающихся боевых действий с превосходящими силами противника русские войска смогли полностью выполнить поставленные задачи, нанеся неприятелю большой урон. Основная тяжесть борьбы легла на пехоту, полки которой из состава различных соединений вводились в бой по мере возможности. При этом нарушение командной структуры на уровне корпусов, дивизий и даже бригад не привело к снижению боеспособности войск.

Первым актом грандиозной Бородинской битвы стал бой за Шевардинский редут 24 августа. Недостроенный редут оборонял отряд генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова 2-го. На передовых позициях располагалась 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского и егерская бригада 12-й дивизии. 1-я бригада 27-й дивизии (Симбирский и Виленский пехотные полки), разместив один батальон (очевидно, Виленский) в редуте, встали непосредственно за укреплением. 2-я бригада (Одесский и Тарнопольский полки) развернулась в одну линию батальонных колонн слева от редута. 6-й, 41-й и 49-й егерские под командованием полковника Глебова 1-го заняли деревню Доронино и ее окрестности. По некоторым данным, 50-й егерский изначально занимал окрестности деревни Фомкино, но под давлением французов отступил на крайний левый фланг [38, с. 28]. Пехоту поддерживали кавалерийские полки. В некотором отдалении от редута расположились резервы — 2-я гренадерская, 2-я сводно-гренадерская и 2-я кирасирская дивизии.

Правее отряда Горчакова 2-го развернулись 5-й и 42-й егерские полки 26-й пехотной дивизии под командованием полковника Ф.Г. Гоге-ля, которые при поддержке артиллерийской роты до самого вечера удержали свои позиции.

Превосходящие силы французов около 2 часов дня двинулись на редут. Со стороны Ельни действовал корпус Ю. Понятовского, постепенно оттесняя егерей, с запада надвигались дивизии корпуса маршала Л.Н. Даву 57-й линейный полк и батальон вольтижеров вытеснили русских из Доронина [83, с. 57]. Очевидно, именно здесь отличились генерал-майор М.С. Вистицкий и ряд офицеров, которые «удерживали стрелков, шедших назад». Дивизия Ж.Д. Компана, заняв Доронинский курган, начала активно обстреливать площадку редута, и вскоре артиллерия и пехота начали покидать укрепление. Французы двинулись вперед и, не доходя до вершины холма, наткнулись на 2-ю бригаду 27-й дивизии, которая, развернувшись в линию, открыла сильнейший ружейный огонь; полки Компана отвечали. На расстоянии 60 шагов войска стояли на противоположных скатах возвышенности и, прикрытые друг от друга по грудь, перестреливались в течение часа. Все усилия Компана сдвинуть с места свои полки не приносили результата, пока он лично не повел в бой колонны резерва, которые и ворвались на редут.

Команда «Кладсь». Реконструкция.

С этого момента истинный ход боя установить довольно сложно. На помощь егерям 50-го полка, изнемогающим под натиском войск Понятовского, был брошен Тарнопольский полк, который восстановил положение на крайнем левом фланге. Н.И. Андреев так рассказывал о действиях этого полка: «Нашей дивизии Тарно-польской полк пошел колонной в атаку с музыкой и песнями (что я в первый и последний раз видел). Он после бросился в штыки в глазах моих. Резня недолго была, и полкового их командира ранило в заднюю часть тела на вылет пулею. Его понесли, и полк начал колебаться. Его место заступили, полк остановили, и он опять бросился в штыки и славно работал» [87, с. 191]. В свою очередь Виленский полк, понесший большие потери, был перемещен вправо от редута, а симбирцы остались в центре позиции, имея слева от себя Одесский полк. Подошедшая двумя линиями батальонных колонн 2-я гренадерская дивизия, очевидно, сумела выбить неприятеля из укрепления. «Гренадеры, пред полками коих священники в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам — геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице готовность сразить и умереть», — писал офицер 27-й дивизии [74, с. 113]. В атаке участвовали и полки 27-й дивизии: так, шеф Симбирского полка полковник Лошкарев был представлен к награде за то, что «24-го числа августа со вверенным ему полком по взятии неприятелем батареи, устроенной в середине, ходил для

сбития его с оной в штыки, показывая отличное мужество, и поощряя своих подчиненных, сбил и возвратил батарею; причем и ранен жестоко пулею в обе щеки» [39, с. 226]. Подошедшие подкрепления позволили французам вновь занять редут, после чего бой полностью переместился на восточные склоны высоты. По всей видимости, правый фланг русского отряда был прикрыт батальонами 2-й сводно-гренадерской дивизии. По рассказу очевидца, «самая кровавая схватка завязалась у деревни Шевардиной. Здесь мне представилась ужаснейшая картина обоюдного ожесточения, какой я не встречал после в продолжение целой кампании. Сражавшиеся батальоны, Русские и Французские, с растянутым фронтом, разделенные только крутым, но узким оврагом, который не позволял им действовать холодным оружием, подходили на самое близкое расстояние, открывали один по другому беглый огонь, и продолжали эту убийственную перестрелку до тех пор, пока смерть не разметала рядов с обеих сторон. Еще разительнее это зрелище стало под вечер, когда ружейные выстрелы сверкали в темноте как молнии, сначала очень густо, потом реже и реже, покуда все утихло по недостатку сражающихся» [65, с. 341].

Генерал-лейтенант Д.П. Неверовский.

Действительно, бой продолжался и в темноте при свете горящих деревень и стогов сена справа от редута. Неверовский, собиравший дивизию, заметил движение неприятельской колонны и, «поворотив свои полки направо, приведя мгновенно их в порядок, приказал Симбирскому, открыв полки, порох с оных долой, итти без выстрела и шума опять в штыки на ту колонну. Полк наш, с мертвой тишиною приближаясь к оной, напав внезапно и решительно во фланг, жестоко нанес поражение. Французы, оставя свое предприятие, в величайшем беспорядке бросились назад, мы смешались с ними, перекололи множество, преследовали, взяли

одну фуру с медицинскими запасами, другую с белыми сухарями и две пушки» [74, с. 114]. Ночная атака была поддержана и усилена кирасирами и драгунами. На этом бой завершился, и русские войска отступили на новую позицию к деревне Семеновская. Не слишком удачное расположение редута, позволившее французам применять перекрестный артиллерийский огонь, а также существенное превосходство неприятельских сил привели к тому, что русские потеряли больше людей (до 6 тысяч), чем атакующий противник.

* * *

На следующий день русские армии, расположившись на позициях у села Бородино, готовились к решающему сражению.

24 августа командующим была роздана диспозиция, которая, правда, на следующий день претерпела существенные изменения в связи с потерей Шевардинского редута и перемещением 3-го корпуса на крайний левый фланг. Текст диспозиции гласил:

«Армия, присоединив все сикурсы (подкрепления. — И.У), от Калуги и Москвы прибывшие, ожидает наступление неприятеля при Бородине, где и даст ему сражение.

Армии расположены ныне в позиции следующим образом:

С правого фланга 2,4, 6 и 7-й корпуса и 27-я дивизия, находящаяся на левом фланге. Все сии корпуса составляют кор-де-баталь (основную боевую линию. — И.У.) и расположены в две линии.

За ними расположатся кавалерийские корпуса, имеющие вступить в ордер-де-баталь (боевую линию. — И.У), в полковых колоннах следующим образом:

за 2-м пехотным — 1-й кавалерийский

за 4-м «» — 2-й «»

за 6-м «» — 3-й «»

за 7-м «» — 4-й «» в 2-й армии находящийся.

В центре ордер-де-баталь за кавалерийскими корпусами стоят резервы в баталионных колоннах на полных дистанциях в две линии, а именно:

3-й корпус, за коим 5-й или гвардейской корпус.

Сводные гренадерские батал[ионы] 4, 17, 1 и 3-й дивизий.

2-я же гренадерская див[изия] и сводные гре[надерские] бат[алионы] 2-й армии становятся за 4-м кавалерийским корпусом и составляют резерв левого фланга. Егерские полки 1-й армии, ныне в ариергарде находящиеся, равномерно и те, кои в кор-де-баталии расположены, по мере отступления их к кор-де-баталии, проходят оный и идут на правой фланг за 2-й пехот[ный] корпус, где поступают частью для занятия лесов, на правом фланге находящиеся, и частью на состав резерва правого фланга армии.

Все кирасирские полки обеих армий должны во время действия стать позади гвардейского кор[пуса] также в полковых колоннах.

Артиллерия, при резервах остающаяся, составляет в сем боевом порядке резервную артиллерию.

Начальники в кор-де-баталь.

Правый фланг, из 2-го и 4-го корпусов, под командою генерала от инф[антерии] Милорадовича.

Центр, из 6-го корпуса, под командою генерала от инфантерии Докторова (Дохтурова. — И.У.).

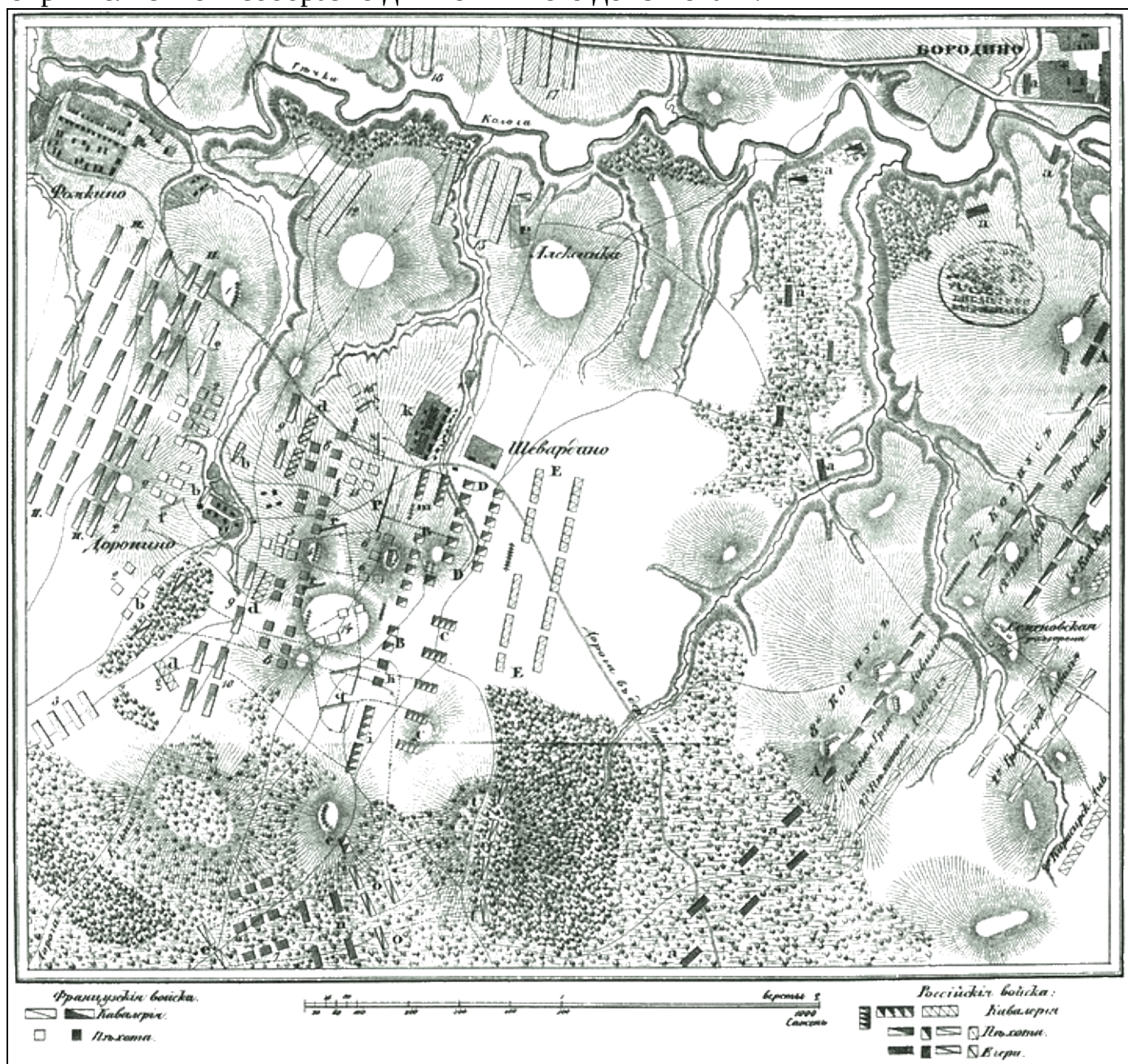
Левый фланг, из 7-го корпуса и 27-й дивизии, под командою генерал-лейтенанта князя

Горчакова 2-го.

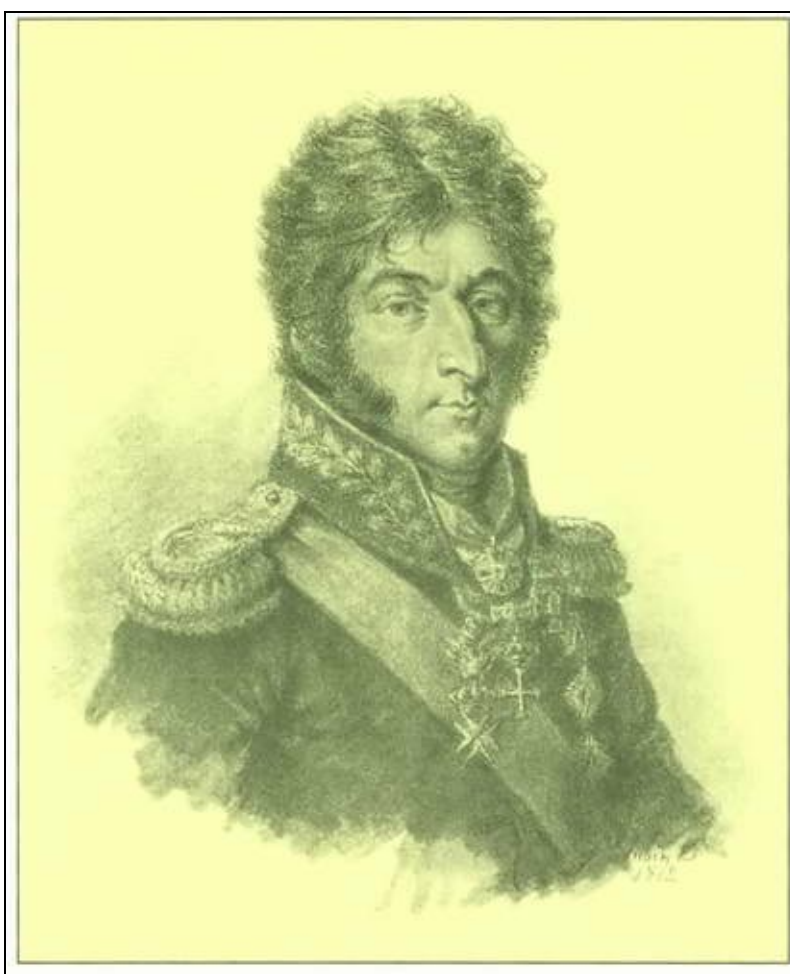
Главкомандующие армиями командуют, как и прежде, войсками, их армии составляющие.

Генерал-лейтенант князь Голицын 1-й командует 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизиями, кои соединить вместе в колоннах за 5-м корпусом.

Светлейший князь Михаила Ларионович в сем боевом порядке желает привлечь на себя силы неприятельские и сообразно движениям его действовать.

План Шевардинского боя 24 августа 1812 г. (Бой при руде Шевардинском 24-го августа 1812 года. СПб., 1839).

Князь П.И. Багратион. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

Не в состоянии будучи находиться во время действия на всех пунктах, полагается на известную опытность гг. главнокомандующих армиями и потому предоставляет делать им соображения действий на поражение неприятеля. Возлагая все упование на помощь Всесильного и на храбрость и неустрашимость русских воинов, при счастливом отпоре неприятельских сил, даст собственные повеления на преследование его, для чего и ожидать будет беспрестанных рапортов о действиях, находясь за 6-м корпусом.

При сем случае не излишним Его Светлость почитает представить гг. главнокомандующим, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резервы, не побежден.

На случай наступательного во время действия движения, оное происходит в сомкнутых к атаке колоннах, в каковом случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем.

В интервалах между пехотными колоннами иметь ан ешекие (в шахматном порядке. — И.У.) некоторую часть кавалерии, также в колоннах, которая подкрепляла бы пехоту.

На случай неудачного дела генералом-квартирмейстером Вистицким открыты несколько дорог, которые он гг. главнокомандующим сообщит и по ним армии отступить должны будут» [39, с. 93, 94].

Совершенно очевидно, что указанная диспозиция носила исключительно пассивный характер, отдавая наступательную инициативу в руки противника, а оборонительную — в руки командующих армиями и начальников корде-баталии. Всю основную линию составили пехотные полки, в то время как отборные части гвардии и гренадеров были размещены в

резерве. Только большая убыль 27-й дивизии в бою у Шевардина заставила выставить на передовые позиции батальоны 2-й сводно-гренадерской дивизии — у 2-й армии просто не было больше «обычной» пехоты. Своеобразным шагом стало также выделение егерских полков в отдельные соединения резерва, что действительно и было реализовано на практике; поэтому, говоря о «пехотной дивизии» в Бородинском сражении, мы в большинстве случаев должны подразумевать, что такая дивизия состояла только из 8 батальонов. Егерские же отряды очень неплохо проявили себя в день битвы, вступая в действие у села Бородино, в Утицком лесу и у батареи Раевского.

Командующие армиями сделали и свои распоряжения подчиненным войскам. М.Б. Барклай де Толли в приказе по армии призывал начальников как можно меньше заниматься пальбой, что, на наш взгляд, довольно странно для обороняющейся стороны: «Внушить господам шефам и командующим егерскими полками, сколько возможно в начале дела менее высылать стрелков, но иметь небольшие резервы, для освежения в цепи людей, а прочих людей, построенных позади в колонне. Большая стрелков потеря не может отнестись к искусному неприятелю действию, но чрезмерному числу стрелков, противопоставляемых огню неприятеля. Вообще сколько возможно избегать перестрелки, которая никогда не влечет за собою важных последствий, но стоит непременно немалого количества людей. Вообще, преследуя неприятеля, не вдаваться слишком далеко, дабы можно иметь от прилежащих частей войск вспомоществование. В атаках, на неприятеля производимых, войскам воспретить кричать ура, разве в десяти уже от неприятеля шагах, тогда сие позволяется. Во всяком другом случае взыщется строго.

Господа корпусные командиры особенное обратят внимание, дабы люди не занимались пустою стрельбою, и артиллерия, сколько возможно, щадила снаряды, ибо скорая, но безвредная, пальба с начала может только удивить неприятеля, но вскоре заставить потерять всякое уважение.

Особенных прикритий, вблизи самых батарей расположенных, не иметь, но учреждать оные по мере приближения неприятеля, или явного его на батарею покушения; иначе вдруг неприятелю даются две цели, и батарея сама по себе и ее прикрытие.

Колоннам, идущим в атаку, бить в барабаны» [39, с. 107, 108].

Приказ П.И.Баграциона был более лаконичен и касался в основном организационно-бытовых вопросов. Но и здесь командующий обязал «резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым». Таким образом, взаимодействие пехоты и артиллерии в двух армиях было организовано совершенно по-разному, что, впрочем, могло объясняться относительной безопасностью позиций 1-й армии.

Обер-офицер и егерь армейского егерского полка. И. Куппи. 1815 г.

Нижние чины лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Реконструкция.

С утра 25-го августа возобновились работы на спешно строящихся укреплениях, в особенности на трех «флешах» или люнетах перед деревней Семеновское, известных позднее под названием «Багратионовы флешы». Выделенные для работ солдаты 2-й гренадерской дивизии возводили правое укрепление, 12-й дивизии — левое, 26-й дивизии — центральное; рабочие от 27-й дивизии вязали фашины. Пехотинцам помогали ополченцы. Главнокомандующий армиями приказал выплачивать рабочим по 10 копеек за день, но вряд ли это еще больше усилило трудовой энтузиазм солдат — и без того было понятно, что мощные укрепления могли спасти сотни жизней и, в частности, жизни самих строителей. К сожалению, работы так и не были окончены. Унтер-офицер Тихонов позже вспоминал: «Багратионовские шанцы сам видел. Так, дрянь, и шанцами стыдно назвать. В Тарутине сказывали, будто Шевардинский редут и Раевского шанцы такие же были: ров мелкий, в колено, амбразуры до земли, и лезть через них ловко, и каждого солдата внутри видно» [136, с. 118]. В то время, когда рабочие, обливаясь потом, вгрызались в тяжелую бородинскую землю, остальная армия также готовилась к предстоящему сражению. По линиям войск возили чудотворную икону Смоленской Божией Матери, перед которой солдаты и офицеры произносили самые искренние слова молитвы. «Необыкновенное оживление проявлялось как бы перед большим праздником во всех рядах войск. В пехоте чистили ружья, обновляли кремни...» — вспоминал А.С. Норов. Стрелок лейб-гвардии Семеновского полка Чернов, находясь по болезни при лазаретных каретах, узнав о близости боя, вернулся в роту и, несмотря на уговоры офицеров и солдат, со слезами просил «за милость позволения остаться в рядах». Выйдя невредимым из сражения, он умер от болезни через 2 дня [41, с. 42, 43]. В перелесках и оврагах весь день велась перестрелка,

которая на левом фланге стала довольно ожесточенной. Офицер 50-го егерского полка писал: «На ночь мы опять пошли в стрелки и стояли смирно, а 25 числа утром сменены были 49-м егерским полком, но ненадолго. После весь полк был несколько раз в стрелках и много потерял, а 49-й еще и более нас: у них потеря была очень велика. Во всей армии 25-е число было тихо кроме нас. На левом фланге стрелков никто не замечал, а у нас в бригаде едва ли осталось по 30 человек в роте» [87, с. 191].

Передовые цепи егерских полков вечером 25-го августа были заменены стрелками пехоты и под утро, отдохнув, вновь заняли свои места. Полки вечером и к утру сварили каши, но солдаты нередко отказывались принимать винную порцию, ссылаясь на исключительность близкой битвы.

Наступившая ночь принесла тишину в русский лагерь, но принесла ли она успокоение?

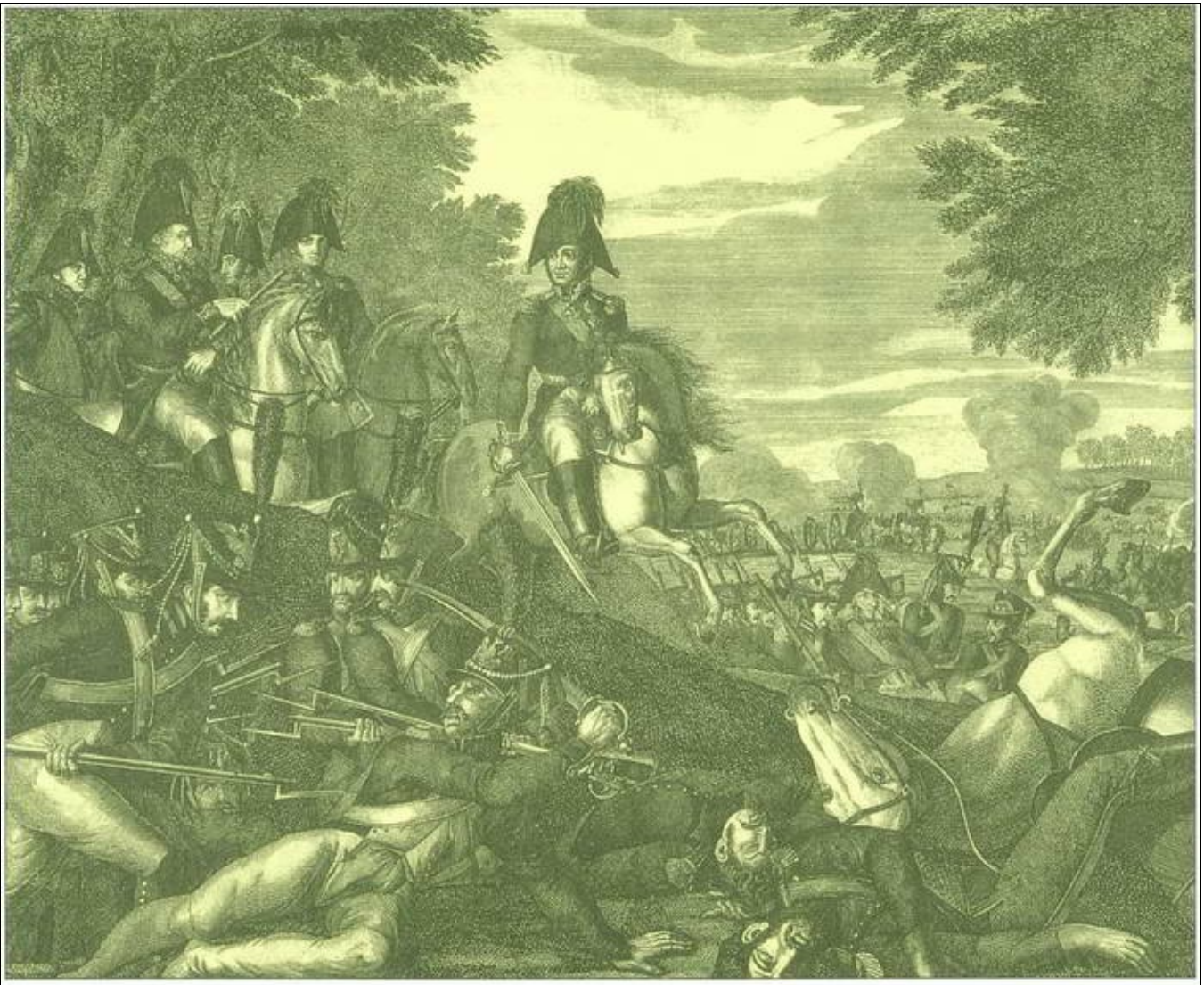
Многие ли из десятков тысяч лежащих на земле людей спали в эти часы? Многие ли, одолеваемые тяжелыми предчувствиями, всю ночь гнали от себя дурные мысли или, наоборот, вспоминали лучшие моменты прожитой жизни? Кто знает? Но звезды, звезды бородинского неба, притягивали тысячи взглядов... Кто-то, подавляя подступавший страх, связывал свою судьбу с далекими огоньками, а кто-то, вверяя думы свои страницам дневника, в неверном свете потухающего костра наскоро дописывал фразы: «Сердца наши чисты. Солдаты надели чистые рубашки. Все тихо. Мы долго смотрим на небо, где горят светлые огни — звезды...»

Холодное и ясное утро только занималось над Бородинским полем, когда дивизия генерала Дельзона двинулась на село Бородино, занятое тремя батальонами лейб-гвардии Егерского полка. Теперь уже вряд ли возможно точно узнать причины или замыслы, заставившие командование разместить в единственном пункте позиции на левом берегу реки Колочи

лучший егерский полк армии. Может быть, пытаясь удержать под контролем важный стратегический пункт в точке слияния рек, Барклай или сам Кутузов хотели обеспечить себе возможность, пусть и гипотетическую, активных наступательных действий? Так или иначе сил трех, даже полнокровных, батальонов было явно недостаточно для удачного отпора. Ночью в цепь был выслан 3-й батальон полка под командованием полковника П.С. Макарова. Остальные батальоны находились в состоянии, далеком от боевой готовности. По словам И.П. Липранди, «... гвардейские егеря... обрадовались, найдя в богатом селе этом просторные бани... В то самое время, когда французы сделали нападение, целый батальон был в банях» [97, с. 156]. Заметив движение в тумане, Макаров известил об этом командование, и, по всей видимости, батальоны начали не спеша приводить себя в порядок. Несколько позже одна из колонн Дельзона атаковала деревню вдоль большой дороги, и 3-й батальон вступил в бой, с каждой минутой все более жаркий. В наградных документах нижних чинов полка содержатся весьма красноречивые описания отличий: «1812 года, августа 26 числа, при селе Бородине находились трикратно охотниками в стрелках против французов и своею неустрашимостью подавали пример прочим, и неприятеля оборачивая в штыки, многие из них спасли жизнь раненых офицеров» [76]. Пока стрелки первой колонны французов вели упорный бой с 3-м батальоном за окраину села, другая колонна обошла батальон и появилась почти у самого моста. Прикрывая отступление 3-го батальона, в штыки ударил 2-й батальон лейб-егерей, который даже захватил пленных; 1-й батальон не подпустил цепь неприятеля к батарее. К этому времени командир полка полковник К.И. Бистром 1-й уже получил приказание М.Б. Барклая де Толли отступить на правый берег.

Контратака А.П. Ермолова на батарею Раевского

Сражение при Бородине 26 августа 1812 г.

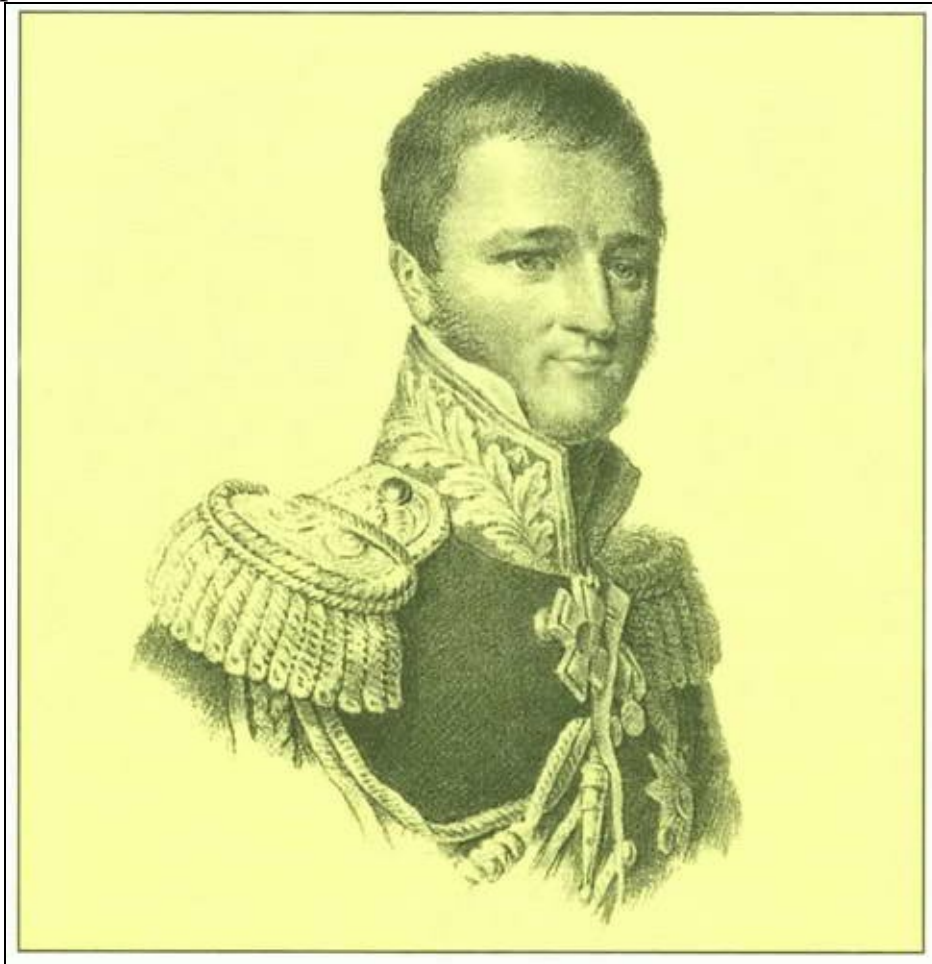
Бородинское сражение 26 августа 1812 г. Акварель неизвестного художника 1-й четверти XIX в.

Отступление по мостам под огнем противника привело к большим потерям, а быстрое оставление села дало повод для многоголосой критики в адрес полка, которая, естественно, не нашла подтверждения в позднейших реляциях командования, более осведомленного о причинах и следствиях боестолкновения.

Для прикрытия отступления гвардейских егерей был выслан 1-й егерский полк, командир которого полковник М.И. Карпенко составил очень краткий и ясный рассказ о дальнейших событиях:

«В сие самое время и мною получено повеление... двинуться с полком вперед на подкрепление лейб-егерей. Изготовившись к отпору сильного неприятеля, я тотчас уведомил командовавшего тогда полком полковника Бистрома и командира стрелковой цепи капитана Раля, чтобы они ускорили отступление через мост; когда ретирада начала приводиться в исполнение, я с тремя колоннами моего полка развернул одну фронтом, приказал всем лечь с намерением показать мою нерешимость на атаку Французы, не видя со стороны моей никакого препятствия, с барабанным боем устремились на мост и начали быструю переправу; когда же голова 1-й колонны ступила на нашу сторону, я открыл сильный ружейный огонь, после коего, нимало не медля, дабы не дать им времени сомкнуть рядов, я бросился в штыки; тут легли почти все на месте, в числе убитых был один генерал, с коего сняты эполеты и отправлены немедленно к Барклаю-де-Толли. Не успев оправиться, еще менее ожидав столь быстрого нападения, французы показали тыл. Желая воспрепятствовать вторичному покушению на сей важный пункт, я зажег мост, поставил вверенные мне колонны на колени и терпеливо ожидал последствий... Около четырех часов пополудни французские колонны устремились снова через

речку, уже вброд, и ринулись на занимаемую мною позицию; на расстоянии пистолетного выстрела встретил я врагов убийственным беглым огнем. Как они, так и мы выдерживали оный с неустрашимой стойкостью около четверти часа. Неприятель снова не торжествовал победы. Урон был велик, и обе стороны, как будто по команде прекратив пальбу, отступили друг от друга. Наименование храброго полка от главнокомандовавшего князя Кутузова служило лестной наградой как офицерам, так и нижним чинам...» [91, с. 340, 341].

Князь М.С. Воронцов. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

Акварель П. Лебедянцева. 1856 г. В 1812 г. — унтер-офицер лейб-гвардии Егерского полка.

Самой близкой и, казалось бы, легко достижимой целью французов был захват укреплений левого фланга русской армии. Действительно, недостроенные и невыгодно расположенные флеши и лежащая за ними деревня Семеновская, обороняемые численно слабыми дивизиями 2-й армии, были наиболее слабым местом русской позиции. Правда, войсками здесь руководил непревзойденный тактик и чрезвычайно харизматичный командир П.И. Багратион, но, как нам думается, Кутузов до самого последнего момента так и не смог представить, что напор французов на этот пункт будет столь мощным. Сами флеши оборонялись 2-й сводно-гренадерской дивизией генерал-майора М.С. Воронцова: в каждом укреплении расположилось по одному батальону, а остальные батальоны в колоннах к атаке встали позади флешей в одну линию. В непосредственной близости от гренадеров развернулась линия батальонов 27-й дивизии генерал-майора Д.П. Неверовского. Утицкий лес был занят егерской бригадой и сводно-гренадерскими батальонами 3-й пехотной дивизии, егерская бригада 27-й дивизии заняла перелески и овраги справа от укреплений, примкнув своим правым флангом к егерским полкам 12-й дивизии. Наконец, возле разобранной деревни Семеновской стоял единственный значимый пехотный резерв Багратиона — 2-я гренадерская дивизия генерал-майора принца Карла Мекленбургского. На северо-западной окраине деревни также возвели артиллерийское укрепление.

По оптимистичному замыслу Наполеона, флеши должны были захватить две пехотные дивизии корпуса Л.Н. Даву, численность которых практически равнялась численности пехоты Багратиона. После этого корпуса М. Нея и А. Жюно, по первоначальному плану, должны были двинуться левее флешей и обрушиться на русскую линию между Семеновской и центральной

батареями. Исполняя предписание, дивизии Компана и Дессе еще затемно вошли в лес, лежащий слева от флешей, и начали продвижение к русским укреплениям. Практически сразу весь стройный план начал трещать по швам: правый фланг Компана, а затем и дивизия Дессе втянулись в перестрелку с русскими цепями в лесу и практически остановились. Этот лес в течение дня стал страшной мельницей, перемалывающей войска: с обеих сторон под кроны деревьев, как в бездну, уходил батальон за батальоном. И все-таки часть французских полков, подойдя к южной (левой) флешей по лесу, атаковали укрепление. Очевидно, еще раньше обстрел от близкой опушки леса заставил увезти из флешей орудия, и теперь французов встретил лишь батальон гренадеров — не более 400 человек, — который и был отброшен. Подробности дальнейших событий на флешах вряд ли когда-нибудь удастся узнать точно — слишком разноречивы тексты документов и свидетельства очевидцев. Но то, что ожесточенность боя на этом участке поля была невиданной, не подлежит сомнению. Русские войска стояли насмерть. Очень быстро сводно-гренадерская и 27-я дивизии были перемолоты в непрерывных контратаках, но для этого маршалу М. Нею, отказавшись от первоначального плана сражения, пришлось двинуть свои дивизии на флешей, а корпус А. Жюно — в лес на правом фланге. Егеря из перелесков правее флешей постоянно обстреливали левый фланг наступающих французов, но не решались на активные действия из-за близости конных полков неприятеля. Какое-то время положение поддерживали атаки русской кавалерии, а затем Багратион задействовал в бою подошедшую от Утиц 3-ю пехотную дивизию: четыре полка дивизии дружной атакой вновь очистили укрепления от французов и утвердились на них, отражая нападения отдельных колонн. В какой-то момент солдаты Ревельского полка «задумались» под огненным шквалом у средней флешей, и тогда командир бригады генерал-майор А.А. Тучков 4-й кинулся вперед со знаменем в руках. Не пройдя и нескольких шагов, он был сметен картечью.

Трагическая история гибели молодого и талантливого генерала и подвижнической судьбы его вдовы хорошо известна. Величественные купола Спасо-Бородинского монастыря, возведенного на месте укреплений, всегда будут звучать гимном любви, храбрости и чувству долга. Но какие выводы о военных аспектах этого подвига мы можем сделать? «Задумчивость» солдат полка в данном случае объясняется, скорее, возможной, а не непосредственной опасностью. По всей видимости, голова батальонной колонны, находясь в «мертвом» пространстве за средним реданом, должна была выйти на активно обстреливаемый участок. Сделала ли колонна эти шаги после гибели своего генерала? Судя по потерям (из состава полка за весь день выбыло 15 убитых, 90 пропавших без вести и 165 раненых), атака не нашла продолжения. Еще меньше — около 200 человек — потерял старший полк бригады, Муромский пехотный.

Памятная доска Московского гренадерского полка на памятнике 2-й гренадерской дивизии. Бородинское поле.

Готовя очередную контратаку, Багратион собрал в мощный кулак немалые силы. 2-я гренадерская и 3-я пехотная дивизии, остатки 2-й сводно-гренадерской и 27-й дивизий, 4 батальона 12-й дивизии, наконец, 1-я сводно-гренадерская бригада и кавалерия на плато у

деревни Семеновская ожидали приказа. Не было сомнений, что они смогут в очередной раз отбросить, а может быть, и разгромить группировку неприятеля. Но в эти минуты властную руку на ход сражения наложила артиллерия, численность которой в районе Семеновской исчислялась уже сотнями стволов. При начале решительной атаки русских Багратион и несколько генералов получили серьезные ранения. Войска, осыпаемые картечью, утратили боевой порыв и отошли за Семеновский ручей. Около 10 часов утра неприятель окончательно укрепился на флешах. Очевидец со стороны французов так запомнил этот эпизод:

«Русская пехота подвигалась плотной массой, в которой наши выстрелы проделывали большие и широкие пробоины. Однако она не переставала приближаться до тех пор, пока, наконец, французские батареи не разгромили ее картечью; целые взводы падали сразу. Видно было, как солдаты под этим ужасным огнем старались все-таки сплотить свои ряды. Они разлучались ежеминутно смертью и все-таки снова смыкали ряды, попирая смерть ногами!

Наконец, они остановились, не решаясь идти дальше и не желая отступить, оттого ли, что они точно окаменели от ужаса среди такого страшного разрушения, или оттого, что в эту минуту был ранен Багратион... И вот эти инертные массы предоставили истреблять себя в течение целых двух часов, и единственным движением среди них было только падение тел. Это было ужасающее избиение, и наши доблестные артиллеристы не могли не восхищаться таким непоколебимым мужеством и слепой покорностью наших врагов!» [151, с. 236].

* * *

Последние слова французского офицера явно описывают ситуацию в районе деревни Семеновской, ставшей передовым пунктом обороны русского левого фланга. Для атаки на эту деревню Наполеон вынужден был двинуть свежую дивизию генерала Фриана, так как войска, участвовавшие в борьбе за «флеш», уже не были способны на активные наступательные действия. В свою очередь и русские полки, отодвинувшись за деревню, нуждались в поддержке. Батальоны 3-й и 12-й дивизий сконцентрировались у развалин деревни; очевидно, сильно пострадавшие гренадерские полки 2-й гренадерской дивизии вновь были отодвинуты во вторую линию. Пустовавшее же пространство влево от Семеновского пришлось прикрыть гвардией — свежие пехотные корпуса 1-й армии не успевали подойти на помощь левому флангу. Уже в седьмом часу утра приказ о выдвигении в район деревни Семеновская получила 2-я бригада гвардейской пехотной дивизии и 1-я сводно-гренадерская бригада под общим командованием полковника М.Е. Храповицкого. Гренадерские батальоны практически сразу были направлены на подкрепление войск у «флешей», а затем, понеся огромные потери, передвинулись в прикрытии батареи за Семеновским оврагом слева от гвардейских полков. Непосредственно перед гвардией продолжали отбиваться слабые цепи отряда Неверовского из остатков 27-й и сводно-гренадерской дивизий; многие солдаты примыкали к гвардейским батальонам. Батальоны лейб-гвардии Измайловского полка в колоннах к атаке заняли позиции на высоте к юго-востоку от деревни в боевом порядке «ан-эшекье»: в первой линии встали 2-й (справа) и 3-й батальоны, во второй — 1-й батальон. По словам А.П. Кутузова, «желая сбить колонны наши, усиливал неприятель огонь своей артиллерии; действие оной, истребляя ряды наши, не производило в них никакого беспорядка, оные смыкались и были поверяемы с таким хладнокровием как бы находились вне выстрелов» [39, с. 173]. Для встречи кавалерийской атаки все батальоны построились в каре против кавалерии, а 1-й выдвинулся в линию между 2-м и 3-м, что было совершенно оправданно: залпы передних, более длинных фасов таких каре были гораздо мощнее, чем боковых. В таком построении полк огнем отбил атаки неприятельской

кавалерии. 3-й батальон был выдвинут вперед в прикрытие батареи, а два остальных, по приказанию Коновницына выстроившись уступом, отразили еще одну атаку конницы, очевидно, с правого фланга.

Ранение П.И. Багратиона в Бородинском бою. Жерен И.М. 1816 г.

Левее измайловцев встали батальоны лейб-гвардии Литовского полка, действия которого были подробно описаны в рапорте командира полка полковника И.Ф. Удома:

«По приходе полка на... место, неприятель сделал сильное нападение на батарею нашу, о чем известясь я..., пошел со вторым баталионом вверенного мне полка и, сделав сильной отпор, прогнал неприятеля, которой, после усилясь, принудил всю линию нашу отступить на 50-т шагов. Неприятель осыпал нас ядрами и картечами и выслал на полк кавалерию в атаку. Все три баталиона мною к сему построены были в каре против кавалерии, быв окружены многочисленным неприятелем, приняли оного храбро и мужественно, и, подпустя на дистанцию, выстрелив прежде батальным огнем, закричав ура, расстроили и прогнали неприятеля до самой высоты с большим для него уроном как убитыми, так и ранеными, а в плен по ожесточении наших солдат никого не взято. С нашей же стороны никого от кавалерии тогда ранено не было. Неприятель, собравшись на той высоте, вторично сделал нападение на полк, но с таковым же мужеством, получа отпор, отретировался вправо, а высоту стали занимать неприятельские стрелки, для чего мною и был послан подполковник Тимофеев со вторым баталионом сбить неприятеля и занять оную. Что, хотя и с довольным успехом им было исполнено, но как уже неприятель несколькими колоннами усилился на сем пункте и подкреплял своих стрелков, то овладеть оной высотой уже полку было невозможно. Тут ранен пулею в ногу подполковник Тимофеев, и баталион отступил к полку. Потом по приказанию господина генерал-адъютанта графа Сен-При откомандированы были два баталиона для подкрепления высланных им армейских стрелков, где я ранен в правую руку пулею. Сначала же сражения старшей подполковник Угрюмов уже был ранен, и потому остался при полку подполковник Шварц, которой, оставя 2-й и 3-й баталионы, уже много притерпевшие убитыми и ранеными, в подкрепление, пошел с 1-м баталионом на оную высоту и выслав стрелков, овладел совершенно оню. Урон с обеих сторон был велик, причем и сам получил смертельную рану, от которой на другой день по утру помре. Неприятель усилился снова и уже полк потерял множество людей. По приказанию господина генерал-адъютанта Васильчикова, который во все сие время сражения при оном находился, отступил, отстреливаясь, к лесу, откуда снова выслав стрелков для прикрытия, соединился к Измайловскому баталиону» [125, с. 10].

С точки зрения использования разнообразных тактических приемов немалый интерес представляет описание действий подполковника В.И. Тимофеева, составленное им самим. Во время первых атак кавалерии Литовский полк примыкал к левому флангу Измайловского, находясь в таком же боевом порядке. 2-й батальон отразил атаку кавалерии без выстрела и преследовал ее. Тимофеев вспоминал: «В это же время каре 3-го батальона Измайловского полка, стоявшего правее, открыло пальбу рядами. За дымом нельзя было видеть, что выстрелы по бегущему неприятелю попадают в Литовцев, выдвинувшихся вперед из линии, вследствие предшествовавшей атаки. Затрудняясь дать знать этому каре, что выстрелы оного попадают в нас, я побежал к оному сам (верховая лошадь моя была уже давно убита) и под дымом выстрелов набежал прямо на капитана Катенина, стоявшего на левом угле переднего фаса. Начальник каре, узнав от меня о помянутом обстоятельстве, приказал ударить дробь и прекратить пальбу. Возвратясь к батальону, я отвел его на прежнее место и построил опять каре против кавалерии.

Французские батареи снова начали действовать по нас картечью. Вблизи неприятеля не было видно; но влево с версту или около версты, из-за леса выходила французская пехота с артиллерией, вероятно с тем, чтобы занять высоту, находившуюся на протяжении нашего левого

фланга.

А между тем влево от Л.-Гв. Литовского полка войск почти не было... Л.-Гв. Финляндский полк стоял в 3/4 версты позади Семеновского на дороге в Псареве, следовательно также довольно далеко от Литовского полка. Положение Литовцев было критическое.

Я просил полкового командира полковника Удома командировать меня для занятия этой высоты; но он не решался, отзываясь приказом строго воспрещавшим оставлять назначенные места. В это самое время подъехал с левой стороны к нашему полку генерал Коновницын. Я поспешил обратить его внимание на движение неприятеля и доложить, что под картечью перекрестных огней мы потеряли много людей, но эта потеря ничто в сравнении и с последствиями, если французы, заняв высоту у нас на левом фланге и далее беспрепятственно могут обойти и явиться у нас в тылу

У генерала Коновницына невольно вырвалось восклицанье: «Боже мой, что делать!» Эта фраза в устах неустрашимого генерала доказывает важность и трудность минуты.

Он обращается с вопросом к полковнику Удому, нет ли вблизи армейских полков и, услышав отрицательный ответ, сказал: кого же послать? я вызвался на это назначение и получив дозволение поспешил с своим 2-м батальоном через кустарник занять высоту. Рассыпав по ней 6 взводов в стрелки, оставив в резерве за горой под начальством капитана Арцыбашева два взвода 2-й гренадерской и 4-й фузилерных рот.

И.Ф. Удом 1-й. Портрет из Военной галереи Зимнего дворца. Дж. Доу. 1819-1825 гг.

В это время французские войска из двух егерских батальонов с 6 орудиями, двух колонн гренадер, имея в третьей линии колонну драгун, стали выстраиваться впереди леса. Французы без сомнения предполагали значительные силы за высотой, занятой батальоном, остановились и

ограничились одной перестрелкою. Но их старший начальник (у которого вероятно под командой состоял этот отряд), находясь в довольно значительном расстоянии позади на одной из высот, хорошо видел, какова наша численная сила. Два адъютанта поскакали от него, конечно, с приказанием — решительно атаковать.

Не видя возможности устоять против в 5 или 6 раз превосходящих сил противника, я решил хоть удержать их от смелого напора.

Сражение при Бородине, 26-го августа. П. Тесс.

Пришлось пуститься на хитрости: оба взвода, стоявшие в резерве, были поставлены в одну линию и притом не в три, а в две шеренги, и как только французские колонны, предшествуемые густыми цепями, двинулись вперед, резервные взводы поднялись на высоту и остановились так, чтобы неприятель мог видеть только головы солдат первой шеренги и принял бы их за голову сильной колонны, готовой вступить в бой. Обманутые таким образом французы снова остановились и снова открыли огонь, а взводы капитана Арцыбашева скрылись за высотой.

Французский генерал, выведенный из себя, послал еще трех адъютантов с приказанием атаковать высоту; отряд двинулся вперед, но капитан Арцыбашев опять показался из-за высоты со своими тощими резервами, и французские колонны опять остановились. Таким образом 2-й батальон Л.-Гв. Литовского полка, истощенный предшествовавшими потерями, удерживал высоту без всякой посторонней поддержки и без резерва, сильно страдая от огня многочисленного неприятеля. В это время я был тяжело ранен в левую ногу с раздроблением кости. Не чувствуя сначала большой боли, я перевязал крепко платком рану и оставался значительное время при батальоне; но когда начало ногу сводить и боль чрезвычайно усилилась, я подозвал к себе капитана Арцыбашева, объявил ему о своей ране и о том, что не имею уже сил стоять и поручил ему командовать батальоном. А чтобы не обескураживать солдат, я не взял ни одного человека для помощи, хотя и чувствовал, что далеко не уйду, и пошел, опираясь на

саблю, искать лекаря» [125, с. 71, 72].

По свидетельству очевидцев, батальоны Литовского полка постоянно находились в сфере действия картечного огня, что подтверждается и самыми крупными (в абсолютных величинах) безвозвратными полковыми потерями — полк потерял 436 человек убитыми и ИЗ пропавшими без вести, при этом ранено было 532 человека.

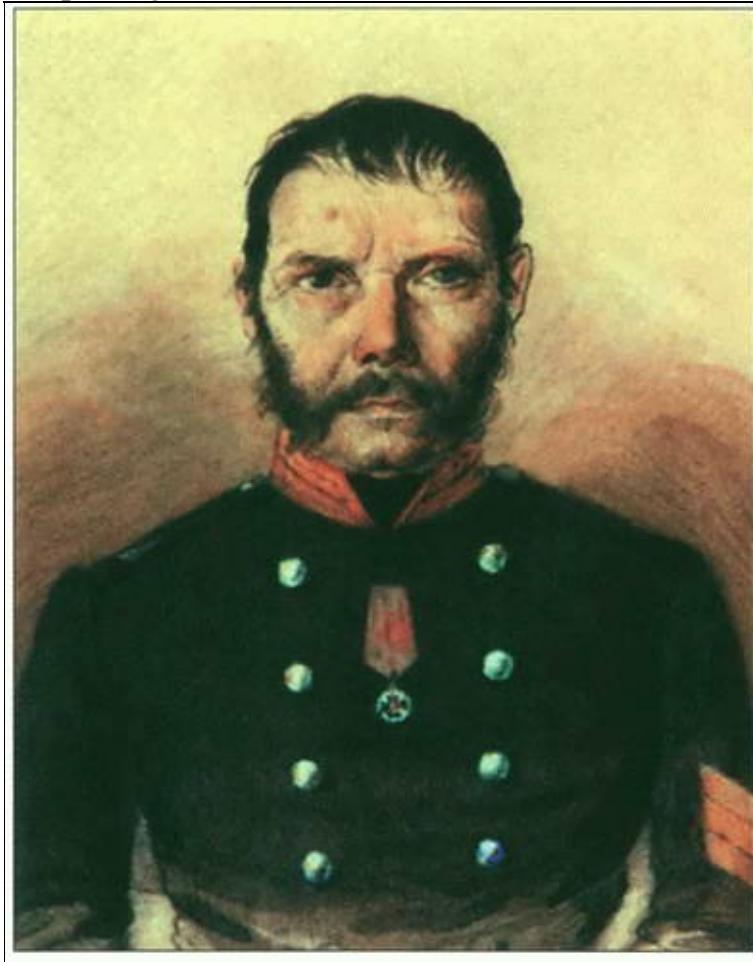
Подробности боя за саму деревню Семеновскую мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Видимо, немногие из находившихся на развалинах солдат остались в живых: защитники деревни не оставили своих позиций. После одновременной атаки неприятельской пехоты и кавалерии русские батальоны были рассеяны, но солдаты продолжали сражаться до конца [130, с. 36]. Н.И. Андреев из 50-го егерского вспоминал: «Наша дивизия была уничтожена... Меня опять послали за порохом, и я, проезжая верхом, не мог не только по дороге, но и полем проехать от раненых и изувеченных людей и лошадей, бежавших в ужаснейшем виде. Ужасы сии я описывать не в силах; да и теперь вспомнить не могу ужаснейшего зрелища. А стук от орудий был таков, что за пять верст оглушало, и сие было непрерывно... Это было в 7 часов вечера. Я отослал ящики назад, а сам поехал вперед к деревне Семеновской, которая пылала в огне. На поле встретил я нашего майора Бурмина, у которого было 40 человек. Это был наш полк. Он велел сих людей вести в стрелки. Я пошел, и они мне сказали: «ваше благородие, наш полк весь тут, ведите нас последних добивать». [87, с. 192, 193]

Эпизод Бородинского сражения

В то время, когда на флешах еще шли тяжелые бои, 4-й корпус Великой армии под командованием генерала Е. Богарне, захватив Бородино и тем обеспечив свой левый фланг, двинулся к «Большому редуту» — русской батарее Раевского. Как оказалось, выйти на позиции

для атаки было совсем непросто, так как кустарники у устья Семеновского ручья занимала егерская бригада 26-й дивизии, заставлявшая французов дорого платить за каждый шаг. По словам И.Ф. Паскевича, «пройти кустарники стоило французам величайших усилий. Более часа егеря моей дивизии удерживали их наступление» [124, с. 102]. Бой егерских цепей разбивался на отдельные схватки, в которых очень многое зависело от выучки и инициативности солдат и офицеров. Так, в 5-м егерском полку знаками отличия военного ордена были награждены барабанщики Иван Андреев, Герасим Манихин и рядовые Яков Яковлев, Софрон Васильев, Карп Афанасьев, Филипп Иванов, которые, «когда неприятелем были отрезаны, то, не теряя присутствия духа, соглася всех наших с ними бывших солдат, ударили храбро на штыки и тем освободились от плена, нанеся немалый урон неприятелю». Еще 18 рядовых егерей были награждены за то, что «находясь в стрелках, пригласили своих товарищей, ударили на неприятельское орудие, которое мужественными их подвигами взято в плен» [94, с. 147, 148].

Лазарь Тимофеев. Акварель П. Лебедянцева. 1856 г. В 1812 г. — рядовой лейб-гвардии Семеновского полка.

Паскевич так вспоминал о дальнейших действиях своей дивизии: «Видя, что неприятель готовится к нападению, вышел к нему на встречу с остальными полками своей дивизии, собрав своих егерей, разместив войска по обоим флангам люнета, поставил я Нижегородский и Орловский полки по правую сторону, Ладожский и один батальон Полтавского — по левую, а другой батальон Полтавского рассыпал по укреплению и во рву 18, 19 и 40-й егерские полки расположены позади люнета в резерве» [124, с. 102, 103]. По уверению генерала, он даже выдвинул полки вперед, некоторое время удерживал натиск передовых батальонов французов и отступил за батарею, понеся немалые потери.

Сама «батарея Раевского», или «центральный редут», представляла собой земляной люнет

из двух загнутых к тылу фасов, защищенный сзади двойным палисадом из заостренных бревен; с обоих флангов между фасами укрепления и палисадом оставались проходы [83, с. 153].

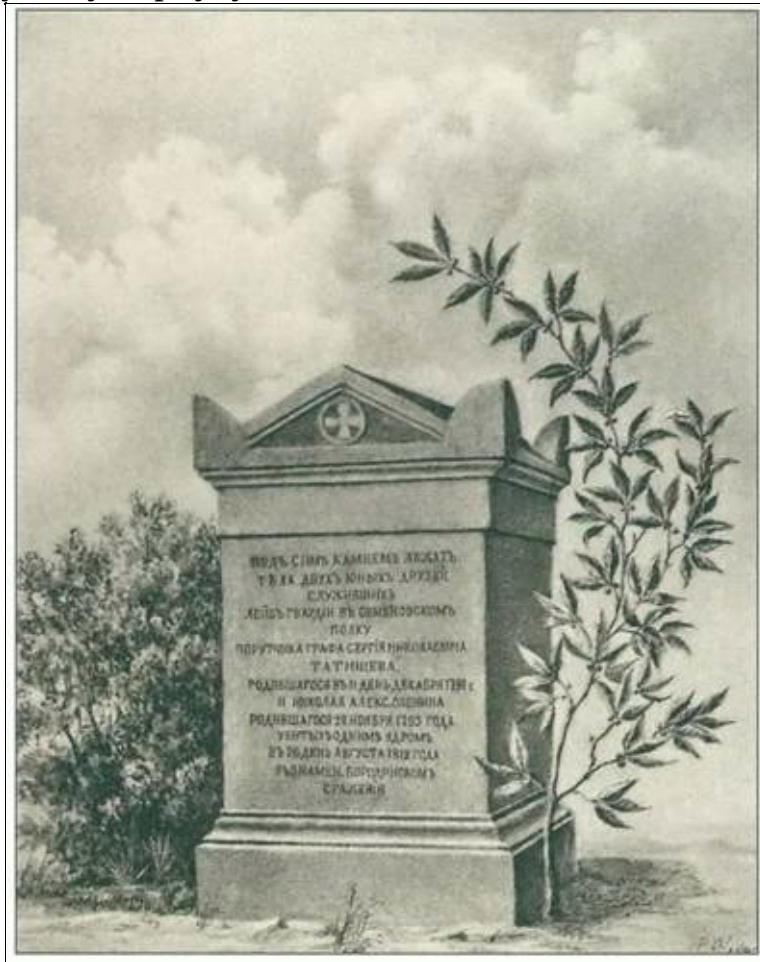
Около 9 часов утра Е. Богарне повел наступление на батарею, и пятибатальонный 30-й линейный полк под командованием генерала Ш. Бонами сумел ворваться на батарею. Очевидно, в этот момент ветер совершенно утих, и пороховое облако так плотно укутало вершину холма, что приближение французов не было вовремя замечено. Сам Н.Н. Раевский, находящийся в укреплении, увидел французских пехотинцев уже в тот момент, когда они с тыла вбежали на площадку батареи. Внезапное появление неприятельской пехоты перед колоннами некоторых полков 26-й дивизии вызвало настоящую панику — русские войска отхлынули от вершины кургана. Впрочем, замешательство было недолгим: генерал-майор И.Ф. Паскевич повел в атаку батальоны 26-й и 12-й дивизии с левого фланга, а в центре и на правом фланге атаку возглавили генерал-майоры И.В. Васильчиков и А.П. Ермолов с батальонами 26-й и 24-й дивизий, а также с 18-м егерским полком.

Дружный натиск русских полков заставил французов отступить далеко от батареи, 30-й полк был почти полностью уничтожен, а сам генерал Бонами взят в плен фельдфебелем 18-го егерского полка В.В. Золотовым.

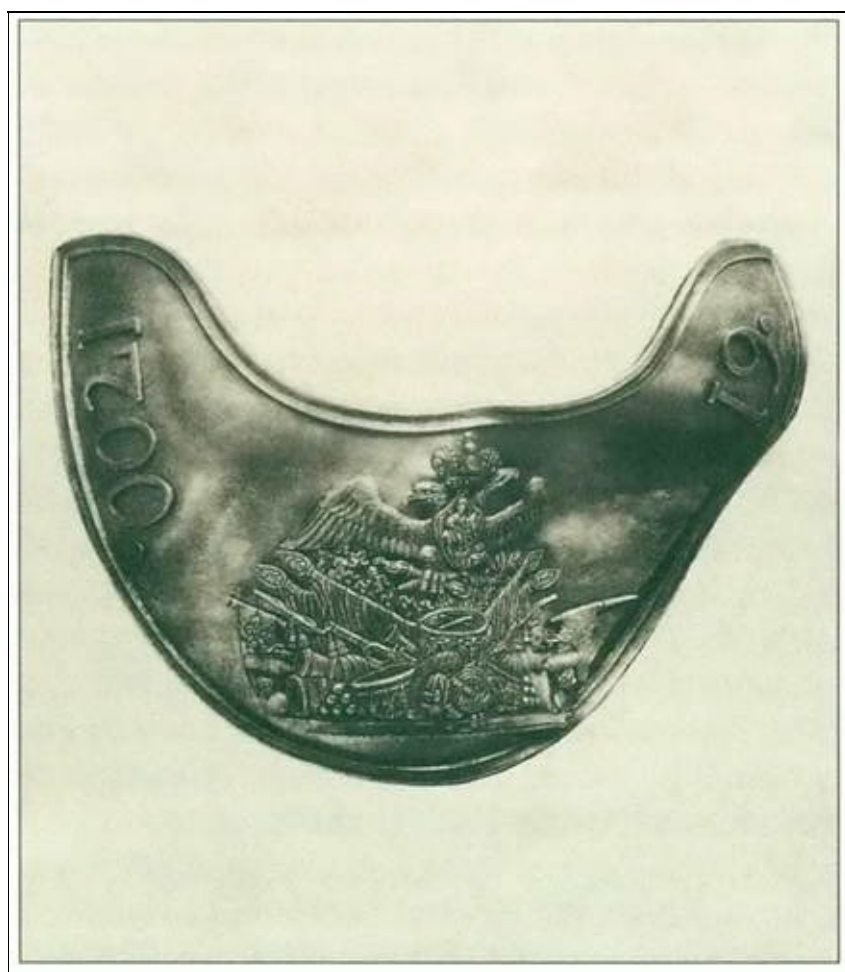
Для полков 24-й пехотной дивизии центральная высота стала подлинной голгофой. Все полки дивизии приняли участие в контратаке на захваченную французами батарею. 19-й и 40-й егерский, а также, видимо, 3-й батальон Уфимского полка ворвались в укрепление, в то время как остальные полки, атакуя колоннами справа от высоты, остановили французов, стремящихся поддержать свой 30-й линейный полк, гибнущий на батарее. Атаку батальона уфимцев, двигавшихся «толпою в виде колонны», возглавил лично А.П. Ермолов. В своих воспоминаниях адъютант Баркляя де Толли В.И. Левенштерн утверждал, что он первый лично повел на батарею батальон Томского полка, но в наградных документах этой части упоминаний о громком подвиге почему-то не содержится.

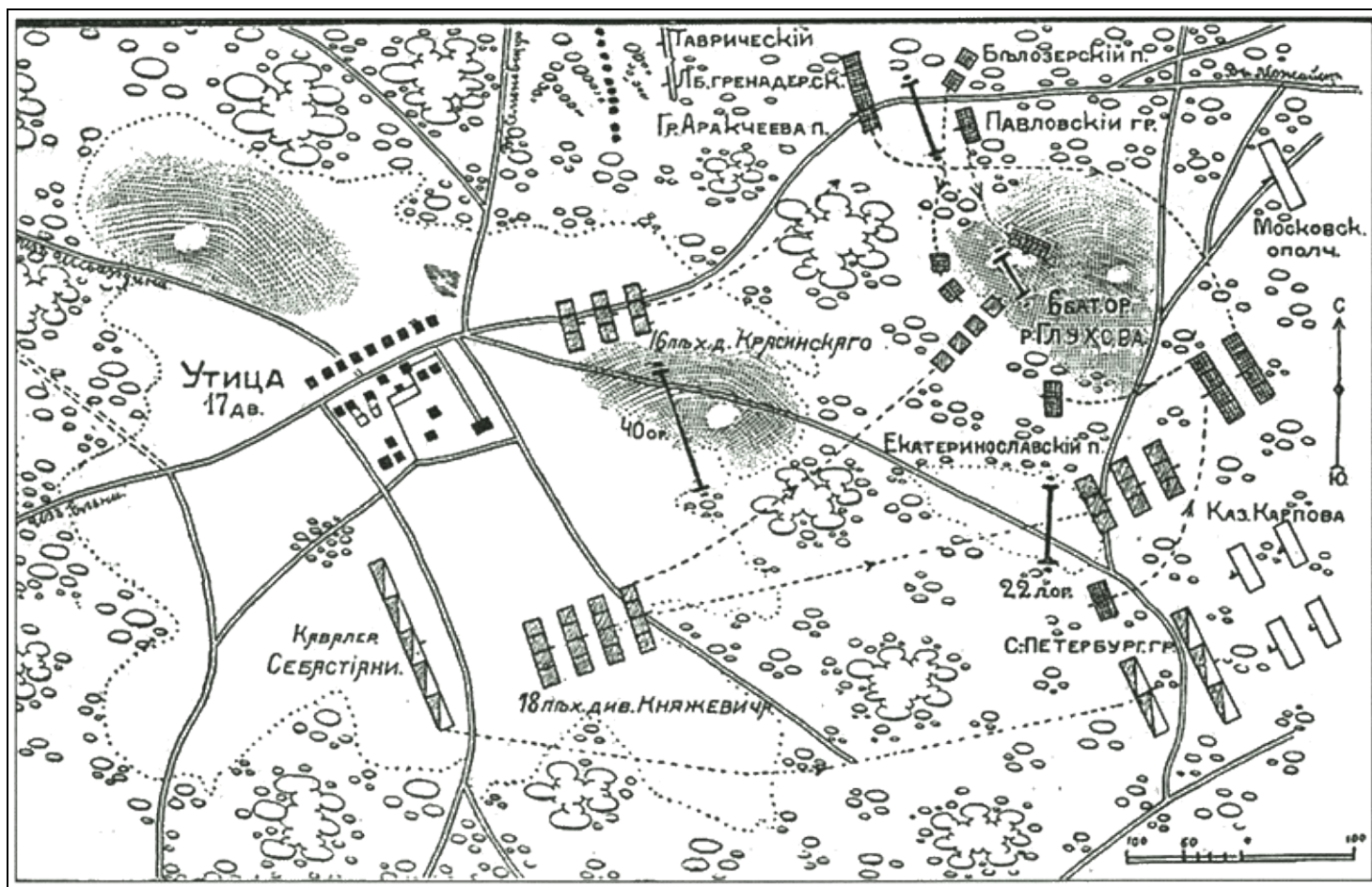
Очищенную от французов батарею вновь заняла русская артиллерия, а на самой площадке укрепления, по-видимому, были расположены егеря и гренадеры 18-го егерского полка, присоединенного к егерской бригаде 24-й дивизии. Из документов известно, что капитан полка Бреер «удерживал стрелками и взводом grenадер батарею, где мужественно и храбро защищался против неприятеля» [39, с. 260]. Здесь же находился и ослабленный болезнью командир дивизии генерал-майор П.Г. Лихачев. Остальные полки разместились за батареей и по флангам от нее в двух линиях батальонных колонн. Ослабленные полки 7-го корпуса, по всей видимости, были отведены за овраг ручья Огник. Наконец, 4-я пехотная дивизия заняла позиции южнее высоты, примкнув к подошедшему 4-му корпусу.

Памятник на могиле Н.А. Оленина и С.П. Татищева.

Нагрудный офицерский знак Н.А. Оленина, смятый ядром.

Стоявшие справа и слева от батареи полки подвергались ожесточенному обстрелу французской артиллерии. П.Х. Граббе вспоминал: «По выдавшейся углом нашей позиции огонь неприятеля был перекрестный, и действие его истребительно. Несмотря на то, пехота наша в грозном устройстве стояла по обе стороны Раевского батареи, Ермолов послал меня сказать пехоте, что она может лечь для уменьшения действия огня. Все оставались стоя и смыкались, когда вырывало ряды. Ни хвастовства, ни робости не было. Умирили молча. Когда я отдавал приказание Ермолова одному батальонному командиру, верхом стоявшему перед батальоном, он, чтобы лучше выслушать, наклонил ко мне голову. Налетевшее ядро размозжило ее и обрызгало меня его кровью и мозгом» [67, с. 88]. Ширванский полк, после 10 часов утра не участвовавший, судя по наградным документам, в активных боевых действиях, тем не менее потерял 179 нижних чинов убитыми, 301 — ранеными и 41 — пропавшими без вести. Напротив, Томский полк, стоявший за батареей, имел всего 6 рядовых, гибель которых была подтверждена. Около 2 часов дня неприятельская пехота начала планомерное выдвижение к редуту, но основной удар по 24-й дивизии нанесла кавалерия маршала И. Мюрата. С южной стороны последовательно атаковали 2-я и 7-я дивизии тяжелой кавалерии. Французские кирасирские полки под огнем добрались до укрепления и напали на стоявшие возле него русские батальоны. Часть всадников через левый проход палисада и прямо через обвалившийся бруствер проникла на площадку люнета, другая часть сумела пробиться к правому проходу. Штыки и пули русской пехоты отбросили зарвавшихся кавалеристов, но артиллерия в эти минуты ослабила огонь и колонны французов смогли сделать еще несколько сот шагов в относительной безопасности. Очевидно, в последующие 10-15 минут Лихачев успел частично сменить пострадавший гарнизон люнета, введя на площадку роту Томского полка, и в этот момент новая волна кавалерии накрыла дивизию. Саксонский кирасирский полк Гар дю Кор из состава 7-й дивизии повторил путь французских кирасир, а прочие полки этой дивизии, пройдя сквозь боевые порядки Томского полка, дошли до оврага, оказавшись в тылу второй линии дивизии Лихачева, так что медики дивизионного перевязочного пункта вынуждены были спасаться от неприятеля. Артиллеристы и пехотинцы, находящиеся внутри укрепления, ожесточенно отбивались от кавалеристов. В целом, у них был шанс выстоять — кирасиров было не так уж и много, а штыки и в этот раз служили надежной опорой, — но через остатки бруствера уже лезли подоспевшие французские пехотные колонны. На ставшей тесной от массы войск площадке люнета остатки гарнизона дорого продали свою жизнь. Генерал Лихачев, поднявшийся с походного стула, сражался вместе с солдатами, но был сбит с ног прикладом и взят в плен. Уже на следующий день побывавшему на батарее французскому офицеру показалось, что «погибшая тут почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут».

Бородинское поле битвы 7 сентября 1812 г.

19-й егерский, Бутырский и Уфимский полки пробились за овраг с немалыми потерями. Даже в самом овраге ручья Огник закипела схватка: польские кирасиры атаковали сгрудившихся там пехотинцев. Полностью окруженный Томский полк вел героическую борьбу: 3-й батальон, стоявший ближе к оврагу, отбросил преграждавшую ему дорогу кавалерию, а вскоре к нему пробились и остатки 1-го батальона. В эти минуты полк понес наибольший урон — пропавшими без вести выбыло из строя 354 человека. И все-таки, отступив, полки дивизии сохранили боеспособность.

Дальнейшие атаки французской кавалерии также не достигли решительного результата. Полки 4-го пехотного корпуса, построившись в каре в шахматном порядке, огнем отбивали неприятеля сначала с фронта, а потом и с тыла. По словам М.Б. Баркляя де Толли, «неприятельская конница, получив подкрепление... преследовала нашу и, прорвавшись сквозь интервалы наших пехотных кареев, зашла совершенно в тыл 7-й и 11-й пехотных дивизий, но сия бесподобная пехота, ни мало не расстраиваясь, приняла неприятеля сильным и деятельным огнем и неприятель был расстроен» [39, с. 250]. Особенно здесь отличились Перновский пехотный и 34-й егерский полки под командованием генерал-майора П.Н.Чоглокова. Генерал-майор принц Е. Вюртембергский с двумя бригадами своей 4-й дивизии также не допустил прорыва русского фронта: построив Тобольский и Волынский полки в батальонные каре (по другим данным, в два полковых каре), остальные два полка он оставил в резерве [39, с. 269]. По словам очевидца, «от атаки неприятельской конницы остались следы в наших линиях, где лежало много французских кирасир; из числа их раненые или спешенные были переколоты нашими рекрутами, которые, выбегая из рядов своих, без труда нагоняли тяжелых латников и добивали сих рослых всадников, едва двигавшихся пешком под своей грузной броней» [108, с.

Центр русского боевого порядка отодвинулся на несколько сот шагов, но так и не был прорван.

Мост через реку Колочь у Бородина. 17 сентября 1812 г. Раскрашенная литография по рисунку Х. Фабера дю Фора. 1830-е гг.

4-й корпус флангом примыкал к позиции 1-й бригады гвардейской пехотной дивизии, полки которой, лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семеновский, фактически находясь в резерве, теряли немало людей от летевших ядер, гранат, а к концу сражения и пуль неприятельских стрелков. Стоя на протяжении всего дня в линии батальонных колонн, бригада потеряла 273 нижних чина, но, составляя стержень русского боевого порядка, оказывала неоценимую моральную поддержку всей армии.

Страшная трагедия кровопролитного сражения складывалась из множества личных и семейных трагедий. Одна из таких трагедий произошла на глазах офицеров лейб-гвардии Семеновского полка, в котором служили два брата Олениных — 19-летний Николай Алексеевич и 18-летний Петр Алексеевич. М.И. Муравьев-Апостол вспоминал: «Правее 1-го батальона Семеновского полка находился 2-й батальон. Петр Алексеевич Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 часов утра ядро пролетело близ его головы; он упал с лошади, и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший к раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его только контужен и останется жив. Оленин был вне себя от радости. Офицеры собрались перед батальоном в кружок, чтобы порасспросить о контуженном. В это время неприятельский огонь усилился, и ядра начали насбить. Тогда командир 2-го батальона, полковник барон Максим Иванович де Дамас (De Damas), scomандовал: «г-да офицеры, по местам». Николай Алексеевич Оленин стал у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. Они оба радовались только что сообщенному счастливому известию; в эту самую минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина, и унтер-офицеру оторвало ногу» [109, с. 226]. Впрочем, и для младшего брата

контузия стала роковой: «Он опомнился, но долго страдал помешательством, отчего он хотя и выздоровел, но остался со слабой памятью и с признаками как бы ослабевших умственных способностей» [108, с. 110].

* * *

На Старой Смоленской дороге бой с польским корпусом Ю. Понятовского вел 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова 1-го. Первоначально русский корпус был построен в 4 линии батальонных колонн, имея в двух первых линиях 1-ю гренадерскую дивизию. Вскоре пехотные полки 3-й дивизии были направлены к флешам, а гренадеры отступили за деревню Утица, причем Екатеринославский полк зажег деревню, отбивая натиск польских стрелков. Установив батарею на высоте, Тучков выставил в первую линию Лейб-гренадерский, Екатеринославский и Санкт-Петербургский полки. Таврический гренадерский полк практически сразу был послан в Утицкий лес, обеспечивая связь с егерями 3-й дивизии, где и сражался в рассыпном строю в течение всего дня, понеся самые большие среди полков дивизии потери. Очень скоро Тучков вынужден был послать на свой правый фланг Лейб-гренадерский и Графа Аракчеева полки. Польский офицер писал: «16-я польская дивизия Красинского, поддерживая своих стрелков, разбилась на небольшие отряды и, хотя ввела в бой две трети своего [состава. — И.У]..., но все-таки вперед не продвигалась. Неприятельские стрелки, отойдя к своим колоннам, перестали отступать, и даже перешли в наступление» [34, с. 33].

Очевидно, из-за очень интенсивного огня неприятеля на самой высоте не осталось пехотного прикрытия: Павловский полк встал справа, а Санкт-Петербургский и Екатеринославский — слева от высоты. Пользуясь тем, что огонь русской артиллерии ослабел, Понятовский бросил в атаку обе свои пехотные дивизии. 15-й польский линейный полк ворвался на батарею. Тучков организовал контратаку, задействовав в ней и подошедшие Белозерский и Вильманstrandский полки.

На высоте разгорелся штыковой бой, в котором особенно отличились батальоны Павловского полка; остатки неприятельского полка сумели вырваться из окружения. Во время этого боя сам Тучков получил смертельную рану, а руководство над отрядом в скором времени принял командир 2-го корпуса генерал-лейтенант К.Ф. Багговут. Последним вступив в дело, 2-й корпус своими пехотными полками сумел закрыть зияющие бреши в обороне от северных подступов к деревне Семеновское до Старой Смоленской дороги; егерские полки корпуса сражались в центре русской линии. Каре Тобольского и Волынского полков так и остались на своих позициях северо-восточнее Семеновского. Рязанский и Брестский полки под началом генерал-майора П.И. Ивелича 2-го прикрыли батарею на северной окраине Утицкого леса. Белозерский и Вильманstrandский полки под командованием генерал-лейтенанта З.Д. Олсуфьева 3-го двинулись на помощь 3-му корпусу Наконец, Кременчугский и Минский полки под непосредственным командованием генерал-майора принца Евгения Вюртембергского заняли перелески вдоль дороги от Утиц к Семеновскому.

Положение на крайнем левом фланге русской армии стабилизировалось. Последние серьезные попытки прорвать оборону были сделаны неприятелем в районе северной опушки Утицкого леса. Здесь насмерть стояли Рязанский и Брестский пехотные полки, но силы их были на исходе. Багговут был вынужден послать им на подкрепление Вильманstrandский полк и 500 человек Московского ополчения, которые и опрокинули наступающего противника. Здесь произошла поистине драматическая история, нашедшая отражение в рапорте генерал-

лейтенанта Н.И. Лаврова М.И. Кутузову от 7 декабря:

«1-го сводного гранодерского батальона капитан Букарев во время бывшего сражения 26-го августа при селе Бородине находился в деле со 2-ю гранодерскою ротою на левом фланге гвардии для прикрытия батареи. Когда убиты были бригадною командир полковник князь Кантакузин и батальонный командир подполковник Альбрехт, капитан Букарев, оставаясь старшим, заступил место подполковника Альбрехта и при наступлении неприятельской колонны, состоящей в пехоте и кавалерии, ободряя воинских чинов в батальоне, отразил неприятеля штыками и обратил его в бегство, занял его позицию, где и получил сперва контузию картечью в правый бок.

А после того ранен в правое плечо ниже сустава навывлет ружейною пулею, чрез что, ослабев совершенно силами, оставался на месте сражения лежащим между убитыми телами до тех пор, пока угодно было провидению к спасению жизни послать 60-летнего отца его прапорщика Букарева, служившего в ополчении, посредством коего по перевязке ран отвезен в Москву, получив выздоровление явился на службу.

Вашей Светлости представляя о сем офицере израненном и храбром, осмеливаюсь покорнейше просить наградить его» [39, с. 292].

Здесь же в бой вступили батальоны лейб-гвардии Финляндского полка, также обороняя опушку леса. Полк большую часть времени сражался в стрелковых цепях, но, отбивая атаку колонн противника, произвел атаку двумя батальонными колоннами при поддержке стрелков.

Наступивший вечер положил конец массовым схваткам, но противоборство стрелков в Утицком лесу продолжалось. Офицеры тут и там собирали группы солдат, отбившихся от своих частей, и вступали с ними в бой. Физическое состояние войск на всем протяжении новой русской линии было ужасным, и командирам всех рангов приходилось прикладывать титанические усилия, чтобы восстановить боеспособность подразделений. По словам Н.Н. Муравьева, «во всю ночь с 26-го на 27-е число слышался по нашему войску неумолкаемый крик. Иные полки почти совсем исчезли, и солдаты собирались с разных сторон. Во многих полках оставалось едва 100 или 150 человек, которыми начальствовал прапорщик...» [108, с. 111].

И все-таки дух большей части армии не был подорван. Многие полки, получившие сведения о возможном наступлении, деятельно готовились к нему, наскоро сколачивая взводы и пополняя запасы патронов. Командир 1-го егерского полка М.И. Карпенко даже послал рабочую команду за строительными материалами, чтобы при необходимости быстро восстановить наплавной мост через Колочу... Но реальность разрушила все оптимистические надежды: убыль армии, даже на первый взгляд, была огромна, резервов почти не оставалось, а позиция стала слишком обширна для оставшихся в строю войск. Последовал приказ об отступлении...

Великая армия Наполеона к концу дня также находилась не в лучшем состоянии. Очевидец сражения с французской стороны Ц. Ложье отметил: «Никакое бедствие, никакое проигранное сражение не сравняется по ужасам с Бородинским полем, на котором мы остались победителями. Все потрясены и подавлены».

Небывалая самоотдача всех чинов русской армии отмечалась всеми очевидцами. Солдаты, даже не помышляя об отступлении, часами выдерживали страшный артиллерийский огонь, бросались в штыковые и до последнего оспаривали каждый шаг бородинской земли. О действиях командного состава унтер-офицер Тихонов вспоминал так:

«Начальство под Бородином было такое, какого не скоро опять дождемся. Чуть бывало кого ранят, глядишь, сейчас на его место двое выскочат. Ротного у нас ранили, понесли мы его на перевязку, встретили за второй линией ратников. «Стой!» кричит нам Ротный (а сам бледный, как полотно, губы посинели). «Меня ратнички снесут, а вам баловаться нечего, ступайте в батальон! Петров! Веди их в свое место!» Простились мы с ним, больше его не видали.

Сказывали, в Можайске его Французы из окна выбросили, от того и умер. А то Поручика у нас картечью ранило. Снесли мы его за фронт, раскатываем шинель, чтоб на перевязку нести. Лежал он, с закрытыми глазами: очнулся, увидал нас, и говорит: «Что вы, братцы, словно вороны около мертвечины собрались. Ступай в свое место! Могу и без вас умереть!» Как перешли мы за овраг, после Багратиона, стали мы строиться. Был у нас Юнкерок, молоденький, тщедушный такой, точно девочка. Ему следовало стать в 8-м взводе, а он, возьми, да в знаменные ряды и стань. Увидал это батальонный Командир, велит ему стать в свое место. «Не пойду я, говорит, Ваше Высокoblагородие, в хвост, не хочу быть подлецом: хочу умереть за Веру и Отечество». Батальонный у нас был строгий, разговору не любил; велел он Фельдфебелю поставить Юнкера на свое место. Взял его, раба Божьего, Иван Семенович за крест [за перекрестие перевязи и портупей на груди. — И.У.], ведет, а он туда же, упирается. Когда б не такое начальство, не так бы мы и сражались. Потому что какое ни будь желанье и усердье, а как видишь, что начальство плошает, так и у самого руки опускаются. А тут в глаза всякому наплевать бы следовало, если бы он вздумал вилять, когда он видит, что отрок, и человеком его назвать еще нельзя, а норовит голову свою положить за Веру и Отечество. Да вилять никто и не думал» [136, с. 118].

И вслед за участником грандиозной баталии мы лишь можем повторить эпитафию всем знаменитым и безымянным героям:

«Мир вашему праху, благословенные сыны России! И вечная память потомства, которому огонь Бородинского сражения будет неугасимо поднебесною лампадою светить... призывая к поклонению вам, спасители Отечества» [126, с. 185].

ВЕРЕЯ И ТАРУТИНО

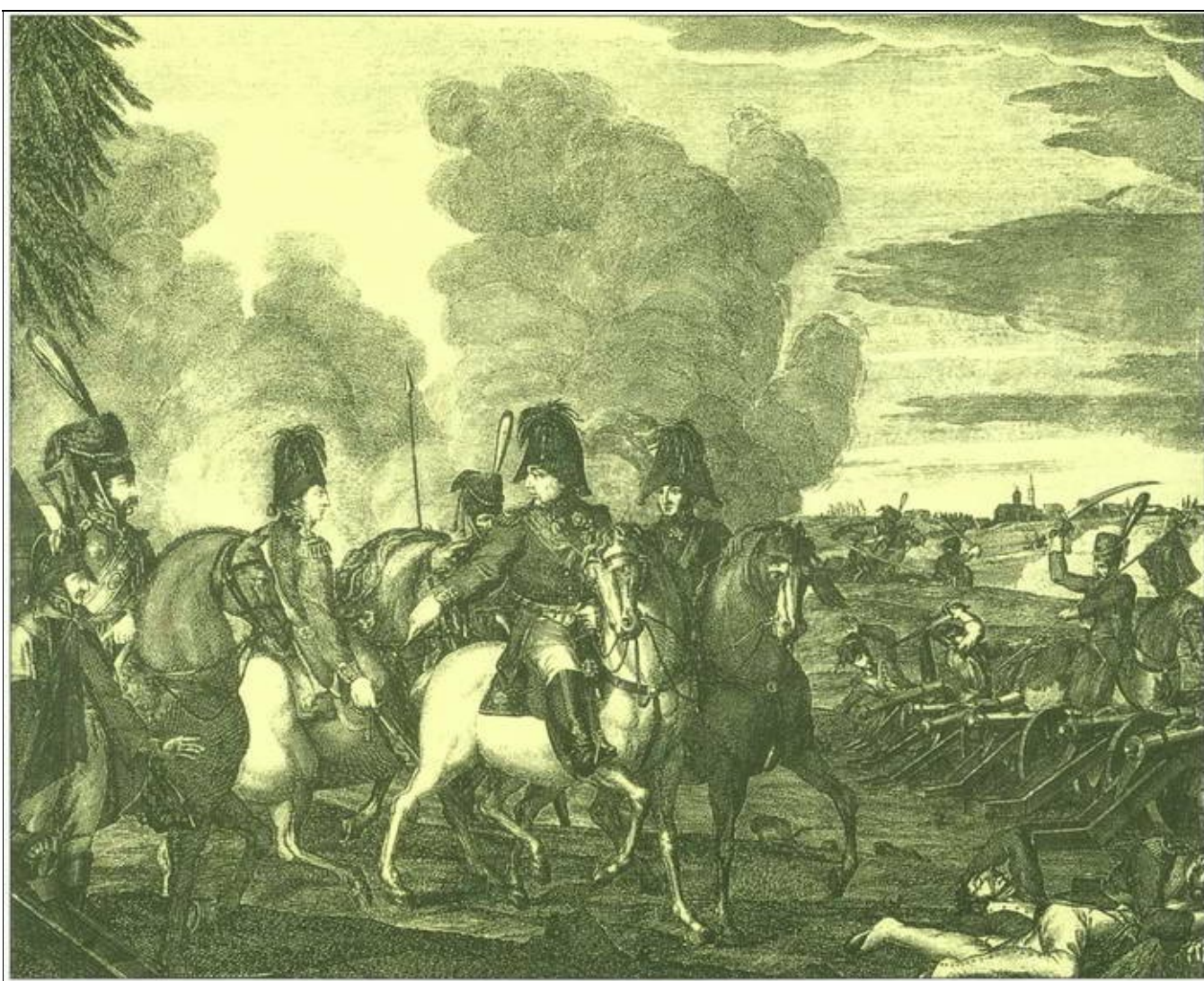
Отступление русской армии через Москву и последовавший марш-маневр, завершившийся размещением в Тарутинском лагере, сопровождались рядом арьергардных боев, в которых участвовали егерские полки. Вторая же половина сентября принесла некоторое затишье на главном направлении. Наполеон в Москве тщетно ожидал мирного соглашения, многие корпуса Великой армии занимали территории вблизи древней русской столицы.

И.С. Дорохов. Портрет из Военной галереи Зимнего дворца. Дж. Доу. 1819-1825 гг.

Верея. Вид на Вере́йский кре́мль и памятник И.С.Дорохову.

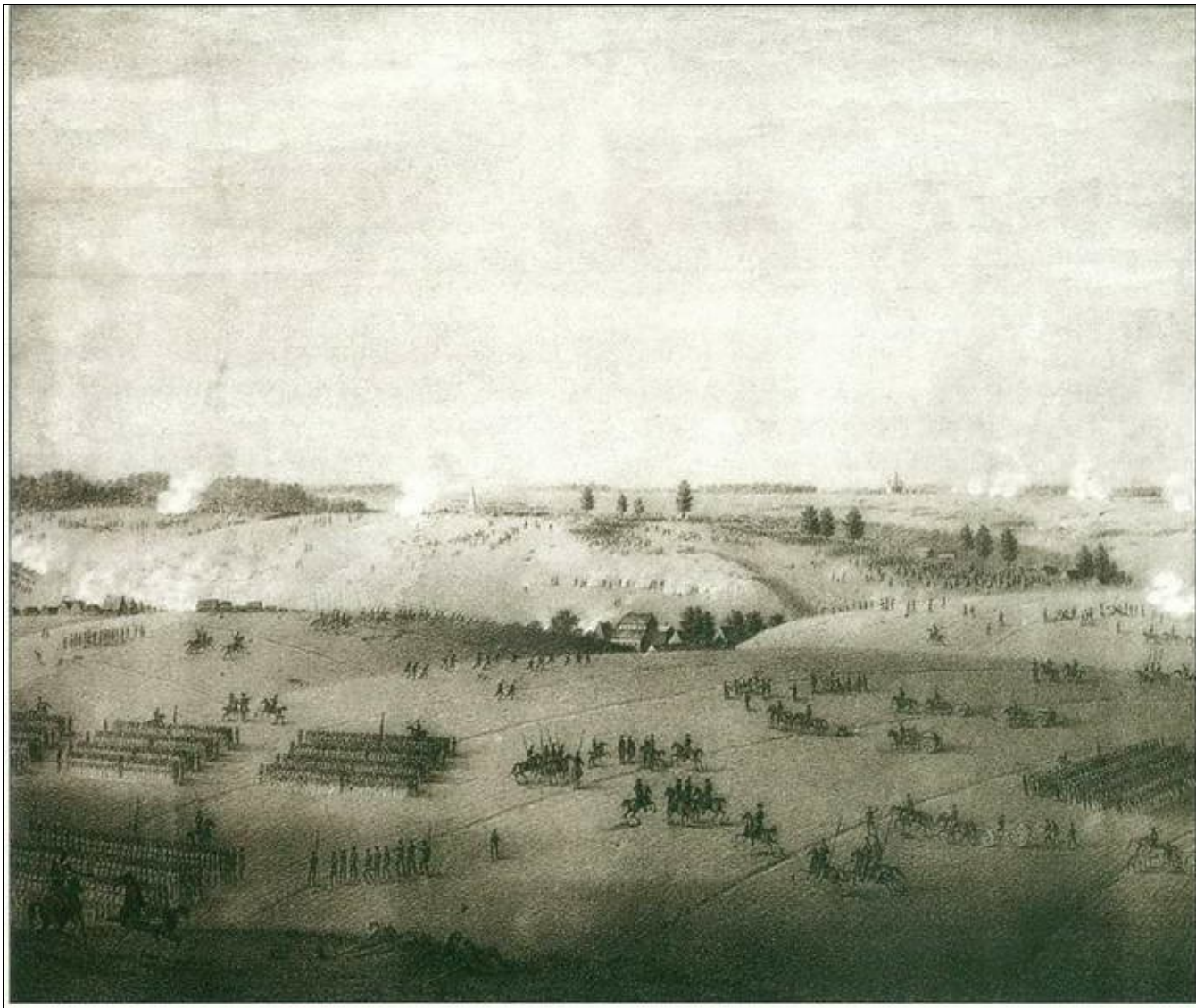

Победа при Тарутине 6 октября 1812 г. Гравировал И. Беггров под рук. С. Карделли по оригиналу Д. Скотти. 1814 г.

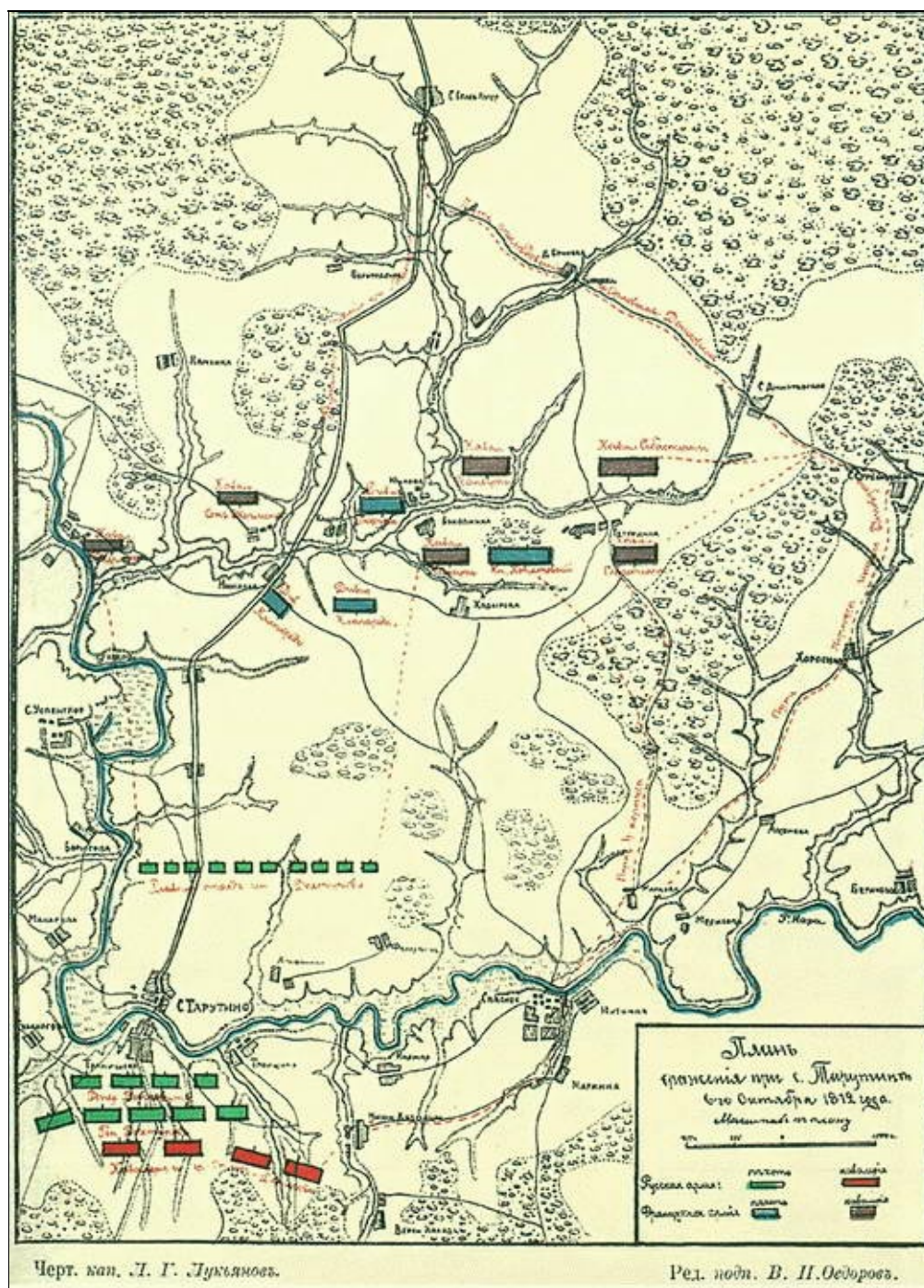
17 сентября в небольшом городе Верее близ Можайска был размещен постоянный неприятельский гарнизон — 1-й батальон 6-го линейного полка из состава 8-го (вестфальского) корпуса А. Жюно. Под руководством полковника Л.В. Конради на небольшой возвышенности, господствующей над городом, было возведено укрепление: небольшое плато обнесли бруствером с палисадом, а в стенах стоявших на плато зданий пробили амбразуры. Вестфальцы занялись заготовкой провианта для армии. М.И. Кутузов решил уничтожить отдаленный вражеский гарнизон. Располагая сведениями о численности и позициях неприятеля и стремясь обеспечить успех дела, он включил в состав отряда генерал-майора И.С. Дорохова довольно большое количество пехоты: батальон егерей 19-го полка и по 2 батальона Вильманstrandского и Полоцкого пехотных полков (один из батальонов Полоцкого полка был затем оставлен в Боровске). В среднем, каждый русский батальон к этому времени насчитывал 400-500 человек. Во избежание излишнего шума и неразберихи Дорохов сформировал три группы, в каждую из которых было выбрано по 200 человек одного полка; 600 ранцев атакующих групп остались под присмотром выделенной роты [42, с. 151]. Ранним утром 28 сентября отряд подошел к городу и в 5 часов начал штурм. Тьма и ненастье стали союзниками русских. Дорохов приказал начальнику штурмовых отрядов полковнику Н.В. Вуичу (шефу 19-го егерского полка) «спускаться в город от Калугской заставы и атаковать с Богом штыком не делав ни одного выстрела и не кричав ура». В голове колонн шли проводники из жителей города, которые

отказались укрыться за спинами солдат. В полной тишине штурмующие незаметно подошли к укреплению. Колонна Полоцкого полка под командой штабс-капитана Артемьева 2-го атаковала прямо через вал; очевидно, колонны имели штурмовые лестницы, позволившие преодолеть палисад. Первым в укрепление проник прапорщик Сомов. Колонна егерей, изначально направленная на мост, обнаружив «большие внутренние укрепления», защищаемые вестфальской гренадерской ротой, переменяла дирекцию и также вошла на вал. Колонна Вильманстрандского полка присоединилась к первым двум чуть позже. Штурмовые колонны блокировали основную массу противника в каменных зданиях церкви и присутственных мест («ратуши») и наконец сломали сопротивление гренадеров у моста, причем командовавший вестфальской ротой капитан получил 17 штыковых ран. Полковник Конради вспоминал: «Ведомые жителями Вереи, два батальона подобрались сзади к флигелю ратуши и овладели им, находившийся там слабый гарнизон был подавлен. Отсюда русские с помощью штурмовых лестниц взобрались на крышу главного здания, содрали ее и толпами ворвались сверху внутрь. Завязалась отчаянная рукопашная схватка. Мы упорно защищали каждую комнату...» [131, с. 59]. Сбитый с ног Конради издал масонский клич, и — о чудо! — оказавшийся в рядах русских офицер-масон (возможно, М.Ф. Орлов, будущий декабрист) остановил штыки и отвел полковника к Дорохову. Рядовой Вильманстрандского полка Старостенко захватил неприятельское знамя, за что был произведен в унтер-офицеры и награжден Знаком Отличия ордена Св. Георгия. Две роты, засевшие в церкви, по приказу Конради положили оружие. Рота Вильманстрандского полка и гусары очистили от неприятеля городские постройки. Вестфальцы в этом бою потеряли 2 офицеров и 49 солдат убитыми, практически все оставшиеся в живых попали в плен. Потери победителей так и остались неизвестными; во всяком случае, количество убитых превышало 30 человек. Подошедший через несколько часов немецкий отряд не осмелился атаковать русских и ретировался к городку Борисов.

Сражение при Тарутине.

План сражения при Тарутине 6-го октября 1812 г.

Эта весьма скромная по масштабам победа вкупе с удачными действиями партизанских отрядов способствовала началу морального возрождения русской армии, нравственные силы которой, казалось, были безвозвратно подорваны ужасами Бородинской резни и оставлением Москвы. В Тарутинском лагере армия каждодневно укреплялась и физически, получая немалые подкрепления и пользуясь выгодами обильного снабжения и относительно безмятежного отдыха.

Прошло три недели после организации лагеря, и стало совершенно ясно, что русские войска в сердце страны вновь обрели боевую мощь, достаточную для продолжения активных действий. И первым эту мощь должен был испытать на себе авангард Великой армии под командованием маршала И. Мюрата. Впрочем, в сражении, развернувшемся 6 октября у реки Чернишняя и деревни Винково, русские военачальники не проявили должного старания, и

Мюрату удалось избежать полного разгрома. Из состава пехоты непосредственно в бою

приняли участие лишь егеря 20-го, 4-го и 34-го полков. Шедший во главе колонны 2-го корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Багговут был убит одним из первых ядер, выпущенных артиллерией французов, что и привело в замешательство весь корпус. 20-й егерский полк майора Горихвостова, оказавшийся на пути отступления неприятеля, подвергся атаке польской кавалерии и понес существенные потери. Польский офицер вспоминал: «[Русские колонны. — И.У.], выдвинув своих стрелков, успели сформировать каре. Наша кавалерия (5-й конно-егерский и 13-й гусарский полки. — И.У.) немедленно атаковала их на рысях и разбила два каре. Следовало удивляться упорству, с которым дралась молодая русская пехота. Я видел лежавших на земле раненых стрелков, которые поднимались, когда мы проходили мимо, и стреляли в нас. Приходилось добивать их, чтобы они не могли принести нам еще больше вреда...» [58, с. 251]. Вероятно, речь в данном случае шла о небольших ротных каре 20-го полка; в целом же полк не только отразил атаку кавалерии, но и захватил орудия. В своем письме Р. Вильсон отмечал, что «неустранимость и твердость двух русских егерских полков... заслужили всеобщую похвалу и фельдмаршал велел раздать им по 5 руб. на человека» [72, с. 220].

В результате сражения авангард Мюрата потерял до 4 тысяч человек, 38 пушек, обозы и 1 кавалерийский штандарт; наши потери достигали 1500 человек убитыми и ранеными. Достаточно неуклюжие действия армии М.И. Кутузова в этот день тем не менее ознаменовали собой начало завоевания русскими стратегической инициативы.

ВТОРОЕ СРАЖЕНИЕ У ПОЛОЦКА

Ровно через два месяца после первого сражения у Полоцка, к городу вновь подступили русские войска. 2-й и 6-й корпуса Великой армии к этому времени успели укрепить свои позиции, но в то же время соотношение численности противоборствующих сторон кардинально изменилось: у П.Х. Витгенштейна теперь было до 40 тысяч человек, к нему же подходил 10-тысячный корпус Ф.Ф. Штейнгеля, а в двух французских корпусах насчитывалось не более 18 тысяч.

Основные силы Витгенштейна двигались к городу двумя колоннами, или «корпусами». Первый, командование которым было доверено генерал-лейтенанту Г.М. Бергу, был составлен из «пехотных полков 5-й дивизии, запасных батальонов гренадерских полков гвардейского резерва, сводного кирасирского и гвардейских полков 3 эскадронов, Ригского драгунского полка, из батарейных рот № 5, 14-й легкой, № 27, 8 орудий конных № 23, 6 № 3. Авангард одного корпуса под командою генерал-майора Балка, составленного из 25-го и 26-го егерских полков, запасного батальона Кексгольмского пехотного и 4-го эскадрона Гродненского гусарского полка, казачьего Родионова 2-го и 6 орудий конной роты № 3. Другой корпус под командою генерал-лейтенанта кн. Яшвиля составлен был из пехотных полков 14-й дивизии и прикомандированными дружинами С.-Петербургского ополчения, из батарейных рот № 27, 28 и 50, из легких № 9, 26 и 27 и авангард генерал-майора Властова, состоящий из 4 эскадронов Гродненского гусарского полка, из казачьего Платова 4-го полка, из 23 и 24-го егерских полков с прикомандированными к ним 9-й и 1-й дружинами С.-Петербургского ополчения и из конной роты №1» [120, т. 19, с. 273].

5-го октября авангард корпуса Берга опрокинул заслон неприятеля у села Юревичи, причем егеря 26-го полка переправились через реку по мосту, который вражеские солдаты пытались поджечь. Преследование противника велось силами кавалерии, а также роты 26-го егерского полка и роты Кексгольмского пехотного полка. Вторую ночь лил холодный осенний дождь, и дороги превратились в грязное месиво, препятствующее движению.

Утром 6-го октября авангард Балка продолжил наступление; 26-й полк шел вдоль берега Полоты, а 25-й полк и батальон кексгольмцев — по дороге. Русская кавалерия опрокинула несколько эскадронов французов, но сама подверглась атаке и отступила. Гусары, преследуемые французскими кирасирами, неслись прямо к цепи роты 26-го полка под командованием Антоновского, который вспоминал: «...Мои егеря не были безопасными от французских волосатиков — так солдаты их называют. Я вступил в топкие места болота, но оказалось, что трясин в нем не было. Я углубился далее, взошел в воду, ожидал неприятеля... Пропустив свою конницу, я залпами открыл огонь по волосатикам, некоторых опешил, других с коней свалил.

Однако кирасиры, сначала как бы не ощутив того... летели за гусарами. Еще два залпа, довольно удачные, и, потом, батальный огонь. Кирасиры приостановились, взглянули на нас, повертели назад на рысях... Когда миновала опасность, казаки и гусары раненых и спешенных нашими выстрелами кирасир подобрали и с трофеями пленных отправились в свои полки» [78, с. 154, 155].

После этого рота Антоновского подверглась атаке батальонной колонны французов. Русский офицер присоединил к своим бойцам часть роты Кексгольмского полка, разделил всех на три взвода и открыл пальбу плутонгами. Противник приостановился, развернулся во фронт и также разделился на три части, попытавшись обойти русских с флангов. Егеря отступили к сараям и продолжали вести огонь из-за штабелей кирпича, нанося немалый ущерб французам; по словам Антоновского, он «среднюю часть смельчаков остановил и принудил рассыпаться в

стрелки, ибо в колонне стало невыносимо им». И все-таки обходное движение французов вынудило егерей покинуть сараи и отступить на более выгодную позицию.

25-й и 26-й егерские сумели оттеснить французов, но генерал Балк был ранен, а неприятель ввел в бой новые силы. На правый фланг в помощь 26-му полку были посланы Севский пехотный полк и дружина ополчения, центр позиции усилен Могилевским полком и двумя дружинами, а левый фланг — Пермским и Калужским пехотными полками и двумя дружинами. Войска правого фланга смогли отогнать французов к опушке леса, а в центре Могилевский полк отразил атаку кавалерии. О дальнейших перемещениях войск Витгенштейн писал: «Пехота и охотники С.-Петербургского ополчения и стрелки наши, видя удачное поражение неприятельской конницы, бросились в штыки на неприятельских стрелков и прогнали оных в самые укрепления.

В то время подоспел резерв. Я приказал из одного сводным гренадерским батальонам 14-й пехотной дивизии и запасным батальонам Таврического и С.-Петербургского гренадерского полка с дружиною № 14 под командою генерал-майора Бегичева, которой командовал всем резервом, и генерал-майора Гамена и сводным кирасирским полком подкрепить центр, запасные же батальоны лейб-гренадер и гренадерского Графа Аракчеева полка с дружиною № 13 повел я для подкрепления правого фланга. Полковника Редигера, находящегося с 25-м егерским полком и 2 эскадронами Гродненских гусар между центром и правым флангом, подкрепил я гвардейским резервом, запасные ж батальоны Павловского и Екатеринославского полка оставил за лесом в резерве» [120, т. 19, с. 280].

Сражение при Полоцке 7-го октября. П. Тесс. 1840-е гг.

Стрелки и охотники ополчения «ударил так быстро в штыки, что неприятель с поспешностью оставил передовые свои укрепления». Контратака французов вернула было утраченные ими позиции, но «Пермской пехотной полк и запасной батальон Таврического и С.-Петербургского гренадерских полков и дружин № 5 и № 14 бросились на неприятельские

шанцы и завладели двумя редутами у кирпичного завода, причем храброму камергеру Мордвинову оторвана была нога ядром. В то же время полковник Редигер, наступая во фланг неприятелю с 25-м егерским полком, с запасным батальоном Кексгольмского полка и гвардейским резервом, прогнал его за Воловое озеро. Резерв пехоты гвардии в(ашего) и(мператорского) в(еличества) отличился при сем деле особенною храбростью, и рекруты, составляющие большую часть сего корпуса, просясь сами быть употребленными, старались неустрашимостью своею доказать, что они достойны счастья быть выбраны в защитники особы В. И. В.».

В боях на правом фланге вновь отличились 26-й егерский, Севский пехотный полки, запасной батальон Лейб-гренадерского и гренадерского Графа Аракчеева полков и 10-я и 13-я дружины ополчения.

К этому времени к городу стали подтягиваться полки корпуса Л.М. Яттвилья и отряд полковника Столыпина, в котором числились сводно-гренадерский батальон 5-й дивизии и 12-я дружина.

Атака «на штыки». Реконструкция.

К вечеру французские корпуса были вытеснены к городским укреплениям, но на ночь Витгенштейн отвел свои войска назад, оставив на месте только авангард. Около 16 часов 7

октября русский корпус вновь начал активные действия. Концентрические удары нескольких отрядов вынудили французов начать отступление на другой берег Двины. Заметив это, русские усилили натиск. Витгенштейн рапортовал:

«Ночь уже наступала. Я, желая воспользоваться оной, приказал авангардам моим штурмовать город со всех сторон, поддерживая пехоту действием орудий... Неприятель защищался многочисленной пехотой с большим упорством до 2 ч. пополудни, но храбрость победоносных войск в. и. в. преодолела все препятствия. Генерал-майор Властов, под ним генерал-майоры Гарпе и Дибич с правого берега, а полковники Редигер и Альбрехт с левого берега Полоты ворвались почти в одно время впереди своих войск первые в город. Генерал-лейтенант Сазонов, увидя храбрых воинов Санкт-Петербургской дружины и Навагинского пехотного полка, ворвавшихся в город, бросился в оный и вошел с ними также из первых. 12-я дружина под командою полковника Николева, срубив под сильнейшим огнем палисады, бросилась первая в Полоцк.

Измученный неприятель бежал в беспорядке к своим мостам, но только малая часть из оставшихся в городе могла спастись, прочие были поражаемы штыками или взяты в плен. Генерал-майор Гельфрейх вошел почти в то же время со стороны верхнего замка в город и взял в оном одно 6-фунтовое орудие. Неприятель, истребив свои мосты, поставил по левому берегу против всех перекрестных улиц орудия, надеялся, что обыкновенно при штурмах беспорядок придаст ему случай действовать с выгодою по нашим колоннам, но войски в. и. в. показали в сем случае новый опыт послушания российского воинства; собравшись на больших площадях, заняли улицы только стрелками, чем сделали намерение неприятеля тщетным». Захват города обошелся Витгенштейну в 8000 убитых и раненых, французы потеряли несколько меньше, но главной их потерей была утрата стратегической инициативы на Санкт-Петербургском направлении. В свою очередь, солдаты 1-го отдельного корпуса, окрыленные победой, сложили песню о взятии Полоцка, отдавая должное своим военачальникам:

«...Полководцы наши славны:
Балк, Гамен, сибирский Рот,
Получили также раны,
Лезли все они вперед.
В город первый кто ворвался? —
Наш Сазонов генерал;
Как отчаянный он дрался
И ура! ура! Кричал».

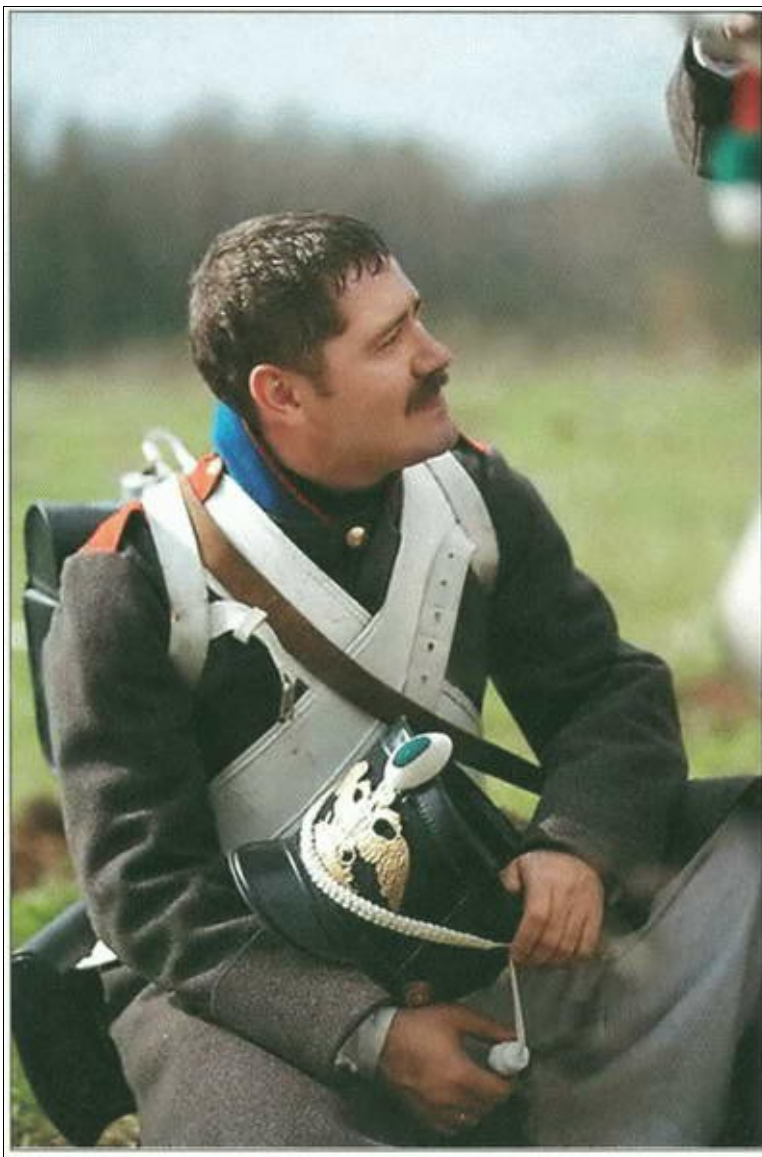
Начиналась же песня громким сравнением:

«Витгенштейн — другой Суворов,
Полоцк — новый Измаил».

МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

Вышедшая из Москвы Великая армия, двигаясь к Калуге, 11 октября подошла к уездному городу Малоярославец; передовые батальоны корпуса Е. Богарне поздним вечером заняли город. К этому же пункту спешила и русская армия, стремясь предотвратить продвижение Наполеона. В авангарде армии шел корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова, усиленный кавалерией. У самого города ранним утром 12 октября к Дохтурову присоединились армейские отряды И.С. Дорохова и А.Н. Сеславина.

Развернувшееся в этот ясный солнечный день сражение, в котором преимущественно участвовала пехота обеих армий, стало одним из самых ожесточенных за всю кампанию. Большое количество задействованных частей и сами условия боя в городе затрудняют, а точнее, делают практически невозможным детальное воссоздание реальной картины событий, поэтому, как и в главе, посвященной Бородинской битве, мы ограничимся лишь описанием отдельных эпизодов сражения.

Солдат лейб-гвардии Семеновского полка. Реконструкция.

Победа при Малоярославце 12 октября 1812 г. Гравировал И. Беггров под рук. С. Карделли по оригиналу Д. Скотта. 1814 г.

Для понимания особенностей боевых действий русской армии читателю необходимо напомнить, что к этому времени в подавляющем большинстве русских армейских пехотных и егерских полков основную массу нижних чинов составляли новобранцы и воины ополчения, что далеко не лучшим образом сказывалось на боеспособности пехоты. Весьма красноречиво, хотя и чрезмерно резко, о действиях войск высказался офицер квартирмейстерской части А.А. Щербинин: «Солдаты, между коими было много рекрут, дрались дурно под Малоярославцем. Офицеры одни жертвовали собой».

По данным исследователя А.А. Васильева, в сражении участвовали следующие пехотные части и соединения: 6-й пехотный корпус (7-я пехотная дивизия — Псковский, Московский, Либавский пехотные и 11-й егерский полки, 24-я пехотная дивизия — Ширванский, Бутырский, Уфимский, Томский пехотные полки), отряд И.С. Дорохова (6-й, 19-й, 33-й егерские, Полоцкий, Вильманstrandский и Софийский пехотные полки), отряд А.Н. Сеславина (рота 20-го егерского полка), 7-й пехотный корпус (12-я пехотная дивизия — Смоленский, Нарвский, Алексопольский, Новоингерманландский пехотные полки, 26-я пехотная дивизия — Нижегородский, Ладожский, Полтавский, Орловский пехотные и 5-й егерский полки), 8-й пехотный корпус (2-я гренадерская дивизия — Киевский, Московский, Астраханский,

Фанагорийский, Сибирский, Малороссийский гренадерские полки, 27-я пехотная дивизия — Одесский, Тарнопольский, Виленский, Симбирский пехотные и 49-й егерский полки), 1-я бригада 3-й пехотной дивизии (Муромский, Ревельский пехотные полки) [48].

Город не менее семи раз переходил из рук в руки, и каждый раз противоборствующие армии вводили в дело новые и новые полки; эта повторяемость событий дала повод русскому офицеру применить в отношении сражения эпитет «однообразное». Основной тактической схемой в этот день стало взаимодействие колонн, передвигающихся по улицам города, и цепей стрелков и охотников, ведущих бои за огороженные заборами сады и огороды. У границы города, очевидно, могли применяться и развернутые строи батальонов. Тот же Щербинин, приписывая несколько чрезмерные заслуги П.П. Коновницыну, отмечал, что тот «семь раз вел пехотные линии на штурм против засевшего за заборами городских садов неприятеля и прогнал его наконец внутрь города до большой площади, где чудесно гремела битва. У заборов пули пели, а на площади примешались к ним и картечи, и ядра. И свои ядра летели сзади через головы наши».

Первым еще затемно в атаку были брошен трехбатальонный 33-й егерский полк, который сумел отбросить к монастырю два батальона французов, но был оттеснен к окраинам города подошедшими подкреплениями. На помощь ему выдвинулся 6-й егерский полк, также состоящий из трех батальонов. Русские полки, к которым в скором времени присоединились 19-й егерский и батальон Вильманstrandского пехотного, вновь дошли почти до переправы, но так и не смогли вытеснить неприятеля за реку. Во главе егерей 19-го полка с крестом в руке шел в атаку священник отец Василий Васильковский, получивший в этот день рану в голову. Французы, усилившись, опять захватили город и даже вышли за заставы. В ответ последовала контратака 11-го егерского, поддержанная ранее введенными в бой батальонами, в результате которой неприятель откатился к монастырю... Атаки и контратаки следовали одна за другой. В полном молчании в город ворвался 3-й батальон Либавского пехотного полка под командованием генерала Талызина; солдатам батальона не велено было заряжать ружья и кричать «ура». Несколько позже таким же образом атаковали и батальоны Софийского полка. А.П. Ермолов в своем рапорте отметил, что «полковник Халяпин с Софийским полком и полковник Глебов с резервами 6-го егерского полка ударили и все опрокинули». Рядом с упомянутыми полками в атаку шли Томский и Полоцкий пехотные. Вильманstrandский пехотный полк, выйдя на Торговую площадь, застал уже окончание этой атаки: усилившийся неприятель шаг за шагом теснил русские батальоны. Вильманstrandцы стремительным броском очистили не только площадь, но и дошли до моста; за ними следовали перемешавшиеся батальоны прочих полков. Триумф был недолгим: в город вошла итальянская дивизия генерала Пино и прогнала потерявшие управление русские полки за заставы.

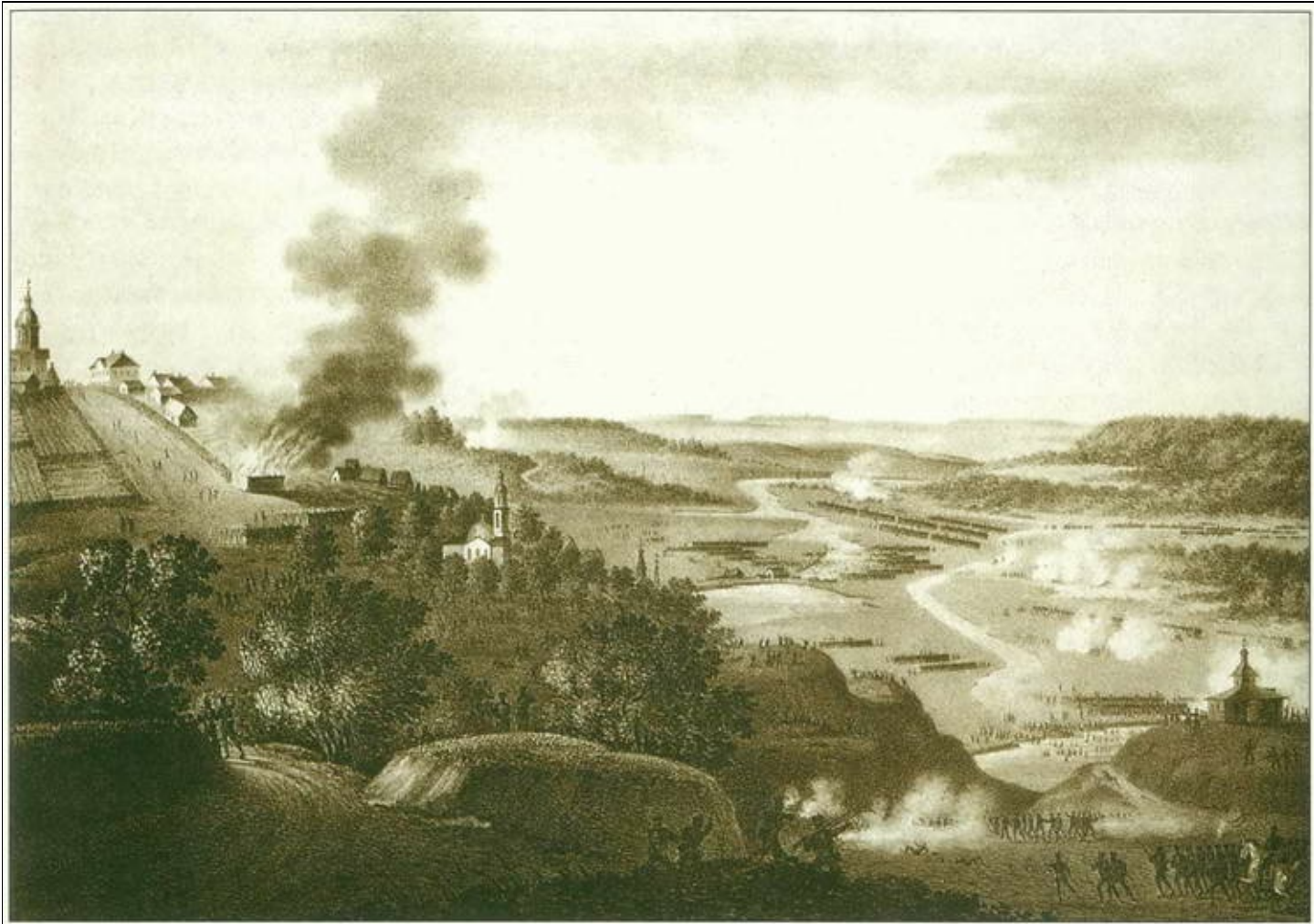
Д.С. Дохтуров. Миниатюра неизвестного художника по оригиналу В. Боровиковского. 1811 г.

Казанский собор. 1739-1744 гг. Малоярославец.

По всей видимости, на главной Торговой площади Малоярославца бастионом русских войск стал каменный Казанский собор. Мы можем только предполагать, что именно происходило в сохранившихся и по сей день святых стенах. При очередном отступлении русских часть пехотинцев заперлась в здании собора. Толстые стены и окна с осыпавшимися стеклами давали возможность даже небольшому гарнизону держать под обстрелом улицы, идущие со стороны реки, по которым и поднимались французские колонны. В заполненном дымом соборе солдаты, задыхаясь и протирая слезящиеся глаза, судорожно заряжали и стреляли в ненавистные вражеские ряды. Верткие французские стрелки пробирались к стенам и пытались вломиться в железную северную дверь, но она была забаррикадирована изнутри, а русские пули продолжали жалить, выискивая все новые жертвы. Наконец французы подкатали орудия. Вдоль по улице, идущей от монастыря, пушки били ядрами и картечью в алтарную часть и в главы собора, с севера 3-фунтовое орудие пыталось разбить запертую дверь. Внутри здания воцарился ужас: начались пожары, картечные и ружейные пули густо летели в окна, сверху от сотрясения обрушивались стрехи глав и валились святые кресты... Смогли ли уйти защитники? А может быть, новая атака родных полков спасла упорный гарнизон? Мы никогда не узнаем этого, но памятником доблести остались стены собора и сведения об ущербе, нанесенном ему во время сражения: разорена «соборная Казанской Божией Матери (церковь. — И.У.) разбитием с одной стороны сверху стены пушечным ядром и с другой — ударением оными и картечами в стену оной, так что внутри оной от ударов перервалась железная связь и стрехи глав сниспали на каменный пол и вторгнувшись в землю на аршин, перешиблись и ни одного стекла целого в рамках оной церкви не оставалось, главы оной все сшиблены, крышки железные летучими ядрами, бомбами обвалены и подожжены...» [103, с. 220, 222].

Уже утром в непосредственной близости от города остановились полки 7-го и 8-го пехотных корпусов. Солдатам, проделавшим ночной марш беглым шагом, разрешено было отдохнуть; многим даже удалось поспать, несмотря на раскаты ружейного и артиллерийского огня. После 14 часов в бойню начали втягиваться части 7-го корпуса. Первыми, вступившими в дело, стали Ладожский и Полтавский пехотные полки, освободившие Спасскую слободу и центр города. На левом фланге продвигались Орловский и Нижегородский полки, а на правом — полки 12-й дивизии. В завязавшемся тяжелом бою чаша весов постоянно колебалась. Русским стрелкам приходилось вытеснять неприятеля из занимаемых им укрытий, чтобы дать возможность установить артиллерию. Ладожский полк, по всей видимости, прорвался к центру через овраг и неожиданно ударил во фланг и тыл французам, расположенным на Торговой площади. В Полтавском полку целый батальон под командованием капитана Г. А. Асеева был рассыпан в стрелки и дошел до самого моста; командиры рот этого батальона шли в атаку с ружьями в руках. Унтер-офицеры и старослужащие солдаты «собственным примером поощряли» и «стыдили за трусость» новобранцев. Полубатальон другого батальона под командованием майора И.Д. Ермакова 1-го остановил контратаку неприятеля и подкрепил стрелков. Капитан Нарвского полка Кузминский, увидев отступление стрелков, подоспел со взводом и залпом остановил продвижение противника. Поручик Митюрин привел для подкрепления цепи дивизион. Поручик Алексопольского полка Кунцевич, участвуя в рукопашной схватке, был ранен, но вырвал у неприятельского солдата ружье и заколол его. Майор Новоингерманландского полка Ильин, очевидно, приказал своему батальону залечь за укрытием; подпустив вражескую колонну «на близкую дистанцию», он встретил ее залпом и довершил поражение штыковым ударом [48, с. 57-64].

Сражение при Малоярославце 12 октября 1812 г. Литография С. Шифляра по рисунку А. Дмитриева-Мамонова. 1823 г.

И все-таки напор французских и итальянских частей заставил русское командование ввести в дело свежие полки 8-го пехотного корпуса. Момент вступления в сражение 27-й пехотной дивизии красноречиво описал офицер Симбирского полка Д.В. Душенкевич: «Ударен подъем после доброго отдыха, дорога покрылась сверкающим блеском оружия, ярко отражающимся в глаза французам, стоявшим на высоте той стороны реки в густых, многочисленных колоннах. Многие наши полки пошли левее, под лесом, а нам велено вступить в дело: «Левое плечо вперед!» — и мы очутились под пулями у самых стен Малоярославца» [74, с. 118]. Согласно рапорту командира дивизии генерал-майора Д.П. Неверовского, полк, «откомандированный вправо, удерживал с мужеством данное ему для охранения место и высланными от него стрелками прогонял неприятеля, на него наступающего». «Очутившись под пулями», симбирцы за несколько часов активных действий потеряли 351 человека из 845 [48, с. 117]. При этом, по всей видимости, полк даже ни разу не ходил в массовые атаки, а все потери были понесены под градом пуль в стрелковых цепях. Рядом с Симбирским полком также стрелками действовал Одесский пехотный, в то время как Тарнопольский и Виленский полки под командованием самого Неверовского неоднократно опрокидывали неприятеля на левом фланге русской позиции. Несколько позже к ним присоединились охотники Ревельского и Муромского полков 3-й пехотной дивизии. Прапорщик Ревельского полка Романов, убив одного неприятельского офицера, взял другого в плен.

В сумерках, при свете горящих домов, введенные в действие гренадерские полки — Малороссийский, Сибирский и Астраханский — на обоих флангах вновь отбросили противника

за реку и некоторое время удерживали под контролем участки берега, пока не были оттеснены свежими дивизиями корпуса маршала Даву. На левом фланге в бой пришлось ввести Московский пехотный полк. Активные боевые действия на этом завершились, хотя «перестрелка с обеих сторон почти до полуночи не прекращалась. Казаки, за цепью стрелков, стояли в линии перед горевшим городом, откуда из пламени, как адские тени, выскакивали итальянцы и задирали наших стрелков» [133, с. 227]. Но и русские не оставались в долгу: ночью астраханские гренадеры вновь проникли в западную часть города, совершив некую «диверсию» — очевидно, нападение на изолированные подразделения французов.

Памятник героям Отечественной войны 1812 г. Малоярославец.

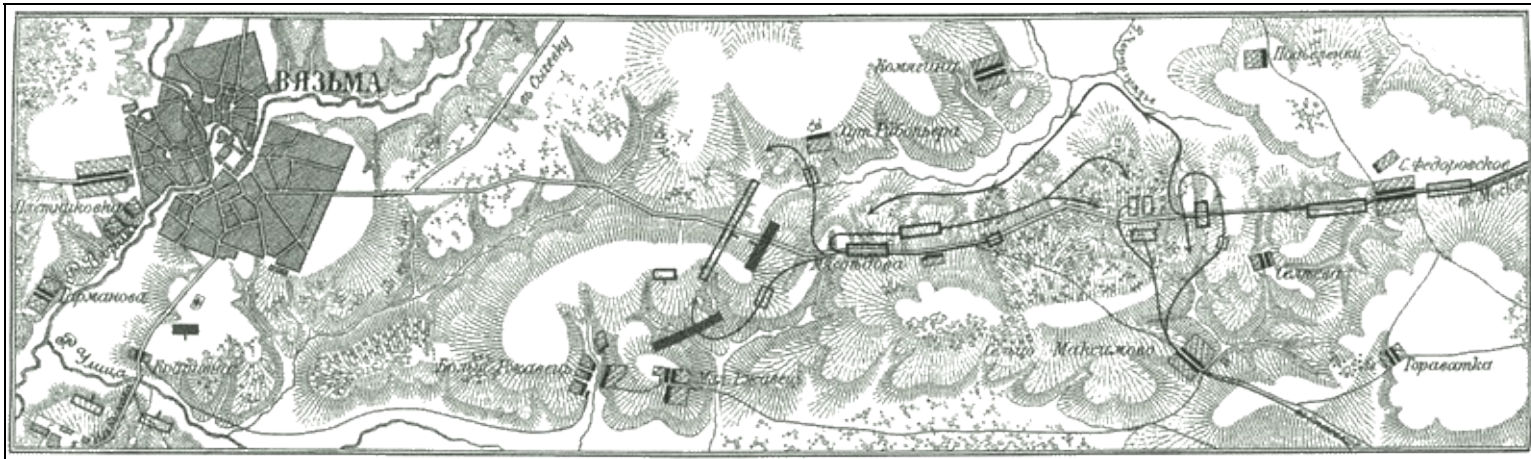
По воспоминанию Душенкевича, «мы ночевали под выстрелами неприятельской цепи, так что в колоннах лежащих людей несколько было ранено. Ночью какой-то вестник-утешитель рассевал в рядах наших радость, что неприятель, по замечаниям, со всех пунктов ретируется; утром, однако, нас отвели несколько верст на избранную позицию, куда неприятель не смел приблизиться» [74, с. 118].

День 12 октября дорого обошелся обеим сторонам, потери каждой из которых составили около 7000 человек. При этом даже официальные французские источники отмечали большие потери именно среди русских новобранцев. В 27-м бюллетене Великой армии от 15 октября с показным оптимизмом заявлялось: «На месте сражения найдено 1700 русских, между коими 1100 рекрут в серых мундирах... Старая русская пехота истреблена» [72, с. 259]. В ошибочности такого мнения французам предстояло убедиться довольно скоро...

Отступающая по старой Смоленской дороге Великая армия во второй половине октября подошла к городу Вязьма. К 22 октября в городе находился корпус маршала М. Нея, в 8 верстах к востоку от города — корпуса вице-короля Е. Богарне и генерала Ю. Понятовского, а в 12 верстах — арьергард армии в составе корпуса маршала Л.Н. Даву. Непосредственное преследование Даву осуществлял казачий корпус М.И. Платова совместно с 26-й пехотной дивизией (Ладожский, Полтавский, Орловский и 5-й егерский полки). Армия М.И. Кутузова двигалась южнее параллельно маршруту французов. Авангард армии под командованием генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, в составе которого числились полки 2-го и 4-го пехотных корпусов, к утру 22 октября вышел на Смоленскую дорогу в 8 верстах от Вязьмы, разгромил пехотную бригаду неприятеля и практически перекрыл путь отступления корпуса Даву силами 17-й, а затем и 4-й пехотных дивизий. Егерская бригада 4-й дивизии заняла кустарник вдоль дороги, а пехотные полки (Кременчугский, Волынский и Тобольский) развернулись правее егерей, выставив батарею. Французы пытались отбросить русских от дороги, но попытки их оказались тщетны, хотя и привели к большим потерям с обеих сторон. Из состава 4-й дивизии более всех пострадал Кременчугский полк, в котором только потери командного состава достигали 13 человек [57, с. 188]. В конечном счете, Е. Богарне развернул свой корпус фронтом на восток, а вскоре к нему присоединился Понятовский и одна из дивизий Нея.

Сражение за Вязьму. Неизвестный художник. 1-я четверть XIX в.

План сражения при Вязьме (Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912).

Услышав канонаду, Платов также перешел в наступление на арьергард Даву. В рапорте командира дивизии генерал-майора И.Ф. Паскевича говорилось: «Генерал Платов приказал 300 егерей 5-го полка посадить на конь и приспеть на одну высоту с действующими уже Милорадовича войсками... Скорость равна была усердию. В мгновение прискакавшие стрелки вступили в дело, открывшаяся батарея привела

неприятеля в замешательство, противостоявшая ей батарея умолкла, одно орудие подбито. Егеря бросились на батарею: она уже принадлежала им, но превосходные неприятельские силы исхитили сие из рук их; одно, однако же, большого калибра орудие досталось храброму 5-му Егерскому полку под личным начальством шефа оною полковника Гогеля...» Изрядно потрепанные войска Даву, преследуемые Платовым и обстреливаемые артиллерией Милорадовича, приняли вправо от дороги и, бросив большую часть обозов, присоединились к основным силам.

Приготовившиеся к обороне французы обладали существенным численным преимуществом, и Милорадович торопил с прибытием 26-ю дивизию, полки которой и так уже почти бежали. 5-й егерский еще раз почти дошел до неприятельской батареи, но французская колонна опрокинула его и угрожала нашей артиллерии. «Капитан Поздеев встретил их картечью, а прибежавший Ладожский полк обратил неприятеля в бегство...» В 5-м егерском полку в этот день было убито и пропало без вести 147 нижних чинов, 1 офицер был убит, а 2 — ранены [94, с. 165]. Среди описаний подвигов офицеров полка встречались и такие: капитан Руднев производился в майоры за то, что «находясь со стрелками, посаженными на казачьих лошадях, теснил неприятеля...»

Сражение при Вязьме 22-го октября. П. Тесс.

В центре атаковали 26-я дивизия с застрельщиками Ладожского полка впереди и 2-й корпус, левее — 4-й пехотный корпус, на правом фланге активно действовала кавалерия. Французы вынуждены были отступить к самому городу К 16 часам в город вступила 1-я бригада 11-й пехотной дивизии. Генерал-майор П.Н. Чоглоков вел в атаку Перновский пехотный полк, приказав развернуть знамена и бить в барабаны. Перновский и Кексгольмский полки, двигаясь по горящим улицам Вязьмы, достигли Торговой (Богородицкой) площади, в то время как с северо-востока в город вошли полки 26-й дивизии. Часть французов еще продолжала отстреливаться из окон домов и позже была взята в плен, но основные силы уже отступили, потеряв за день не менее 4 тысяч убитыми и ранеными и 3 тысячи пленными. Мост на реке Вязьме, по словам Паскевича, был захвачен, и русские войска, потери которых составили около 1800 человек, уже в полной темноте остановились у городской заставы.

ВТОРОЕ СРАЖЕНИЕ У КРАСНОГО

В начале ноября через город Красный в сторону границы двинулись пестрые полчища ослабленной и уже не слишком многочисленной Великой армии, следующей отдельными, растянутыми почти на 4 перехода колоннами.

2 ноября отряд генерал-майора А.П. Ожаровского, в котором, помимо кавалерии, состоял уже неоднократно нами упоминаемый 19-й егерский полк, совершил нападение на город и, разгромив неприятельский батальон, захватил часть обозов. Подошедшая дивизия М. Клапареда заставила отряд отступить, причем излишне уверенный в пассивности французов Ожаровский разместился на ночлег в селе Кутьково в трех верстах от города. Бой, очевидно, был достаточно ожесточенным: у егерей было ранено 4 офицера, один из них — смертельно.

3 ноября, незадолго до наступления темноты, к большой дороге между деревней Ржавкой и селом Мерлино восточнее Красного вышел авангард русской армии под командованием М.А. Милорадовича и, развернувшись вдоль дороги, начал обстрел отступающих колонн и обозов. Посаженные вдоль дороги березы, еще недавно прикрывавшие отступление Неверовского, теперь сослужили хорошую службу французам: между деревьями были установлены легкие пушки, а цепи стрелков заняли позиции перед посадками. 2-й корпус генерал-лейтенанта С.Н. Долгорукова частично повернул фронт в сторону Смоленска, а 7-й корпус Н.Н. Раевского — в сторону Красного. Некоторое время русские ограничивались артиллерийским обстрелом и наскоками легкой кавалерии, тем более, что стрелки 7-го корпуса встретили неожиданное препятствие: обледеневшие склоны оврага не давали возможности добраться до дороги. Наконец замыкающие колонны французов подверглись атаке 5-го егерского полка полковника Гогеля и нескольких гусарских и уланских эскадронов. Штыковым ударом егеря заставили одну из колонн положить оружие и захватили несколько пушек. Н.Н. Раевский так описывал этот эпизод: «... 5-й мой егерский полк, стоявший полее, имел довольно значительную сшибку, в коей отнял с боем у неприятеля 4 пушки и взял в плен генерала Мериажа, ехавшего в коляске по причине раны... в ногу» [134, с. 79]. Кроме того, на дороге неприятелем было оставлено еще до 30 орудий, а количество пленных достигало 2000. Темнота положила конец активным боевым действиям русских, но, как оказалось, не французов.

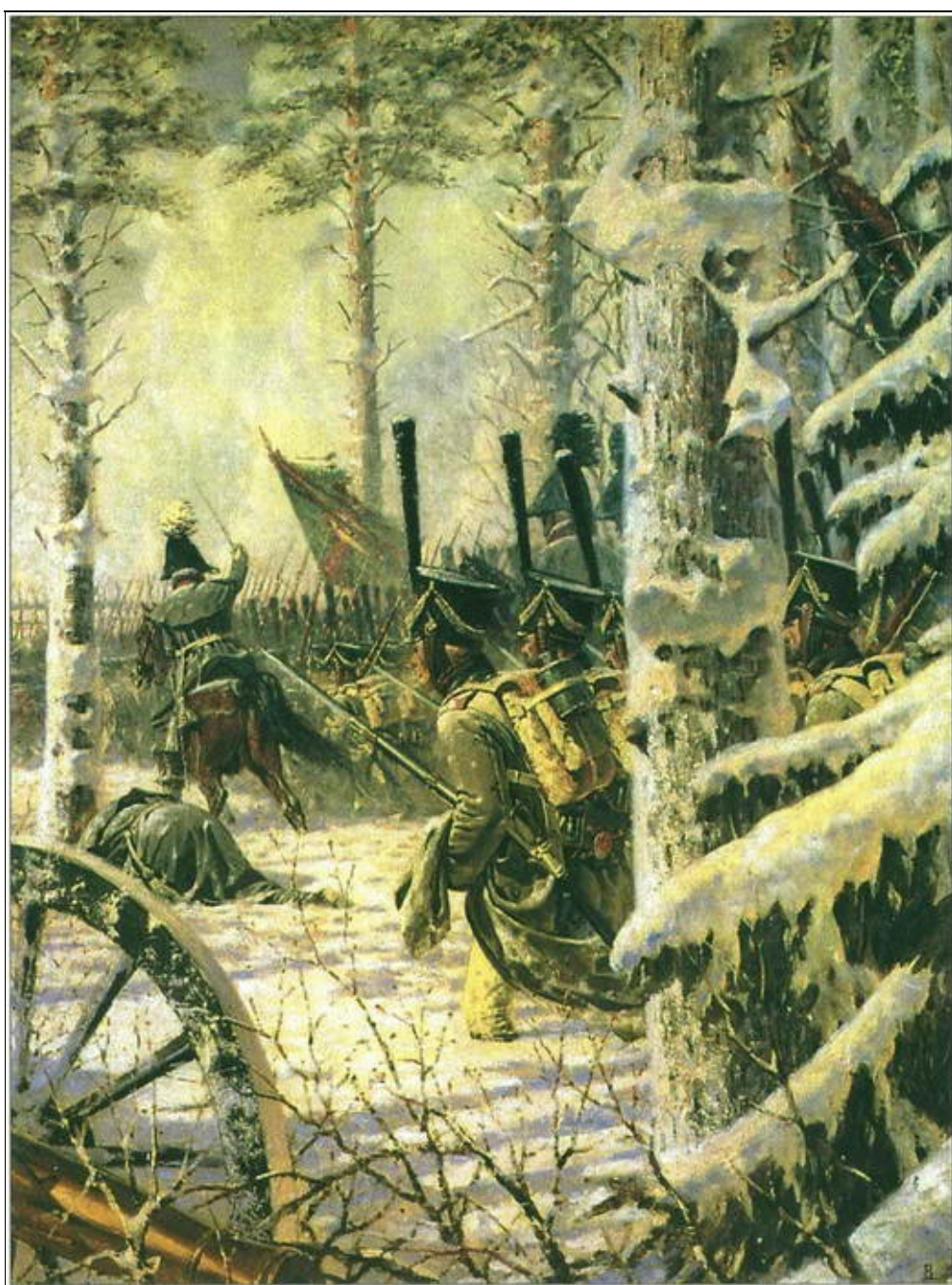
Остановившийся в Красном Наполеон приказал генералу Ф. Роге с дивизией Молодой гвардии разгромить русский отряд Ожаровского. Ночью лагерь отряда у села Кутьково был атакован. Начальник русского отряда, по всей видимости, не смог должным образом обеспечить охрану позиций, а затем и правильно оценить силу неприятеля, поэтому пехота попала в практически безвыходное положение. К этому времени в 19-м егерском полку вряд ли насчитывалось более 400 человек. Почти все они ночевали в лагере перед селом, и быстродвигающиеся французские батальоны застали их врасплох. Генерал А.П. Ермолов в своих воспоминаниях отметил: «Приблизившись к Красному, не соблюл он (Ожаровский. — И.У.) должной осторожности, полагая, что отступающий неприятель ничего не предпримет. Ночью граф Ожаровский атакован стремительно гвардией Наполеона в больших силах. Велика была потеря в храбром егерском полку; особенным счастьем уцелела артиллерия, и при общем замешательстве темнота была спасительным покровом».

Сержант полка фузилеров гренадер Молодой гвардии Бургонь вспоминал об этих драматических моментах: «... В ту минуту, как мы пошли в атаку... мы увидели лежавших распростертыми на снегу несколько сот русских, которых мы сперва приняли за мертвых или за тяжело раненых. Мы миновали их, но едва успели мы пройти немного вперед, как они вскочили, подняли оружие и стали стрелять в нас, так что мы вынуждены были сделать полуоборот, чтобы

защищаться. К несчастью для них, позади подоспел еще батальон... которого они не заметили. Тогда они попали между двух огней: в каких-нибудь пять минут их не осталось ни одного в живых; к этой военной хитрости русские часто прибегали, но тут она им совсем не удалась...

Пройдя через русский лагерь и атаковав селение, мы заставили неприятеля побросать часть артиллерии в озеро, после чего большинство их пехоты засело в домах, часть которых была в огне. Там-то мы и дрались с ожесточением врукопашную. Произошла страшная резня, мы рассыпались, и каждый сражался сам по себе... Перед нами был род мызы, где засели русские и где они были блокированы солдатами нашего полка. Единственным путем отступления был для них ход в обширный двор, но и тот был загражден барьером, через который они принуждены были перелезть.

Во время этого обособленного боя я заметил во дворе русского офицера на белом коне, который бил саблей плашмя своих солдат, порывавшихся бежать, перескакивая через барьер; в конце концов ему удалось овладеть проходом, но в ту минуту, как он собирался перескочить на ту сторону, лошадь его была ранена пулей и упала под ним, так что проход стал затруднительным. С этого момента бой стал еще отчаяннее. При свете пожара происходила сущая бойня. Русские, французы — попеременно, в снегу, дрались, как звери, и стреляли друг в друга чуть не в упор...

«В штыки! Ура! Ура!». Художник В. Верещагин.

Русские, засевшие на мызе и блокированные нами, видя, что им угрожает опасность сгореть живьем, решили сдаться; один раненый унтер-офицер под градом пуль явился к нам с предложением о сдаче. Тогда полковой адъютант послал меня с приказанием прекратить огонь... Но наши солдаты, сражавшиеся отчаянно, ничего не слушали и продолжали свое. Русские, потеряв надежду на спасение и, вероятно, не имея более боевых припасов, чтобы защищаться, попытались массами выйти из здания, где они засели и где их уже начало поджаривать; но наши солдаты оттеснили их назад. Немного времени спустя, не имея больше сил терпеть, они сделали новую попытку, но едва успели несколько человек выскочить во двор, как все здание рухнуло, и в нем погибли более сорока человек. Впрочем, тех, что успели выскочить, постигла участь не лучше...» [45, с. 88-91].

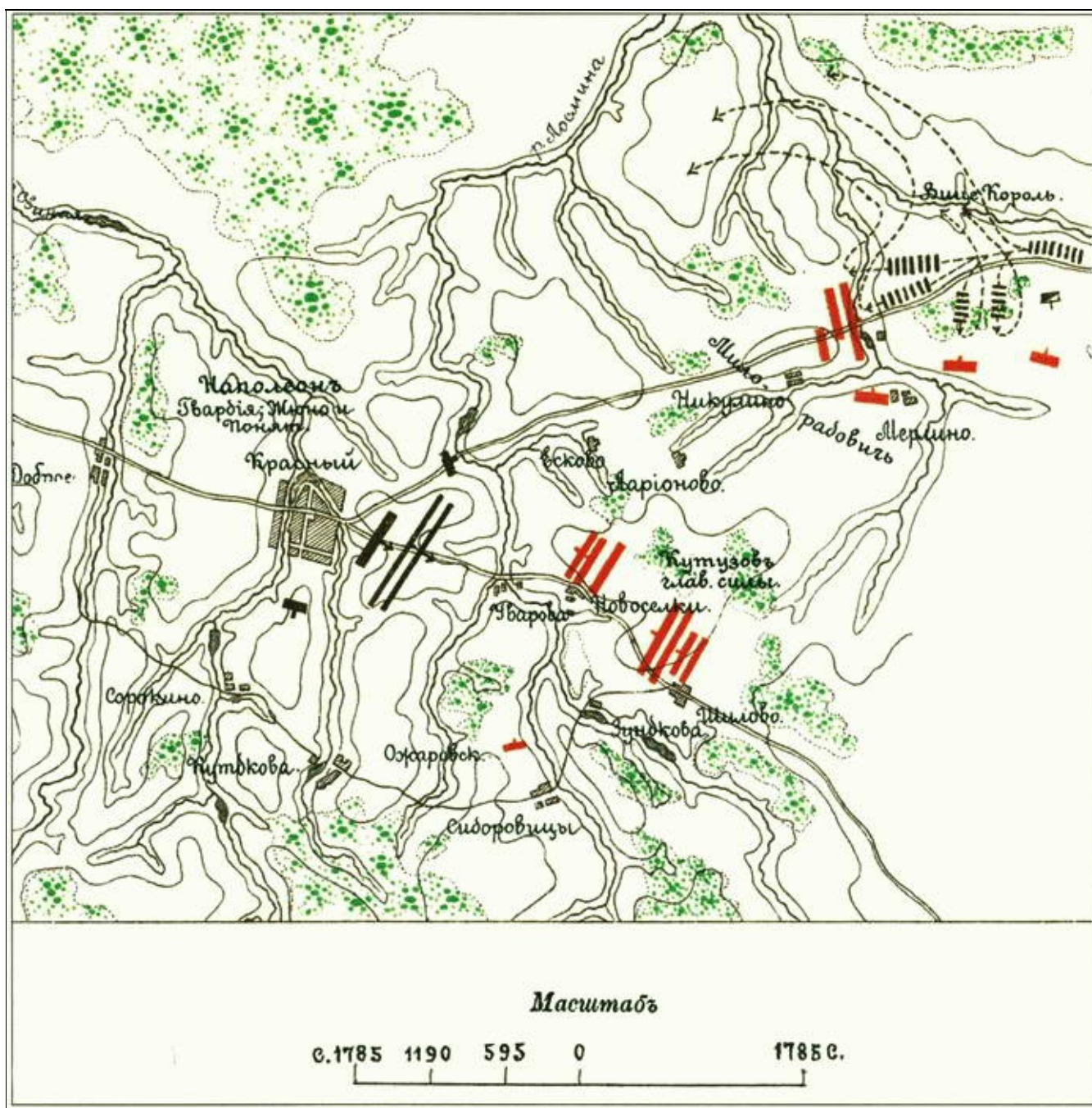
Д.В. Давыдов очень точно охарактеризовал это трагичное происшествие: «...Ожаровский поражен был в селе Кутькове. Справедливое наказание за бесполезное удовольствие глядеть на тнущиеся неприятельские войска и после спектакля ночевать в версте от Красного на сцене

между актерами. Генерал Роге с Молодой гвардией подошел к Кутькову во время невинного усыпления отряда Ожаровского и разбудил его густыми со всех сторон ружейными выстрелами. Можно вообразить себе свалку и сумятицу, которая произошла от сего внезапного пробуждения! Все усилия самого Ожаровского и полковника Вуича, чтоб привести в порядок дрогнувшие от страха и столпившиеся в деревне войска их, были тщетны! К счастью, Роге не имел с собою кавалерии, что способствовало Ожаровскому, отступая от Кутьково, собрать отряд свой и привести оный в прежде бывший порядок, с минусом половины людей».

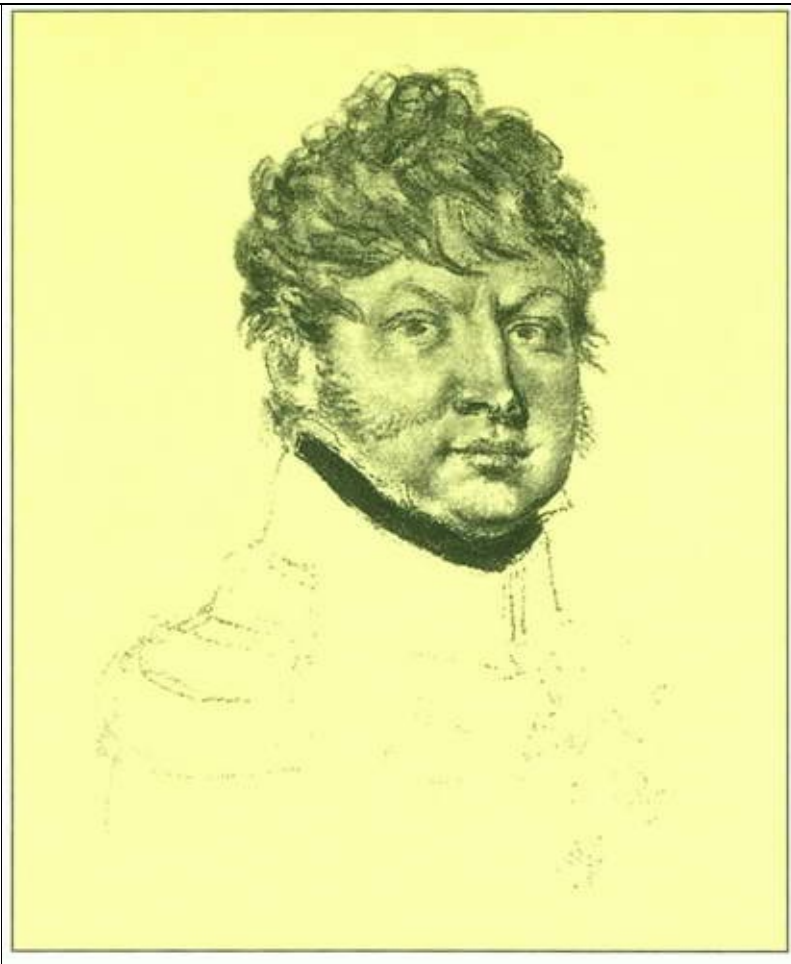
* * *

4 ноября М.А. Милорадович полностью перекрыл дорогу в районе села Мерлино силами 2-го корпуса с 11-й дивизией в первой линии. Войскам 7-го корпуса, ночевавшим в некотором отдалении, пришлось по целине нагонять двигавшиеся по дороге колонны французов. В это время полки 2-го корпуса вступили в бой. Авангард корпуса Е. Богарне, встретив многократно превосходящие силы русских, отклонил предложение о сдаче и двинулся в атаку. По мнению Ф. Сегюра, русские даже расступились, пораженные безумной храбростью противника; но, по всей видимости, фланговые батальоны просто повернулись под углом к дороге, концентрируя огонь. Залпы более 50 орудий и пехоты отбросили французов на исходные позиции. Следуя инструкциям Кутузова, Милорадович вел бой весьма осмотрительно, придерживаясь исключительно оборонительной тактики: своей волей он забрал в подкрепление 2-го корпуса 12-ю дивизию, а Раевский с 26-й дивизией занял позиции параллельно дороге, имея на правом фланге протяженный, но узкий лес, в котором расположились егеря 5-го полка. Только кавалерия время от времени переходила в атаку.

Собравшийся корпус Богарне еще несколько раз пытался пробиться вдоль большой дороги, но, отброшенный огнем, двинулся в обход правого фланга 26-й дивизии. Часть дивизии Ж. Брусье атаковала 5-й егерский и находившиеся возле леса пехотные полки; егеря, отступив, открыли 2 спрятанных на опушке орудия, залпы которых и последующая атака полков Паскевича заставили французов отступить. Одновременно на ослабленный левый фланг Раевского двинулись 2 неприятельские колонны. Атака Московского драгунского полка приостановила их движение и заставила свернуться в каре, а в это время подошел Орловский пехотный полк. В рядах полка к этому времени было не более 350 человек, но это были опытные бойцы. Раевский вспоминал: «Неприятель оставался в... бездействии. Я рассеял слабый Орловский полк в стрелки, кои немедленно окружили три неприятельские фаса. Эксцентрический огонь неприятеля мало наносил нам вреда, но огонь стрелков моих и с ними пришедшего орудия производил большое опустошение в колонне. После нескольких минут сей неравной битвы, драгуны мои и стрелки, видя колонну несколько расстроенной, вдруг бросились на нее по собственному побуждению: все пало под острием, рассеялось или положило оружие! Таким образом... генерал Елизер, 32 офицера, несколько сот рядовых и 2 орла были трофеями сего дня» [134, с. 82, 83]. Стемнело. Со стороны Красного было замечено движение отряда французской Императорской гвардии под командованием А. Дюронеля. Белозерский полк вступил в бой, а подоспевшая кавалерия заставила гвардейцев отступить. Между тем Богарне, сделав еще несколько безуспешных попыток пробиться, в конце концов бросил всю артиллерию и обоз и, обойдя позиции Милорадовича севернее, присоединился к войскам Наполеона в Красном.

План сражения при г. Красный 4-го ноября 1812 г. (Гулевич С.А. История Л. Гв. Финляндского полка 1806-1906. СПб. 1906-1909).

Барон Г.В. Розен. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

Утром 5 ноября на Смоленской дороге появились колонны корпуса Даву. Кутузов, предполагая, что Наполеон ушел из Красного, решил перекрыть дорогу у села Доброе к западу от города и уничтожить попавшие в окружение войска французов. Поэтому Милорадович со 2-м и 7-м корпусами, установив массу артиллерии вдоль дороги, ограничился обстрелом подходящих от Смоленска колонн, генерал-лейтенант Д.В. Голицын с 3-м корпусом двинулся непосредственно на город с юга, заняв деревню Уварово, а генерал от кавалерии А.П. Торماسов с 6, 8 и 5-м (в порядке следования) корпусами пошел в обход города, выделив «малый» авангард в составе лейб-гвардии Егерского, лейб-гвардии Финляндского, двух лейб-кирасирских полков и роты гвардейской легкой артиллерии. В свою очередь Наполеон, стремясь спасти отставшие корпуса, двинул гвардию в сторону Лосмина и Уварова. В завязавшемся бою со стороны русских в этот день основные роли сыграли артиллерия и кавалерия. Стоит, пожалуй, отметить особенности боевого порядка 1-й гренадерской дивизии на оборонительных позициях: между батальонами было установлено по 2 орудия. К вечеру, заметив обходной маневр Тормасова, приостановленного сверхосторожным Кутузовым, Наполеон отступил по все еще свободной дороге на запад вместе с остатками корпуса Даву. Последние колонны дивизии Фридерикса все-таки были атакованы у Доброго авангардом Тормасова.

Сохранилась весьма примечательная диспозиция Тормасова для атаки на неприятеля, в которой среди прочего говорилось: «Под прикрытием (малого) авангарда, 6-й корпус, прошед дер. Сорокину, строит немедленно полковые к атаке колонны и подвигается вперед, имея 8-е взводы первых батальонов и 1-е взводы вторых в голове колонн; в таком же порядке 8-й корпус, пройдя упомянутую дер. Сорокину, делает тот же маневр, составя вторую линию в колоннах к

атаке; наконец 5-й корпус, пройдя в свою очередь дер. Сорокину, строится в третью линию в колоннах... Все движения во время действий делать без шума и торопливости, стрелков много не рассыпать, и действовать более в густых колоннах и холодным ружьем» [70, с. 245, 246]. Таким образом, пехотный корпус должен был выстроиться в одну линию из 12 колонн. Колонна силой в два батальона (то есть на текущий момент, не более 400-600 человек) имела глубину в 24 шеренги, а длину — не более 25 рядов. Но основным силам Торماسова так и не суждено было в тот день вступить в бой.

Авангардная легкая бригада гвардейской дивизии двигалась шестирядными колоннами. Кутузов, задержав обходной маневр почти на два часа, теперь поторапливал, и егеря буквально бежали по заснеженной проселочной дороге. Выгнав французов из деревни Кутково, авангард развернулся в батальонные колонны у села Сорокина и, выслав вперед стрелков, двинулся к Доброму. Атака кирасиров полков не увенчалась успехом, но стрелковая цепь двух гвардейских полков, поддержанная всеми тремя батальонами Финляндского полка, опрокинула неприятеля к деревне. Штабс-капитан Финляндского полка Байков с солдатами захватил все 8 орудий дивизии Фридерикса. Французы еще некоторое время сопротивлялись в горящем селе, но ударившие с трех сторон егеря не оставили им шанса на успех.

Тормасов в своем докладе Кутузову сообщал: «Генерал-лейтенант князь Голицын, командующий 3-м пехотным корпусом и 2-ю кирасирскою дивизиею, нанес неприятелю сильное поражение, выгнал его из г. Красного и положил на месте более 2 тысяч человек. В то самое время авангард войск, назначенный к отрезанию неприятелю дороги, выгнал неприятеля из деревни Кутково и преследовал его на большую дорогу, ведущую из г. Красного к селу Доброму, где неприятель, соединяясь с бегущими из города, старался пушечною пальбою удерживать стремление колонны наших и способствовать своему отступлению.

Генерал-майор барон Розен, командовавший сим авангардом, открыв с своей стороны пушечную пальбу и построив колонны к атаке, ударил двумя батальонами лейб-гвардии Егерского полка в штыки, истребил сильную неприятельскую колонну и принудил другую, таковую же, положить оружие. Лейб-гвардии Финляндский полк выгнал неприятеля из села Добрава, положив на месте более 1000 человек. 6-й, 8-й и 5-й корпуса между тем превозмогли все затруднения в проходе двух дефилей, где артиллерия по чрезмерной крутизне горы должна была двигаться быть руками, и выстроилась в боевой порядок, отрезав дорогу неприятеля. Тогда замешательство оно было совершенное, он гнан был штыками и преследуем кавалериею весьма быстро. Поле сражения было усеяно его трупами; часть оно, коя избежала гибели, рассыпалась в лесу, откуда беспрестанно приводят пленных... В плен взяты нами генерал один, штаб и обер-офицеров — 76, нижних чинов до 4 тысяч, 32 пушки с зарядными ящиками, фельдмаршальский повелительный жезл... и 2 значка» [49, с. 87].

Как ни странно, несмотря на ожесточенность боя, Финляндский полк потерял за весь день всего 9 нижних чинов ранеными [70, с. 249]; очевидно, изнурение французов дошло до предела, и их выстрелы почти не достигали цели... Уже ночью две роты лейб-егерей и две роты финляндцев рассеяли двигающуюся в обход Доброго неприятельскую колонну (или толпу?), взяв в плен 15 офицеров и более 1000 солдат с 3 орудиями; потерь у гвардейцев не было.

* * *

И все-таки самым трагичным для французов стал день 6 ноября, когда к Красному, вокруг которого уже стояла вся русская армия, подошел корпус маршала М. Нея.

К 15 часам войска Милорадовича заняли позиции за глубоким Лосминским оврагом.

Французская дивизия Э. Рикара под огнем артиллерии сумела перейти овраг, но была атакована полками 12-й пехотной дивизии с фронта и 26-й дивизии с левого фланга. Остатки французской колонны отступили и присоединились к основным силам Нея.

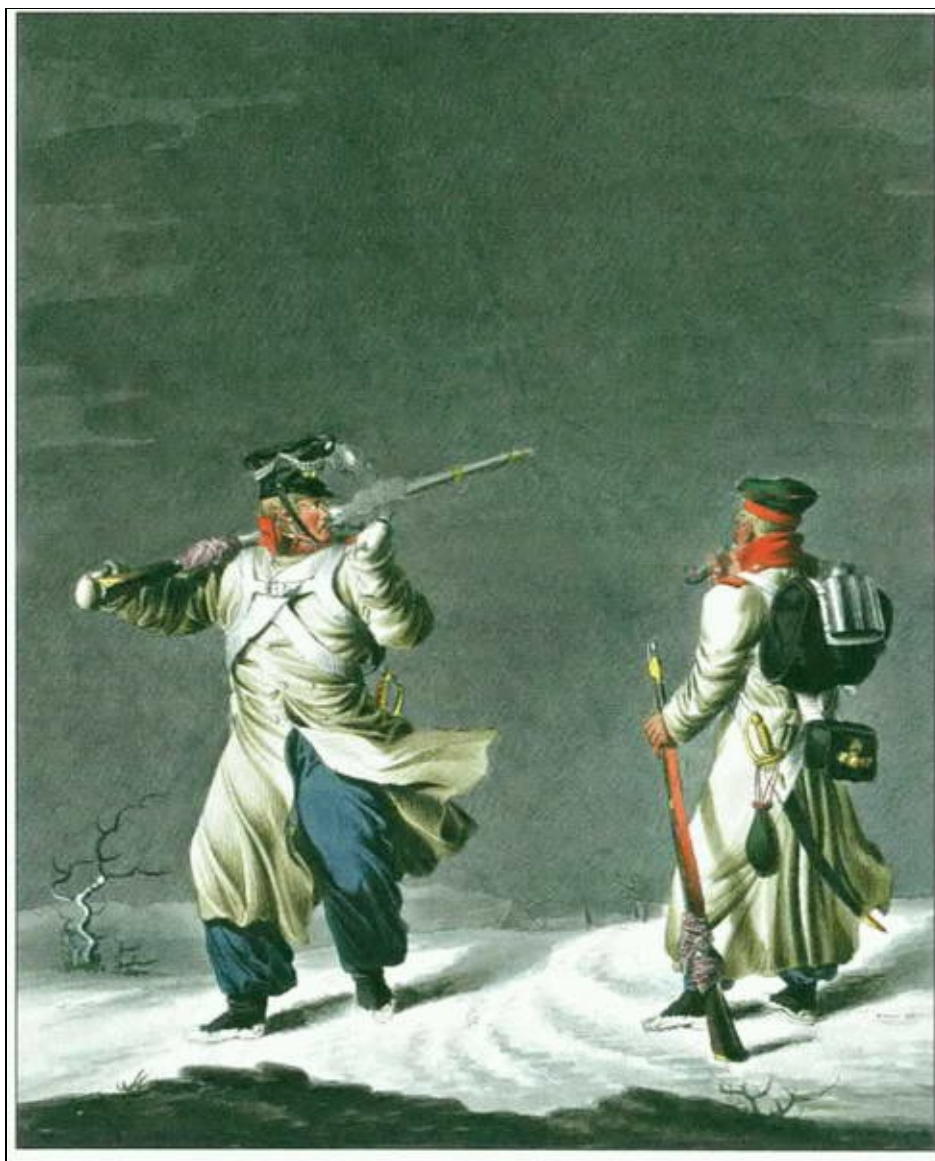

Принц Е. Вюртембергский. Рисунок Луи де Сент-Обена. 1812-15 гг.

Милорадович также перестроил свои полки: у большой дороги встал 3-й корпус генерал-лейтенанта П.А. Строганова с 1-й гренадерской дивизией в первой линии, правее него — 7-й пехотный корпус Н.Н. Раевского с 26-й дивизией в первой линии; позади основной позиции разместилась кавалерия и войска 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта принца Е. Вюртембергского. Позиция 1-й гренадерской дивизии выглядела следующим образом: «Гренадеры всех 6 полков (очевидно, гренадерские роты. — И.У.) высланы были в стрелки и заняли крутой, длинный овраг, идущий вдоль дороги; по сую сторону оврага, на возвышениях, расположилась наша артиллерия. Батальоны укрылись перед самым оврагом, за отлогостью высоты» [148, с. 487].

Ней лично возглавил атаку дивизии Ж.Н. Разу, поддержанную огнем 6 орудий. 40 русских пушек громили приближающиеся колонны. «Едва неприятельская колонна приблизилась, как батарейная рота открыла огонь из всех орудий, пехотные стрелки били с боков, а казаки и гусары, заехав в тыл, произвели страшное опустошение. Французы видели неизбежную свою гибель, но бросились отчаянно», — вспоминал очевидец. Перед позициями 26-й дивизии французские колонны смогли перейти овраг. Милорадович в своем рапорте писал: «Невзирая на сильный картечный и ружейный огонь, неприятельские колонны шли прямо на наши батареи. Дивизия генерал-майора Паскевича двинулась им навстречу... При сближении колонн настала ужасная тишина по всей линии. Мгновенно неприятельские колонны штыками были

опрокинуты» [49, с. 91, 92]. В этой атаке вновь отличились Орловский пехотный и 5-й егерский полки.

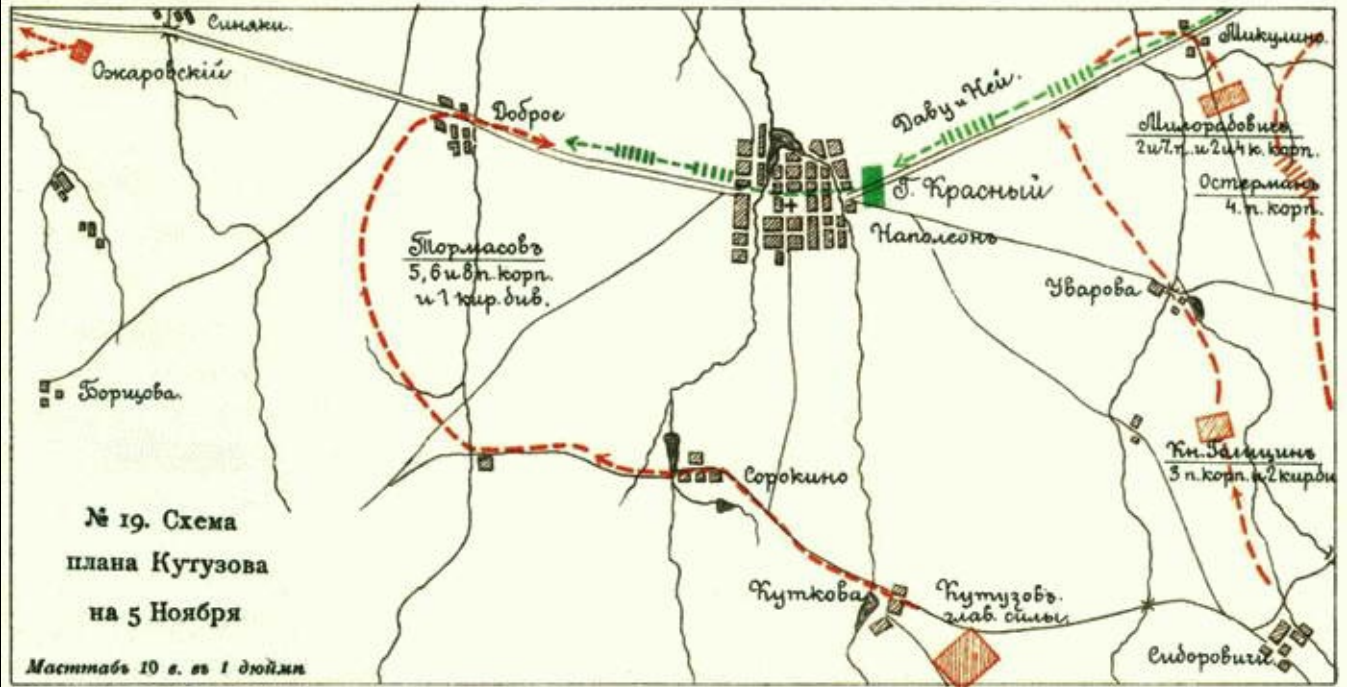
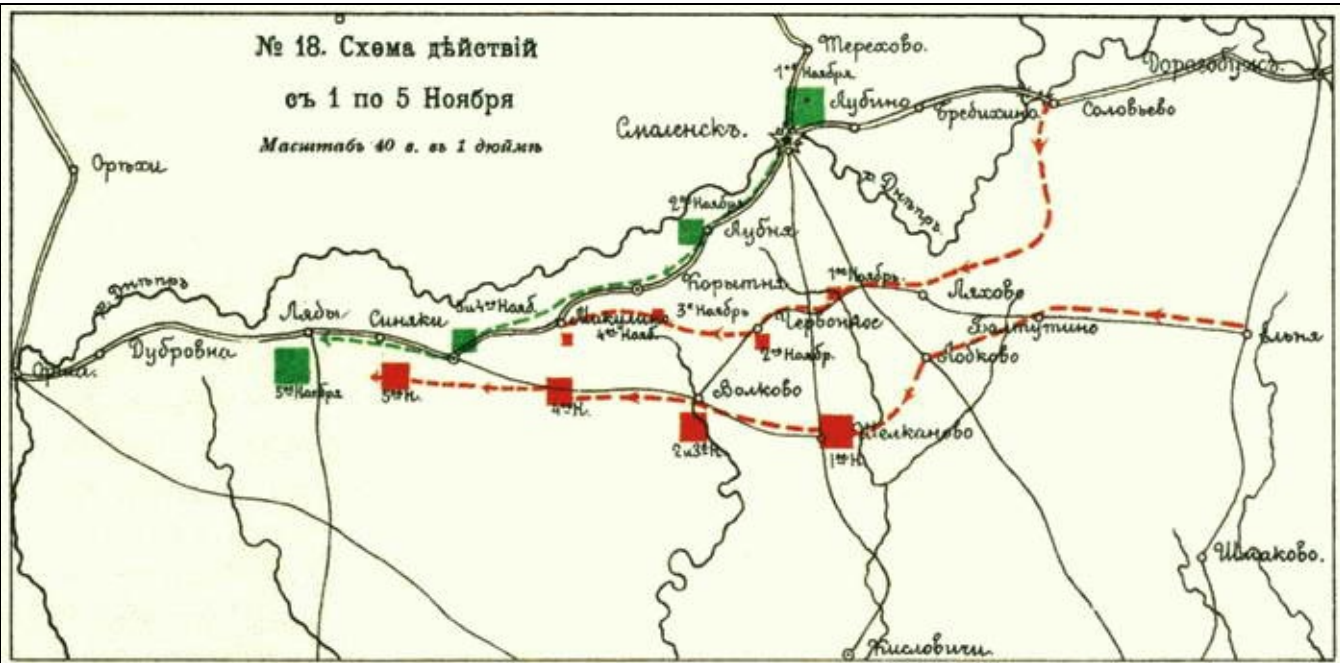
Гренадеры армейской пехоты в зимней походной форме. И. Каппи. 1815 г.

На левом фланге Милорадович, видя решительное движение неприятеля, крикнул Павловскому полку: «Дарю вам эту колонну!» «Под командой своего полковника Павловские гренадеры обессмертили себя многими подвигами; без страху бросались они на неприятеля в штыки, залпами встречавшего их; у оврага пало от залпа около 95 рядовых, с храбрым своим капитаном Барыбиным; это еще более ожесточило павловцев, и они шли в рукопашный бой, били прикладами, эфесами и кулаками...» [147, с. 488]. Рядом с павловцами так же решительно действовали батальоны Екатеринославского, Таврического и Санкт-Петербургского полков.

«Лейб-гренадерского полка поручик Поричков, сняв с себя шинель и сюртук, оставшись только в шерстяной жилетке, взял от уральского унтер-офицера ружье и сумку, бросился с охотниками гренадерских полков в овраг; он подкрепил таким образом ранее высланных и дрался врукопашную...» [147, с. 487].

Французские колонны дрогнули и откатились назад. «Генералы их напрасно подавали разительные примеры храбрости. Один из них изрубил около себя трех наших гренадер, хотевших взять его в плен живым; только раненого штыками взяли его и привели к графу Строганову; он был уже сед и имел, по-видимому, более 60-ти лет...»

По свидетельству очевидца, вся эта атака продолжалась не более четверти часа... Нея, видя бесполезность своих усилий, все-таки решил до наступления темноты удерживать инициативу, а потому бросил подошедшую дивизию Ф. Ледрю на правый фланг русской линии. И вновь русские пехотные полки — Полтавский, Ладожский, Орловский — при поддержке артиллерии разгромили и отбросили наступающих. В быстро сгущающихся сумерках остатки многострадального корпуса укрылись в лесу и двинулись в сторону Днепра, через который и переправились по тонкому ненадежному льду, бросив последние орудия и обозы. На этом злоключения Нея не закончились. На следующий день у села Гусиное он подвергся атаке летучего корпуса Платова, в составе которого состоял 1-й егерский полк (20-й егерский к этому времени уже был оставлен в качестве гарнизона Смоленска). Платов чрезвычайно неудачно спланировал нападение, послав в глубокий обход французов егерский полк, численность которого не превышала 360 человек. Нея не стал дожидаться атаки, а сам отбросил казачьи полки и, постоянно преследуемый, теряя людей, в конце концов присоединился к главной армии. По мнению майора 1-го егерского полка М.М. Петрова, «если бы в обход балки не послали артиллерию и егерский полк, а оставили перед лицом неприятельской колонны удерживать ее отступление, наведя из засады батареи и стрелков чрез всю ночь, истребляя лавами казаков высылаемых из колонн застрельщиков французских, а с тылу отдалили всякое нападение и в то же время все прочие излишние казачьи полки быстро двинули с шестью орудиями на Оршу, стараясь отодвинуть как наивозможно дальше неприятеля, как я о том предлагал лично полковнику Кайсарову, то на другой день разве смерть спасла бы душу маршала Нея из плена русского!» [126, с. 209, 210].

За несколько дней сражения французы по разным оценкам потеряли до 10 тыс. человек убитыми и до 30 тысяч пленными, свыше 200 орудий и 6 знамен. Потери русских не превышали двух тысяч.

Донесение Милорадовича о сражении в Красном прозвучало подлинным гимном пехоте: «Сие дело решило, что русская пехота первая в свете. Наступающие колонны неприятельские под сильным картечным и ружейным огнем, в отчаянном положении решившиеся умереть или открыть себе путь, были опрокинуты штыками храбрых русских, которые, ожидая их с хладнокровной твердостью, бросились на них с уверенностью в победе» [94, с. 172].

Справедливости ради необходимо отметить, что на всем протяжении сражения Кутузов всячески сдерживал войска, ограничивая тактическую инициативу командиров. Поэтому, за редким исключением, пехотные корпуса вели оборонительные бои, допуская лишь локальные контратаки. Единственным значимым исключением стал рейд авангарда барона Г.В. Розена на Доброе.

Русский солдатъ въ походе 1813 г.

(По рисунку съ натуры).

7 ноября адмирал П.В. Чичагов, находясь в Минске, выслал к городу Борисову на реке Березине сильный авангард генерал-лейтенанта К.О. Ламберта в составе 5 кавалерийских и 3 казачьих полков, 3 артиллерийских рот, а также 7-го (в составе 3 батальонов), 13-го, 14-го и 38-го егерских и Витебского пехотного полков. Через два дня вслед за авангардом выступила и вся 3-я Западная армия, оставив в Минске Ряжский пехотный и Татарский уланский полки.

Ламберт с пехотой и частью кавалерии, совершив ускоренный ночной марш, прибыл к Борисову ранним утром 9-го ноября, но оказалось, что за несколько часов до этого стоящие в городе незначительные силы французов были усилены дивизией Я.-Г. Домбровского. Перед русским авангардом встала задача захвата находящегося на западном берегу реки тет-де-пона — предмостного укрепления, состоявшего из двух редутов с ретраншементом в центре. Численность неприятеля в городе к этому моменту превышала силы русской пехоты, но

Ламберт принял решение атаковать позиции противника, пользуясь темнотой. Он оказался абсолютно прав: некоторый сумбур, воцарившийся в городе с приходом польской дивизии, помешал Домбровскому должным образом подготовиться к отпору, а столь быстрого появления русских войск никто не ожидал. Майор 14-го егерского полка Я.О. Отрощенко вспоминал: «Мы видели неприятельские пикеты, расположенные в поле. Они сидели возле огоньков, не зная того, что мы окружаем их. 14-й Егерский полк взял влево и пришел к редуту без малейшей тревоги. Стоявший на валу часовой показывал нам рукой к Борису, не признавая нас за неприятелей, потому что еще темно было: мы шли около самого рва в ту сторону, куда указывал часовой». На левый редут двинулся 38-й егерский полк, в центре шел сам Ламберт с 7-м егерским. 2-й батальон 14-го егерского, двигаясь взводной колонной, дважды встречал в темноте колонны врага, но так и не был опознан. Возле первой неприятельской колонны Отрощенко предложил дать залп 1-м взводом, но полковник Красовский, пытаясь обеспечить бесшумность нападения, закричал «пардон», и польский полк, как ни странно, принял егерей за французов. Батальон Красовского повернулся кругом и двинулся в другую сторону, но и там наткнулся на колонну противника. И снова Красовский воспользовался своей уловкой, но тут уже Отрощенко «с досадой сказал «8-й взвод стреляй». Раздались выстрелы, несколько человек тут же упали, прочие побежали назад и бросили два орудия и двух волов; орудия и волы взяты и я тотчас приказал одному взводу броситься в редут, который не был еще занят никем; в то же время бросился было туда и неприятель из другого редута, но его встретили выстрелами. В это время закипела перестрелка везде.

Первый батальон, спустившись вниз, увидел кучку кавалеристов стоявших возле моста. Стрелки наши пустили к ним пули; один из них упал, прочие бросились на мост и ускакали в Борисов. В последствии оказалось, что тут был польский генерал Домбровский, командовавший этим отрядом, в это время он делал диспозицию и был тут ранен в руку» [123, с. 62].

38-й егерский полк ворвался в левый редут, был выбит поляками, перегруппировался и совместно с 7-м егерским вновь пошел в атаку. Именно 1-й батальон 7-го егерского полка майора Михеева захватил валы редута. Первым взошедший на вал прапорщик полка Столяревский был тяжело ранен, во рву был также тяжело ранен прапорщик Выстребенцов, прапорщик Кар-вовский со стрелками обстреливал амбразуру и во рву получил легкое ранение в голову, был убит майор Азарич и ранен майор Михеев; наконец, на самом валу был убит генерал-майор Энгельгардт. 7-й егерский захватил 2 орудия и до 500 пленных, 38-й полк, также потерявший немало чинов, среди которых 4 офицера, закрепился на редуте [154, с. 53].

Дорога к самому городу от тет-де-пона проходила по свайному мосту длиной не менее 600 метров. Для обеих сторон сохранение моста было приоритетной задачей, поэтому попыток уничтожения его даже не предпринималось. К 10 часам утра неприятель укрепился в ретраншементе и забаррикадировал вход на мост. Посылаемые из города зарядные ящики подвергались обстрелу, поручик 38-го егерского полка Браилица из ружья убил двух лошадей в одной из упряжек.

Часть вырвавшихся из предмостного укрепления войск, а также подошедший арьергард Домбровского пытались вернуть утраченные позиции, но были отброшены 13-м егерским, Витебским пехотным полками и кавалерией.

Около полудня Ламберт повел 13-й и 38-й полки на штурм ретраншемента, но был ранен, как и командиры обоих полков; оставшиеся без командования егеря отступили. Генерал-майор В.В. Вяземский привел в порядок батальоны и возобновил наступление, направив 7-й егерский на левый фланг укрепления, а 14-й егерский — в обход правого фланга. Сам Вяземский получил смертельное ранение, из строя вновь выбыло немало солдат и офицеров, но укрепление было захвачено. Егерские полки вышли к мосту.

Отрощенко так описывал дальнейшие события: «Длинный через реку Березину мост представлял небезопасный дефилей, особенно при виде орудий, защищавших его. Полковник Красовский предоставлял честь идти вперед командовавшему 13-м егерским полком полковнику Избашу, но тот отвечал: ступай ты; полковник Красовский, оборотясь к нам, сказал: 14-й егерский полк вперед, и мы уже были на мосту Наш молодец полковник шел впереди с первым батальоном, я со вторым вслед за ним. За нами прочие полки сомкнутыми полувзводными колоннами. Мы уже прошли до загиба моста, на конце его видели зевающие две гаубицы большого калибра; но вдруг из-за строений показалась неприятельская колонна. Егеря 1-го батальона закричали ура! и остановились. Я для куража сказал: второй батальон на руку, вперед, ура! Вместе с этим все двинулось бегом за полковником. Колонна неприятельская отступила назад и рассыпалась между строениями; егеря вбежали в город...» [123, с. 63]. Майор Отрощенко, очевидно, был неплохим психологом. Его приказ 2-му батальону атаковать с ружьями на руку означал, что замыкающие солдаты впереди стоящего батальона могли попасть на штыки; не мудрено, что после этого весь 1-й батальон поспешно подался вперед.

К 17 часам город был полностью захвачен. Потери Домбровского составили около 2500 человек и 6 орудий. Отряд Ламберта потерял около 2000 человек, в основном пехотинцев, то есть потери в ряде полков достигали 50% численности.

* * *

Вечером 9-го ноября в Борисов вошел отряд Ланжерона, а на следующий день — сам Чичагов. Самым логичным действием в сложившихся условиях было бы остановиться на западном берегу, заблокировав мост, и на этой позиции встретить войска Наполеона, но Чичагов стремился к скорейшему соединению с корпусом Витгенштейна, а потому перевел основную часть армии и все обозы на левый берег.

11 ноября авангард, теперь уже под командованием генерал-майора П.П. Палена 2-го, выступил в восточном направлении, но у деревни Лошница подвергся нападению корпуса маршала Ш.-Н. Удино. Артиллерия вскоре была подавлена огнем французских батарей,

кавалерия не могла действовать из-за недостатка места, поэтому вся тяжесть боя легла на пехоту авангарда, колонны которой стояли у самого леса. Отрощенко вспоминал: «Французы тотчас стали наступать решительно. Их кавалерия шла густой колонной. Мы встретили ее сильным огнем и нанесли ей смерть. Но она, презирая опасность, бросилась к пехоте и заставила ее принять с дороги в лес, и пошла по дороге густыми непрерывными колоннами. Мы с близкой дистанции били любого кавалериста. Но они не обращали на нас внимания, шли, можно сказать, стеной. Они все были закоптевшие. Латы заржавленные, хвосты на шишаках обгоревшие, одежда порванная, прожженная. Некоторые имели на себе салоны и разные лохмотья.

Я с батальоном держался возле дороги, и егеря мои беспрестанно валили и всадников, и лошадей, пока были патроны. Густой лес и болота затрудняли мое отступление; люди устали и промокли, мокрый снег с елей валился на нас, но к вечеру подул северный ветер и стало морозить...» [123, с. 63].

Стремительное наступление французов посеяло настоящую панику в войсках Чичагова, перекинувшуюся даже на части, стоявшие на западном берегу. По воспоминанию генерала Орурка, Апшеронский пехотный полк, посланный в город, «не дошел половины моста и шарахнулся назад» [53, с. 48]. Большая часть армейских обозов досталась противнику. Генерал-майор князь А.Г. Щербатов пытался организовать сопротивление, но толпа бегущих всадников и

пехотинцев из состава авангарда смешала ряды... Французский 24-й конно-егерский полк, по свидетельству очевидца, «напал на пеший финляндский стрелковый (очевидно, все-таки Нашебургский или Якутский пехотный. — И.У.) полк, защищавший городские траншеи, окружил его, и без особенных потерь взял его почти целиком в плен» [49, с. 152]. Бой завершился с отступлением русских частей на западный берег реки; часть моста была сожжена.

Переправа через реку Березину. П. Тесс. 1840-е гг. Фрагмент.

Отрезанные от основной армии полки авангарда, расстреляв все патроны, разными способами переправлялись через Березину. Ольвио-польский гусарский полк на крупах лошадей перевез на другой берег батальон егерей. Остатки батальона Отроценко сначала перешли приток Березины по настеленным жердям, связанным среди прочего и офицерскими шарфами, а затем вместе с разрозненными остатками других полков переправились у деревни Студянка вброд и с помощью одной лодки и казачьих лошадей.

Потери армии в этом неудачном бою оценить довольно сложно, но речь в любом случае идет о нескольких тысячах убитых, раненых и пленных; один только 14-й егерский в этот день потерял до 500 человек, и на следующий день в строю насчитывалось не более 250 нижних чинов.

Еще и 13 ноября остатки рассеянных полков перебирались через реку, но вечером этого дня на восточном берегу появились массы французских войск. Именно у деревни Студянка Наполеон решил организовать переправу для остатков Великой армии, к которой после катастрофы при Красном присоединились достаточно боеспособные корпуса маршалов Ш.-Н. Удино и К. Виктора.

Утром 14 ноября французы оттеснили от места будущей переправы высланный для наблюдения отряд шефа 28-го егерского полка генерал-майора П.Я. Корнилова и в течение дня навели два моста через реку. Первым реку перешел корпус Удино, переправа основных сил армии Наполеона началась на следующий день. Кутузов по-прежнему не спешил вступить

в единоборство с самим Наполеоном, поэтому вся тяжесть последовавших в окрестностях переправы боев легла на войска 3-й Западной армии и 1-го отдельного пехотного корпуса генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна. Положение еще более осложнялось неверными

действиями Чичагова, совершенно сбитого с толку обманными движениями французов, и в не меньшей степени — противоречивыми распоряжениями фельдмаршала.

Днем 14 ноября к месту переправы подошел отряд генерал-лейтенанта Е.И. Чаплица, пехота которого состояла из 14-го и 32-го егерских полков. В течение дня к русским войскам присоединились еще 38-й егерский полк и 1-я бригада 15-й пехотной дивизии — Козловский и Кольванский пехотные полки; весь отряд занимал позиции на опушке Стаховского леса. Условия местности диктовали тактику боя — почти вся пехота сражалась в составе стрелковых цепей; часть кавалерии пришлось спешить. Существенную поддержку пехоте оказывала сильная артиллерия русских. Вечером батальон Козловского полка, поддержав отступающую цепь егерей, опрокинул колонну неприятеля на правом фланге. Как вспоминал Отроценко, «мы получали постепенно небольшие и незначительные подкрепления, и сражение шло с ожесточением с обеих сторон; но французы уже пошли большими массами к Зембину; они переправлялись и ночью, и всю ночь была перестрелка».

15 ноября на западном берегу воцарилось относительное спокойствие, нарушаемое только редкими локальными стычками. Интересную ситуацию в своем труде описал А.И. Михайловский-Данилевский: «Иные из наших егерей находились сзади неприятельской цепи и то же было с неприятельскими застрельщиками. Все стояли в том положении, в каком настигнуты были накануне темною холодной и ненастной ночи. С рассветом наши и французские офицеры разводили стрелков как на учебном поле, без всяких неприязненных действий. Потом с обеих сторон стояли спокойно, день прошел без выстрела. Никто не имел охоты начинать дела. Наши по малочисленности не атаковали, ожи-дая прибытия армии из-под Борисова, а французы не имели причин завязывать дела, радуясь бездействию русских, дозволившему им завер-шить переправу» [107, с. 370,371].

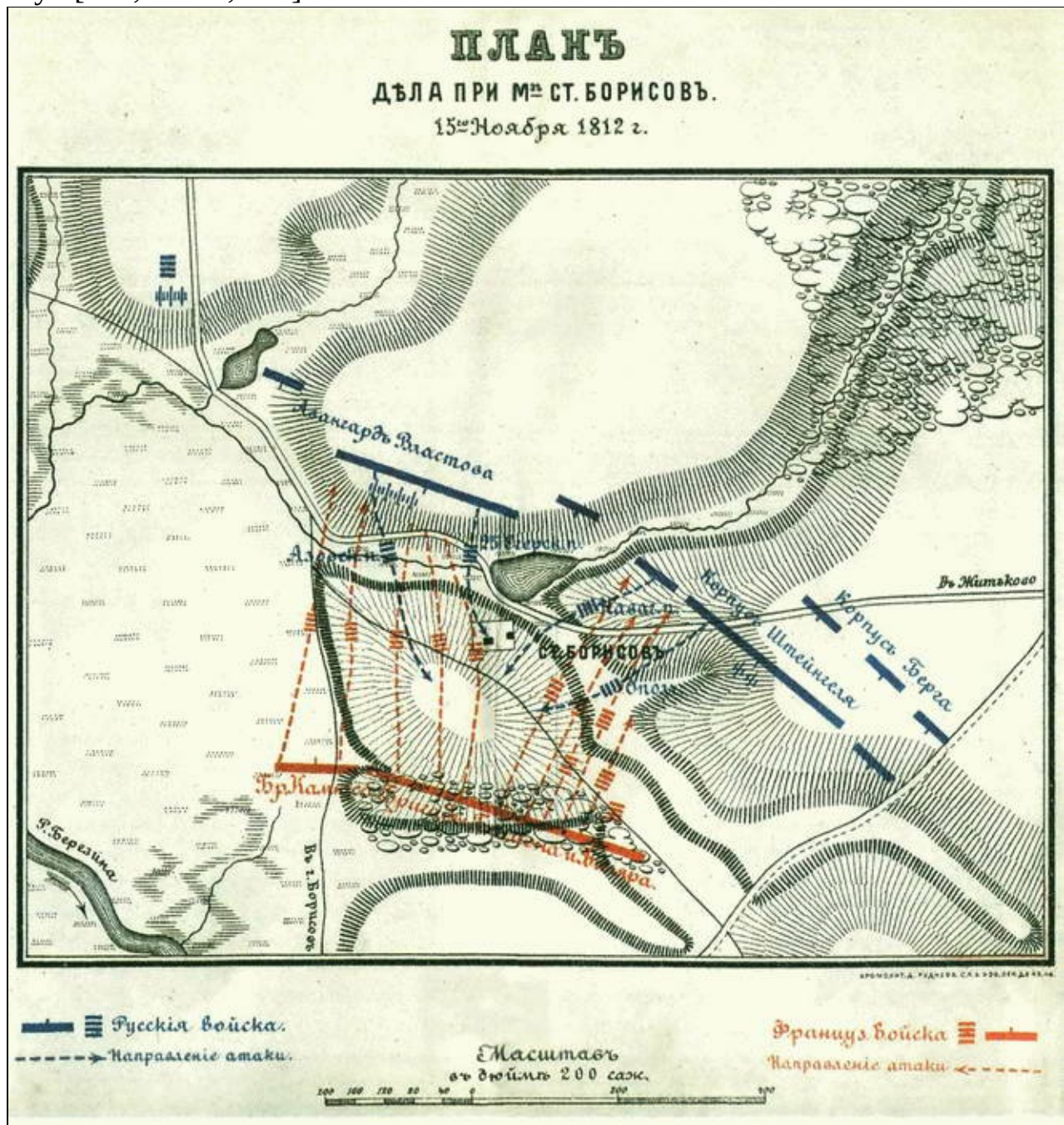
Основные боевые действия в этот день развернулись южнее, где у Старого Борисова войска Витгенштейна разгромили дивизию генерала Л. Партуно. В бою отличилось ополчение, а также Азовский, Навагинский и 25-й егерский полки. Наутро остатки французской дивизии сдались.

16 ноября на правом берегу Березины у местечка Стахово завязался тяжелейший бой между войсками адмирала Чичагова и французскими войсками под командованием маршала Нея. Русский авангард Чаплица на рассвете атаковал противника в Стаховском лесу вдоль дороги из Борисова. К этому времени он располагал 9 егерскими полками: на левом фланге двигались 7, 12 и 28-й полки, в центре — 10-й и 22-й, на правом фланге — 14, 27, 32 и 38-й. Русским цепям удалось серьезно потеснить стрелков противника и к 9 часам, заняв опушку леса, дать возможность артиллерии начать обстрел переправы. По словам Отроценко, «войска наши налегли на неприятеля и преследовали его быстро». Подошедшие со стороны французов подкрепления остановили продвижение полков Чаплица. Бой принял затяжной характер. Участник событий писал: «Мы дрались как в тесной нагорной битве, все действовало орудиями и стрелками; если уменьшались и редели ряды оных, тотчас были посылаемы другие на подкрепление; теряли народ, разили неприятеля, но не подавались вперед; правый наш фланг в одно время протиснул неприятеля, подался было вперед, но посланный самим Наполеоном на помощь резерв приостановил успех наш. Я сам был свидетелем, что целые полки таким образом были разбросаны в стрелках и перемешаны между собой» [53, с. 42].

Если в одном месте русская цепь 10-го и 38-го полков опрокидывала французов, то в другом батальон 32-го егерского почти в то же время, подвергшись атаке поляков, попадал в окружение и пробивался к своим... Польские полки были в свою очередь опрокинуты контратакой Козловского и Кольванского полков, причем, по свидетельству поляков, часть оставшихся у них в тылу «убитых» русских егерей внезапно поднялась и возобновила стрельбу.

Для поддержки Чаплица Чичагов двинул вперед 9-ю и 18-ю пехотные дивизии под общим

командованием генерал-лейтенанта И.В. Сабанеева, который, «будучи чрезвычайно пристрастен к рассыпному строю» [114], еще не дойдя до места сражения, рассыпал в цепь большинство батальонов 18-й дивизии. Приближение этой огромной и неуклюжей массы стрелков вызвало недоумение в авангарде. Чаплиц вспоминал: «Каково же было мое удивление, когда вдруг я услышал за собою крики «Ура!» и барабанный бой и увидел рассыпавшихся людей, в виде застрельщиков. Я послал справиться, какие это войска, и мне ответили, что крики доносились из колонн, посланных в рассыпную в лес. Я возвратился к войскам, предлагал, приказывал, наконец, настаивал, чтобы их опять построили в колонны, но все начальники отвечали, что они действуют по приказаниям, ими полученным. Вследствие этого я постарался найти генерала Воинова, которому сообщил, какие неудобства предвидятся мною и должны неизбежно произойти от таких распоряжений. Генерал ответил мне, что это приказание отдал генерал Сабанеев, и уже невозможно поправить зло; поэтому я повсюду искал генерала Сабанеева, но за невозможностью его найти и зная, что дело требует моего присутствия впереди, отправился к своему посту» [122, с. 511, 512].

План сражения при Ст. Борисове 15 ноября 1812 г. (Харкевич В.И. 1812 г. Березина. СПб., 1893).

Между тем Наполеон бросил в атаку кирасирскую дивизию Ж.П. Думерка и легкую кавалерию, которые двинулись прямо по редкому лесу и, прорвав ослабленные цепи егерей авангарда, набросились на свежие русские дивизии. Внезапное нападение вызвало настоящую панику в рядах пехоты Сабанеева: лишенные общего командования солдаты открыли беспорядочный огонь, нередко нанося урон находившимся впереди егерям. Вся русская линия резко подалась назад, уступив почти всю ранее захваченную территорию. Расстроенные подразделения пытались строить подобие каре на полянах, но кирасиры сминали и опрокидывали их. Это была минута подлинного триумфа кавалерии. Под ударами французских палашей и под конскими копытами пехота потеряла несколько сотен человек, еще несколько сотен положили оружие; только самоотверженные контратаки русской кавалерии и активное сопротивление 9-й дивизии предотвратили полный разгром 18-й дивизии и авангарда. Такие катастрофические последствия не могут быть полностью объяснены ни внезапностью кавалерийской атаки, ни пробелами в обучении солдат. Егерские и пехотные полки 3-й Западной армии имели очень неплохой боевой опыт, а способы противодействия атаке кавалерии входили в основы егерского учения. Таким образом, главной причиной поражения приходится считать тактический просчет генерала Сабанеева, а также и моральный фактор: войска армии, до солдат включительно, не ждали серьезного противодействия со стороны неприятельской конницы и, встретив решительный отпор, поддались панике.

До позднего вечера части Чичагова не оставляли попыток вновь оттеснить противника к переправе, егерей сменили застрельщики пехотных полков, но героическое сопротивление швейцарских и польских полков, поддержанных кавалерией, остановило стремление русских.

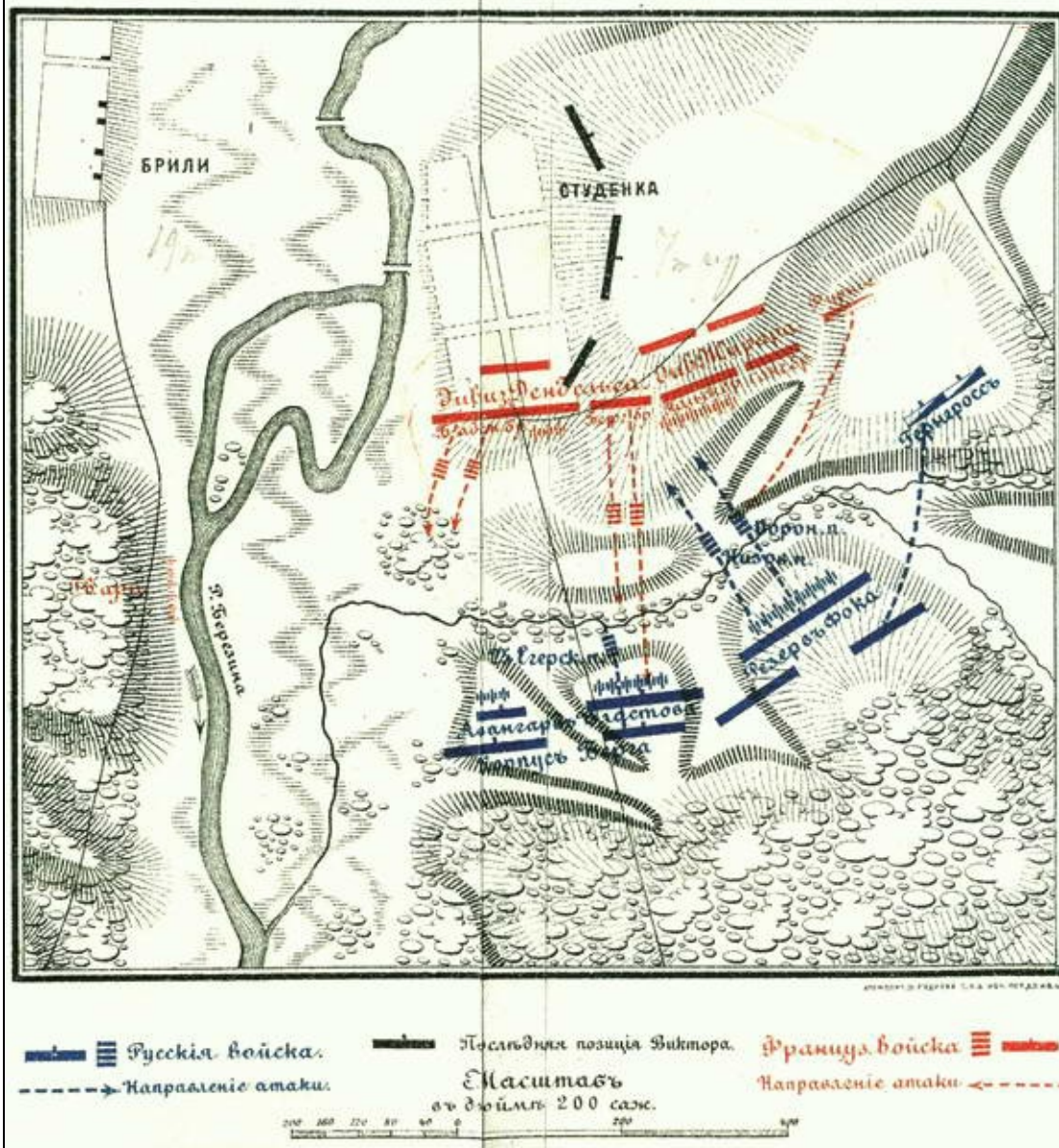

Переход через Неман. Рисунок из дневника офицера лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерина. 1 января 1813 г.

На левом берегу Березины наступление вели войска Витгенштейна, которым на позициях у деревни Студянка противостоял разноплеменный корпус маршала К. Виктора. Первыми с русской стороны в бой вступили 25-й егерский и сводно-егерский полки, вскоре поддержанные

24-м егерским из корпуса генерал-майора Г.М. Берга. Бергская бригада генерала Дама сделала попытку захватить русскую батарею, гранаты и ядра которой, сильно досажая корпусу Виктора, в то же время посеяли панику у переправы. Егерские полки в первые минуты отступили под натиском неприятеля, но затем «ударили на него в штыки и, прогнав его опять через малый ручей, разделяющий обе позиции, преследовали его стрелками до самых орудий его». Сходство зимнего обмундирования враждующих сторон чуть было не привело войска Виктора к серьезной ошибке. 20-летний генерал баденской бригады В. Хохберг вспоминал: «Наблюдая за отступлением бергской бригады, я вдруг увидел приближающуюся к нам колонну. Было пасмурно, и я не мог разглядеть, какой это отряд, но, видя их белые кивера, я принял их за поляков. Вдруг я заметил, что они стреляют в нас; чтобы не допустить ошибки, я двинулся к ним, крича, чтобы они перестали стрелять, и тут только увидел, что это русские» [153, с. 221]. Воронежский, Низовский пехотные и 24-й егерский полки усиливали давление в центре. Заметив концентрацию неприятельской кавалерии, 24-й егерский свернулся в каре и отбил первую атаку бригады Фурнье, но во второй атаке каре было прорвано; до 500 человек попали в плен. На левом фланге Севский и Пермский пехотные и 1-й Морской полки с успехом удерживали натиск противника. Воронежский и Низовский полки штыками опрокинули атакующие колонны и вновь прогнали их до артиллерийской батареи. Атака саксонской бригады на центр русских войск была отбита этими же полками при поддержке запасных батальонов 1-й гренадерской дивизии; пехота Витгенштейна взяла до 300 пленных. В свою очередь, атака русской кавалерии и Могилевского полка на правом фланге также была отбита. Корпус Виктора после этого отодвинулся к переправе, где и продолжал удерживаться до тех пор, пока не получил приказ отступить на западный берег. В целом, усилия Витгенштейна в этот день были более чем скромными, учитывая, что против 12 тысяч солдат Виктора он направил не более 14 тысяч из подчиненного ему 40-тысячного корпуса; из-за этого на позициях у Студянки весь день шел практически равный бой, несомненно, породивший немало драматических и героических ситуаций, но в конечном итоге так и не приведший к решительным результатам. На следующий день Витгенштейну выпала сомнительная слава сбора трофеев и пленных на восточном берегу Березины; боеспособные силы Наполеона к этому времени уже двигались к Вильно.

ПЛАНЪ
БОЯ ПРИ Д. СТУДЕНКЪ.
 16го Ноября 1812 г.

План боя при д. Студенке 16 ноября 1812 г. (ХаркевичВМ. 1812 г. Березина. СПб., 1893).

За время боев у Березины Великая армия по разным оценкам потеряла от 25 до 40 тысяч человек, а русские войска — от 8 до 15 тысяч, но стратегическая задача Наполеона была достигнута — он сам вместе с боеспособными частями смог вырваться из окружения.

Заключение

Тактика русской пехоты в период военных действий с Наполеоном отличалась известной гибкостью, что было обусловлено динамичным изменением приемов ведения боевых действий и отсутствием наработанных тактических навыков. В конфликтах европейских государств были задействованы массовые армии, возможность создания которых появилась после почти повсеместного изменения принципов комплектования войск. С другой стороны, рост числа новобранцев повлек за собой ослабление профессиональных качеств каждого конкретного бойца. Развитие материальной части артиллерии, повышение подвижности полевых артиллерийских систем и увеличение их количества привело к тому, что на полях сражений все большую роль стал играть орудийный огонь. Таким образом, на второй план была отеснена стрельба пехоты, преимущественное использование которой лежало в основе линейной тактики прошедшего века. Ответом на изменившуюся ситуацию стало активное использование пехотой построений в виде колонн и рассыпного строя, разрежение боевых порядков, увеличение протяженности позиций и стремление к использованию пересеченной местности, а также естественных и искусственных укрытий. Колонны позволяли сочетать быстроту перемещений с силой ударного воздействия, а также и с пониженными требованиями к подготовке войск. Рассыпной же строй в известной степени компенсировал отсутствие массового ружейного огня протяженных линий, а в ряде случаев позволял осуществлять реальное огневое давление на противника. Все перемены тактики пехоты в начале века имели в своей основе стремление достичь идеального компромисса в использовании трех тактических форм построения.

Русские войска достигли известных успехов в этих поисках, пожалуй, даже раньше, чем французы, ставшие при Наполеоне общепризнанными законодателями практически во всех областях военного устройства. Реальным доказательством этого факта служит славный Итальянский поход А.В. Суворова, к сожалению, не повлекший за собой ощутимых результатов, но зато вписавший немало громких побед в военную летопись России. Первые антифранцузские кампании XIX века по многим причинам стали неудачными, и к 1812 г. многие современники уже сомневались в способности русской армии эффективно противостоять гению императора Франции. Война рассеяла все сомнения и вновь выдвинула военную силу Российской империи на главенствующую позицию.

Оказалось, что русская пехота умела с должной гибкостью сочетать различные тактические построения, но в основе ее действий, как и во времена Суворова, лежала ярко выраженная ударная тактика. Полки редко поддерживали длительный огневой бой, при любой возможности переходя в штыковые атаки. С суворовским постулатом — «всякая стрельба кончается штыками» — неразрывно перекликались положения официальных документов 1812 года, например бородинской диспозиции: «На случай наступательного во время действия движения, оное происходит в сомкнутых к атаке колоннах, в каковом случае стрельбою отнюдь не заниматься, но действовать быстро холодным ружьем».

Теоретически основной тактической формой пехоты по-прежнему продолжал оставаться развернутый трехшереножный строй. Наличие третьей шеренги, в большинстве случаев не принимавшей участия в ведении огня, явно свидетельствовало о стремлении к повышению устойчивости фронта подразделения, прежде всего, в штыковом бою. Развернутый строй мог выполнять и ударные функции, но в этом случае требования к подготовке и дисциплинированности солдат многократно возрастали. На практике наиболее распространенными формами построения оказались колонны и стрелковые цепи.

В первой половине кампании 1812 г. русские войска в большинстве случаев

придерживались оборонительной тактики. В обороне гораздо чаще, чем в наступлении, использовался развернутый строй. Там, где позволяла местность, сочетание огня артиллерии и пехотных линий давало очень неплохие результаты. Кроме того, относительно тонкие линии, находясь на позициях, несли меньшие потери от артиллерийского огня неприятеля, ведущегося с дальнего расстояния. Задача удержания противника вне зоны эффективного огня возлагалась на рассыпной строй егерей или стрелков линейной пехоты. Фланги позиций, как правило, усиливались колоннами. В колоннах же вставляли и резервы, что позволяло быстрее реагировать на изменение тактической обстановки. Стремлением к сохранению преимущественно оборонительной тактики объясняется и попытка фактического возрождения полковой артиллерии, сделанная после Бородинской битвы, когда катастрофическое снижение численности пехоты привело к существенному ослаблению огневой мощи подразделений. Выставляемые на флангах батальонов легкие орудия призваны были компенсировать недостаток ружейного огня и таким образом усилить оборонительные порядки. Мы не располагаем данными о примерах использования такого построения. Изменившаяся стратегическая обстановка диктовала необходимость перехода к наступательным действиям.

Для пехоты такие действия полностью отвечали ее стремлению к использованию ударной тактики. К сожалению, нередко наступательный порыв войск сдерживался командованием, что и не позволяло достигать решительных результатов, но с каждым сражением у солдат и офицеров крепла уверенность в своей непобедимости. Этому способствовало и общее снижение боеспособности наполеоновских войск, ставшее особенно заметным после сражений при Красном. К сожалению, уменьшение противодействия противника совпало с сокращением численности русских войск и с затруднением перемещений сомкнутых строев по заснеженной целине. Трудно сказать, что собой представляли колонны на завершающем этапе кампании, когда во многих батальонах оставалось по 100-300 человек. Можно лишь предполагать, что относительную протяженность фронта могли поддерживать путем сокращения глубины колонны. Но и такие «усеченные» построения при необходимости сражались достаточно эффективно, тем более, что каждый остающийся в строю солдат стоил десятка новобранцев. В декабре даже полки силой в 100 человек могли вести достаточно самостоятельные действия. Стрелковые цепи на труднопроходимой местности стали играть все большую роль, поддерживая огневое давление и без колебаний переходя в атаку.

Общие успехи тактических действий русской армии имели вполне приемлемое материальное обеспечение. Отечественная военная промышленность в целом справлялась со своими задачами. Качество русского оружия было близко к общемировому уровню. Службы снабжения войск, несмотря на ряд недостатков, обеспечивали функционирование огромной военной машины.

При анализе боевого использования пехоты в 1812 г. нельзя оставить без должного внимания и моральный фактор. Русская армия в целом, и пехота в особенности, получали наилучший, по сравнению с армиями других государств, человеческий материал. Практически однородный по национальности, социальному происхождению и вероисповеданию, он, ко всему прочему, базировался на крестьянском общинном воспитании. Многие особенности взаимоотношений внутри деревенской общины автоматически переносились и в армию, развивая и укрепляя сплоченность и взаимовыручку. Постоянная зависимость крестьян от помещика в условиях военной службы выливалась в практически беспрекословное подчинение приказам офицеров. Нелегкие условия крестьянского быта и северного климата воспитывали в будущих солдатах выносливость и непритязательность. Серьезное воздействие на воинский дух армии оказывало и религиозное воспитание. В целом русским войскам зачастую недоставало инициативности, но прочие боевые качества имелись у них в избытке.

На моральном состоянии войск не мог не сказываться и сам характер боевых действий. Российское государство в 1812 г. вело безусловно справедливую, оборонительную войну, защищая свою целостность и независимость, и большинство граждан прилагали все силы для противодействия инородному вторжению.

* * *

В летописи великой истории России огненными буквами запечатлены события бессмертной эпопеи Отечественной войны 1812 года, и русская пехота сыграла в этой эпопее роль, значение которой трудно переоценить.

Приложения

Предлагаемые читателю приложения составлены автором для облегчения работы с книгой. Все даты приводятся по старому стилю. В книге также встречаются следующие аббревиатуры:

ВИ Вестник — Военно- исторический Вестник;

ВИСб — Военно-исторический сборник;

ВС — Военный сборник;

ВУА — Военно-ученый архив

ЖИРВИО — Журнал Императорского российского военно-исторического общества;

РА — Русский архив;

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив;

РС — Русская старина.

бар. — барон

ген.-ад. — генерал-адъютант

ген. от инф, — генерал от инфантерии

г.-л. — генерал-лейтенант

г.-м. — генерал-майор

гр. — граф

кн. — князь

полк. — полковник

подполк. — подполковник

Список упоминаемых единиц измерения

1 линия = 2,54 мм

1 дюйм = 10 линий = 25,4 мм

1 фут = 12 дюймов = 304,8 мм

1 вершок = 44,45 мм

1 аршин = 16 вершков = 28 дюймов «711,2 мм

1 сажень = 7 футов = 3 аршина = 2133,6 мм

1 верста = 500 саженей = 1066,8 м

1 миля = 7 верст = 7467,6 м

1 золотник = 4,27 г

1 лот — 3 золотника — 12,80 г

1 фунт = 32 лота = 96 золотников = 409,51 г

1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг

1 гарнец = 3,28 литра 1 ведро = 12,30 литра

1 шаг (военный) = 1 аршин = 711,2 мм

Алфавитный список пехотных частей и подразделений 1812 г.

Список составлен на основе труда Г.С. Габаева «Роспись Русским полкам 1812 года» (Киев, 1912). Для дополнения и уточнения списка автор использовал архивные материалы, работу АЛ, Подмазо «Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796-1815)» (Москва, 1997) и «Заметки о некоторых полках русской армии», составленные в середине 1811 г. французским офицером Лонгерю (А.М. Валькович, А.А. Васильев, «Агент не ошибся», опубликовано в «Альманахе исторических сенсаций», Москва, 1993, текст Лонгерю помещается в кавычках прописным шрифтом).

Упомянуты награждения полков за отличия, оказанные в 1812 г. Сведения о вооружении полков приводятся в тех случаях, когда они подтверждены архивными материалами.

Фраза «Утеряны зимние панталоны» означает, что данная деталь обмундирования была утеряна вместе с обозами в начале кампании и восстановлена только в Тарутинском лагере.

«Пехотная (белая) амуниция» не была еще заменена в ряде егерских полков, переименованных из существовавших ранее пехотных,

«Гарнизонные шинели» не были еще заменены в ряде полков, сформированных из подразделений гарнизонной пехоты.

ТЯЖЕЛАЯ ПЕХОТА

(4 гвардейских, 14 гренадерских, 98 пехотных и 4 морских полка и 1 морской батальон)

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Шеф полка — Государь Император Александр Павлович.

Командир полка — полк. бар. Е.В. Дризен.

Красные погоны.

Красный воротник.

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотое шитье особого рисунка; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике — петлицы из Преображенского басона, на клапанах — петлицы из Измайловского басона.

Имел знамена образца 1800 г., пожалованные в том же году, с тем лишь отличием от общего образца 1800 г., что Царские вензеля в углах полотнища и короны были двойные (короны: Императорская, а под ней Мальтийская). У 1-го знамени крест белый, углы белые с пунцовым пополам (слева верхняя половина пунцовая, справа белая), у прочих 5 — углы белые, крест пунцовый, а по нем белый. Древки в 1-м батальоне — кофейные, в прочих — палевые.

Кроме того, на нагрудных знаках у обер-офицеров имелась надпись; «19 №. 1700».

Ружья образца 1808 г., в 1-м и 2-м б-нах — тульские, в 3-м б-не — сестрорецкие. 25 ружей «за старание и искусство».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЕНОВСКИЙ,

Шеф полка — Государь Император Александр Павлович.

Командир полка — полк. **К.А. Криденер.** Красные погоны

Светло-синий с красной выпушкой воротник. У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотое шитье особого рисунка; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике — петлицы из семеновского басона, на клапанах — петлицы из Измайловского басона.

Имел знамена образца 1800 г., пожалованные в том же году, все 6 совершенно такие, как в Преображенском полку, но древки черные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы за взятие Очакова, пожалованные в 1737 г, 13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.». Пожаловано 3 знамени нового образца — крест желтый, углы белые.

Ружья образца 1808 г., тульские (?). 25 ружей «за старание и искусство».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКИЙ.

Шеф полка — Великий кн. Николай Павлович.

Командир полка — полк. М.Е. Храповицкий.

Красные погоны.

Темно-зеленый с красной выпушкой воротник.

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотое шитье особого рисунка; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике и клапанах — петлицы из измайловского басона.

Имел знамена образца 1800 г., пожалованные в том же году, все 6 совершенно такие, как в Преображенском полку, но древки белые.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» Пожаловано 3 знамени нового образца — крест желтый» углы белые.

Ружья образца 1808 г., тульские (?). 25 ружей «за старание и искусство» (?).

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКИЙ.

Командир полка — полк. И.Ф. Удом.

Красные лацканы, погоны, воротник.

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике — петлицы из Преображенского басона, на клапанах — петлицы из измайловского басона.

Имел знамена образца 1800 г., пожалованные в 1811 г., но с тем отличием, что у белого знамени углы были цветные, как в образцах 1797 и 1800 гг. У белого знамени — крест белый, углы желтые с черными (слева верхние половины желтые, справа черные, у прочих 5 — крест желтый, углы черные с белым слева сверху белое, справа черное). Древки желтые.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля изъ России 1812 г.». Пожаловано 3 знамени нового образца, крест желтый, верхние половины углов красные, нижние черные.

Ружья образца 1808 г., тульские (?). 25 ружей «за старание и искусство» (?).

АЗОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. М.Л. Трескин.

Командир полка — майор Я.А. фон Карм.

Полк состоял в 6-й пехотной дивизии в Финляндии. Выделил 1 сильный батальон (1000 чел), отправленный с десантным отрядом Штейнгеля.

Красные погоны с цифрой 6.

Имел: а) 2 знамени образца 1797 г., пожалованные в 1798 г., и б) 4 знамени образца 1803 г., пожалованные 8 января 1810 г. за отличие против шведов, взамен считавшихся утраченными в 1805 г. при Аустерлице. Белое знамя было образца 1803 г., а из цветных 3 образца 1803 г. и 2 образца 1797 г. У цветных знамен обоих образцов расцветка была одинаковая: крест розовый, углы темно-коричневые (в 1797 г. назывались пюсовыми). Древки у знамен образца 1803 г. были белые, а 1797 г. палевые.

Английские ружья.

АЛЕКСОПОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. К. К. Панцербитер.

Командир полка — подполк. П. А. Петригин.

Желтые погоны с цифрою 12,

В 1812 г. имел знамена обр. 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы коричневые с розовым пополам (с левой стороны сверху розовая, а с правой коричневая половина), у пяти цветных: углы розовые, а кресты коричневые со светло-зеленым (по тогдашнему селадоновым) пополам, причем верхняя часть креста — левая половина зеленая, а правая коричневая, нижняя, наоборот: в правой части креста верхняя половина зеленая, нижняя коричневая, в левой, наоборот. Древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряные трубы с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля изъ пределовъ России 1812 г.»

АПШЕРОНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — генерал от инфантерии гр. М.А. Милорадович.

Командир полка — полк. А. А. Рейхель. Белые погоны с цифрой 9.

Имел знамена образца 1797 года, пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы голубые с розовым пополам (слева верхние половины голубые, справа розовые), у прочих 5 крест розовый, углы голубые. У всех древки черные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г. и Гренадерский бой за отличие в Италии, пожалованный 16 июля 1799 г.

«Этот полк был 2 раза переукомплектован во время последней кампании против турок. При штурме Руцука он потерял до 700 человек и 27 офицеров. После этого дела он был отправлен в Молдавию для переформирования. Он имел тогда не более 300 человек».

ГРЕНАДЕРСКИЙ ГР. АРАКЧЕЕВА.

Шеф полка — генерал от артиллерии гр. А. А. Аракчеев.

Командир полка — полк. **Б.Я. Княжнин 2-й.**

Красные погоны с литерами «Г. А.». Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного — крест белый» углы черные со светло-зеленым пополам (слева верхняя половина черная, справа светло-зеленая), у прочих крест черный, углы светло-зеленые. Древки кофейные.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределовъ Россіи 1812 г.». Знамена Георгиевские образца 1807 г., одно белое, а у 5 крест зеленый, углы белые.

30 ноября 1813 г. пожалован знак на кивера с надписью: «За отличие». Ружья образца 1808 г. Утеряны зимние панталоны.

АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. В.Н. Шеншин 2-й.

Командир полка — подполк. П. П. Выходцевский.

Красные погоны с цифрой 8.

Имел знамена за отличие образца 1800 г., с надписью: «За взятие французского знамени на горах Альпийских», пожалованные 28 февраля 1800 г.: у одного крест белый, углы черные с красным пополам (слева верхние половины красные, справа черные), у прочих 5 крест черный, углы красные. У всех древки черные, венки и вензеля серебряные, короны золотые.

Кроме того, имел Гренадерский бой за отличие в Италии при Требии, пожалованный 16 июля 1799 г., и 2 серебряные трубы с надписью: «За отличную храбрость при штурме и овладении неприятельским редутом 13 сентября 1811 г.», пожалованные 1 января 1812 г. за Слободзею.

Английские ружья.

АСТРАХАНСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-л. наследный принц Мекленбургский Фридрих Людвиг.

Командир полка — полк. И.Ф. Буксгевден.

Красные погоны с литерой «А.».

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного — крест белый, углы абрикосовые (розовато-оранжевые), у прочих — крест абрикосовый, углы белые. Древки у всех белые.

2 апреля 1814 г. пожалован знак на кивера с надписью: «За отличие».

«Прекраснейший полк. Мало участвовал в кампании против турок».

Английские ружья.

БЕЛЕВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. С.Д. Мерлиний.

Командир полка — майор И.У. Паш.

Все 3 батальона состояли в 19-й пехотной дивизии на Кавказе.

Желтые погоны с цифрой 19.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы розовые с зеленым пополам (слева верхняя половина розовая, справа зеленая), у прочих 5 крест зеленый, углы розовые. Древки коричневые.

БЕЛОЗЕРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-л. кн. А.И. Горчаков 1-й.

Командир полка — полк. Е.Ф. Керн.

Белые погоны с цифрой 17.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы голубые с палевым (слева верхние половинки палевые, справа голубые), у прочих 5 крест голубой, углы палевые. Древки черные.

Ружья образца 1808 г.

БЕЛОСТОКСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.П. Засс.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 10. Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1808 г.: одно белое, а у 5 цветных крест синий, углы красные. Древки черные.

БРЕСТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. гр. П. И. Ивелич 4-й.

Командир полка — майор П.А. Чертов 1-й.

Желтые погоны с цифрой 17.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветной крест дикий (серовато-синий), углы белые. Древки палевые. Ружья образца 1808 г.

БРЯНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. Е.С. Горбунцов

Командир полка — майор А.Б. Юлиус 2-й.

Погоны темно-зеленые с красной выпушкой, с цифрой б.

Имел знамена поступивших в 1811 г. на его формирование гарнизонных Аландского полка и Гаигудского батальона (т.е. образца 1800 г.): от первого — крест светло-синий, углы черные, от второго — углы белые, крест малиновый, а по нем меньший белый.

Гарнизонные шинели.

БУТЫРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — полк. П.В. Денисьев.

Командир полка — майор И.И. Каменщиков.

Белые погоны с цифрой 24.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного — крест белый, углы белые с пунцовым пополам (слева верхние половины пунцовые, справа белые), у прочих 5 крест и углы белые с пунцовым пополам (углы как у белого, у креста верхняя часть слева белая, а справа пунцовая, нижняя, наоборот: у правого конца сверху белая, а снизу пунцовая, а у левого, наоборот, словом, все время чередуются белые и пунцовые клинья). Древки черные.

Кроме того, имел Гренадерский бой за отличие в Италии, пожалованный 16 июля 1799 г. Вечный шеф в память 1812 г.: 26 августа 1912 г. полк назван 66-м Бутырским Генерала Дохтурова.

ВЕЛИКОЛУЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. В.Д. Головнин.

Командир полка — майор В.М. Шухов.

Красные погоны с цифрой 13.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных полков и батальонов: Дмитриевского, Таганрогского и Керчь-Еникальского (т.е. образца 1800 г., пожал, в 1800 г.), от первых 2 частей углы белые, крест желтый, а по нем меньший белый, от 3-й углы белые, крест малиновый, а по нему меньший белый.

Гарнизонные шинели.

ВИЛЕНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.Я. Губерти 1-й.

Белые погоны с цифрой 27.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1811 г.: одно белое, а у 5 цветных крест белый, углы красные. У всех древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой. Утеряны зимние панталоны.

ВИЛЬМАНСТРАНДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — г.-м. П.А. Тучков 3-й.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 17. Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест дикий (серо-голубоватый), углы белые. Древки белые.

ВИТЕБСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Командир полка — подполк. Ф.И. Ушаков.

Красные погоны с цифрой 15.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы розовые с синим (слева верхние половины синие, справа розовые), у прочих крест розовый, углы синие. Древки белые.

«Этот полк превосходно проявил себя в кампании против турок».

ВЛАДИМИРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. П.Е. Бенардос 2-й.

Командир полка — майор В.В. Боровиков.

Красные погоны с цифрой 17.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы синие с пунцовым (слева верхние половины пунцовые, справа синие), у прочих 5 крест синий, углы белые с пунцовым (слева верхние половины белые, справа пунцовые). Древки белые.

5 января 1815 г. пожалованы 2 Георгиевские трубы с надписью: «За оказанное отличие въ сраженіяхъ, бывшихъ подъ Городечной, Кенигсвартомъ, Бауценомъ въ Силезіи и подъ Бріеномъ».

25 апреля того же года вторично пожалованы трубы, ввиду чего надпись изменена: «въ сраженіи подъ Городечномъ, въ Силезіи... подъ Бріенъ-Ле-Шато и при селеніи Ла-Ротьеръ».

Английские ружья.

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. В.И. Пятериков.

Командир полка — подполк. Н.П. Скворцов.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой и с цифрой 19. Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест синий, углы белые. Древки у всех черные.

ВОЛЫНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. И.П. России.

Командир полка — подполк. НА Курносов.

Белые погоны с цифрой 4.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест зеленый, углы белые. Древки черные.

Английские ружья.

ВОРОНЕЖСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. М.Ф. Наумов.

Красные погоны с цифрой 25.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных полков и батальонов: Выборгского, Фридрихсгамского и Нейшлотского (т.е. образца 1800 г.) — у всех крест светло-синий, углы черные.

Английские ружья.
Гарнизонные шинели.

ВЫБОРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. И.С. Кутузов.

Командир полка — подполк. Н.С. Кузиков.

Красные погоны с цифрой 22.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы желтые с пунцовым пополам (слева верхние половины пунцовые, справа желтые), у прочих 5 крест пунцовый, углы желтые. У всех древки кофейные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г.

ВЯТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Н.В. Васильчиков 3-й (с 2.07.1812).

Белые погоны с цифрой 22.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы фиолетовые с голубым (слева верхние половины фиолетовые, справа голубые), у прочих 5 крест голубой, углы фиолетовые. Древки кофейные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г.

«Этот полк потерял много людей в деле при Руцуке. Один из его капитанов был убит собственными солдатами».

ГАЛИЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. Ф.А. Линдфорс.

Командир полка — майор Н.И. Шалашников.

Желтые погоны с цифрой 13.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных полков и батальонов: Тамбовского, Царицынского, Бакинского и Потийского, т.е. образца 1800 г.; от первых 2 — крест зеленый, углы желтые, от последних 2 — углы белые, крест желтый, а по нему белый.

Гарнизонные шинели.

ГРУЗИНСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. П.С. Котляревский.

Красные погоны с литерой «Г.».

Имел Георгиевские знамена образца 1806 г. с надписью: «За отличную храбрость при взятии штурмом Турецкой крепости Ахалкалаки съ 7 на 8 число декабря 1811 г.», пожалованные 25 января 1812 г.: одно белое, а 5 цветных той же расцветки, что и прежние знамена, т. е. крест фиолетовый, углы абрикосовые. Древки белые.

Кроме того, особым отличием полка считались серебряные медали и особое Высочайшее благоволение за штурм Ганжи 3 января 1804 г.

ДНЕПРОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. кн. Н.Н. Хованский.

Командир полка — подполк. Д.М. Благовещенский.

Желтые погоны с цифрой 18.

Имел: 1) 4 знамени образца 1797 г., пожалованные в 1798 г., и 2) 2 знамени образца 1803 г.,

пожалованные 13 июня 1810 г. за штурм Базарджика, взамен утраченных в 1799 г. в Голландии. Белое знамя было образца 1797 г., а из 5 цветных: 3 образца 1797 г. и два 1803 г. У белого — крест белый, углы черные с желтым пополам (слева верхние половины черные, справа желтые), у цветных, без различия образцов, крест желтый, углы черные с белым (слева верхние половинки белые, справа черные).

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. кн. И.С. Гурьялов.

Белые погоны с цифрой 23.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы темно-синие с пунцовым (слева верхняя половина пунцовая, справа темно-синяя); у прочих 5 крест темно-синий, углы пунцовые. Древки кофейные.

Ружья образца 1808 г.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. А.В. Запольский.

Командир полка — полк. Е.К. Криштафович.

Красные погоны с литерой «Е».

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы коричневые с синим (слева верхние половинки коричневые, справа синие), у прочих 5 — крест коричневый, углы белые с синим (слева верхние половинки синие, справа белые). Древки желтые.

30 ноября 1813 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие».

Ружья образца 1808 г.

Утеряны зимние панталоны.

ЕЛЕЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-л. А.Я. Сукин 2-й.

Командир полка — подполк. Л.А. Тургенев.

Белые погоны с цифрой 11.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы малиновые со светло-зеленым (слева верхние половинки малиновые, справа зеленые), у прочих 5 углы белые, а крест из горизонтальных полос: 3 малиновых (верхняя, средняя и нижняя) и 2 зеленых (2 промежуточные). Древки черные.

Кроме того, имел Гренадерский бой за маневры в Нарве, пожалованный в 1797 г.

Ружья образца 1808 г.

КАБАРДИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. С.Л. Тихановский.

Командир полка — подполк. П.П. Степанов 1-й.

Белые погоны с цифрой 20.

Имел знамена за отличие образца 1800 г. с надписью: «За взятіе у Аварскихъ войскъ знамя при реке Іоре, 7 ноября 1800 г.», пожалованные 17 декабря 1800 г.: у одного крест белый, углы белые с желтым, у прочих 5 углы белые, крест желтый, а по нем белый. Древки белые.

КАЗАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. О.Л. Дебу.

Командир полка — подполк. Н.Д. Подпрятков.

Красные погоны с цифрой 19.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы белые с фиолетовым (слева верхние половинки белые, справа фиолетовые), у прочих 5 крест и углы палевые с фиолетовым пополам (у углов слева верхние половины фиолетовые, справа палевые; у верхней половины креста левая половина палевая, правая фиолетовая; у нижней, наоборот; в правом конце верхняя половина палевая, в левом конце наоборот). Древки палевые.

Ружья образца 1808 г.

КАЛУЖСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. К.Ф. Казачковский.

Командир полка — майор И.А. Савинич 2-й.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой и цифрой 5.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1805 г.: одно белое, а у 5 цветных крест бирюзовый, углы белые. Древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой. Ружья образца 1808 г.

КАМЧАТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. С.А. Тучков 2-й.

Командир полка — подполк. О. И. Езерский.

Желтые погоны с цифрой 16.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест фиолетовый, углы белые. Древки желтые.

3 мая 1814 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «Въ вознагражденіе отличнаго мужества и храбрости» оказанныхъ въ 1812, 1813 и 1814 гг.» Пожаловано 3 знамени с зеленым крестом и белыми углами Георгиевского образца 1807 г.

Ружья образца 1808 г.

КАСПИЙСКИЙ МОРСКОЙ БАТАЛЬОН,

Командир батальона — полк. М. Баргужинский.

Имел форму Егерского образца, но выпушки, вместо красных, белые. Амуниция и кивера Гренадерские, но без султанов, погоны красные без цифр. Знамя имел образца 1803 г., пожалованное в том же году: крест светло-синий, углы белые, древко черное.

Как сформированный на Гренадерском положении, имел Гренадерский бой.

КЕКСГОЛЬМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Н.Ф. Емельянов.

Командир полка — подполк. И.М. Стессель.

Красные погоны с цифрой 11.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы розовые, у прочих 5 крест розовый, углы белые. Древки кофейные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы, пожалованные за взятие Берлина в 1760 г.

13 апреля 1813 г. пожаловано звание Гренадерского, и полк стал называться Кексгольмским Гренадерским.

Ружья образца 1808 г.

КИЕВСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-л. наследный принц Саксен-Веймарский Карл Фридрих.

Командир полка — г.-м. И.Н. Инзов.

Командующий полком — полк. Чашников. Красные погоны с литерой «К».

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы. Имел знамена Георгиевские, образца 1806 г. с надписью: «За подвигъ при Шенграбенъ 4 ноября 1805 г. В сражении 5, т. корпуса съ неприятелемъ, состоявшимъ изъ 30/т.», пожалованные 13 июля 1806 г., т. е, первые Георгиевские знамена. Одно знамя белое, а у 5 цветных — крест розовый, углы белые. Древки черные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы, пожалованные за взятие Берлина в 1760 г.

2 апреля 1814 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие».

Английские ружья.

КОЗЛОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — г.-м. Ф.Ф. Падейский,

Белые погоны с цифрой 15.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы черные с розовым (слева верхние половины черные, справа розовые). У прочих 5 крест розовый, углы черные. Древки белые.

Ружья образца 1808 г.

КОЛЫВАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. К.Ф. Ольдекоп.

Желтые погоны с цифрой 15.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы фиолетовые, у прочих 5 углы белые, крест фиолетовый, а по нем белый. Древки белые.

КОПОРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. М.Н. Рылеев.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 3.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест бирюзовый, углы белые. Древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие «Гренадерский бой».

Английские ружья.

Утеряны зимние панталоны.

Вечный шеф в память 1812 г.: 26 августа 1912 г. полк назван 4-м пехотным Копорским генерала Гр.а Коновницына.

КОСТРОМСКОЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. кн. А.Г Щербатов.

Командир полка — подполк. И. Г. Гейденрейх.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 18.

Имел одно знамя, спасенное во время почти полного уничтожения полка при Гофе в 1807 г.

5 января 1815 г. пожалованы 2 Георгиевские трубы с надписью: «За оказанное отличие в сражениях подъ Городечной, Кенигсвартомъ, Бауценомъ в Силезии и подъ Бренномъ».

25 апреля того же года вторично пожалованы серебряные трубы, ввиду чего надпись изменена: «За сражения подъ Городечномъ в Силезии, подъ Бриен-Ле-Шато и при селении Ла-Ротьер».

КРЕМЕНЧУГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Д.И. Пышницкий

Желтые погоны с цифрой 4.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест

дикий (серо-синеватый), углы белые. Древки кофейные. Ружья образца 1808 г.

КРЫМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. гр. Ф.Э. Крюсольд.

Белые погоны с цифрой 10.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест фиолетовый, углы белые. Древки черные. Ружья образца 1808 г.

КУРИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. Ф.В. Назимов.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 15. Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест оранжевый, углы белые. Древки черные.

КУРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. А.К. Агалин,

Командир полка — подполк. В. А. Пересмыцкий.

Белые погоны с цифрой 10.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы зеленые с пунцовым (слева верхние половины пунцовые, справа зеленые); у прочих 5 крест зеленый, углы пунцовые. Древки черные.

ЛАДОЖСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Е.Я. Савоини.

Белые погоны с цифрой 26.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы темно-коричневые с селадоновым (светло-зеленым; слева верхние половины селадоновые, справа темно-коричневые); у прочих 5 крест темно-коричневый, углы селадоновые. Древки черные.

ЛЕЙБ-ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — Государь Император Александр Павлович.

Командир полка — генерал-адъютант гр. П.А. Строганов (не при полку).

Командующий полком — полк. **П.Ф. Желтухин.**

Красные погоны с литерами «Л.Г.».

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике и клапанах — петлицы из белой тесьмы с красным просветом.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного — крест белый, углы голубые; у прочих 5 — крест голубой, углы белые. У всех древки палевые.

Звание Лейб-гренадерского пожаловано 10 июля 1775 г. за отличия против турок. Имел 2 серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г,

Кроме того, отличием являлись и вышеупомянутые петлицы, данные в 1802 г. взамен аксельбантов, пожалованных в 1775 г., при наименовании полка Лейб-гренадерским, за отличие.

13 апреля 1813 г, причислен к Гвардии (на правах Молодой Гвардии) и назван Лейб-гвардии Гренадерским.

Того же числа пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.». Пожаловано 3 знамени нового образца: крест желтый, верхние половины углов светло-синие, нижние черные.

Ружья образца 1808 г.

Утеряны зимние панталоны.

ЛИБАВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — полк. А.И. Айгустов.

Командир полка — подполк. М.Д. Бестужев-Рюмин.

Желтые погоны с цифрой 7.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест сине-фиолетовый, углы белые. Древки белые.

«Была выдана новая униформа горохового цвета, во всем подобная форме французской пехоты. Либавский полк, вероятно, является самым полным по составу и прекрасным в русской армии; на 15 августа 1811 г, в нем было 2075 человек» [Агент...].

Утеряны зимние панталоны.

ЛИТОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. бар. Ф.Ф. Розен 4-й.

Командир полка — майор Б.Л. Сергеев.

Желтые погоны с цифрой 21.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1810 г. Свеаборгскому гарнизонному полку, но не гарнизонного образца: за боевые отличия в 1809 г., а мушкетерского (вензеля в углах, одно белое, а у прочих 5 крест зеленый, углы желтые). Древки кофейные.

Гарнизонные шинели.

МАЛОРОССИЙСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк, В.А. Гессе.

Командир полка — подполк. **Е.А. Ахте 1-й.**

Красные погоны с литерами «М.Г.»

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы черные с розовым (слева верхняя половина розовая, справа черная). У прочих 5 крест черный, углы розовые. Древки черные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы за взятие Берлина в 1760 г.

30 мая 1814 г. пожалованы знаки на кивере с надписью: «За отличие».

«Был переукомплектован 2 раза с начала войны против турок. Потерял 800 человек при Руцуке; полк, Бремен, который им командовал при штурме этой крепости, был уволен со

службы за то, что плохо проявил себя в этом деле».

Английские ружья.

МИНГРЕЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — г.-м. Т.И. Збиевский.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 16. Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест сине-фиолетовый, углы белые. Древки кофейные. «Цесарские» (австрийские) ружья.

МИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.Ф. Красавин.

Командир полка — подполк. И. П. Стелл их 2-й. Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 4. Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест дикий (серо-синеватый), углы белые. Древки черные, Ружья образца 1808 г.

МОГИЛЕВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. кн. А.В. Сибирский.

Командир полка — подполк. А.Н. Малеванов.

Желтые погоны с цифрой 5.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1805 г.: одно белое, а у 5 цветных крест зеленый, углы белые. Древки черные. Одно знамя считалось утраченным в войну со шведами в 1808 г.

13 апреля 1813 г. за отличие в 1812 г. пожалованы 1 белое и 5 цветных (углы белые, крест зеленый) образца 1803 г. простых знамен, взамен считавшегося утраченным в войну со шведами 1808 г.

Ружья образца 1808 г.

1-й МОРСКОЙ ПОЛК.

Шеф полка — полк. А.П. Попов.

Командир полка — подполк. Э.Я. Рашет.

Имел форму егерского образца, но выпушки не красные, а белые, амуницию и кивера гренадерские, но без султанов, погоны красные с цифрой 25.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест светло-синий, углы белые. Древки черные.

Как сформированный на Гренадерском положении, имел Гренадерский бой.

2-й МОРСКОЙ ПОЛК.

Шеф полка — полк. А.Э. Пейкер. *Командир полка* — полк. Марин.

Имел форму егерского образца, но выпушки не красные, а белые, амуницию и кивера гренадерские, но без султанов, погоны белые с цифрой

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест светло-синий, углы белые. Древки черные.

Как сформированный на Гренадерском положении, имел Гренадерский бой.

3-й МОРСКОЙ ПОЛК.

Шеф полка — г.-м. А.Ю. Гамен.

Командир полка — полк. Н.И. Шевнин.

Имел форму егерского образца, но выпушки не красные, а белые, амуницию и кивера гренадерские, но без султанов, погоны желтые с цифрой 25.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест светло-синий, углы белые. Древки черные.

Как сформированный на Гренадерском положении, имел Гренадерский бой.

4-й МОРСКОЙ ПОЛК.

Шеф полка — г.-м. И.П. Говоров.

Командир полка — полк. П.В. Шевандин.

Полк был причислен к 28-й пехотной дивизии, но фактически состоял при Черноморском флоте и частью был в плавании, частью в портах.

Имел форму егерского образца, но выпушки не красные, а белые, а амуницию и кивера гренадерские, но без султанов, погоны темно-зеленые с красной выпушкой, с цифрой 28.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест светло-синий, углы белые. Древки черные.

Как сформированный на Гренадерском положении, имел Гренадерский бой.

МОСКОВСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. принц Мекленбургский Карл Август Христиан.

Командир полка — полк. И.Я. Шатилов.

Красные погоны с литерой «М.».

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы.

Имел знамена «за отличие» образца 1800 г. с надписью: «За взятие знамя у Французовъ при рекахъ Треби и Нуре 1799 г.», пожалованные в 1804 г., взамен пришедших в ветхость таких же знамен, пожалованных 6 марта 1800 г., и такого же образца, а именно: одно белое, а у 5 цветных крест черный, углы красные, вензеля и венки серебряные, короны золотые. Древки черные.

Кроме того, имел 2 Георгиевские трубы с надписью: «За отличие при взятии приступомъ Базарджика 22 мая 1810 г.», пожалованные 13 июня 1810 г.

13 декабря 1814 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие».

«Прекраснейший, весьма знаменитый в русской армии. Он получил в Дунайскую кампанию 500 Георгиевских крестов, а каждый солдат — медаль за храбрость, проявленную полком при штурме Базарджика».

Английские ружья.

МОСКОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров.

Командир полка — полк. Ф.Ф. Монахтин.

Белые погоны с цифрой 7.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.; у одного крест белый, углы синие с лиловым (верхняя половина слева синяя, справа лиловая); у прочих 5 крест синий, углы лиловые. Древки белые.

Ружья образца 1808 г.

Утеряны зимние панталоны.

МУРОМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. бар. **Ф.В. Дризен.** *Командир полка* — майор А. К. Фитингоф.

Белые погоны с цифрой 3.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы синие с розовым (верхние половины слева розовые, справа синие). У прочих 5 крест синий, углы розовые. Древки кофейные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы, пожалованные за взятие Берлина в 1760 г.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

Английские ружья.

Утеряны зимние панталоны.

НАВАГИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. В.И. Гарпе.

Командир полка — майор Винтер.

Желтые погоны с цифрой 14.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест углы черные с розовым (слева верхние половины черные, справа розовые); у 5 углы розовые, крест черный, а по нем белый. Древки палевые.

Английские ружья.

НАРВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. гр. М.С. Воронцов.

Командир полка — подполк. **А.В. Богдановский.**

Белые погоны с цифрой 12.

Имел: 1) 1 знамя образца 1797 г., пожалованное в том же году; 2) 5 простых знамен образца 1803 г., пожалованные 22 мая 1810 г. за штурм Базарджика, взамен считавшихся утраченными в 1805 г. под Аустерлицем.

Белое знамя было образца 1803 г., а из цветных 4 были того же образца и одно образца 1797 г.

У цветных обоих образцов крест мордоре (золотисто-краповый), углы голубые. Древки белые.

«Очень храбрый полк и под хорошим командованием. Каждый солдат получил медаль за штурм Базарджика».

НАШЕБУРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. К.М. Полторацкий.

Командир полка — подполк. П. А. Жохов 2-й.

Красные погоны с цифрой 9.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы серые, у прочих 5 крест серый, углы белые. Древки кофейные.

«Хороший полк, состоящий из старых солдат. Прекрасно организован и всегда находится в комплекте. Мало был в огне».

НЕВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. И.Т. Сазонов.

Командир полка — полк. Г.Х. Шеле 1-й.

Красные погоны с цифрой 21.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы пунцовые, у прочих 5 крест пунцовый, углы белые. Древки черные.

Кроме того, имел 2 серебряные трубы, пожалованные за взятие Берлина в 1760 г.

Ружья образца 1808 г.

НЕЙШЛОТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.Ф. Балла.

Красные погоны с цифрой 16.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест зеленый, углы белые. Древки палевые.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Н.Ф. Ладыженский.

Командир полка — подполк. Н.Г. Кадышев.

Красные погоны с цифрой 26.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы черные с селадоновым (светло-зеленым, слева верхние половины селадоновые, справа черные); у прочих 5 крест черный, углы селадоновые. Древки кофейные.

НИЗОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. В.С. Рахманов,

Командир полка — подполк. Ф.А. Базин.

Желтые погоны с цифрой 6.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы пунцовые с диким (серо-синеватым, слева верхние половинки пунцовые, справа дикие); у

прочих 5 крест пунцовый, углы дикие. Древки белые.

Кроме того, имел Гренадерский бой за отличие в Италии в 1799 г.

Ружья образца 1808 г.

НОВОИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. А.И. Цвилленев.

Командир полка — майор И.Л. Жуков 1-й.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 12.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы темно-пунцовые с палевым (слева верхние половины углов темно-пунцовые, справа палевые); у прочих 5 углы белые, крест палевый с темно-пунцовым (в верхнем конце левая половина палевая, правая темно-пунцовая, в нижнем наоборот; справа верхняя половина палевая, нижняя темно-пунцовая, в левом наоборот). Древки кофейные.

ОДЕССКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.А. Потулов.

Красные погоны с цифрой 27.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1812 г.: одно белое, а у 5 цветных крест желтый, углы черные с белым (слева верхние половины белые, справа черные). Древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

Вечный шеф в память 1812 г.: 26 августа 1912 г. полк назван 48-м пехотным Одесским Императора Александра I.

ОЛОНЕЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. П.П. Турчанинов 1-й.

Командир полка — полк. О.М. Второв.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 22. Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы зеленые, у прочих 5 углы белые, крест зеленый, а по нему белый. Древки белые.

ОРЛОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. И.Ф. Паскевич.

Командир полка — майор П.С. Берников 1-й.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 26.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных батальонов: Киевского, Очаковского и Херсонского, образца 1800 г., у всех — углы белые, крест желтый, а по нему белый.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряные трубы с надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятелиа изъ пределовъ Россіи 1812 г.».

13 сентября 1816 г. «во уваженіе оказанного ими отличія въ минувшую 1812 г. кампанію въ сраженіяхъ при селеніяхъ Дашковке и Салтановке», вместо гарнизонных знамен даны новые знамена армейские.

«Цесарские» (австрийские) ружья.

Гарнизонные шинели.

ОХОТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. С.И. Раков.

Белые погоны с цифрой 16.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое» а у 5 цветных крест зеленый, углы белые. Древки кофейные.

3 мая 1814 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «Въ вознагражденіе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ 1812, 1813 и 1814 гг.».

Ружья образца 1808 г.

ПАВЛОВСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. **Д.П. Неверовский.**

Командир полка — полк. Е.Х. Рихтер.

Красные погоны с литерой «П».

Вместо гренадерского кивера образца 1812 г. сохранил, за отличие, гренадерские и фузилерные шапки образца 1802 г. Высочайшим приказом 20 января 1808 г. объявлена была Высочайшая воля: «Въ почестъ онаго полка ныне состоящие в нем шапки оставить въ немъ въ томъ виде, въ какомъ сошелъ онъ съ места сраженія, хотя бы некоторые изъ нихъ были повреждены; да пребудутъ они всегдашнимъ памятникомъ отменной его храбрости и Монаршего къ нему благоволенія», 13 января 1809 г. состоялось Высочайшее повеление выгравировать «на простреленныхъ шапкахъ имена техъ нижнихъ чиновъ, кои вынесли ихъ съ собою съ поля сраженія».

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы оранжевые, у прочих 5 крест оранжевый, углы белые. Древки палевые.

13 апреля 1813 г. полк причислен к Гвардии (на правах Молодой Гвардии) и назван Лейб-гвардии Павловским.

Того же числа пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятели изъ пределовъ Россіи 1812 г.». Пожаловано 3 знамени нового образца; крест

желтый, верхние половины углов белые, нижние черные. Ружья образца 1808 г. Утеряны зимние панталоны.

ПЕНЗЕНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. В. И. де Сен-Лоран.

Командир полка — полк. **А. В. Воейков** (с 14.06.1812).

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 13.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных полков и батальонов: Киевского, Ахтырского, Смоленского и Екатеринославского — у 3 образца 1800 г. — от первых 2 крест желтый, а по нему белый, от 3-го крест черный, углы красные и от 4-го — гарнизонного образца 1803 г. (углы без вензелей), пожалованные в 1804 г. — крест светло-малиновый, углы белые.

Гарнизонные шинели.

ПЕРМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. В.П. Мезенцев.

Командир полка — майор И.А. Боумгартен.

Красные погоны с цифрой 5.

Белое и часть цветных знамен считались утраченными под Аустерлицем (впоследствии обнаружено спасение одного белого и 2 цветных). До того имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы светло-коричневые с зеленым (слева верхние половины зеленые, справа светло-коричневые); у прочих крест светло-коричневый, углы зеленые. Древки белые.

13 апреля 1813 г. пожалованы за отличие 1 белое и 5 цветных простых знамен, взамен считавшихся утраченными под Аустерлицем знамена образца 1803 г.: одно белое, а остальные

тех же цветов, что в 1797 г.

Ружья образца 1808 г.

ПЕРНОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. **П.Н. Чоглоков.**

Командир полка — майор А.А. Лачинов.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 11.

Имел знамена Георгиевские образца 1807 г. с надписью: «За взятіе у французовъ 2-хъ знаменъ въ сраженіяхъ при Гейльсберге 29 мая и при Фридланде 21 июня 1807 г.». Пожалованы 20 сентября 1807 г., первоначально с надписью: «За взятіе у французовъ знамени въ сраженіи при Гейльсберге 29 мая 1807 г.», но 19 октября добавлена остальная часть надписи. Одно знамя белое, а у 5 крест зеленый, углы белые. Древки белые.

13 апреля 1813 г. пожаловано звание Гренадерского и полк назван Перновским Гренадерским.

13 января 1816 г. пожалованы за штурм Вязьмы знаки на кивера с надписью: «За отличіе».

Ружья образца 1808 г.

ПЕТРОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. Н.И. Демидов.

Командир полка — полк. А.Я. Кузьмин 2-й (с 13.08.1812).

Белые погоны с цифрой 21.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в том же году: одно белое, а у 5 цветных крест черный, углы красные. Древки черные. Ружья образца 1808 г.

ПОДОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А. Т. Маелов.

Командир полка — подполк. М.А. Менделеев.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 21.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных Роченсальмского полка и Тверского батальона, образца 1800 г.: от первого — крест светло-синий, углы черные, от второго — малиновый, углы белые.

Гарнизонные шинели.

ПОЛОЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. П.А. Филисов.

Командир полка — майор Яковлев.

Желтые погоны с цифрой 11.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы темно-коричневые с розовым (слева верхние половины розовые, справа темно-коричневые), у прочих 5 крест темно-коричневый, углы розовые. Древки черные.

Ружья образца 1808 г.

ПОЛТАВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.И. Липгарт.

Командир полка — подполк. И.Т. Коншин.

Желтые погоны с цифрой 26.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы темно-зеленые с абрикосовым (оранжево-розовым, слева верхние половины абрикосовые, справа темно-зеленые), у прочих 5 углы абрикосовые, крест темно-зеленый, а по нему белый. Древки белые.

ПСКОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — генерал от инфантерии кн. М.И. Голенищев-Кутузов.

Командир полка — полк. Д.П. Ляпунов 4-й.

Красные погоны с цифрой 7.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы зеленые с розовым пополам (слева верхние половины розовые, справа зеленые); у прочих крест зеленый, углы розовые с белым (слева верхние половины белые, справа розовые). Древки палевые.

Ружья образца 1808 г.

Утеряны зимние панталоны.

Вечный шеф в память 1812 г.: 17 августа 1826 г. полк назван пехотным Генерал-фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленского.

РЕВЕЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. А.А. Тучков 4-й.

Командир полка — полк. Я.С. Желвинский.

Желтые погоны с цифрой 3.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы зеленые с розовым пополам (слева верхние половины розовые, справа зеленые), у прочих 5 крест зеленый, углы розовые. Древки белые.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

Английские ружья.

Утеряны зимние панталоны.

Вечный шеф в память 1812 г.: 26 августа 1912 г. полк назван 7-м пехотным Ревельским Генерала Тучкова IV.

РЫЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. М.М. Окулов.

Командир полка — майор Н.М. Некрасов.

Красные погоны с цифрой 23.

В 1812 г. имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы темно-синие с зеленым (слева верхние половины темно-синие, справа зеленые), у прочих 5 крест зеленый, углы темно-синие. Древки кофейные.

Ружья образца 1808 г.

РЯЖСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Я.А. Медынецев.

Командир полка — майор К.А. Кильхен.

Желтые погоны с цифрой 9.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы зеленые, у прочих крест зеленый, углы белые. Древки белые. Кроме того, имел Гренадерский бой, пожалованный в 1797 г.

РЯЗАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. И.С. Алексеев.

Командир полка — подполк. А.М. Ореус 1-й.

Красные погоны с цифрой 17.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы малиновые, у прочих крест малиновый, углы белые. Древки белые. 2 апреля 1814 г, пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие». Ружья образца 1808 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. Б.Б. Фок 1-й.

Командир полка — полк. А.Н. Быков.

Красные погоны с литерами «СП.».

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы пунцовые, у прочих 5 крест и углы белые с пунцовым (у углов слева верхние половины пунцовые, справа белые); у креста верхняя часть — левая сторона белая, правая пунцовая, нижняя наоборот, у правого конца верхняя половина белая, нижняя пунцовая, у левого наоборот. Древки белые.

Ружья образца 1808 г.

Утеряны зимние панталоны.

САРАТОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. П.Г. Языков.

Командир полка — полк. гр. К.Г. Шапт де Ростиньяк.

Белые погоны с цифрой 13.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных полков и батальонов: Хотинского, Воронежского, Пермского и Бендерского, образца 1800 г.: от 1-го — крест малиновый, углы белые, от 2-го — крест зеленый, углы желтые, от 3-го и 4-го — крест желтый, углы белые.

Гарнизонные шинели.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. П.С. Кайсаров.

Командир полка — майор П.М. Рябинин.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 19,

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г., у одного крест белый, углы голубые с коричневым (слева верхние половины коричневые, справа голубые), у прочих крест голубой, углы коричневые. Древки черные.

Ружья образца 1808 г.

СЕВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-л. **Н.А. Тучков 1-й**. *Командир полка* — полк. Ф.А. Луков.

Белые погоны с цифрой 5.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы селадоновые (светло-зеленые) с фиолетовым (слева верхние половины углов фиолетовые, справа селадоновые), у прочих 5 углы белые, кресты селадоновые с фиолетовым (верхний конец — левая сторона селадоновая, правая фиолетовая, нижний конец наоборот, левый конец — сверху селадоновая, снизу фиолетовая половина, нижний конец наоборот). Древки черные.

Имел еще Гренадерский бой, пожалованный 6 октября 1809 г. за отличие против шведов.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью; «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределовъ Россіи 1812 г». Георгиевские знамена образца 1807 г., одно знамя белое, а у 5 крест зеленый, углы белые.

3 мая 1814 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие».

СЕЛЕНГИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Д.И. Мещеряков.

Командир полка — подполк. П. И. Лебле.

Желтые погоны с цифрой 23.

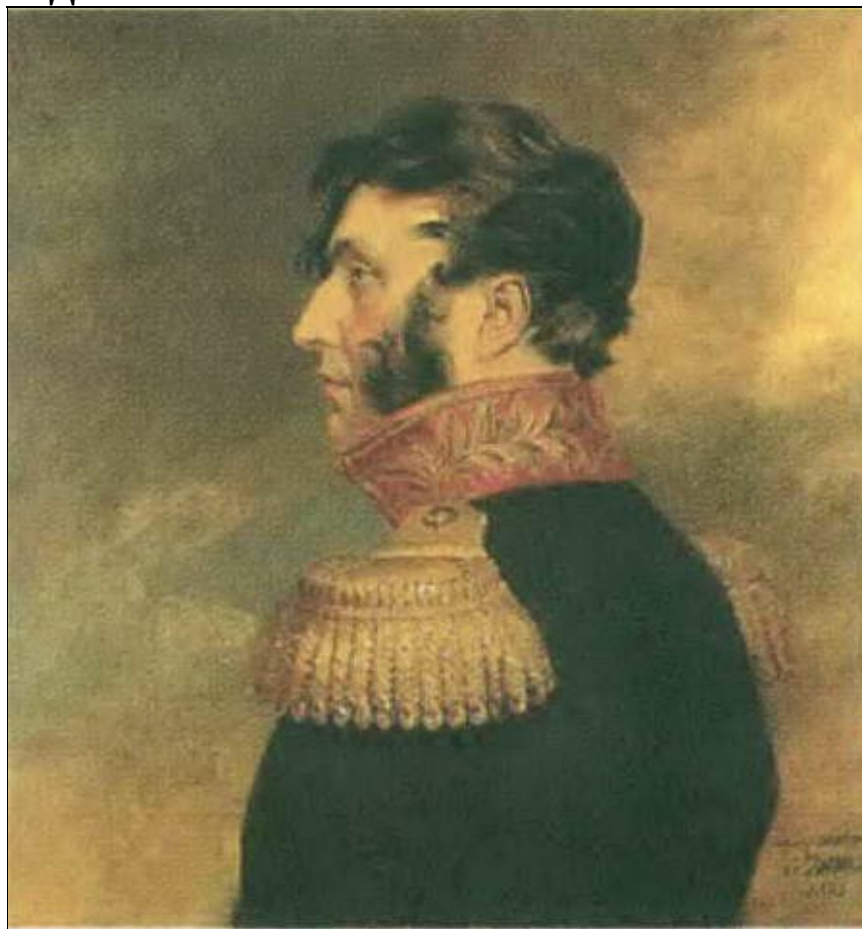
Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы черные с пунцовым (слева верхние половинки черные, справа пунцовые), у прочих крест пунцовый, углы черные. Древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

Ружья образца 1808 г.

СИБИРСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ,

Шеф полка — полк. Д.А. Левин.

Красные погоны с литерой «С».

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г: у одного крест белый, углы черные с зеленым (слева верхние половины черные, справа зеленые), у прочих 5 углы черные, крест зеленый с розовым (у верхнего конца — левая половина зеленая, правая розовая, у нижнего наоборот; у правого конца верхняя половина зеленая, нижняя розовая, у левого наоборот). Древки белые.

2 апреля 1814 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие»,

«С 1808 года этот полк был переукомплектован 3 раза. При Руцуке он потерпел более 700 человек и 15 офицеров; капитан Руссо, француз, служивший в этом полку, был убит при штурме Руцука. Великолепный полк с тех пор, как им командует Бахметьев».

Английские ружья,

СИБИРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — полк. П.С. Лошкарев.

Командир полка — подполк. Ф.К. Рындин 1-й (с 13.08.1812).

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 27.

Имел знамена образца 1803 г. пожалованные в 1811 г.: одно белое, а у 5 цветных крест зеленый, углы красные. Древки желтые. 13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой. 3 мая 1814 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отлитие». Утеряны зимние панталоны.

Вечный шеф в память 1812 г.: 26 августа 1912 г. назван 24-м пехотным Симбирским Генерала Неверовского.

СМОЛЕНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. П.М. Колюбакин.

Командир полка — майор А.А. Рененкампф (с 30.10.1812).

Красные погоны с цифрой 12.

Имел знамена за отличие образца 1800 г. с надписью: «За взятіе французскихъ знаменъ на горахъ Альпійскихъ», пожалованные 17 марта 1800 г.: у одного крест белый, углы желтые с белым (слева верхние половины белые, справа желтые), у прочих углы белые, крест желтый, а по нему белый. Древки белые.

Кроме того, имел Гренадерский бой за отличия в Италии, пожалованный 16 июля 1799 г.

Вечный шеф в память 1812 г.: 26 августа 1912 г. назван 25-м пехотным Смоленским Генерала Раевского.

«Из знаменитых. Он участвовал в деле при Базарджике».

СОФИЙСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк, В.М. Халяпин.

Темно-зеленые погоны с красной опушкой, с цифрой 7.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 п гарнизонных полков и

батальонов: Виленского, Динабургского (бывш. Митавского), Кюменьгородско-го (бывш. Гродненского) и Бобруйского (бывш. Минского), т.е. образца 1803 г., пожалованные в 1804 г., все гарнизонные (без вензелей); крест зеленый, углы белые.

13 апреля 1814 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

«Цесарские» (австрийские) ружья.

Гарнизонные шинели.

Утеряны зимние панталоны.

СТАРОИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — г.-м. Г.Г. Энгельгардт.

Командир полка — подполк. Н.Н. Ичков.

Желтые погоны с цифрой...

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году; у одного крест белый, углы светло-зеленые с розовым (слева верхние половины светло-зеленые, справа розовые), у прочих 5 углы белые, крест зеленый с розовым (верхний конец — слева розовый, справа зеленая половина, нижний наоборот; правый конец — сверху розовые, снизу зеленые половины, левый наоборот). Древки белые.

Английские ружья.

СТАРООСКОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. М.А. Шкапский.

Командир полка — подполк. Воеводский.

Желтые погоны с цифрой 22.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы пунцовые со светло-оранжевым (слева верхние половины пунцовые, справа светло-оранжевые), у прочих 5 крест пунцовый, углы светло-оранжевые. Древки белые.

Английские ружья.

СУЗДАЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. кн. Е.Е. Эристов.

Белые погоны с цифрой 19.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы пунцовые; у прочих 5 крест и углы пунцовые с фиолетовым (у углов слева верхние половины фиолетовые, справа пунцовые; у креста верхний конец, левая половина пунцовая, правая фиолетовая, нижний наоборот; правый конец — верхняя половина пунцовая, нижняя фиолетовая, левый конец наоборот). Древки палевые.

ТАВРИЧЕСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. принц Вюртембергский Евгений Фридрих Карл.

Командир полка — полк. Н.С. Сулима.

Красные погоны с литерой «Т.».

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы.

Имел знамена за отличие образца 1800 г. с надписью: «За взятіе знамя въ сраженіи противъ французовъ въ Голландцъ подъ г. Бергеномъ 1799 г.». Пожалованы 30 марта 1800 г.: у одного крест белый, углы черные с красным (верхние половины слева черные, справа красные), у прочих 5 крест черный, углы красные. Древки желтые.

19 августа 1815 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличіе».

Ружья образца 1808 г.

Утеряны зимние панталоны.

ТАМБОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. **А.А. Башилов.**

Командир полка — подполк. А.Г. Соколов.

Белые погоны с цифрой 18.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы темно-синие с пунцовым (слева верхняя половина пунцовая, справа темно-синяя), у прочих 5 углы пунцовые, крест из 5 горизонтальных полос, из которых верхняя, средняя и нижняя белые, а промежуточные две темно-синие. Древки черные.

Кроме того, имел 2 Георгиевские трубы с надписью: «За отличие при взятии приступом Базарджика 22 мая 1810 г.», пожалованные 13 июня 1810 г., и Гренадерский бой за отличие в Швейцарском походе, пожалованный 16 июня 1799 г.

ТАРНОПОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — полк. А.А. Титов.

Командир полка — подполк. В.П. Алексеев (с 19.07.1812).

Желтые погоны с цифрой 27.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1811 г.: одно белое, а у 5 цветных крест желтый, углы красные. Древки белые.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

ТЕНГИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Д.В. Лялин.

Командир полка — майор Ф.Х. Беллинсгаузен.

Белые погоны с цифрой 14.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы бледно-розовые с зеленым (слева верхние половины бледно-розовые, справа зеленые), у прочих 5 крест бледно-розовый, углы зеленые. Древки кофейные.

Английские ружья.

ТИФЛИССКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.Б. Пестель,

Командир полка — подполк. А.А.Токарев (с 20.10.1812).

Белые погоны с цифрой 20.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы пунцовые с чижовым (желтовато-зеленым, слева верхняя половина чижовая, справа пунцовая), у прочих 5 крест пунцовый, углы абрикосовые с чижовым (слева верхние половины углов абрикосовые, справа чижовые). Древки черные.

ТОБОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ

Шеф полка — полк. П.П. Шрейдер.

Командир полка — подполк. Ф.Ф. Трефурт.

Красные погоны с цифрой 4.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы голубые с малиновым (слева верхние половинки голубые, справа малиновые), у прочих крест малиновый, углы голубые. Древки белые.

Ружья образца 1808 г.

Вечный шеф в память 1812 г; 26 августа 1912 г. полк назван 38-м пехотным Тобольским Генерала Гр. Милорадовича.

ТОМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. П. Г. Лихачев 1-й.

Командир полка — подполк. И. И. Попов.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 24.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы пунцовые с зеленым (слева верхние половины пунцовые, справа зеленые), у прочих 5 крест пунцовый, углы зеленые. Древки кофейные.

Утеряны зимние панталоны.

ТРОИЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ,

Шеф полка — г.-м. Н.М. Хотунцев.

Красные погоны с цифрой 20.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы зеленые с фиолетовым (слева верхние половины зеленые, справа фиолетовые), у прочих 5 крест фиолетовый, углы зеленые. Древки палевые.

ТУЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.Я. Патгон.

Красные погоны с цифрой 14.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы пунцовые со светло-голубым (слева верхние половины светло-голубые, справа пунцовые), у прочих 5 крест пунцовый, углы белые со светло-голубым (слева верхние половины белые, справа светло-голубые). Древки кофейные.

Кроме того, имел Гренадерский бой за отличие в Италии, пожалованный 16 июля 1799 г. Английские ружья.

УГЛИЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. бар. К.М. Герсдорф.

Командир полка — майор Я. А. Андреев.

Белые погоны с цифрой 6.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы синие с пунцовым (слева верхние половины синие, справа пунцовые), у прочих 5 крест белый с синим (сверху левая половина синяя, справа белая, снизу наоборот; справа верхняя половина синяя, нижняя белая, слева наоборот). Древки палевые.

Ружья образца 1808 г.

УКРАИНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. О.М. Второв.

Командир полка — подполк. М.П. Поливанов.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 8.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г., у одного крест белый, углы темно-синие с розовым (слева верхние половины темно-синие, справа розовые), у прочих 5 углы темно-синие, крест розовый, а по нему белый. Древки белые.

«Хороший полк. Участвовал в штурме Руцука, где потерял 600 человек».

УФИМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-м. И.Д. Цыбульский.

Командир полка — майор Ф.П. Демидов.

Желтые погоны с цифрой 24.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы темно-фиолетовые, у прочих 5 крест фиолетовый, углы белые. Древки белые. Утеряны зимние панталоны. Ружья образца 1808 г.

ФАНАГОРИЙСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ.

Шеф полка — генерал от инфантерии гр. С.М. Каменский 1-й,

Командир полка — подполк. Е.А. Головин 2-й.

Красные погоны с литерой «Ф.».

Имел Георгиевские знамена образца 1806 г. с надписью: «За отличие при взятии приступом Базарджика 22 мая 1810 г.», пожалованные 18 сентября 1810 г.: одно белое, а прочие 5 прежней расцветки, т. е. крест розовый, углы зеленые.

«Этот полк получил Георгиевские знамена, а каждый солдат — медаль за штурм Базарджика».

Английские ружья.

ХЕРСОНСКИЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ,

Шеф полка — г.-м. А.А. Кузнецов.

Командир полка — майор И.И. Бухвостов 1-й.

Красные погоны с литерой «Х.».

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы фиолетовые с вердепомовым (светло-зеленым), слева верхние половины фиолетовые, справа вердепомовые, у прочих 5 крест фиолетовый, углы вердепомовые. Древки черные.

ЧЕРНИГОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-л. П.П. Коновницын.

Командир полка — подполк. И.М. Ушаков.

Красные погоны с цифрой 3.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1798 г.: у одного крест белый, углы фиолетовые с селадоновым (светло-зеленым), слева верхние половинки фиолетовые, справа селадоновые, у прочих 5 крест фиолетовый, углы селадоновые. Древки черные.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.». Знамена Георгиевского образца 1807 г., одно знамя белое, а у 5 крест зеленый, углы белые.

Того же числа пожалован за отличие Гренадерский бой.

Английские ружья.

Утеряны зимние панталоны.

ШИРВАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. Ф.В. Зварыкин,

Командир полка — майор Н.А. Теплов.

Красные погоны с цифрой 24,

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в 1799 г.: у одного крест белый, углы пунцовые с диким (серо-синеватым), слева верхние половины пунцовые, справа дикие, у прочих 5 крест дикий, углы пунцовые. Древки белые.

Утеряны зимние панталоны.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — г.-л. П.К. Эссен 3-й.

Командир полка — полк. И.Б. Ререн 1-й.

Белые погоны с цифрой 8.

Имел Георгиевские знамена образца 1807 г. с надписью: «За взятіе у французовъ 2 июня 1807 г. подъ городомъ Фридландомъ одного знамя», пожалованные 18 июля 1808 г. Одно знамя белое, а прочие 5 прежней расцветки, т. е. крест розовый, углы светло-зеленые (по-старому «селадоновые»).

Английские ружья.

Ружья образца 1808 г.

ЭСТЛЯНДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ

Шеф полка — г.-м. Б.Б. Гельфрейх.

Командир полка — подполк. К. Г. Ульрихсен.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 14.

Имел знамена поступивших на его формирование в 1811 г. гарнизонных полков и батальонов: Ревельского, Перновского и Нарвского, т. е. образца 1800 г.: от 1-го и 2-го — крест черный, углы красные, а от 3-го — крест малиновый, углы белые.

Английские ружья.

Гарнизонные шинели.

ЯКУТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. А.М. Селиверстов.

Командир полка — майор П.А. Угрюмов 2-й.

Темно-зеленые погоны с красной выпушкой, с цифрой 9.

Имел знамена образца 1803 г., пожалованные в 1807 г.: одно белое, а у 5 цветных крест зеленый, углы белые. Древки белые.

Английские ружья.

ЯРОСЛАВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ.

Шеф полка — полк. О.К. Соколовский.

Красные погоны с цифрой 10.

Имел знамена образца 1797 г., пожалованные в том же году: у одного крест белый, углы черные с малиновым (слева верхние половины черные, справа малиновые), у прочих 5 крест малиновый, углы белые с черным (слева верхние половины белые, справа черные). Древки палевые.

* * *

ЛЕГКАЯ ПЕХОТА

(2 Гвардейских полка, Гвардейский экипаж и 50 Егерских полков).

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — ген. от инф. кн. П.И. Багратион

Командир полка — полк. **К.И. Бистром 3-й.**

Оранжевые погоны.

Темно-зеленый с оранжевой выпушкой воротник.

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике и клапанах — петлицы из измайловского басона.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля изъ пределовъ Россіи 1812 г.». Пожаловано

3 знамени нового образца: крест желтый, верхние половины углов зеленые, нижние белые.

26 августа 1912 г. в списки полка зачислен кн. Багратион и 9-я рота полка названа 9-й генерала князя Багратиона ротой. Кроме того, в память отличий армейских егерей 1812 г. полку присвоен бывший «Егерский походъ» (на валторнах).

Ружья образца 1808 г. 25 ружей «за старание и искусство» (?).

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКИЙ.

Командир полка — полк. **К.М. Крыжановский.**

Темно-зеленые воротник, лацканы.

Красные погоны и выпушки на воротнике и лацканах.

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы; эполеты с золотым полем.

У нижних чинов на воротнике и клапанах — петлицы из измайловского басона.

13 апреля 1813 г. пожалованы Георгиевские знамена с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределовъ Россіи 1812 г.». Пожаловано 3 знамени нового образца: крест желтый, верхние половины углов зеленые, нижние черные.

ГВАРДЕЙСКИЙ ЭКИПАЖ.

Командир экипажа — капитан 2-го ранга И.П. Карпов.

Имел обмундирование флотское, с отличиями, присвоенными Гвардии. Строевые нижние чины носили куртку, вроде мундира морских полков (т. е. темно-зеленую, с белыми выпушками по воротнику, обшлагам и обшлагным клапанам), но без фалд, с гвардейскими красными погонами без цифр, с желтыми басонными петлицами на воротнике и обшлагных клапанах и с желтым металлическим прибором. Брюки были широкие навывпуск, без краг, летом белого холста, зимой темно-зеленого сукна.

Кивер — Гвардейский пехотный, но орел особого рисунка, с якорями; репеек темно-

зеленый, этишкет белый. Амуниция черная егерская, но на крышке сумы якорь; прочее, как у егерей. Кроме описанной строевой формы, была рабочая форма, состоявшая из матросских (иначе голландских) курток и панталон из белого тика с синими продольными полосками и черных шляп с полями. Покрой курток был такой же, как и у мундиров, но без погон. Нижние чины артиллерийской команды отличались воротником и обшлагами (черными вместо темно-зеленых), киверами (этишкеты и репеек красные, герб с пушками) и вооружением (вместо ружей тесаки). Офицеры имели мундир пехотного образца, тех же цветов, что в морских полках, но с шитьем особого рисунка на воротнике, обшлагах и обшлагных клапанах, общегвардейские золотые эполеты и полусабли особого образца. Кроме мундиров, имели вицмундиры, на которых вместо шитья были прямые золотые петлицы. Вне строя и не при парадной форме вместо полусабли носили кортики и вместо киверов шляпы без султанов. Панталоны были такого же покроя, как у матросов.

1-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-л. принц Август Гольштейн-Ольденбургский.

Командир полка — полк. **М.И. Карпенков.**

Желтые погоны с цифрой 11.

У офицеров на воротнике и клапанах рукавов — золотые петлицы.

Имел 2 Георгиевские трубы с надписью: «За отличие въ течете кампаніи 1807 г. противъ французовъ», по жалованным 16 февраля 1808 г.

13 апреля 1813 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие». 3 апреля 1814 г. пожаловано звание Гренадерского, и полк назван 1-м гренадерским егерским (с 30 августа 1815 г. 1-м карабинерным). Ружья образца 1808 г.

Вечный шеф в память 1812 г.: 28 января 1833 г., при присоединении половины упраздненного карабинерного фельдмаршала Барклая полка (бывшего 3-го егерского) полк назван карабинерным генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли.

2-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Ф.Е. Книппер.

Желтые погоны с цифрой 21.

3-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — ген. от инф. М.Б. Барклай де Толли.

Командир полка — полк. А.П. Турчанинов.

Желтые погоны с цифрой 6.

Имел 2 Георгиевские трубы с надписью: «За отличие в теченіи кампаніи 1807 г. противъ французовъ», пожалованные 1 апреля 1808 г.

Кроме того, имел Гренадерский бой, пожалованный 6 октября 1809 г. за отличие против шведов.

13 апреля 1814 г. пожаловано звание Гренадерского, и полк назван 3-м гренадерским егерским (с 30 августа 1815 г. 2-м карабинерным).

Английские ружья.

Вечный шеф в память 1812 г.: 17 августа 1826 г. назван карабинерным генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли,

4-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-л. К.Ф. Багговут.

Командир полка — полк. А. И. Федоров.

Желтые погоны с цифрой 4.

Имел 2 Георгиевские трубы с надписью: «За отличие в теченіи кампаніи 1807 г. противъ Французовъ», пожалованные 16 февраля 1808 г.

Кроме того, имел Гренадерский бой, пожалованный 6 октября 1809 г. за отличие против шведов.

Ружья образца 1808 г.

5-й ЕГЕРСКИЙ,

Шеф полка — полк. **Ф.Х. Гогель.**

Командир полка — подполк. М.А. Каврегин.

Желтые погоны с цифрой 26.

Имел 2 Георгиевские трубы с надписью: «За отличие в теченіи кампаніи 1807 г. противъ Французовъ», пожалованные 16 февраля 1808 г.

Кроме того, имел Гренадерский бой, пожалованный 6 октября 1809 г. за отличие против шведов.

13 апреля 1813 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие».
Английские ружья.

6-й ЕГЕРСКИЙ.

Командир полка — полк. А.С. Глебов.

Желтые погоны с цифрой 12.

Имел 2 Георгиевские трубы (первые Георгиевские) с надписью: «За подвигъ при Шенграбене 4 ноября 1805 г. въ сраженіи 5/т. корпуса съ непріятелемъ, состоявшемъ изъ 30/т.», пожалованные 13 июля 1806 г.

Кроме того, имел Гренадерский бой за сражение при Тортоне, пожалованный 16 июня 1799 г. (в бытность егерским г.-м. князя Багратиона полком),

Вечный шеф в память 1799 и 1812 гг.: 25 марта 1891 г. потомок 6-го егерского полка — Устюжский пехотный назван 104-м пехотным Устюжским генерала князя Багратиона.

«Очень храбрый. Был дважды переукомплектован во время Дунайской кампании».

7-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-л. И.В. Сабанеев.

Командир полка — подполк. А. О. Штегеман.

Желтые погоны с цифрой 8.

Имел 2 серебряные трубы с надписью: «За отличіе и храбрость при штурме и овладеніи непріятельскимъ редутомъ 23 сентября 1811 г.», пожалованные 18 октября 1811 г.

Кроме того, имел Гренадерский бой за отличие в Италии, пожалованный 16 июля 1799 г.

«Хороший полк».

8-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. И.П. Белокопытов.

Командир полка — майор Г.Д. Слюняев.

Желтые погоны с цифрой 10.

3 апреля 1814 г. пожаловано звание Гренадерского, и полк назван 8-м гренадерским егерским (с 30 августа 1815 г. 3-м карабинерным).

9-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. Д.Т. Лисаневич.

Командир полка — майор Реут.

Желтые погоны с цифрой 20.

10-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. И.Д. Иванов.

Командир полка — подполк. М.Ф. Житков.

«Очень хороший полк».

11-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. А.И. Балла.

Командир полка — майор А.Х. Штемпель.

Желтые погоны с цифрой 7. Утеряны зимние панталоны.

12-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. С.Е. Гангеблов.

Командир полка — майор Е.П. Толмачев 2-й.

Желтые погоны с цифрой 13. Утеряны зимние панталоны.

13-й ЕГЕРСКИЙ,

Шеф полка — г.-м. кн. В.В. Вяземский.

Командир полка — полк. И.С. Велисаров.

Светло-синие погоны с цифрой 15.

14-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. А.И. Красовский.

Желтые погоны с цифрой 15.

13 апреля 1813 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие». 3 апреля 1814 г. пожаловано звание Гренадерского, и полк назван 14-м гренадерским егерским (с 30 августа 1815 г. 4-м карабинерным).

15-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Ф.И. Печерский.

Командир полка — майор И.Ф. Малевинский.

Светло-синие погоны с цифрой 20.

16-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. М.М. Веревкин.

Командир полка — полк. И.Д. Курнатовский.

Желтые погоны с цифрой 19.

17-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. И.П. Живкович.

Светло-синие погоны с цифрой 19.

12 февраля 1816 г. пожаловано звание Карабинерного, и полк назван 7-м карабинерным.

18-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. Ф.П. Алексополь.

Командир полка — подполк. Х.И. Чистяков.

Желтые погоны с цифрой 23. Ружья образца 1808 г. Утеряны зимние панталоны.

19-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. **Н.В. Вуич.**

Командир полка — с 01.07.1812 майор П.И. Пригара 2-й.

Желтые погоны с цифрой 24.

19 ноября 1814 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие».

20-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. кн. И.Л. Шаховский.

Командир полка — подполк. И.Ф. Капустин.

Желтые погоны с цифрой 3.

Имел 2 серебряные трубы с надписью: «За отличие в кампани противъ французовъ», пожалованные 16 февраля 1808 г.

13 апреля 1813 г. пожалованы знаки на кивера с надписью: «За отличие» (первому из всех полков) и того же числа пожалован за отличие Гренадерский бой.

Английские ружья.

Утеряны зимние панталоны.

21-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк, П.П. Платцов.

Командир полка — майор А.С. Степанов.

Светло-синие погоны с цифрой 3.

13 апреля 1813 г. пожалован за отличие Гренадерский бой.

Английские ружья

22-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. А.Я. Рудзевич.

Командир полка — подполк. Я. С. Атрахович.

Светло-синие погоны с цифрой 13.

23-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Г.Н. Фролов. Командир полка — майор Бражников. Желтые погоны с цифрой 5. Ружья образца 1808 г.

24-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Е.И. Властов.

Командир полка — подполк. Сомов.

Светло-синие погоны с цифрой 5.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряные трубы с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределовъ Россіи 1812 г.».

Ружья образца 1808 г.

25-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. С.В. Денисьев.

Командир полка — майор М.М. Ветошкин.

Желтые погоны с цифрой 14.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряные трубы с надписью: «За отличие при поражении

и изгнаніи непріятелиа изъ пределовъ Россіи 1812 г.». Английскіе ружья.

26-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Л.О. Рот.

Светло-синіе погоны с цифрой 14.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряныя трубы с надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятелиа изъ пределовъ Россіи 1812 г.».

3 апреля 1814 г. пожаловано званіе Гренадерскаго, и полк назван 26-м гренадерским егерским (с 30 августа 1815 г. 5-м карабинерным).

Английскіе ружья.

27-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Ф.И. Пантениус.

Командир полка — полк. И.И. Бакуринскій.

Желтыя погоны с цифрой 16.

«Храбрый, Был 2 раза переукомплектован во время войны против турок. Офицеры храбры, но известны своим пьянством».

28-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. **П.Я. Корнилов 1-й.** *Командир полка* — подполк. Ф.С. Тандельфельд.

Желтыя погоны с цифрой 18.

5 января 1815 г. пожалованы 2 Георгиевскія трубы с надписью: «За оказанное отличіе въ сраженіяхъ бывшихъ подъ Городечномъ, Кенигсвартомъ, Бауценомъ и подъ Бріенномъ».

25 апреля того же года вторично пожалованы трубы, ввиду чего надпись изменена: «За сраженія подъ Городечномъ, въ Силезіи, подъ Бріеннъ-Ле-Шато и при селеніи Ла-Ротьеръ».

29-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. И.Н. Дурново.

Командир полка — подполк. П.О. Пригара.

Желтые погоны с цифрой 22.

3 апреля 1814 г. пожаловано звание Гренадерского, и полк назван 29-м гренадерским егерским (с 30 августа 1815 г. 6-м карабинерным).

30-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. К.В. Забелин.

Желтые погоны с цифрой 17. Ружья образца 1808 г.

31-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. А.И. Ведемейер 2-й.

Командир полка — майор И.П. Разницын.

Желтые погоны с цифрой 25. Шведские переделанные ружья.

32-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. В.Д. Мещеринов.

Светло-синие погоны с цифрой 18.

5 января 1815 г. пожалованы 2 Георгиевские трубы с надписью: «За оказанное отличіе въ сраженіяхъ подъ Городечномъ, Кенигсвартом, Бауценомъ въ Силезіи и подъ Бріенномъ».

25 апреля того же года вторично пожалованы трубы, ввиду чего надпись изменена: «За сраженія подъ Городечномъ, въ Силезіи, подъ Бріенъ-Ле-Шато и при селеніи Ла-Ротьеръ».

33-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. **А.И. Бистром.** *Командир полка* — майор Х.Л. Бреверн.

Светло-синие погоны с цифрой 11. Ружья образца 1808 г. Пехотная (белая) амуниция.

34-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Е.М. Пиллар.

Светло-синие погоны с цифрой 4. Ружья образца 1808 г. Пехотная (белая) амуниция.

35-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. П. Б. Нилу с 1-й.

Командир полка — майор П.И. Мельгунов 1-й.

Светло-синие погоны с цифрой 6. Ружья образца 1808 г. Пехотная (белая) амуниция.

36-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. М.И. Левицкий.

Командир полка — полк. П.Я. Алексеев.

Светло-синие погоны с цифрой 7. Английские ружья. Пехотная (белая) амуниция.

37-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Н.И. Сутов.

Командир полка — подполк. П. И. де Сен-Лоран

Светло-синие погоны с цифрой 8.

Английские ружья.

Пехотная (белая) амуниция.

38-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. Е.Е. Удом

Светло-синие погоны с цифрой 9. Ружья образца 1808 г.

39-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. М.Ф. Ахлестышев.

Командир полка — полк. А.И. Левиз.

Светло-синие погоны с цифрой 10. Ружья образца 1808 г.

40-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Ф.В. Сазонов 2-й. Командир полка — подполк. П. С. Букинский 2-й.

Светло-синие погоны с цифрой 24. Английские ружья. Пехотная (белая) амуниция.

41-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. И. И. Палицын.

Светло-синие погоны с цифрой 12.

Имел Гренадерский бой за сражение при г. Тортоне, пожалованный 16 июля 1799 г., в бытность мушкетерским полком г.-м. Мансурова 2-го (Орловским). Пехотная (белая) амуниция.

42-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-л. П.П. Пушкин.

Командир полка — подполк. Е.И. Синенков. Светло-синие погоны с цифрой 26. Пехотная

(белая) амуниция.

43-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. С.Я. Репинский.

Командир полка — полк. В.Н. Ергольский.

Светло-синие погоны с цифрой 16.

«(бывший Новгородский мушкетерский). Этот полк, называвшийся Новгородским во время кампании 1805-го, плохо проявил себя в сражении при Аустерлице, где он потерял свои знамена; два его фузилерных батальона обратились в бегство.

Император отдал приказ по армии, чтобы солдаты этого полка не носили больше сабель, а офицеры — темляков, отметив, что в течение 40 лет полк не будет избавлен от этого наказания и ранее потерянные знамена не будут ему заменены.

После того как он отличился против турок, Император помиловал этот полк и переименовал его в 43-й егерский».

44-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. А.К. Ридингер.

Светло-синие погоны с цифрой 21. 19 ноября 1814 г. пожалован знак на кивера, с надписью: «За отличие».

Пехотная (белая) амуниция.

45-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — г.-м. С.Ф. Желтухин 1-й.

Командир полка — под полк. И. Л. Велентий.

Светло-синие погоны с цифрой 22. Пехотная (белая) амуниция.

46-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. К.К. фон Краббе.

Командир полка — подполк. В.Г. Згорел

Светло-синие погоны с цифрой 20.

Ружья образца 1808 г.

47-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Ф.Ф. Экельн.

Командир полка — подполк. И.И. Сутгоф

Светло-синие погоны с цифрой 25.

Гарнизонные шинели.

48-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Я.А. Потемкин.

Светло-синие погоны с цифрой 17.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряные трубы с надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятелиа изъ пределовъ Россіи 1812 г.».

Ружья образца 1808 г.

Гарнизонные шинели.

Пехотная (белая) амуниция.

49-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. А.С. Кологривов.

Желтые погоны с цифрой 27.

13 апреля 1813 г. пожалованы серебряные трубы с надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятелиа изъ пределовъ Россіи 1812 г.».

25 апреля 1815 г. вторично пожалованы трубы, почему и надпись добавлена: «въ сражешяхъ при Бриеннъ-Ле-Шато и селеніи Ларотьеръ».

3 мая 1814 г. пожалован знак на кивера с надписью: «За отличіе».

50-й ЕГЕРСКИЙ.

Шеф полка — полк. Н.Г. Назимов.

Светло-синие погоны с цифрой 27.

13 апреля 1813 г. пожалованы 2 серебряные трубы с надписью: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятелиа изъ пределовъ Россіи 1812 г.».

РАСПИСАНИЕ ПЕХОТНЫХ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ РУССКОЙ АРМИИ, ПРИНЯВШИХ УЧАСТИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

Июнь 1812 г.

1-я ЗАПАДНАЯ АРМИЯ

генерал от инфантерии М.Б. Барклай де Толли

1-й пехотный корпус, г.-л. гр. П.Х. Витгенштейн

28 батальонов, 16 эскадронов, 3 казачьих полка, 120 орудий

5-я пехотная дивизия, г.-м. **Г.М. Берг**, 14 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. К.Ф. Казачковский, 4 батальона

Севский пехотный полк

Калужский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. кн. А.В. Сибирский, 4 батальона

Пермский пехотный полк

Могилевский пехотный полк

3-я бригада, полк. П.Н. Фролов, 4 батальона

23-й егерский полк

24-й егерский полк

Сводно-гренадерские батальоны, 2 батальона

5-я полевая артиллерийская бригада, 5-я батарейная рота, 9-я и 10-я легкие роты

14-я пехотная дивизия, г.-м. И.Т. Сазонов, 14 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. В.И. Гарпе, 4 батальона

Тульский пехотный полк

Навагинский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. Б.Б. Гельфрейх, 4 батальона

Эстляндский пехотный полк

Тенгинский пехотный полк

3-я бригада, полк. С.В. Денисьев, 4 батальона

25-й егерский полк

26-й егерский полк

Сводно-гренадерские батальоны, 2 батальона

14-я полевая артиллерийская бригада,

14-я батарейная рота

26-я и 27-я легкие роты

2-й пехотный корпус, г.-л. К.Ф. Багговут 24 батальона, 8 эскадронов, 78 орудий

4-я пехотная дивизия, г.-м. принц Евгений Вюртембергский, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. Д. И. Пышницкий, 4 батальона

Кременчугский пехотный полк

Минский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. И. П. Росс и, 4 батальона

Тобольский пехотный полк

Волынский пехотный полк

3-я бригада, полк. Е.М. Пиллар, 4 батальона

4-й егерский полк

34-й егерский полк

4-я полевая артиллерийская бригада,

4-я батарейная рота

7-я и 8-я легкие роты

17-я пехотная дивизия, г.-л. З.Д. Олсуфьев 3-й, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. И.С. Алексеев, 4 батальона

Рязанский пехотный полк

Белозерский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. П.А. Тучков 3-й, 4 батальона

Вильманstrandский пехотный полк

Брестский пехотный полк

3-я бригада, полк. Я.А. Потемкин, 4 батальона

30-й егерский полк

48-й егерский полк

17-я полевая артиллерийская бригада

17-я батареинная рота

32-я и 33-я легкие роты

3-й пехотный корпус, г.-л. Н.А. Тучков 1-й, 26 батальонов, 2 казачьих полка, 84 орудия

1-я гренадерская дивизия, г.-м. гр. П.А. Строганов, 14 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. **П.Ф. Желтухин 2-й**, 4 батальона Лейб-гренадерский полк гренадерский
Графа Аракчеева полк

2-я бригада, г.-м. А.И. Цвилленев, 4 батальона Павловский гренадерский полк
Екатеринославский гренадерский полк

3-я бригада, г.-м. Б.Б. Фок 1-й, 4 батальона С.-Петербургский гренадерский полк
Таврический гренадерский полк

Сводно-гренадерские батальоны 3-й пехотной дивизии, 2 батальона

1-я полевая артиллерийская бригада, 1-я батарейная рота 1-я и 2-я легкие роты

3-я пехотная дивизия, г.-л. П.П. Коновницын, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. А.А. Тучков 4-й, 4 батальона

Ревельский пехотный полк

Муромский пехотный полк

2-я бригада, под полк. И.М. Ушаков, 4 батальона

Копорский пехотный полк (с 25.07 — Селенгинский пехотный полк)

Черниговский пехотный полк

3-я бригада, г.-м. кн. **И.Л. Шаховской**, 4 батальона

20-й егерский полк

21-й егерский полк

3-я полевая артиллерийская бригада

3-я батареинная рота

5-я и 6-я легкие роты

4-й пехотный корпус, г.-л. гр. П.А. Шувалов

25 батальонов, 8 эскадронов, 78 орудий

11-я пехотная дивизия, г.-м. Н.Н. Бахметьев 1-й, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. П.Н. Чоглоков, 4 батальона

Кексгольмский пехотный полк

Перновский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. П.А. Филисов, 4 батальона

Полоцкий пехотный полк

Елецкий пехотный полк

3-я бригада, полк. А.И. Бистром 2-й, 4 батальона

1-й егерский полк

33-й егерский полк

11-я полевая артиллерийская бригада,

2-я батареинная рота

3-я и 4-я легкие роты

23-я пехотная дивизия, г.-м. А.Н. Бахметьев 3-й, 13 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. М.М. Окулов, 4 батальона

Рыльский пехотный полк

Екатеринбургский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. Ф.П. Алексополь, 4 батальона

Селенгинский пехотный полк (с 25.07 — Копорский пехотный полк)

18-й егерский полк

2-я сводно-гренадерская бригада, полк. А.И. Ефимович, 5 батальонов
сводно-гренадерские батальоны 11-й, 17-й, 23-й пехотных дивизий
23-я полевая артиллерийская бригада

23-я батарейная рота

43-я и 44-я легкие роты

5-й пехотный резервный корпус, цесаревич Константин Павлович

23 батальона, 20 эскадронов, 74 орудия

Гвардейская пехотная дивизия, г.-м, А.П. Ермолов, 19 батальонов, 50 орудий

1-я бригада, г.-м. бар. **Г.В. Розен 2-й**, 6 батальонов

Лейб-гвардии Преображенский полк

Лейб-гвардии Семеновский полк

2-я бригада, полк. М.Е. Храповицкий, 6 батальонов

Лейб-гвардии Измайловский полк

Лейб-гвардии Литовский полк

3-я бригада, полк. К.И. Бистром 1-й, 7 батальонов

Лейб-гвардии Финляндский полк

Лейб-гвардии Егерский полк

Гвардейский экипаж

1-я сводно-гренадерская бригада, полк, Г.М. Кантакузен, 4 батальона

сводно-гренадерские батальоны 1-й гренадерской и 4-й пехотной дивизий

Лейб-гвардии пешая артиллерийская бригада

1-я и 2-я батарейные роты

1-я и 2-я легкие роты

Артиллерийская команда Гвардейского экипажа

6-й пехотный корпус, ген. от инф. Д.С. Дохтуров

24 батальона, 8 эскадронов, 84 орудия

*7-я пехотная дивизия, г.-л. **Н.М. Капцевич**, 12 батальонов, 36 орудий*

1-я бригада, полк. Д.П. Ляпунов, 4 батальона

Псковский пехотный полк

Московский пехотный полк

2-я бригада, полк. А.И. Айгустов, 4 батальона

Либавский пехотный полк

Софийский пехотный полк

3-я бригада, г.-м. А.И. Балла, 4 батальона

11-й егерский полк

36-й егерский полк

7-я полевая артиллерийская бригада 7-я батарея рота 12-я и 13-я легкие роты

24-я пехотная дивизия, г.-м. П.Г. Лихачев, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. И.Д. Цыбульский, 4 батальона

Уфимский пехотный полк

Ширванский пехотный полк

2-я бригада, полк, П.В. Денисьев, 4 батальона

Бутырский пехотный полк

Томский пехотный полк

3-я бригада, полк. Н.В. Вуич, 4 батальона

19-й егерский полк

40-й егерский полк

24-я полевая артиллерийская бригада

24-я батарея рота

45-я и 46-я легкие роты

2-Я ЗАПАДНАЯ АРМИЯ

генерал от инфантерии кн. П.И. Багратион

7-й пехотный корпус, г.-л. Н.Н. Раевский 24 батальона, 8 эскадронов, 84 орудия

26-я пехотная дивизия, г.-м. И.Ф. Паскевич, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. А.И. Липгарт, 4 батальона

Ладожский пехотный полк

Полтавский пехотный полк

2-я бригада, полк. Н.Ф. Ладыженский, 4 батальона

Нижегородский пехотный полк

Орловский пехотный полк

3-я бригада, полк. Ф.Г. Гогель, 4 батальона

5-й егерский полк

42-й егерский полк

26-я полевая артиллерийская бригада

26-я батарейная рота

47-я и 48-я легкие роты

12-я пехотная дивизия, г.-м. П.М. Колубакин, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. М.Н. Рылеев 1-й, 4 батальона

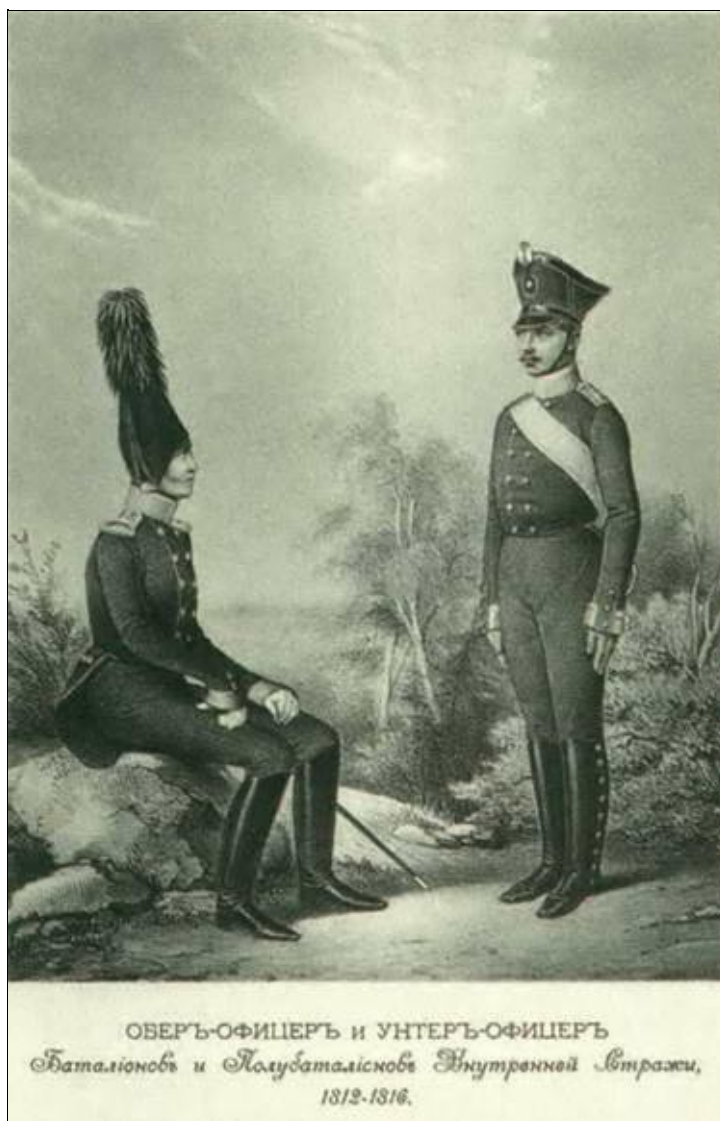
Смоленский пехотный полк

Нарвский пехотный полк

2-я бригада, полк. К.К. Панцербитер, 4 батальона

Алексопольский пехотный полк

Новоингерманландский пехотный полк
3-я бригада, г.-м. И.И. Палицын, 4 батальона
6-й егерский полк
41-й егерский полк
12-я полевая артиллерийская бригада
12-я батарейная рота
22-я и 23-я легкие роты

8-й пехотный корпус, г.-л. М.М. Бороздин 1-й
22 батальона, 20 эскадронов, 60 орудий
2-я гренадерская дивизия, г.-м. принц Карл Мекленбургский, 12 батальонов, 36 орудий
1-я бригада, полк. И.Я. Шатилов, 4 батальона
Киевский гренадерский полк
Московский гренадерский полк
2-я бригада, полк. И.Ф. Буксгевден, 4 батальона
Астраханский гренадерский полк
Фанагорийский гренадерский полк
3-я бригада, полк. В.А. Гессе, 4 батальона
Сибирский гренадерский полк
Малороссийский гренадерский полк
2-я полевая артиллерийская бригада
11-я батарейная рота
20-я и 21 -я легкие роты

2-я сводно-гренадерская дивизия, г.-м, гр. М.С. Воронцов, 10 батальонов, 24 орудия сводно-гренадерские батальоны 2-й гренадерской, 7, 12, 24 и 26-й пехотных дивизий, позднее присоединено 2 батальона 27-й пехотной дивизии

3-я резервная артиллерийская бригада 31-я и 32-я батарейные роты

27-я пехотная дивизия, г.-м. Д.П. Неверовский, 14 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. М.Ф. Ставицкий 2-й, 4 батальона

Одесский пехотный полк

Тарнопольский пехотный полк

2-я бригада, полк. А.Я. Княжнин 1-й, 4 батальона Виленский пехотный полк Симбирский пехотный полк

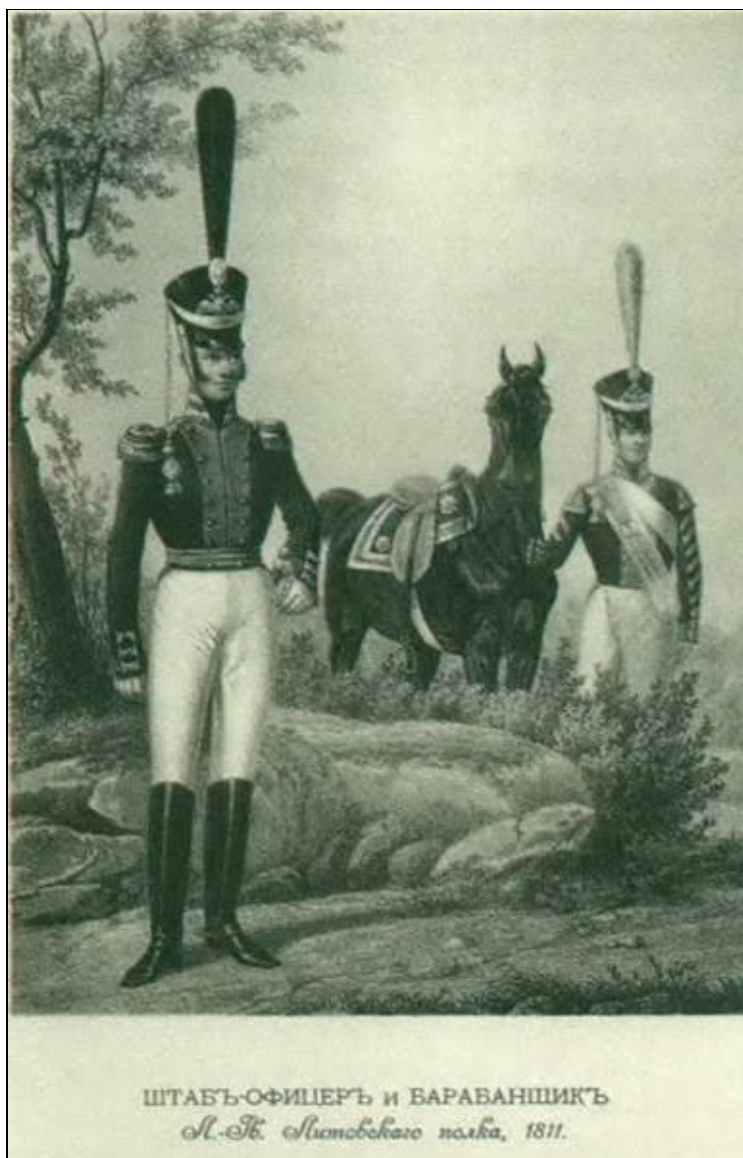
3-я бригада, полк. А.В. Воейков, 4 батальона 49-й егерский полк 50-й егерский полк

Сводно-гренадерские батальоны, 2 батальона (позднее присоединены к 2-й сводно-гренадерской дивизии)

27-я полевая артиллерийская бригада

49-я батарейная рота

53-я и 54-я легкие роты

3-я ОБСЕРВАЦИОННАЯ РЕЗЕРВНАЯ АРМИЯ

генерал от кавалерии А.Л. Тормасов

Корпус ген. от инф. С.М. Каменского

18 батальонов, 8 эскадронов, 48 орудий

18-я пехотная дивизия, г.-м. кн. А.Г Щербатов, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. П.Е. Бенардос 2-й, 4 батальона
Владимирский пехотный полк Тамбовский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. кн. Н.Н. Хованский, 4 батальона
Костромской пехотный полк Днепровский пехотный полк

3-я бригада, г.-м. В.Д. Мещеринов, 4 батальона

28-й егерский полк 32-й егерский полк

Сводно-гренадерская бригада, 6 батальонов
сводно-гренадерские батальоны 9, 15 и 18-й пехотных дивизий

18-я полевая артиллерийская бригада

18-я батарейная рота 34-я и 35-я легкие роты

Корпус г.-л. Е.М. Маркова

24 батальона, 8 эскадронов, 84 орудия

15-я пехотная дивизия, г.-м. Ф.В. Назимов, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. Ф.Ф. Падейский, 4 батальона

Козловский пехотный полк

Кольванский пехотный полк

2-я бригада, подполк. Ф.И. Ушаков, 4 батальона

Куринский пехотный полк

Витебский пехотный полк

3-я бригада, г.-м. кн. В.В. Вяземский, 4 батальона

13-й егерский полк

14-й егерский полк

15-я полевая артиллерийская бригада

15-я батарейная рота

28-я и 29-я легкие роты

9-я пехотная дивизия, г.-м. Е.Е. Удом 2-й, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. А.М. Селиверстов, 4 батальона

Нашебургский пехотный полк

Якутский пехотный полк

2-я бригада, полк. А.А. Рейхель, 4 батальона

Апшеронский пехотный полк

Ряжский пехотный полк

3-я бригада, полк. И.Д. Иванов, 4 батальона

10-й егерский полк

38-й егерский полк

9-я полевая артиллерийская бригада

9-я батарейная рота

16-я и 17-я легкие роты

Корпус г.-л. бар. Ф.В. Остен-Сакена

18 батальонов, 24 эскадрона, 24 орудия

Пехота г.-м. М.М. Сорокин, 18 батальонов запасные батальоны 9,15 и 18-й пехотных дивизий

ДУНАЙСКАЯ АРМИЯ

адмирал И.З. Чичагов

1-й корпус, ген. от инф. гр. А.Ф. Ланжерон 12 батальонов, 10 эскадронов, 3 казачьих полка

22-я пехотная дивизия, г.-м. С.Л. Тучков 2-й, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, г.-м. МЛ. Шкапский, 5 батальонов

Вятский пехотный полк

Старооскольский пехотный полк

2-я бригада, 2 батальона (Олонецкий пехотный полк — в составе резерва)

Выборгский пехотный полк

3-я бригада, полк. И.Н. Дурново, 5 батальонов

29-й егерский полк

45-й егерский полк

22-я полевая артиллерийская бригада

22-я батарейная рота

41-я и 42-я легкие роты

2-й корпус, г.-л. П.К. Эссен

12 батальонов, 10 эскадронов, 2 казачьих полка

8-я пехотная дивизия, г.-л. П.К. Эссен, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. В.Н. Шеншин 2-й, 4 батальона

Архангелогородский пехотный полк

Украинский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. Г.Г. Энгельгардт, 5 батальонов

Шлиссельбургский пехотный полк

Староингерманландский пехотный полк

3-я бригада, 3 батальона (7-й егерский полк — в составе резерва)

37-й егерский полк

8-я полевая артиллерийская бригада

8-я батарейная рота

14-я и 15-я легкие роты

3-й корпус, г.-л. А.Л. Воинов

12 батальонов, 15 эскадронов, 3 казачьих полка

10-я пехотная дивизия, г.-м. гр. И.А. Ливен 3-й, 12 батальонов, 36 орудий

1-я бригада, полк. А.П. Засс 2-й, 6 батальонов

Белостокский пехотный полк Крымский пехотный полк

2-й бригада, 2 батальона (Ярославский пехотный полк — в составе резерва) Курский пехотный полк

3-я бригада, полк. И.П. Белокопытов, 4 батальона

8-й егерский полк

39-й егерский полк

10-я полевая артиллерийская бригада

10-я батарейная рота

18-я и 19-я легкие роты

4-й корпус, г.-л. А.П. Засс

6 батальонов, 25 эскадронов, 2 казачьих полка

16-я пехотная дивизия, г.-м. МЛ, Булатов, 6 батальонов, 36 орудий (Нейшлотский пехотный, 27-й и 43-й егерские полки, 30-я легкая рота — в составе отряда г.-м, Н.И Лидерса в Сербии)

1-я бригада, 2 батальона Охотский пехотный полк

2-я бригада, г.-м. Т.И. Збиевский, 4 батальона Камчатский пехотный полк Мингрельский пехотный полк

16-я полевая артиллерийская бригада

16-я батарейная рота 31-я легкая рота

Резерв, г.-л. И.В. Сабанеев

9 батальонов, 10 эскадронов, 1 казачий полк

Олонецкий пехотный полк

Ярославский пехотный полк

7-й егерский полк

Рижский корпус, г.-л. И.Н. Эссен 1-й

42 батальона

30-я пехотная дивизия, 12 батальонов

запасные батальоны полков 4-й и 14-й пехотных дивизий

31-я пехотная дивизия, 12 батальонов

запасные батальоны полков 5-й и 17-й пехотных дивизий

39-я пехотная дивизия, 12 батальонов

резервные батальоны полков 14-й и 25-й пехотных дивизий

40-я пехотная дивизия (часть), 6 батальонов

резервные батальоны полков 5-й пехотной дивизии

Финляндский корпус, г.-л. Ф.Ф. Штейнгель

32 батальона, 8 эскадронов, 3 казачьих полка, 102 орудия

6-я пехотная дивизия (часть), г.-м. В.С. Рахманов, 8 батальонов, 24 орудия

1-я бригада, г.-м. Е.С. Горбунцов, 4 батальона

Брянский пехотный полк

Низовский пехотный полк

3-я бригада, полк. М.Л. Трескин, 4 батальона

Азовский пехотный полк

3-й егерский полк

6-я полевая артиллерийская бригада

6-я батарейная рота

11-я легкая рота

21-я пехотная дивизия, г.-м. Н.И. Демидов, 12 батальонов, 24 орудия

1-я бригада, полк. А.Т. Маелов, 4 батальона

Петровский пехотный полк Подольский пехотный полк

2-я бригада, полк. бар. Ф.Ф. Розен 4-й, 4 батальона

Невский пехотный полк Литовский пехотный полк

3-я бригада, полк. Ф.Е. Книпер, 4 батальона

2-й егерский полк

44-й егерский полк

21-я полевая артиллерийская бригада

21-я батарейная рота

40-я легкая рота

25-я пехотная дивизия, г.-м. П.Я. Башуцкий, 12 батальонов, 30 орудий

1-я бригада, полк. А.Э. Пейкер, 4 батальона

1-й морской полк

2-й морской полк

2-я бригада, полк. М.Ф. Наумов, 4 батальона

3-й морской полк

Воронежский пехотный полк

3-я бригада, полк. А.И. Ведемейер 2-й, 4 батальона

31-й егерский полк

47-й егерский полк

25-я полевая артиллерийская бригада

25-я батарейная рота

3 морские полуроты

Отряд в Сербии, г.-м. Н.И. Лидере

9 батальонов, 10 эскадронов, 2 казачьих полка, 24 орудия

Нейшлотский пехотный полк,

3-я бригада 16-й пехотной дивизии, г.-м. С.Я. Репнинский, 6 батальонов

27-й егерский полк

43-й егерский полк

30-я легкая артиллерийская рота

Резервные корпуса

1-й резервный корпус, ген.-ад. бар. Е.И. Меллер-Закомельский

28 батальонов, 33 эскадрона

32-я пехотная дивизия, г.-м. А.Ю. Гамен, 16 батальонов

запасные батальоны полков 1-й гренадерский, 11-й и 23-й пехотных дивизий

33-я пехотная дивизия, г.-м. И.А. Вельяминов, 12 батальонов

запасные батальоны полков 3-й и 7-й пехотных дивизий

2-й резервный корпус, г.-л. Ф.Ф. Эртель

18 батальонов, 4 эскадрона, 3 казачьих полка

Пехота, г.-м. А.В. Запольский, 18 батальонов
запасные батальоны полков 2-й гренадерский, 12-й и 27-й пехотных дивизий
Калужский резервный корпус, ген. от инф. М.А. Милорадович
42 батальона, 18 эскадронов

42-я пехотная дивизия (часть), 6 батальонов

резервные батальоны полков 7-й пехотной дивизии

43-я пехотная дивизия, полк. А.А. Лопухин, 12 батальонов

резервные батальоны полков 18-й и 24-й пехотных дивизий

44-я пехотная дивизия, полк. А.А. Зайцов, 12 батальонов

резервные батальоны полков 12-й и 26-й пехотных дивизий

45-я пехотная дивизия, подполк. Никитин, 12 батальонов

резервные батальоны полков 9-й и 15-й пехотных дивизий

Смоленский резервный корпус, ген.-ад. бар. Ф.Ф. Винцингероде

24 батальона, 12 эскадронов, 96 орудий

40-я пехотная дивизия (часть), 6 батальонов

резервные батальоны полков 4-й пехотной дивизии

41-я пехотная дивизия, полк. А.С. Жемчужников, 12 батальонов

резервные батальоны полков 3-й и 17-й пехотных дивизий

42-я пехотная дивизия (часть), 6 батальонов

резервные батальоны полков 11-й и 23-й пехотных дивизий

РОСПИСЬ ПОЛКАМ ТЯЖЕЛОЙ ПЕХОТЫ ПО СТАРШИНСТВУ ВРЕМЕНИ ИХ СФОРМИРОВАНИЯ.

(печатается по росписи за апрель 1812 г.; РГВИА, Ф.1, Оп.1, Д.2447. Ч.1. ЛЛ. 303-305)

Гренадерские полки

1. Лейб
2. Киевский
3. Сибирский
4. Таврический
5. Екатеринославский
6. Малороссийский
7. Московский
8. Фанагорийский
9. Астраханский
10. Санкт-Петербургский
11. Херсонский
12. Грузинский
13. Павловский
14. Графа Аракчеева

Пехотные полки

1. Черниговский
2. Псковский
3. Казанский
4. Пермский
5. Московский
6. Рязанский
7. Кексгольмский
8. Муромский
9. Архангелогородский
10. Азовский
11. Смоленский
12. Нижегородский
13. Троицкий
14. Шлиссельбургский
15. Выборгский
16. Владимирский
17. Суздальский
18. Вятский
19. Староингерманландский
20. Ярославский
21. Тобольский
22. Нарвский
23. Белозерский
24. Углицкий
25. Невский
26. Ладожский
27. Нашебургский
28. Низовский
29. Апшеронский
30. Тифлисский
31. Кабардинский
32. Ширванский
33. Витебский
34. Алексопольский
35. Елецкий
36. Севский
37. Ряжский
38. Белевский
39. Курский
40. Старооскольский
41. Тамбовский
42. Тульский
43. Полоцкий
44. Днепровский
45. Ревельский
46. Севастопольский
47. Козловский

48. Новоингерманландский
49. Бутырский
50. Уфимский
51. Рьльский
52. Екатеринбургский
53. Селенгинский
54. Томский
55. Тенгинский
56. Навагинский
57. Олонецкий
58. Кольванский
59. Полтавский
60. Украинский
61. Куринский
62. Петровский
63. Копорский
64. Вольнский
65. Крымский
66. Вологодский
67. Могилевский
68. Калужский
69. Костромской
70. Брестский
71. Кременчугский
72. Минский
73. Нейшлотский
74. Якутский
75. Охотский
76. Камчатский
77. Мингрельский
78. Вильманstrandский
79. Либавский
80. Перновский
81. Белостокский
82. Воронежский
83. Брянский
84. Литовский
85. Подольский
86. Эстляндский
87. Орловский
88. Великолуцкий
89. Саратовский
90. Галицкий
91. Пензенский
92. Софийский
93. Одесский
94. Виленский

95. Тарнопольский
96. Симбирский

Список использованных источников и литературы

Источники из фондов РГВИА

1. Ф.1. Оп.1. Д.1904.
2. Ф.1. Оп.1. Д.2019.
3. Ф.1. Оп. 1. Д.2382.
4. Ф.1. Оп. 1. Д.2436.
5. Ф.1. Оп. 1. Д.2442.
6. Ф.1. Оп. 1. Д.2731.
7. Ф.12. Оп. 11. Д.4935.
8. Ф.12. Оп.11. Д.5095.
9. Ф.25. Оп.1/110. Д.3712.
10. Ф.31. Оп.3/129. Д.60.
11. Ф.31. Оп. 3/129. Д.72.
12. Ф.103. Оп.3. Д.64.
13. Ф.103. Оп.3. Д.842.
14. Ф.396. Оп. 1. Д.32.
15. Ф.396. Оп. 4. Д.1.
16. Ф.396. Оп. 4. Д.5.
17. Ф.396. Оп. 4. Д.12.
18. Ф.396. Оп. 4. Д.16.
19. Ф.396. Оп. 4. Д.21.
20. Ф.396. Оп. 4. Д.275.
21. Ф.9194. Оп. 7/189а.св.2. Д.6.
22. Ф.14209. Оп.2/163а.св.2. Д.1.
23. Ф.14209. Оп.3/1636.св.37. Д.3.
24. Ф.14209. Оп.6/166.св.25. Д.1Ю.
25. Ф.14209. Оп.2/163а.Св.2. Д.1.
26. Ф.2703. Оп.4/171.св.28. Д.1.
27. Ф.2703. Оп.4/171.Св.28. Д.2.Ч.3.
28. Ф.ВУА. Д.488.
29. Ф.ВУА. Д.16711.
30. Ф.ВУА. Д.16821.
31. Ф.ВУА. Д.17812

Литература

32. 1812 год. Военные дневники. М., 1990.
33. *Аглаимов С.П.* Отечественная война 1812 г. Исторические материалы Лейб-Гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912 г.
34. *Афанасьев В.* Павловцы на Бородинском поле 26 августа 1812 г. М., 1912.
35. *Багратион П.И.* Сборник документов. М“ 1945.
36. *Богуславский Л.А.* История Апшеронского полка. 1700— 1892. Т. 1—2. СПб., 1892.

37. Бой под Красным. Издание Императорской Главной квартиры. СПб., 1912.
38. Бой при редуте Шевардинском 24-го августа 1812 года. СПб., 1839.
39. Бородино. Документальная хроника. М., 2004.
40. Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962.
41. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч. 3. М., 1898.
42. Бумага, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч. 7. М., 1903.
43. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч. 9. М., 1905.
44. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Ч. 10. М., 1908.
45. *Бургонь Адриен-Жан-Батист*. Мемуары. М., 2003.
46. *Бутурлин Д.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году: с официальных документов и других достоверных бумаг российского и французского генерал-штабов. Ч. 1. СПб., 1837.
47. *Валькович А.М., Васильев А.А.* Агент не ошибся. //Альманах исторических сенсаций. М., 1993.
48. *Васильев А.А.* Сражение при Малоярославце 12/24 октября 1812 года. Малоярославец. 2002.
49. *Васильев И.Н.* Несколько громких ударов по хвосту тигра. Операция на р. Березине осенью 1812 г. или реабилитация адмирала Чичагова. М., 2001.
50. Взятие Вереи. Издание Императорской Главной квартиры. СПб., 1912.
51. *Вильсон Р.-Т.* Дневник и письма 1812-1813. СПб., 1995.
52. *Виртембергский Е.* Воспоминания герцога Евгения Виртембергского о кампании 1812 года в России, служащая объяснительным дополнением ко многим вышедшим об этом предмете сочинениям. // Военный журнал, № 3.
53. *Военский К.А.* Отечественная война 1812 года в записках современников. // Материалы ВУА. СПб., 1911.
54. Воинский устав о пехотной службе. СПб., 1812.
55. Воинский устав о пехотной службе. СПб., 1816.
56. *Воронов П.Н., Бутовский В.Д.* История Лейб-гвардии Павловского полка. [1726-1875]. СПб., 1890.
57. *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. В пределах Смоленской губернии. СПб., 1912.
58. Воспоминания генерала Колчаковского о походе 1812 года. Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. Спб., 1912.
59. *Габаев Г.С.* Краткий очерк развития образца русских знамен и штандартов в XIX веке // ЖИРВИО, 1911. Кн. 4.
60. *Габаев Г.С.* Роспись Русским полкам 1812 года. Киев, 1912.
61. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945.
62. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1990.
63. *Глиноецкий Н.* Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // ВС, 1887, № 4.
64. *Годунов В.И.* Ревельцы в Отечественной войне 1812 г. Ревель, 1912.
65. *Голицын Н.Б.* Очерки военных сцен 1812-1814. //РА, 1884.Кн.2. № 3.

66. *Гольмдорф М.* Материалы для истории бывшего Дворянского полка до переименования его в Константиновское военное училище. 1807—1859. СПб., 1882.
67. *Граббе П.Х.* Из записок П.Х. Граббе //Бородино в воспоминаниях современников. Спб., 2001.
68. *Грачев В.И.* Двенадцатый год. Смоленск и его губерния в 1812 году. Смоленск, 1912.
69. *Гулевич С.А.* История 93-го пехотного Иркутского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полка с 1785 по 1913 год. СПб., 1914.
70. *Гулевич С.А.* История Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1806-1906 гг. Т. 1. СПб., 1909.
71. *Дневник корнета Иксюля // ВИВестник, 39, май 1972 г., Париж.*
72. *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.). Спб., 1882.
73. *Дурова Н.А.* Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1983.
74. *Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812-го года до 1815-го года. //1812 год в воспоминаниях современников /Под ред. Тартаковского А.Г. М., 1985.
75. Его Императорского Величества воинский устав о полевой пехотной службе. М., 1797.
76. *Зайончковский А.М.* Лейб-егеря в Отечественную войну 1812 г. СПб., 1912.
77. Замечания И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 г.» Михайловского-Данилевского // В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Вильно, 1903. Вып. 2.
78. Записки А.И. Антоновского // В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1904. Вып. 3.
79. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. М., 1991.
80. *Звегинцов В.В.* Знамена и штандарты русской армии. Париж, 1964. 4.2.
81. *Звегинцов В.В.* Русская армия. Ч. 4. 1801 — 1825. Париж, 1971.
82. *Звегинцов В.В.* Хронология русской армии. Ч. 1—2. Париж, 1961-1962.
83. *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. М., 2001.
84. Знамены царствования Императора Александра I // ЖИРВИО, 1911. Кн.1.
85. *Идельсон Е.М.* Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 года. Казань, 1912.
86. Из воспоминаний графа Орлова-Денисова. // В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. Вып.1.
87. Из воспоминаний Николая Ивановича Андреева // РА, 1879. Кн. 3.
88. Из записок В.И. Тимофеева // В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Вильно, 1900. Вып.1.
89. Из реляции генерала Витгенштейна Александру I о победе при Клястицах. //Из боевого прошлого русской армии. М., 1944.
90. *Каргопольцев Н.Н.* Майор А.Б. Камаев. Эпизод из жизни сибиряков в 1812 г. // РС, 1883, т. 38, № 6.
91. *Карпенко М.И.* Письмо старого воина к товарищам, бывшим в бою на Бородинском поле //1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.
92. *Кириллов.* История 114-го пехотного Новоторжского полка 1763-1913 гг. Митава, 1913.
93. Краткое Наставление о солдатском ружье/ Под ред. Гогеля, 1809.
94. *Крючков В.* История 95-го пехотного Красноярского полка. 1797-1897 гг. СПб., 1897.
95. *Кулинский А.Н.* Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800—1917 годов. Определитель. СПб., 1994.
96. *Кутузов М.И.* Сборник документов. Т. 4. М., 1952.
97. *Липранди И.П.* Замечания Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и

воспоминаниях современников. Вильно, 1900. Вып.1.

98. Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837.

99. Лютинский К. Сведение о сражениях, боях и походах Отечественной войны 1812-го г., в коих принимал участие 70-й пехотный Рязский полк, и описание отличий, полученных им за эту войну. Седлец, 1911.

100. Маевский С.И. Мой век, или История генерала Маевского//РС, 1873. Т. 8. № 11.

101. Вяземский В.В. «Журнал» 1812 г. // 1812 год. Военные дневники. М., 1990.

102. Максудов В.П. История 25-го пехотного Смоленского полка за два века существования (1700-1900). Спб., 1901.

103. Малышкин С.А. Воспоминания калужского духовенства об Отечественной войне 1812 года (по материалам А.И. Михайловского-Данилевского) // От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославецкого сражения. Калуга. 2002.

104. Марин А. Краткий очерк истории Лейб-Гвардии Финляндского полка, Или материалы в воспоминаниях и рассказах для полной истории полка. СПб., 1846. Кн. 1.

105. Мартос А.И. Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича. 1806-1812 // РА, 1893. Кн. 2. № 7, 8.

106. Мержеиовский Э.М. История 13-го пехотного Белозерского полка (1708-1893). С прил. краткой биогр. генерал-фельдмаршала графа Ласси. Варшава, 1894.

107. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. // Собрание сочинений. СПб, 1850. Т. 5.

108. Муравьев Н.Н. Из записок Н.Н. Муравьева //Бородино в воспоминаниях современников. Спб., 2001.

109. Муравьев-Апостол М.И. Рус. архив, 1886. Кн. 1.

110. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. М., 2004.

111. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.

112. Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // ВС, 1902. № 7.

113. Начальные основания вышней тактики. СПб., 1810.

114. Невежин Н.Г. 112-й пехотный Уральский полк. История полка. 1797-1897 гг. Вильно, 1899.

115. Норов А.С. Война и мир (1805—1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современников // ВС, 1868. № 11.

116. Норов А.С. Из записок А.С.Норова //Бородино в воспоминаниях современников. Спб., 2001.

117. Общий опыт тактики. СПб., 1807. Ч. 1.

118. Описание о покрое и шитье мундиров. СПб., 1802.

119. Орлов Ф.Ф. Очерк истории Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III (1726-1890). СПб., 1881.

120. Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-Учетного Архива Главного штаба. СПб., 1900-1914. Т. 1-21.

121. Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004.

122. Отечественная война в рассказе Генерала Чаплица. 1812//РС. СПб., 1886. №6.

123. Отрощенко Я. О. Записки генерала Отрощенко. М., 2006.

124. Паскевич И.Ф. Походные записки //1812 год в воспоминаниях современников / Под ред. Тартаковского А.Г. М., 1985.

125. Пестриков Н.С. История Лейб-Гвардии Московского полка. СПб., 1903. Т. 1.

126. Петров ММ. Рассказы служившего в 1 -м Егерском полку полковника Михаила

- Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года, 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991.
127. Подмазо А.А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796-1815). М., 1997.
128. Поликарпов Н. Честь забытым героям // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 4.
129. Поликарпов Н.П. Очерк боевой службы и столетней жизни 104-го Устюжского полка. 1797-1897 гг. Вильно, 1897.
130. Попов А.И. Меж двух «вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля. М., 1997.
131. Попов А.И. Налет отряда И.С. Дорохова на Верею // II этап Отечественной войны 1812 года. Проблемы изучения. Источники. Памятники. Малоярославец, 1997.
132. Пуцин П.С. Дневник Павла Пуцина 1812-1814., 1987.
133. Радожницкий И.Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год. М., 1835. 4.1.
134. Раевский Н.Н. Записки // Давыдов Д.В. Замечания на некрологию Н.Н. Раевского с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. М., 1832.
135. Раевский Н.Н. Личные письма генерала Н.Н. Раевского // 1812-1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. Личные письма генерала Н.Н. Раевского. Записки генерала М.С. Воронцова. Дневники русских офицеров. / Сб. док. М., 1992.
136. Рассказ о Бородинском сражении унтер-офицера Тихонова, записанный в 1830 году. // Бородинское сражение. М., 1872.
137. Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825 гг. М., 1989.
138. Симанский Л.А. Журнал участника войны 1812 года // ВИСб, 1913, №1, с.163.
139. Смирнов А.А. «Аракчеевская» артиллерия. М., 1998.
140. Смирнов Я.С. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Варшава, 1890.
141. Столетие Военного министерства. Т. 2. Главный штаб. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 3. СПб., 1914. Образование (обучение) войск. Уставы и наставления.
142. Столетие Военного министерства. Т. 2. Главный штаб. Ч. 1. Кн. 1. Отд. 2. СПб., 1902. Комплектование войск в царствование императора Александра I.
143. Столетие Военного министерства. Т. 4. Главное интендантское управление. Ч. 1. СПб., 1903.
144. Столетие Военного министерства. Т. 8. Главное Военно-Медицинское управление. Ч. 1. СПб., 1902. Исторический очерк.
145. Столетие Военного Министерства. Т. 8. Главное Военно-Медицинское управление. Ч. 2. СПб., 1908. Исторический очерк развития и деятельности Военно-Медицинского ведомства в царствование Императора Николая I.
146. Столетие Военного Министерства. Т. 12. Главное Военно-судное управление. Исторический очерк. Кн. 1.4.2. СПб., 1902.
147. Столетие Военного Министерства. Т. 13. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. СПб., 1902.
148. Суханин. Из журнала участника войны 1812 года // РС, 1912, т. 149. №3.
149. Труды Московского отдела Императорского Русского Военно-Исторического общества. Т. 2. Материалы по Отечественной войне. Подробный журнал исходящих бумаг Собственной канцелярии Главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году. М., 1912.
150. Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 годе // РА, 1873. Кн. 2, № 10.

151. *Ф.де Сегюр*. Из воспоминаний Ф. де Сегюра. //Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001.
152. *Федоров ВТ*. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб, 1911.
153. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. // Сборник, сост. А.М. Васютинский, А.К. Дживелегов, СП. Мельгунов. М., 1912.4.3.
154. *Харкевич В.И.* 1812 г. Березина. СПб., 1893.
155. *Целорунго Д.Г.* Боевой опыт унтер-офицеров русской армии — участников Бородинского сражения // Материалы XII Всероссийской научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы» (Бородино, 6-8 сентября 2004 г.). М., 2005.
156. *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения. Историко-социологическое исследование. М., 2002.
157. *Чичерин А.В.* Дневник Александра Чичерина. 1812-1813. Москва, 1966.
158. *Энегольм И.* Карманная книга военной гигиены, или Замечания о сохранении здоровья русских солдат. СПб., 1813.